

1986 ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ
СБОРНИК

ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

IV

ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ПЕРЕДНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

Ответственный редактор
И.М.Дьяконов

Четвертый выпуск "Переднеазиатского сборника" посвящен главным образом древнему и отчасти средневековому Ирану, в особенности в его связях с Передней Азией. В статьях сборника затрагиваются также неисследованные проблемы истории и культуры Средней Азии и Индии.

П $\frac{0504000000-215}{013(02)-86}$ 202-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начиная с шестидесятых годов по инициативе Группы древневосточной филологии время от времени выпускались "Переднеазиатские сборники", посвященные отдельным проблемам, актуальным для филологии и истории древнего и отчасти средневекового Ближнего и Среднего Востока. Избираемая тематика была связана каждый раз с проблемами, на более успешно разрабатываемыми нашими ведущими специалистами. Первый сборник был посвящен хеттологии и хурритологии, в тот период — той научной области, в которой нашим специалистам удалось впервые сказать новое слово по ряду центральных для нас вопросов; второй сборник был посвящен дешифровке письменностей древнего Востока и третий — широкому кругу вопросов истории и филологии древнего Востока.

"Переднеазиатские сборники" были тепло встречены специалистами как в нашей стране, так и за рубежом. В настоящее время читателю предлагается четвертый "Переднеазиатский сборник". В основном он содержит работы по древневосточному языкознанию; однако в соответствии с общей линией работ Группы древневосточной филологии, исходящей из неразрывной связанности языкознания с исторической проблематикой, в сборнике представлены и работы историко-культурного содержания. В то же время проблемы исторического языкознания оказывается невозможным формально разделить на относящиеся исключительно к древности и относящиеся специфически к средневековью. Нам казалось, что образцом для такой связи между изучением древних и изучением средневековых языков является долготелая научная деятельность одного из наиболее выдающихся ученых не только Группы древневосточной филологии, но и советской восточной филологии вообще — В.А.Лившица.

"Переднеазиатские сборники" не имеют постоянной редколлегии и выходят поочередно под редакцией различных ученых. Предшествующие сборники редактировались академиком Г.В.Церетели, И.М.Дьяконовым, М.А.Дандамаевым и В.А.Лившицем. Настоящий сборник составлен и редактировался И.М.Дьяконовым.

О ГЕТЕРОГРАФИИ И ЕЕ МЕСТЕ
В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПИСЬМА
(Месопотамия и Иран)

Лингвист, филолог, палеографист, историк, занимающийся памятниками письменности и языками древней и ранне-средневековой Передней Азии, Ирана, Средней Азии и сопредельных регионов, в наше время должен прежде всего прибегать к работам В.А.Лившица¹. Сейчас никто в мире лучше его не понимает ираноязычные гетерографические письменности. Мне, многолетнему его сотруднику и другу,

¹ Отметим лишь важнейшие: *Лившиц В.А., Дьяконов И.М.* Документы из Нисы I в. до н.э. М., 1960; *они же.* Из материалов парфянской канцелярии "Старой Нисы". — Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь И.А.Орбели. М.-Л., 1960; *Лившиц В.А.* Согдийские документы с горы Муг. II. М., 1962; *он же.* Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-калы. — Советская этнография. 1964, 2, с.51—57; *Лившиц В.А., Дьяконов И.М.* Новые находки документов в Старой Нисе. — Переднеазиатский сборник. II. М., 1966, с.133—158; *Лившиц В.А. и Гудкова А.В.* Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема "хорезмийской эры". — Вестник Каракалпакского ФАН УзбССР. Нукус, 1967, 1 (27), с.3—19; *Лившиц В.А.* Suġano-Indica. — Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967, с.161—171; *он же.* К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе. — Буддийская пещера Кара-тепе. М., 1969, с.47—81; *Livshits V.A.* A Sogdian Alphabet from Panjikant. — W.B.Henning Memorial Volume. L., 1970, с.256—263; *он же.* New Parthian Documents from South Turkmenistan. — Acta antiqua Academiae sc. Hungaricae. Budapest, 1977, XXV, 1—4, с.10 и сл.; *Лившиц В.А.* Надписи из Дильберджина. — Древняя Бактрия. М., 1976; *Лившиц В.А., Шифман И.Ш.* К толкованию новых арамейских надписей Ашоки. — ВДИ. 1977, 2, с.7 и сл.; *Лившиц В.А.* Нововавилонское 𐎧𐎠𐎫𐎡𐎴. — ВДИ. 1979, 4, с.95 и сл.; *он же.* Трилингва из Ксанфа и надписи Артаксия. — VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку. Тезисы докладов. М., 1979, с.55 и сл.; *Diakonoff I.M. and Livshits V.A.* Parthian Economic Documents from Nisa. I — L., 1977 — ...

хотелось бы в эту нелегкую область привнести свои соображения, с которыми он либо согласится, либо нет.

Иранистам и семитологам всегда было трудно понять, каким образом могла возникнуть столь замысловатая система письменности как гетерография, то есть такая система, где целые слова, выражения и даже предложения могут писаться на языке А, а произноситься на языке В. Арамейские гетерограммы в иранских письменностях казались загадочными, и всегда представлялось неясным, в какой момент писцы перестали воспринимать свою письменность как арамейскую и начали рассматривать гетерограммы как особые изошренные написания иранских слов, как в английском viz. = namely — "а именно", i.e. = "that is" — "то есть", e.g. = for example "например", etc. = and so on "и так далее"².

Однако арамейско-иранская система письменности не уникальна в истории грамматики, ср. аккадскую письменность с ее шумерограммами, японскую и корейскую письменности с их китайскими логограммами.

Особенно интересен наиболее древний случай гетерографии — аккадская письменность. Для иранистов она имеет значение не только как параллель: еще Э.Эбелинг³ показал, что эта система оказала определенное влияние на арамейско-иранскую гетерографию. Это влияние могло сказаться после парфянского завоевания Вавилонии при Митридатe I в 141 г. до н.э., но не исключено, что оно имело место значительно раньше.

Рисуночное письмо древнейшего Шумера, которое к середине III тысячелетия до н.э. превратилось в общеизвестную и хорошо понятную клинописную систему письменности, по-видимому, было изобретено около начала того же тысячелетия шумерами и для шумерского языка. Мне уже неоднократно приходилось указывать на то обстоятельство, что в первобытности и ранней древности, при недостаточной выработанности средств логического дедуктивного абстрагирования, необходимого для всякого мышления, обобщение достигалось через троп — метонимическую или метафорическую ассоциацию⁴. Давно известно, что таким образом соз-

² Эти написания были созданы, конечно, двуязычными и трехязычными писцами (одинаково легко писавшими и читавшими по-латыни, по-среднеанглийски и по-старофранцузски); как все гетерограммы, они были созданы для облегчения труда писца и представляли собой аббревиатуры стандартных выражений, имевших стандартный устный перевод на английский и французский. Заметим, однако, что гетерограммы, напр., etc. по сию пору внутри читаемого по-английски или по-французски текста сплошь и рядом сохраняют свое чтение на языке А, т.е. etcetera.

³ Ebeling E. Das aramäisch-mittelpersische Glossar Frahang-i-Pahlavik im Lichte der assyriologischen Forschung. — MAOG XIV, 1. Lpz., 1941.

⁴ Дьяконов И.М. Введение. — Мифологии древнего мира. М., 1977, с.8 и сл.; Diakonoff I.M. Some reflections on numerals in Sumerian. — Festschrift S.N.Kramer, JAOS. 103,1, с.83–93.

давался миф, но еще не обращено достаточно внимания на то обстоятельство, что и обобщения, необходимые в практической жизни и деятельности древнего человека, также по необходимости достигались метонимическим путем. Только таким путем могло быть создано и первое письмо как новая знаковая система, имеющая целью передавать информацию не непосредственно, а через время и пространство. Поэтому сначала шумерское письмо складывалось как чисто мнемоническое, где каждый знак-рисунок мог означать слово, денотирующее либо изображенный предмет, либо любое другое слово, выражающее понятие, ассоциативно-метонимически связанное с изображением предмета⁵. Поле ассоциаций данного знака было ограничено только полем ассоциаций какого-либо другого знака⁶. Ассоциации могли возникнуть по смежности, по взаимоотношению "предмет : его действие" и по другим метонимическим связям, в том числе и по звуковой (омофонической) ассоциации. "Фонетический принцип" И.Е.Гельба⁷ следует рассматривать не как особое, самостоятельное изобретение, а как один из видов естественных метонимических ассоциаций. Но именно этот тип ассоциаций позволил употреблять знаки в ребусном значении, что дало возможность ввести в письменную информацию служебные слова и морфемы, иноязычные имена собственные⁸ и прочее. При этом шумерские писцы, пока их язык был живым, не давали большого значения точному воспроизведению потока речи, включая систему фонологии и морфологии: на письме воспроизводилось ровно столько информации, сколько было нужно читателю административно-хозяйственного или даже более сложного текста для того, чтобы быть в состоянии и дальше передать в устной форме содержание (но не саму устную форму) переданной ему информации; недостающие элементы речи он восполнял по смыслу.

По какой причине шумерским письмом начали пользоваться аккадцы? Очевидно, просто потому, что, хотя они и жили вперемешку с шумерами, они, в отличие от последних, собственной письменности не изобрели. Однако идеографи-

⁵ *Diakonoff I.M. Ancient Writing and Ancient Written Language. — Sumerological Studies in Honor of Th.Jacobsen. AS, 20, Chicago, 1975, с.110.*

⁶ Так, знак НОГА не означал слова "нога, ступня", потому что для него имелся другой знак — СТУПНЯ (suhus).

⁷ *Гельб И.Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики). М., 1982.*

⁸ Шумерские имена собственные не вызывали больших затруднений. Во-первых, они представляли собой развернутые шумерские предложения, которые писались по правилам написания любого шумерского текста. Во-вторых, в наиболее архаических хозяйственных текстах получатель или сдатчик продукта, по-видимому, большей частью обозначался не по имени, а по званию или профессии.

ческая⁹ система письма в принципе не передает какого-либо одного определенного языка; она имеет прежде всего мнемонический характер, и ее знаки связаны с понятиями как таковыми, а не с их соответствиями в виде совершенно определенно звучащих отрезков речевого потока. Каков был действительный родной язык писцов, выявляется из реbusных написаний — например, знак НОГА передает последовательность фонем *du* для выражения суффикса *-u* после лубой основы, оканчивающейся на *-d* (явление фонетического комплемента), — по той причине, что среди различных слов для "хождения" данный знак передает и глагольную основу [*du*]. Частично же язык, на котором читается текст, явствует из синтаксиса, хотя ранние писцы мало придавали значения правильной передаче порядка слов в предложении живого языка. В принципе любой текст, написанный шумерскими идеографическими знаками, можно было прочесть и по-аккадски (или по-эблаитски); иногда он так и читался, что выявляется опять-таки из фонетических комплементов, если они встречаются в тексте. Так, знак ЖЕНЩИНА+СКАМЬЯ означал "жена", по-шумерски [*dam*], по-аккадски [*attatum*]. Но одно единственное почвление комбинации ЖЕНЩИНА+СКАМЬЯ-КОЖА вместо ЖЕНЩИНА+СКАМЬЯ-СОСУД (для масла) сразу выдает нам, что текст надо читать по-аккадски: поскольку одно из чтений для КОЖИ — [*su*], а одно из чтений для СОСУДА (ДЛЯ МАСЛА) — [*ni*], постольку первое сочетание надо читать "его жена" [*attat-su*] по-аккадски, а второе — "его жена" [*dam-an*] по-шумерски. Или же староаккадское прочтение текста может потребоваться из-за явно семитского, а не шумерского порядка слов, либо из-за употребления союзов, нормально чуждых шумерскому языку.

Как при шумерских, так и при аккадских царях, вплоть до последней трети XVIII в. до н.э., было более обычным писать по-шумерски. Писать по-аккадски было легче, потому что можно было сплошь писать "силлабическими" (реbusными) знаками, применяя лишь наиболее ходовые логограммы, чтобы экономить место на маленькой и тяжелой глиняной плитке, но престиж требовал писать по-шумерски. Чаще, чем другие тексты, силлабическими знаками в их аккадском употреблении писались письма, но иной раз и письма составлялись по-шумерски, не говоря уже об админист-

⁹ И.Е.Гельб возражает против терминов "идеограмма, идеографическая письменность", считая, что знаки передавали, как-никак, не понятия, а слова. Но дело в том, что знак передавал не обязательно одно какое-то слово, а любое слово из данного круга ассоциаций, хотя в каждом данном контексте имелось в виду, конечно, одно какое-то конкретное слово. Собственно логография (письмо отдельными словами) возникает, по-существу, уже только тогда, когда знак становится гетерограммой в пределах стандартного перевода знаков языка А на язык В; но и здесь в аккадском нередка полисемия некоторых логограмм-гетерограмм.

ративно-хозяйственных, юридических и литературных текстах, которые все, за малыми исключениями, писались шумерски. Это в целом верно даже в отношении последнего "шумерского" царства III династии Ура в конце III тыс. до н.э. (впрочем, из пяти царей этой династии только первые двое носили шумерские имена). К этому времени шумерский, безусловно, стал мертвым языком; многие исследователи считают, что он вымер гораздо раньше.

Благодаря С.Н. Крамеру¹⁰, Бенно Ландсбергеру¹¹ и их ученикам и последователям¹² мы много знаем о шумерской школе (é-d ub-[b]a) старовавилонского периода вплоть до 1732 г. до н.э. Мы знаем состав предметов, которые проходили в школе, и требования, предъявлявшиеся на экзамене. Эти требования были внушительными и включали, в числе прочего, знание устного и письменного шумерского, перевод с шумерского на аккадский и наоборот, и т.п. Лишь математику, по неясной нам причине, преподавали по-аккадски, хотя и она являлась продолжением традиции шумерских умственных достижений¹³. Большинство сколько-нибудь настоятельных вавилонян посылали в школу своих сыновей, а иногда и дочерей. Старший пастух, имевший четыре или пять подпасков, умел отчитываться за порученный ему скот в письменной форме¹⁴; конечно, это не значит, что он мог составить юридический документ или скопировать религиозный текст.

Все преподавание базировалось на выучивании наизусть различных списков типа позднейших иранских "фрахангов": существовали сотни таблиц, перечислявших в шумерском написании всевозможного рода предметы — утварь, орудия, растения, юридические термины, типичные имена собственные и всякую всячину. Учителя следили за тем, чтобы их ученики твердо зазубривали такие списки: так, имя собственное, занесенное в школьные перечни, почти никогда не писалось с орфографическими ошибками, хотя это очень часто случалось с редкими, необычными или иноязычными именами. Нет никакого сомнения в том, что писцы отлично понимали смысл выполняемого ими действия, когда они включали шумерскую гетерограмму в аккадский текст. Окон-

¹⁰ *Kramer S.N. Schooldays. — JAOS. 1949, 69, 4, с.199—215; он же. History Begins at Sumer. N.Y., 1959, с.13—16; Gordon E. A New Look on the Wisdom of Sumer and Akkad. — BiOr. 1960, XVII 3/4, с.112—144; Канева И.Т. Новая табличка с отрывком из шумерской поэмы. — ВДИ. 1966, 2, с.68 и сл.*

¹¹ *Landsberger B. Scribal Concepts of Education. — City Invin-cible. Chicago, 1960, с.94 и сл.*

¹² См., например: *Sjöberg A. Der Examentext A. — ZA NF. 69, 2 (1972), с.10.*

¹³ См. подробно: *Вайман А.А. Шумеро-вавилонская математика. М., 1969.*

¹⁴ См., например: *Ur Excavations Texts V, № 826 и мн. др.*

чивший курс учения получал почетное звание "писца" (*dub-šar, ṭuršarru*), но хороший писец, который знал шумерский активно, то есть мог писать, а может быть, и говорить на нем, назывался "шумерским писцом" или попросту "шумером", в то время как тот, кто не далеко продвинулся за пределы сотен трех силлабических и лишь самых ходовых гетерографических знаков, назывался "хурритским писцом" (т.е. как бы "горцем", "деревенщиной"). Однако же, судя по их именам, с начала II тыс. до н.э. все эти писцы были аккадцами (вавилонянами), с той оговоркой, что некоторые из учеников, вероятно предназначенные родителями для жреческой карьеры, носили шумерские имена, иной раз весьма странные. Во всяком случае, можно считать, что в каждой семье не более чем один-два сына (старшие) носили шумерские имена.

Примерно к 1800 г. до н.э. большинство писцов стало выписывать в документах (нередко с грубыми ошибками) лишь самые распространенные шумерские административные и юридические формулы, и всякий раз, когда они не помнили шумерского эквивалента, они выписывали менее стандартные части документа, а иногда и весь его текст по-аккадски. Все чаще они употребляли фонетические комплексы, например *KI^tim* "земля", что, по идее, означало аккадское *eršetim* "земли" в родительном падеже, но употреблялось просто, чтобы отличить знак *KI* в значении "земля" от других разнообразных чтений этого знака. Вряд ли можно сомневаться в том, что эти "шумерские" писцы читали юридические и хозяйственные тексты (но не чисто шумерские религиозные и литературные памятники) целиком по-аккадски. Однако изредка случалось¹⁵, что писец выписывал чисто шумерскую стандартную писцовую формулу слоговыми знаками, предназначаемыми только для аккадского текста, — вероятно, это происходило в результате диктовки; другими словами, это значит, что такой текст мог диктоваться по-аккадски, но без перевода шумерских стандартных гетерографических формул, и писец записал все подряд, как слышал, аккадскими силлабическими знаками. То есть в своей среде писцы могли произносить текст в виде смешанной шумеро-аккадской тарабарщины!

Озабоченные сложившейся ситуацией, некоторые писцы, представлявшие старые шумерские писцовые традиции, попытались принять меры для исправления положения. Был составлен специальный учебник, называемый "*Ana ittišu*", который содержал наряду с парадигмами правильного шумерского словоизменения и обычными стандартными формулами также и нестандартные обороты и фразы, которые могли бы встретиться в писцовой практике; такие фразы даже соединялись в небольшие занимательные рассказы.

¹⁵

См., например: *Diakonoff I.M. A Cuneiform Charter from Western Iran. — Festschrift Lubor Matouš. Budapest, 1978, c.62.*

Весь учебник написан в два столбца, по-шумерски и с аккадским переводом. Но было уже поздно; этой книгой мало пользовались, и она дошла до нас лишь случайно¹⁶.

Такая светская по своему характеру школа дожила до великого восстания Южной Вавилонии в 1732 г., когда были разрушены ее главнейшие города, а с ними и школы. Отныне будущие писцы изучали клинопись у частных учителей, по-видимому, главным образом у заклинателей, которые не были связаны с каким-либо храмом или с государственной канцелярией; тем более что к этому времени большие царские имения приходят в упадок и доходы начинают поступать государству в основном не из собственных хозяйств, а путем всеобщего сбора налогов.

Нужно, пожалуй, подчеркнуть, что существование системы гетерографической передачи всего или части текста, читаемого на совсем другом языке, поддерживало мнемонический подход к письму, сохраняя его как знаковую систему, хотя в общем и предназначенную для передачи другой знаковой системы — языка, но не стремящейся к передаче знак в знак каждого элемента языковой знаковой системы в элементах письменной знаковой системы.

Мне кажется, во многом сходными с тем, что мы изложили выше, были процессы, происходившие в Иране середины I тысячелетия до н.э., когда ранее не имевшим письменности мидянам и персам понадобилась система государственной администрации с письменной фиксацией отчетности. Ясно, что для этого потребовались прежде всего кадры иноязычных писцов, владевших необходимой письменной административной техникой. Другим выходом, конечно, могло быть изобретение новой письменности для собственного языка, однако как само изобретение, так и подбор и обучение кадров требовали времени, задача же была насущной и требовала срочного решения.

В свое время¹⁷ я составил таблицу всех грамматологических особенностей так называемой "древнеперсидской" клинописи в поисках типологических аналогий в письменностях, существование которых мидянам и персам должно было быть известно и опыт которых мог быть использован при изобретении ими собственного письма. Нашлись аналогии с аккадским (ассиро-вавилонским), с арамейским и — что особенно существенно — важные специфические совпадения с особенностями урартского письма, причем не только в чисто грамматологическом плане, но и в композиционном — а именно в формульном построении царских надписей. Напро-

¹⁶ Дьяконов И.М. Вавилонская филология (III-I тысячелетия до н.э.). — История лингвистических учений. Древний мир. М., 1980, с.17-37.

¹⁷ Diakonoff I.M. The Origin of the "Old Persian" Writing System. — W.B.Henning Memorial Volume, L., /б.г./, с.38 и сл.

тив, никаких аналогий не нашлось со специфическими особенностями эламской письменности.

После разделения Ассирийской державы в 615–605 гг. до н.э. южная граница мидийской зоны влияния прошла к югу от городов коренной Ассирии (Ниневии, Арбелы, Ашшура), к югу от Харрана в Северной Месопотамии и, по-видимому, пересекла Евфрат где-то около Каркемиша. Урарту, где самостоятельная традиция письменности задержалась до начала VI в. до н.э., отошло в мидийскую зону, Ассирия, где к VII в. до н.э. уже активно действовали арамейские канцелярии, отошла также к Мидии. К ней отошла и "Сиро-мидия" — западноиранские районы, заселенные при ассирийской власти арамейскими колонистами¹⁸. Соприкосновение мидян с ассирийской, арамейской и урартской письменными традициями действительно и проявляется в письме, созданном для древнеиранского языка. Напротив, персы никогда не сталкивались с урартской письменностью, и она не могла бы оказать никакого влияния на древнеиранскую письменность, если бы та складывалась в Персиде — государстве, сложившемся на территории древнего эламского Аншана, сохранявшего частично эламское население. Здесь еще в V в. сохранялись эламские культы, почитаемые не ниже собственно иранских, и, конечно, должна была сохраняться сильная эламская писцовая традиция. Заметим, что нет никаких данных о наличии в Эламе или Аншане ранней арамейской канцелярии.

Все это, с моей точки зрения, может означать только одно — что древнеиранская клинопись (которую сами персы называли отнюдь не "персидской", а "арийской", т.е. иранской вообще) могла быть изобретена только в Мидии, притом не позже начала VI в. до н.э.; изобретение этой письменности Дарием I — несомненный миф. Сейчас уже трудно сомневаться в том, что "подмена" Бардии, сына Кира и наследника Камбиза, "магом Гаумагой" — пропагандистская легенда¹⁹; поэтому мы знаем, что Дарий был лжецом, нагло хваставшим своей "правдивостью", и кровожадным убийцей; я думаю при этом не столько об убийстве Бардии, сколько о свирепом истреблении Дариева соратника Виндафарны со всей его семьей. Изобретатель новой письменности должен был бы быть знаком по крайней мере с тремя письменностями — урартской, аккадской и арамейской и иметь незаурядные филологические и вообще научные способности; Дарий же, по собственному утверждению, не умел сам прочесть якобы им самим продиктованной надписи²⁰, и был поэтому вполне неграмотным.

¹⁸ Дьяконов И.М. История Мидии. М.—Л., 1956, с.199, 226, 339.

¹⁹ Dandamaev M.A. Persien unter den ersten Achämeniden. Wiesbaden, 1976, с.108–127; Bückerman E.J. and Tadmor H. Darius I, Pseudo-Smerdis, and the Magi. — *Athaenaeum*. NS XVI, 3/4, 1978, с.239 и сл.

²⁰ См. §70 Висутунской надписи (эламский текст), процитированный ниже.

Мидийский диалект западноиранского был не настолько далек от персидского, чтобы новоизобретенную мидийскую письменность нельзя было применить и для надписей персидских царей; в этих надписях содержатся несомненные мидизмы — я имею при этом в виду не столько фонетику, которая в них, в общем, видимо, персидская, и не отдельные черты морфологии, но прежде всего лексику. Мне уже приходилось указывать на тот факт, что в эламской версии персидских царских надписей для перевода отдельных иранских слов использованы также иранизмы, но не те, которые употреблены в иранской версии, зато в ряде случаев явно имеющие персидскую фонетику²¹. И это понятно: эламиты заимствовали иранские слова из персидского диалекта, иранская же версия надписей продолжала мидийскую языковую традицию. Конечно, нет сомнения, что во всякий текст, пишущийся на определенном, получившем литературное оформление языке, неизбежно в большей или меньшей степени всегда проникают элементы родного диалекта пишущего, в зависимости от места, времени и местных школьных традиций. Так, все ассирийские царские надписи, хотя их составители и пытались придерживаться литературного "младовавилонского" языка, полны ассирийских диалектизмов, а в некоторых (например, в надписях Ашшурнацирапа II, Салманасара III) можно видеть постоянное вытеснение вавилонских форм ассирийскими (особенно во флексии) и даже встретить целые пассажи на довольно чистом ассирийском диалекте.

К сожалению, нынешняя археологическая ситуация в Северо-Восточном Иране не позволяет надеяться на находку подлинных мидийских надписей еще при моей жизни. Крошечный фрагмент камня с клинописным знаком из Тепе Нуш-и Джан доказывает, правда, что мидяне несомненно пользовались для официальных надписей каким-то видом клинописи, но для подтверждения моей теории нужно ждать будущих находок.

Также и появление арамейской канцелярии в Иране нужно отнести к мидийскому времени. Она безусловно существовала в ассирийских городах, отошедших к Мидии; и в ней была несомненная потребность в новой державе. Мидийские цари неизбежно должны были пользоваться услугами арамейских писцов — иранская новая письменность еще не успела внедриться (и так и не внедрилась в последующие столетия). Что касается царей персидских, то для них столь же естественно было пользоваться услугами местных эламских писцов, что и имело место на самом деле.

Древнейшие известные нам памятники арамейской канцелярии на ираноязычной территории — это надписи на культовых ступках из Арахосии V в. до н.э., найденные в Пер-

²¹ Дьяконов И.М. История Мидии, с.368 и сл.

сеполе²², но текст их очень специфичен, и нам приходится базироваться прежде всего на хозяйственных документах I-II вв. до н.э. из Нисы. Если проводить аналогии с древнейшей клинообразной письменностью (с чего и начиналась эта статья), то здесь уместна аналогия уже не с первичными шумеро-аккадскими канцелярскими III тыс. до н.э., а с "э-дубой" XX-XVIII вв. до н.э., где языком преподавания был еще шумерский, но писцы были аккадоязычными, активно шумерского языка, как правило, не знали и писали по-аккадски с гетерографическими вставками. В Нисе, если принять во внимание их имена, все писцы были иранцы и, судя по текстам, активно арамейского языка не знали²³ и пользовались арамейскими канцелярскими формулами гетерографически. Это доказывается: 1) чередующимися написаниями одного и того же слова в гетерографической и в иранской орфографии: РНТ' || hštrp "сатрап"; 2) регулярными фонетическими написаниями для словосложений, в которых порядок составляющих слов по-ирански обратный тому, который требовался бы по-арамейски, поэтому /gaz/ "виноградник" пишется по-арамейски KRM', но /gazkar/ "виноградар" — по-ирански rzkr (единичное написание словосложения "племянник, братний сын" как 'NYBRY по-арамейски вопиющим образом противоречит правилам арамейской грамматики и арамейского словообразования); 3) наличием, правда редких, фонетических комплементов. Однако в школе парфянские будущие писцы учили помимо арамейской азбуки главным образом (если не исключительно) арамейские канцелярские формулы, что явствует из подлинных школьных остраков, найденных в Нисе²⁴.

Когда писец знал официальную традиционную арамейскую формулу, он ее и писал, а это означает, что в повседневной хозяйственной практике он писал по-арамейски едва ли не в 99 случаях из 100; когда писцу не хватало познаний в арамейском языке или он забывал формулу, или документ требовал текста, не предусмотренного в школьной программе, он писал дальше на родном языке теми же арамейскими буквами. Весьма возможно, что при этом писцы продолжали себя считать "арамейскими писцами", как вавилонские писцы XVIII в. до н.э. считали себя "шумерскими писцами", хотя первые сплошь носили парфянские имена, а вторые — аккадские, и большинство текстов, хотя и не все, прочитывались на родном языке писца.

²² Лившиц В.А., Шифман И.Ш. К толкованию новых арамейских надписей Амоки, с.21 и сл., примеч.77; Дандамаев М.А. Новые данные о религии в Персии. — ВДИ. 1974, 2, с.23; Bowman R.A. Aramaic Ritual Texts from Persepolis. Chicago, 1970.

²³ Так, они не различали арамейскую фонему /t/ от /tt/.

²⁴ Пока опубликован только один: Лившиц В.А., Дьяконов И.М. Документы из Нисы I в. до н.э., с.93, № 902.

Практика арамейских канцелярий, где стандартные тексты писались по-арамейски, а прочитывались для вышестоящих чиновников на их родном языке, была принята из Мидии (и, вероятно, Вавилонии) Киром II и Дарием I и, хотя не сразу, была распространена на всю империю, причем молодые иранцы обучались арамейскому языку и письму (а после IV в. в Иране не так-то легко было найти грамотных прирожденных арамеев). Собственно иранская клинопись ни при мидянах, ни при Ахеменидах не имела большого практического значения, так как высшие чиновники не утруждали себя изучением грамоты, а писцы-арамеи и так умели пересказать любой документ по-ирански. Уже в V в. (в письмах сатрапа Аршама) наблюдаются случаи, когда писцу не хватало арамейских слов и он вписывал отдельные слова и даже обороты по-ирански в арамейский текст²⁵. В какой момент арамейский текст с иранскими вставками превратился в иранский текст с арамейскими гетерограммами — вопрос, на который, вероятно, и сами иранские писцы вряд ли сумели бы ответить.

Следует, однако, подчеркнуть, что всякий, кто умеет читать клинопись, знает, что гетерограммы часто облегчают, а не затрудняют чтение малознакомого текста.

Однако прежде чем арамейская канцелярия распространилась на всю Ахеменидскую державу, в самой Персиде сложилась особая ситуация. Здесь задолго до Кира II существовала эламская канцелярия²⁶ и, надо полагать, тоже выработалась система излагать содержание документов для высших чиновников по-ирански, и тоже с привлечением в число писцов не только эламитов, но и прирожденных персов. Мне кажется, тем не менее, что положение здесь было несколько иным, чем в случае арамейских канцелярий Ирана. Конечно, весьма вероятно, что эламские административно-хозяйственные тексты читались или излагались высшим чиновникам по-ирански. Но шумеры и аккадцы, с одной стороны, и арамеи и иранцы — с другой, пользовались общей письменностью — клинописью в первом случае и арамейским письмом во втором, и в тех случаях, когда не надо было излагать содержание текста для потребителя, оно без изменений применялось для текстов на первоначальном языке, не предназначенном для перевода. Иранское же письмо ахеменидского времени коренным образом отличалось от эламской клинописи, и писцы не могли с легкостью переходить с одного языка на другой в пределах одной и той же письменности. Поэтому не могло сложиться того неопределенно-

²⁵ Driver G.R. *Aramaic Documents of the Vith Century B.C.* Oxf., 1954; 2-nd ed. Oxf., 1957, № X: ... zy 'd mmdt bgy' zy Wrwhy 'sprn whd 'bgw yhpq wyhyth, и т.п.

²⁶ См., например: Carter E., Stolper M. *Middle Elamite Malyan.* — Expedition. 18, 2 (1976), с.33 и сл.

го положения, когда писец мог рассматривать написанное им как предназначенное для изложения на любом из двух языков; тем самым не было необходимого посредствующего звена к письменности, использующей гетерограммы.

Конечно, эламские писцы могли тоже на самом деле быть ираноязычными — вероятно, и были; несомненно, что при написании эламского текста они широко пользовались кальками с иранского, и возможно, что они могли преднамеренно создавать определенные формулы-эквиваленты для недвусмысленной передачи стандартного административного эламского текста на родной иранский язык вышестоящего чиновника. Но мне не кажется, что в этих условиях они могли прийти до мысли, что они пишут вообще не по-эламски, а некоей иранской тайнописью, т.е. на иранском языке, лишь "аллоплеттографически" замаскированном под эламский. Синтаксис ахеменидских эламских текстов все же в основном эламский, а гетерографичность текста выдает прежде всего синтаксис.

Заметим, что Г.Г.Шедер²⁷ впервые выдвинул свою теорию о происхождении арамейской гетерографии (теорию, впоследствии принятую всеми) на основании текста Эзра 4:18, где сказано: "письмо... было истолковано нам (mrgš)".

Глагол mrgš означает "толковать" в смысле "объяснять, излагать, перелагать", а не "переводить" ("переведен" было бы *mtrgm). Действительно, в развитии иранской гетерографической письменности были вполне определенные последовательные стадии: 1) текст писался двуязычным писцом (либо арамеем, либо иранцем) по-арамейски и излагался (истолковывался) для высших чиновников по-ирански; 2) для известных стандартных, стабильно повторяющихся арамейских формул были выработаны столь же стандартные устные эквиваленты для изложения по-ирански; 3) когда писцы (к этому времени в основном ираноязычные) привыкли перелагать всё выраженное в стандартных формулах арамейского текста (т.е. 90% всех административных текстов) через заранее известные стандартные устные иранские переводные формулы, была достигнута стадия, когда любой подобный (т.е. именно стандартный) текст можно было прочесть либо по-арамейски, либо по-ирански. Речь при этом шла не о буквальном подстрочнике, а об эквивалентности формул в целом. На этой стадии, естественно, стало возможно всюду, где писец не знал арамейской формулы или нужное выражение так или иначе выходило за пределы его арамейских познаний, вставлять отдельные слова и целые выражения, написанные прямо по-ирански тем же самым арамейским письмом, как и весь основной текст; и последней стадией

²⁷ *Schaeder H.H. Iranische Beiträge. I. — Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft. Geisteswiss. Klasse. 6. Jahrg., N. 5, 1930, с.293 и сл.*

явилось 4) собственно иранское гетерографическое письмо, предполагавшее первоначально только чтение и всего текста (арамейского с иранскими включениями) по-ирански, а в конце концов — и написание всего текста по-ирански, причем иранские написания перемежались с арамейскими обозначениями наиболее ходовых слов и выражений. Сетка легко узнаваемых арамейских логограмм давала с ходу представление об общем содержании текста и облегчала правильное чтение негетерографических частей неогласованного текста, которые, как правило, читать труднее.

Эламские писцы (даже ираноязычные в быту) не могли в этом процессе зайти дальше стадии (2), потому что они не имели возможности вставлять чисто иранские пассажи в эламский письменный текст, поскольку для этого эламское письмо, совершенно отличное от применявшегося для иранского, не было приспособлено. Как известно, эламские транскрипции иранизмов (которых так много в позднеэламских текстах) предполагают очень сложную систему графических соответствий, настолько неоднозначную, что и сейчас высококвалифицированные иранисты очень часто дают совершенно несходное прочтение эламских написаний, примененных к иранским словам и именам собственным. Поэтому, если арамейская писцовая традиция могла после ряда почти незаметных переходов быть продолжена иранской гетерографической писцовой традицией, даже когда писцы уже совсем не знали арамейского языка как такового, то эламская канцелярия, работавшая на иранских ахеменидских чиновников, могла существовать, только пока сменяли писцы, способные составить любой текст по-эламски, — допустим, на ломаном эламском; на эламском, ирански окрашенном (из-за двуязычия писцов); но все-таки именно по-эламски. Я не думаю, чтобы эламские писцы могли когда-либо справиться с составлением большого нестандартного текста, "собирая" его (как из деталей "конструктора") исключительно из калек с иранского. Это показывает, например, параграф 70 Бисутунской надписи, текст которого в эламской и иранской версиях довольно существенно отличается. По мнению И. Гершевича, это объясняется тем, что Дарий — лично — диктовал Бисутунский текст дважды, — по той причине, что в одном случае надо было сообщить, что текст был переведен также на иранский язык, а в другом только констатировать, что этот текст написан именно по-ирански²⁸. Такое объяснение не кажется мне вероятным. Во-первых, Дарий и так не мог держать в голове весь огромный Бисутунский текст; диктуя его, он бы неизбежно сбивался, получались бы повторения и несогласова-

²⁸ *Gershevich I. Diakonoff on Writing, with an Appendix by Darius. — Societies and Languages of the Ancient Near East. Warminster, 1982, с. 108, n. 16.*

ния в тексте. Несомненно, что текст был первоначально подготовлен в письменном виде и прочтен Дарию, и он его лишь утверждал и в лучшем случае вносил в него уточнения; если кто его и диктовал, то, конечно, не сам Дарий, а какие-либо его "референты". Во-вторых, не было смысла дважды диктовать почти одинаковый текст; достаточно было сказать, что в такой-то версии такой-то момент надо сформулировать несколько иначе, а именно так-то.

Что же, собственно, сказано в §70 Бисутунской надписи? Я уже один раз предлагал свой перевод эламской (единственно полностью сохранившейся) версии²⁹. Теперь, учтя появившиеся новые переводы В.Хинца и И.Гершевича, я сформулировал бы свой перевод так:

"С помощью Оромазда я приказал сделать (букв. сделал) текст (этот) по-другому (ta'e ikkə) — (еще и) по-арийски. Такого (текста!) ранее не бывало; я велел его сделать и на (глиняных) плитках и на коже, и строчками и ерри (цельми предложениями?). И он был написан и предо мною был прочтен. Затем этот самый текст я послал во все области, люди учили (переписывали?) его".

Мне кажется, что послелог *ikkə* не может относиться к глаголу *hutta*, — бесспорные примеры таких насилий над эламской грамматикой в Бисутунской надписи найти все же трудно. На плитках и на коже, несомненно, писался не один какой-то текст, а вообще его версии на различных языках, на которые он был переведен (одни на плитках, другие на коже). При этом я думаю, что Дарий подчеркивает не столько то, что текст был написан и по-ирански, сколько то, что "такого ранее не бывало", имея в виду его действительно уникальные объем и композицию. Не было бы особого смысла посылать по областям либо именно эламский, либо иранский текст; иранский текст, допустим, могли еще понять в Восточном Иране (если там знали "мидийскую" письменность), но по-эламски не умели читать нигде, кроме Элама и Персиды. Арамейские же писцы были к этому времени уже и на востоке Ирана, ср. тексты на ступках из Арахосии, изданные Боуманом.

Вслед за Трюмпельманном, Лушеем и В.Хинцем Р.Боргер³⁰ ясно доказал, что "арийская" (т.е., как мы думаем, ми-

²⁹ *Diakonoff I.M.* On the Interpretation of §70 of the Bisutun Inscription (Elamite Version). — *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. XVII, 1-2, с.105 и сл.

³⁰ См.: *Hinz W.* Die Behistan-Inschrift des Darius in ihrer ursprünglicher Fassung. — AMI NF 7, 1974, с.121 и сл. Работу М.Майрхофера (*Mayrhofer M.* Überlegungen zur Entstehung der altpersischen Keilschrift. — BSOAS XLII, 2 (1979), с.290 и сл.) я не могу принять, так как она базируется на устарелой грамматологической методологии, исходящей только из внешних форм письма, игнорируя его внутреннюю форму. Ср.: *Гельб И.Е.* Опыт изучения письма (Основы грамматики).

дийская) версия Бисутунской надписи была сделана позже первоначальной — чисто эламской, как бы *as an afterthought*, употребляя английское выражение. На это и указано в эламском тексте позднейшего §70. Но, с моей точки зрения, это означает не то, что "арийское" письмо было изобретено Дарием I или хотя бы его писцами, а лишь то, что он не сразу решил включить в свой памятник версию, написанную письмом мидян (которые, правда, были основателями империи, но в данный момент все-таки были главными мятежниками)³¹.

Я думаю, что именно ограниченные возможности эламской канцелярии по сравнению с арамейской с точки зрения обслуживания нужд иранского государства и привели к ее закрытию в V в. до н.э.

³¹ Конечно, и Элам (Nūja) восставал против Дария I, но дело в том, что эламская письменность воспринималась как официальная письменность Персиды. Что касается вавилонской версии Бисутунской надписи, то это тоже был *afterthought*.

ЗАМЕТКИ ПО ШУМЕРСКОЙ ГРАММАТИКЕ. II

Шумерские *ní* "тело", *zi* "душа", *ní-te* "страх", наряду с употреблением в качестве предметных существительных, в сочетании с суффиксальными притяжательными местоимениями могли выступать и как прономинализованные (местоименные) слова. В двуязычных шумеро-аккадских текстах этим существительным в подобной функции соответствует аккадское *raṁānu* (первоначально также несомненно предметное существительное, значение которого неизвестно) с местоименной посессивной энклитикой, например, шумерскому *[šul-z]id? ní-te-a-né* (*ní-te* + суффиксальное местоимение *-ani* + показатель локативно-терминативного падежа *-a*) *ní-zid iri-in-ga-àm-me* соответствует аккадское *[eṭ-1]u₄ ithma raṁānu kiniš ukanna* "благородный герой дружески говорит (сам) себе", SBH 19, Rs 9-11; шум. *girin ní-ba* (*ní* + суффиксальное местоимение *bi* + показатель локативного падежа *-a*) *mu-un-dim-ma*, акк. *enbu ša ina raṁānišu ibbanū* "плод, который вырос сам по себе", MNS 167, 11; шум. *šag₄-ní-te-na-ka* (*ní-te* + суффиксальное местоимение *-ani* + показатель родительного падежа *-ak* + + показатель локативного падежа *-a*) *inim àm-mi-ib-sè-ge*, акк. *ina lib-bi ra-ma-ni-šu a-mat x []* "он дает себе (мудрый) совет", букв. "он дает слово в свое сердце", Lb 7.

В грамматической литературе по шумерскому языку анализ синтаксических функций и значений, выражаемых существительными *ní*, *zi*, *ní-te* при употреблении в качестве местоименных слов, до сих пор не предпринимался. Отмечалось лишь самым общим образом, что такие слова могут выражать рефлексивные отношения.

Следует прежде всего отметить, что прономинализация шумерских *ní* "тело", "сила", *zi* "душа" находит аналогию в других языках (см.: *Майтинская Н.Е.* Местоимения в языках разных систем. М., 1969, §26). Труднее объяснить семантические преобразования, которые должны были, очевидно, сопровождать вовлечение в круг местоименных слов шумерского *ní-te* "страх". Возможно, что это существительное

имело и иные значения ("сила", "телесная сила"?), однако в известных нам шумерских памятниках *ní-te* засвидетельствовано лишь в значении "страх".

В сочетании с посессивными местоименными суффиксами существительные *ní* и *ní-te*, оформленные эргативным показателем (при выражении переходного действия, предполагающего наличие объекта), выступали в качестве приложения к субъекту. При этом местоименный суффикс согласовывался в лице с субъектом. В случае, если субъект был местоименный, не обозначенный, как это было обычно в шумерском, в предложении самостоятельным местоимением, существительные *ní* и *ní-te* помещались в начале предложения. Показатель эргативного падежа (-e) поглощался предшествующим гласным суффиксального местоимения: *u + e > u*; *i + e > e*. Существительные *ní* и *ní-te* в функции рефлексивов подчеркивали, что действие совершает сам субъект, соответствуя по значению возвратно-определятельному местоимению "сам", например: *An-ra a-i-bí-ma me-e hé-im-na(!)-na-dé^d mu-ul-líl-ra ní-mu šag₄-ne-ša₄ hé-im-ma-ag* "я воистину пролила мои слезы перед Аном, воистину я сама (букв. "моя сила, моя сущность") произнесла жалобу Энлилу", 1 Urklage, 145-146; *á-ba giš bí-gar ní-te-né mu-zu* "он приложил линейку к его (= храма) стороне, он сам (все) определил", Gyl A XVII 27; *ní-t/e/!¹-a-ne!¹-ne a-ra-zu!¹ ša-< mu > -na-ab-bé-ne* "они сами говорят ему молитву", FA 214; *giš⁵tir-ra giš-an ní-bi ma-ra-an-zi/[g_x-zig_x]* "высокое дерево само в лесу для меня поднялось", Dd 30, 50; *gig ní-bi mú-a gú ní-bi an-ga-mú-a* "пшеница, выросшая сама, горох, выросший также сам", ELA, 550.

Проминализованные *zi*, *ní* и *ní-te* могли также выступать в роли прямого объекта. Здесь были возможны две конструкции:

1) Суффиксальное местоимение согласуется с субъектом. В этом случае *ní*, *ní-te* и *zi* выступали в функции местоимения, выражая субъект и одновременно прямой объект ("себя"): *ní-bi-ta am-e kur-úr-šè ní-bi im-sar-re dàra-e kur-bi-šè zi-bi im-sar-re* "от страха перед ними бык мчится ("мчит свое тело") к подножию гор, горный козел мчит (букв. "мчит свою душу") к своим горам", Lb 48-49; *im-min-a-an-na-ka gù ba-an-dé dungu-dirig-ga-gim bí-in-šs an-úr-šè zi-bi [i/]-im-sar-re* "он (Энки) призвал два дождя, сделал их в виде плывущих туч, они мчатся ("мчат свои души") до середины небес", EWO 307-309; *hur-sag-urudu-ke₄ ki-maš-ta ní-bi mu-na-ab-pàd* "медная гора из Кимаша назвалась ему" (букв. "назвала свое тело"), Gyl A XVI 15-16; *dirig-šè ní-zu na-ab-gur₄-re-en* "пусть ты не гордишься чрезмерно", букв. "пусть ты не делаешь чрезмерным твое тело", Dialogue 2:34.

В текстах можно обнаружить случаи, когда существительное в функции рефлексива не сопровождается суффиксальным притяжательным местоимением: *mušen-e á-ud-zal-*

le-da-ka nī un-gīd "когда птица в час рассвета ворочалась", букв. "вытягивала тело", Lb 44; kar-kid ká-éš-dam-ma-na-ka nī ha-ba-ni-ib-lal-e "пусть проститутка повесится на воротах своего притона", FA 243; en-te-en á-dirig nī na-an-ab-gur₄-re-en "зима, пусть ты не гордишься (букв. "не делаешь чрезмерным тело") могучей силой!", Winter and Summer Contest 265.

2) Суффиксальное местоимение согласуется не с субъектом, а с прямым объектом (местоименный прямой объект, как и местоименный субъект, мог не получать самостоятельного лексического выражения в предложении), например: nīg nam-mu-z/uh-zuh/ nī-zu nam-mu-úš-e "ничего не воруй, тебя самого не убьют!", IS 32.

Прономинализованные существительные могли также выступать в роли косвенных объектов, оформляясь соответствующими падежными показателями (в текстах до сих пор удалось обнаружить nī и nī-te с показателями локативно-терминативного, локативного и орудийно-отложительного падежей). Для имен в локативно-терминативном падеже, учитывая их позицию в предложении (непосредственно после субъекта) и материальное тождество (по крайней мере омографичность) показателей локативно-терминативного и эргативного падежей, можно было бы предположить, что они выступают в роли приложения к субъекту ("сам"). Однако наличие показателя эргативного падежа при субъекте должно свидетельствовать о том, что субъект и следующее за ним прономинализованное имя не образуют аппозитивного (субъект + приложение) сочетания, так как в шумерском при таких конструкциях падежные показатели, как правило, присоединяются лишь ко второму члену — приложению. Поэтому формант -e скорее следует считать показателем локативно-терминативного падежа (выражение направления действия к лицу или предмету), а значение, передаваемое nī и nī-te, рассматривать как соответствующее дательному падежу возвратного местоимения "себе" (суффиксальные местоимения согласуются с субъектом): mušen-e nī-bé silim-e-šè iri-in-ga-àm-me Anzud^{mušen-dè} nī-bé silim-e-šè iri-in-ga-àm-me "птица говорит себе за здравие", Lb 97-98; ud-bi-a nin-e nī-te-a-nī mī-zid i-ri-ga-àm-me-en "тогда госпожа говорит дружески себе", UMBS I² 104, 9, -en написан ошибочно; /šul-zi/d nī-te-a-né mī-zid iri-in-ga-àm-me /x/x^d Nin-urta nī-te-a-né mī-zid iri-in-ga-àm-me "благочестивый герой дружески говорит себе, Нинурта говорит дружески себе", SBH 19, Rs 9-11; ur-sag-GA nī-te-a-né silim-me-eš eren-ga¹-me^d Iškur ni-te-a-né silim-me-eš erén-ga¹-me¹ "Герой говорит себе за здравие, Ишкур говорит себе за здравие", CT XLII 10 Rs 7-8; nun-gal nī-te-né zag-mī mī-ni-in-dug₄-ga-ta "после того как великий владыка произнес себе хвалу", EWO 81; [nī-te]-né šir-ra silim-šè mu-un-e "(Шульги) говорит себе за здравие в песне", Šulgi B 9 (STVC 52 I 5).

Прономинализованные имена в локативном и орудийно-отложительном падежах, сочетающиеся с местоименными суффиксами, которые соответствуют лицу субъекта, могли выступать в адвербиальной функции ("сам собой", "сам по себе"): *má-gur₈-kug-an-na še-er-ma-al ní-te-na* "священная небесная лодка "магур", внушающая почтене сама по себе", MNS 44, 1; *dingir-gir en-zid ní-te-na* "могучий бог, благочестивый сам по себе", HM с. 143, 34; *šag₄-kúš-ù ad-gi₄-gi₄ en ní-te-na-me-en* "ты есть сам по себе успокаивающий сердце, дающий совет, владыка", SGL I 18, 133; *á-kal-la-mu ní-ba til-l/a/* "моя мощь, кончившаяся сама по себе", DU 167; *hur-sag-gal-gal ní-ba lu-a* "большие горы, многочисленные сами по себе" ELA 111; *dingir-ki ní-ba mu-un-na-gam-e-eš* "боги земли склонились сами по себе перед ним" SGL I 11,7; *aba_x(=AB)-e DUB-dugud ní-bi-a* (вариант - *ba*)*nu-mu-ù-tu* "море не рождало само по себе..." SGL I 17, 116; *dungu-dirig-ga-gim ní-bi-a mu-un-DU* "он (бог) идет сам по себе как плывущее облако", SGL I 16, 98; *mu ní-za nu-e-da-sar-re* "ты не (умеешь) написать строчку сам по себе", D. 3. 64; *nam-lu-ulù...* *Aratta^{ki}-aš ní-ba mu-un-su₈-bé-eš* "люди отправились сами по себе в Аратту", ELA 335-336; *tu^{mušen}-gim ab-lál-ba ní-bi-a ad-e-eš ba-ni-ib-gi₄* "он точно голубь в своем гнезде ворковал сам по себе", IB 147; *sig-ta giš⁸na-lu-úb...* *ma-ra-ta-ed_x-dè igi-nim-ta giš⁸eren giš⁸su-úr-me giš⁸za-balum ní-bi-a ma-ra-an-tùtm* "снизу тебе доставят деревья "халуб"... сверху кедр, деревья "шурме", "забалум" доставятся к тебе сами по себе", G Gyl A XII 3-5; *tukum-bi mi-ik-tum ní-te-a-ni-ta lú-u un-ši-gin* "если "миктум" сам по себе пришел к человеку", CL XIV 9-11.

Сравни также пример, где суффиксальное притяжательное местоимение не получило графического выражения: *igi ka-lam-šè ù-ši-bar-ra-zu ní-a hé-gál-la-ám* "когда ты посмотришь на страну, изобилие есть само по себе", G Gyl A III 4.

Прономинализованные *ní* и *ní-te* с суффиксальным местоимением засвидетельствованы также в роли постпозитивного атрибутивного определения (атрибутивные отношения передаются посредством генитива, показатель -*ak*).

При употреблении *ní* и *ní-te* в роли атрибута показатель генитива не всегда получает графическое выражение, сравни показатель -*ak* выписан: *šag₄-ní-te-na-ka inim ám-mi-ib-sè-ge* "он дает себе (мудрый) совет", букв. "он дает слово в свое его сердце", Lb 7; *šag₄-ní-te-na-ka <*šag₄-ní-te-ani-ak* (показатель генитива), -*a* (показатель локатива); *lugal-bé é(-gal)-ní-te-na-ka zi-gig mu-un-ra-an-ra-an* "их царь стонал в своем дворце", букв. "в своем его дворце", 2 Urklage 391; *é-gal-ní-te-na-ka <*é-gal-ní-te-ani-ak* (показатель генитива), -*a* (показатель локатива). Показатель -*ak* не выписан: *nam-lú-ulù é-ní-te-bi-a zi-gig mu-un-ra-an-ra-an* "люди стонали в своих домах",

2 Urklage 69; ^dA-nun-na-ke₄-ne dingir-mah-bi nam nⁱ-te-a-ni ši-im-mi-in-tar-re "великий бог Ануннаков решает свою судьбу", SGL I 16, 100-101; kur-kur-re é-nⁱ-ta-bi-a-šu-sūh-a ba-ab-dug₄ "чужеземные страны устроили переполох в своих домах", 2. Urklage 67.

В шумерском языке атрибутивные отношения могли передаваться с помощью синтаксической конструкции, построенной по схеме: определение (имя в генитиве) — определяемое (имя в абсолютном падеже) — суффиксальное притяжательное местоимение, указывающее на лицо, число и класс имени, выступающего в функции определения. Прономинализованные существительные могут выступать в атрибутивной конструкции в качестве определения: ^dEn-ki-ke₄ mud-me-dim nⁱ-te-a-na šag₄-bé geš^{tú}-ni ù-mi-e-ni-ri-ge "после того как Энки, создатель, прислушался к своему сердцу", Enki und Ninmah, 30.

Таким образом, существительные nⁱ и nⁱ-te в сочетании с местоименными суффиксами, выступая в качестве местоименных слов, могли употребляться в функциях приложения, прямого и косвенного объектов, определения. Существительное zi засвидетельствовано в доступных нам текстах только в функции прямого объекта. Суффиксальные притяжательные местоимения, присоединяемые к перечисленным именам, в исследуемых нами текстах согласуются с субъектом и прямым объектом. При согласовании суффиксального местоимения с субъектом в зависимости от синтаксической функции, выполняемой в предложении именами nⁱ и nⁱ-te, они могли соответствовать: а) определительному местоимению "сам" (в функции приложения к субъекту); б) возвратному местоимению "себя", "себе" (в функции прямого и косвенного объектов); в) возвратно-притяжательному местоимению "свой" (в функции определения); г) обстоятельному местоимению "сам по себе" (разновидность косвенного объекта, по форме — локативный и орудийно-отложительный падежи). При согласовании суффиксального местоимения с прямым объектом прономинализованные имена соответствовали определительному местоимению "сам".

ЗАМЕТКИ О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ В ЛАРСЕ
СТАРОВАВИЛОНСКОГО ПЕРИОДА

Документы, освещающие судебный процесс, принадлежат к числу сравнительно редких среди клинописных юридических текстов. Этому факту может быть дано несколько объяснений¹. Но главное объяснение следует, видимо, вывести из самого характера судебного процесса в древнем обществе. Отличительными чертами этого процесса являются его состязательность и устность. Равноправные стороны выступают перед судьями, которые выслушивают их устные заявления и показания, а также показания свидетелей, знакомятся с документами, прибегают в случае надобности к "божьему суду" и т.п. и, наконец, объявляют свое решение. При этом ход судебного процесса не протоколируется, а решение или приговор тоже объявляется устно. Законы Хаммурапи (§5) позволяют, однако, заключить, что судебный процесс завершался выдачей "документа с печатью". Разрешить это противоречие можно двумя способами: а) §5 ЗХ в этой своей части был, возможно, нововведением, которое не привилось (при установлении крупного централизованного государства естественно тенденция к бюрократизации, но эта тенденция не всегда получает дальнейшее развитие); б) документов, содержащих судебные решения, быть может, на самом деле больше, чем нам кажется. По форме такие документы могут ничем не отличаться от обычных долговых расписок или купчих. Ведь основание сделки, как правило, в документах не указывается, а им может быть не только соглашение сторон, но и судебное решение: суд постановляет, что А должен В такую-то сумму или что С купил у D такое-то имущество, сполна расплатившись.

Судебные решения выносились устно и в эпохи, предшествующие Старовавилонской. Так называемые di-til-la

¹ О старовавилонском судебном процессе см.: *Walther A. Das altbabylonische Gerichtswesen. Lpz., 1947; HG V. Предисловие.*

эпохи III династии Ура² представляют собой реестры рассмотренных судом дел (с кратким изложением сути дела и решения), составлявшиеся для сведения верховных властей, а может быть, и в качестве собрания прецедентов для обучения и для использования в судебной практике. Их не следует рассматривать как "эксцерпты" из судебных протоколов — этих последних, как уже сказано, не существовало.

(Из сказанного выше следует, между прочим, что нет оснований надеяться на обнаружение протоколов судебных процессов, скажем, над Сократом или над Иисусом.)

Сказанное не отменяет отмеченной выше особенности судебного процесса в древнем обществе — его состязательности и устности. Переход к письменному инквизиционному процессу есть, в некотором смысле, пограничный рубеж между древностью и средневековьем³.

Не отменяет нашего тезиса и подробное рассмотрение тех полутора десятков несомненных процессуальных документов, которые дошли до нас из Ларсы.

Часть этих документов относится к так называемым *ṭur-pi bīrti*⁴, т.е. документам, фиксирующим показания против кого-либо, данные под клятвой (в "уголовном" деле). Другие документы содержат данные под присягой показания сторон и свидетелей в "гражданском" процессе, а также фиксируют установленные таким путем факты. Установленной единообразной формы (в отличие от документов, фиксирующих сделки) такие документы не имеют. Кроме того, они всегда написаны только по-аккадски и, следовательно, не имеют шумерских предшественников и образцов. Таким образом, перед нами — новый тип юридического документа с еще не установившейся формой, хотя фразеология разных документов этого типа обнаруживает нередко значительное сходство. Можно обнаружить там и сходство с обычными сделками (о значении этого факта см. выше).

² См.: *Falkenstein A. Die Neusumerischen Gerichtsurkunden. Bd. 1-2. München, 1956.*

³ Этот вопрос более подробно рассматривается в другой нашей работе. См. вступительное сообщение к дискуссии по проблемам истории государства и права Востока (*Якобсон В.А. Некоторые проблемы исследования государства и права древнего Востока. — НАА. 1984, № 2, с.89—96*) и заключительное выступление (НАА. 1984, № 3, с.80—87). В этих же номерах НАА см. выступления других участников дискуссии по этому вопросу.

⁴ См. об этом СВД, с.94, там же подробная библиография. Само это название встречается в текстах весьма редко, а в Ларсе не встречается вовсе. Примеры см. АНw, s.v. *bīrtu*.

1. "ГРАЖДАНСКИЙ" ПРОЦЕСС

Пожалуй, наилучшей иллюстрацией приведенных выше соображений может послужить текст TCL X, 34⁵.

(1)Идин-Нанайа, сын Син-шеми, (2) долю Или-турама, своего брата, (3) (у) Идин-Амурру, сына Иштар-или, (4) оспаривал, и (5) царь в храм Шамаша (6) их отправил, и (7) в храме Шамаша карум (8) назначил им судебное дело, и (9) Идин-Амурру, сына Иштар-или, (10) привели к присяге во имя Шамаша. (11) Топор Шамаша, гирия Шамаша, (12) сеть Шамаша (13) были возложены, и (вот) (14) — ничего, причитающегося Идин-Нанайе, (15) нет. (16) Цена доли этой, (17)которую клятвой Шамашу (18) он подтвердил, — (19) $\frac{1}{3}$ мины серебра — (20) (находится) у Идин-Нанайи, сына Син-шеми.. (21) В будущем, когда бы то ни было, (22) Идин-Нанайа, сын Син-шеми, (23) на поле (?), сад, рабыню, раба, (24) дом его, все его имущество (25) и долю Или-турама, (26) каковые Идин-Амурру, сын Иштар-или, (27) имеет или приобретет, (28)Идин-Нанайа, сын Син-шеми, (29) претендовать не будет. (30) Во имя Сина, Шамаша и Рим-Сина, царя (31) он поклялся.

Текст, как мы видим, начинается с краткого изложения обстоятельств дела. Истец Идин-Нанайа предъявил иск к Идин-Амурру на "долю" своего брата Или-турама, которую ответчик, видимо, в свое время купил. Из строки 5 мы узнаем, что первоначально жалоба поступила к царю — перед нами один из редких случаев упоминания царя в качестве действующего лица в судебном документе⁶. Упоминание "доли" (т.е. наследственного имущества) и царя позволяет заключить, что основанием для спора явился *šimdat šar-gim*. Можно также реконструировать и предысторию этого дела: брат истца (покойный) в свое время продал ответчику свою наследственную "долю" (некую недвижимость). Теперь, на основании *šimdat šar-gim* истец потребовал возвращения родового имущества в семью или компенсации. Рассмотрение жалобы царем (т.е., скорее всего, его чиновником) оказалось невозможным из-за отсутствия необходимых документов или свидетелей, потребовался "суд божий". Ответчик был приведен к клятве перед символами Шамаша⁷. Этим способом карум, выступающий здесь в качест-

⁵ К переводу см.: *Jean Ch.F. Contracts de Larsa. P., 1926.* Различия в нашем переводе основаны на иных чтениях, что оговорено в транслитерации текста.

⁶ В тексте TCL X, 119, дело первоначально рассматривает "дворец" (строки 8-9, текст сильно разрушен).

⁷ Возможно, что эти предметы являются символами правосудия. Сеть Шамаша упоминается в гимнах именно как орудие божественной кары, постигающей преступников.

ве суда, установил, что ответчик ничего не должен истцу, так как плата за "дсю" его брата находится у истца (по наследству?). Заключительная часть документа (строки 21 и сл.) очень похожа на соответствующую часть купчей, с одним, однако, отличием: истец, проигравший дело, обязуется впредь не предъявлять претензий не только на спорное имущество, но и вообще на какое-либо имущество ответчика, т.е. на какую-либо компенсацию⁸. (то обстоятельство, что истец и ответчик являются, видимо, двоюродными братьями, не меняет дела, ибо мы не знаем точно, какое имущество подпадало под *šimdat šarrim*).

Характерно, что как только появляется возможность прибегнуть к стандартным формулировкам, писец переходит на шумерские гетерограммы (строки 16, 21, 29-31), обычные в деловых документах.

Итак, хотя из данного текста ясно, что истец проиграл дело, перед нами, в сущности, протокол "божьего суда". Интересно, что к клятве "во имя бога" всегда приводится только одна из сторон, а именно ответчик. Это не означает, что предложение принести такую клятву не делалось обеим сторонам. Но, видимо, к "божьему суду" относились весьма серьезно, и принести клятву решалась лишь сторона, уверенная в своей правоте. Принесение клятвы считалось достаточным доказательством и означало выигрыш процесса. Вот почему все имеющиеся судебные документы "гражданского" права составлены как бы с точки зрения выигравшей стороны.

YOS VIII, 150

(1) По поводу дома, который Шеп-Син (2) у Син-эриша и (?) отца его купил, (3) купил (*диптографический повтор*), (4) Син-эриш (5) с ним поспорил. (6) Вот что он сказал: "Серебро не сполна (уплачено)". (7) Убар-Шамаш (8) (жалобу) принял и (9) в храм богини Нинмарки (10) их отправил. (11) Судьи храма Нинмарки (12) судебное дело их рассматривали и (13) Шеп-Сина (14) привели к клятве во имя бога, и (15) Шеп-Син (16) документ с печатью, по которому он купил, (17) представил и (18) так объявил, вот что он сказал: (19) "Согласно документу этому (20) серебро сполна (21) я действительно отдал. (22) Остатка на мне (23) отнюдь не имеется".

Документ скреплен свидетелями, в числе которых имеются двое судей, и печатями этих судей.

Перед нами судебное дело, возникшее из-за обвинения покупателя продавцом в недоплате обусловленной цены.

⁸ Этот текст одновременно представляет собой также и *šurpu la ragātim* (примеры см. АНВ s.v.).

Старовавилонские купчие обычно фиксируют покупку за наличные (т.е. одновременную передачу объекта купли-продажи и договоренной платы) или запродажу (уплату денег с условием, что имущество будет передано позднее). Документов купли-продажи, в которых не была бы зафиксирована уплата денег, не встречается⁹. Наш документ, однако, позволяет думать, что на практике заключение сделки и передача права собственности не всегда сопровождалась уплатой денег (или не всегда деньги выплачивались полностью), хотя сделка и составлялась по обычной форме. Соглашение об уплате в рассрочку было, возможно, устным (во всяком случае, такие документы не известны) и заключенным в частном порядке, т.е. без свидетелей, как и последующая выплата. Не исключено, однако, что свидетели отсутствовали (уехали или умерли), чем и воспользовался недобросовестный продавец. Наконец, следует отметить, что институт исковой давности старовавилонскому праву известен, видимо, не был. Во всяком случае, вопрос о сроках не поднимался. Об этом же свидетельствует и обычная формула купчих: "В будущем, когда бы то ни было" (претензии предъявлены не будут).

По этой причине судебные дела возникали иной раз на основании событий, имевших место еще при предшествующих поколениях. Примером может послужить спор о доме, о котором мы узнаем из не совсем понятного документа.

YOS VIII, 66

(1) Ур-Шульпаза (2) и Ина-шеп-битим (3) по поводу дома (4) судились, а (5) Рим-Син-нишу (6) и Мар-эрцетим (7) дело их рассмотрели и (8) в храм Нинмарки (9) их отравили. (10) Судьи (храма) дело их рассм/отрели и/ (11) Аби-идиннама, брата Ина-шеп-битима, (12) привели к клятве во имя бога, и (13) свидетели явились (?). (14) "Дом — действительно дом Пузур-Кабты, (15) на деньги (женщины) Мухаддитум (16) он действительно куплен. Убарум (же) — слово его ложно" (?). (17) Свидетели эти в храме Нинмарки (18) так объявили.

Список свидетелей, к сожалению, почти полностью разбит, а печатей на документе нет. Нет их и на конверте, на котором текст изложен несколько иначе. Строки 1-12 совпадают с основной табличкой. Далее следует список свидетелей (не читаемый). Далее следует:

(23) ... вот что они сказали: (24) "Убарум и Пузур-Кабта (25) действительно разделились. (26) Дом этот — дом Пузур-Кабты, (27) его собственный, (28) (а) не Уба-

⁹ См. ESKR с.90-92.

рума! (29) На деньги Мухаддитум (30) он действительно куплен..." (далее разбито).

Заметим, что и здесь, при более или менее идентичном содержании, форма текстов на конверте и на табличке отличается одна от другой. Что же касается сути дела, то ее, с известной долей вероятности, можно реконструировать следующим образом. Убарум и Пузур-Кабта были единокровными братьями, т.е. происходящими от одного отца, но разных матерей. После смерти отца они "разделились", и имущество Мухаддитум досталось ее сыну Пузур-Кабте (ср. ЗХ, §167). Это было именно ее собственное имущество, купленное, вероятно, еще до вступления в брак, а не приобретенное в браке, как утверждал в свое время Убарум (возможно, что их спор уже был предметом судебного рассмотрения). Теперь же спорят потомки этих лиц¹⁰. Дело решается показаниями свидетелей и "божьим судом".

Среди документов из Ларсы есть и судебные документы, касающиеся полей и садов. Один из них сохранил нам спор о служебном наделе.

YOS VIII, 63

(1) По поводу поля Син-гамиля (2) Пирхум (3) с Шеп-Сином, сыном Син-гамиля, (4) поспорил, и (5) Нинурта-нишу (6) принял их и (7) в храм Нинмарки (8) их отправил. (9) В храме Нинмарки (10) судьи дело (11) их рассмотрели и (12) Шеп-Сина, сына Син-гамиля, (13) привели к клятве во имя бога. (14) Шеп-Син, сын Син-гамиля, (15) в храме Нинмарки (16) так объявил, (17) вот что он сказал: (18) "Поле это, (19) которое Пирхум (20) у меня оспаривает, — (21) не его-таки, (но) действительно "поле кормления" моего отца. (22) Со времен Син-иддинама, царя, (23) Син-гамиль, мой отец, (24) действительно им владеет".

Далее следует список свидетелей и дата, печать отсутствует. Четыре первых свидетеля — судьи.

Спор о служебном наделе должен был бы, как кажется, рассматриваться в административном порядке. Возможно, что с этого и началось его рассмотрение и Нинурта-нишу, который "принял" противников, был царским чиновником. Но права ответчика возникли очень давно, около семидесяти (!) лет тому назад: документ датирован 45-м годом Рим-Сина. Отсутствие института исковой давности позволяет возбудить процесс, а утраченные "за давностью лет" документы не позволяют решить дело административным порядком. Чиновник поэтому отправляет тяжущиеся стороны в храм Нинмарки, где дело рассматривается по существу, а

¹⁰ Ина-шеп-битим, видимо, тоже уже умер, вследствие чего ответчиком выступает его брат (наследник).

не сводится только к принесению клятвы и возвращению дела назад. Отсутствие волокиты было одной из важнейших положительных черт устного судебного процесса.

Отсутствие исковой давности таило в себе в некоторых случаях угрозу многократного возобновления спора. (Напомним, что решения суда в письменном виде — именно как решения — не фиксировались.) Несомненно, что практические юристы пытались как-то помешать подобным злоупотреблениям. Возможно, одну из таких попыток демонстрирует наш документ TCL X, 206.

(1) По поводу 3 ику луга (2) Иблутама, (что) (3) около канала укрепленного поселения, (4) рядом с дворцовым садом (5) и рядом с (землей) Син-имгуранни, (6) Син-ублам (7) во имя Нанны, Шамаша, Мардука (8) (нечитаемая строчка) (9) и Самсуилуны, царя, (10) поклялся: (11) "Иза (?) луга Иблутама (12) я не спорил (13) и не буду спорить".

Документ скреплен шестью свидетелями и имеет дату с указанием года, месяца и дня. Столь детальная датировка встречается обычно лишь в долговых документах. Написан он с широким использованием стандартных гетерограмм (строки 1—11), обычно применяемых при составлении купчих на недвижимость. Текст клятвы (строки 12—13) написан по-аккадски и содержит эмфазу, которую не удастся передать в переводе¹¹. Син-ублама должно быть вынудили принести клятву не возбуждать новых споров и отказаться от старого. Изобретенное "противоядие" против сутяг, однако, не получило, по неизвестным нам причинам, широкого распространения: *šurru lā ragātim* встречается редко.

Весьма интересным (и тоже уникальным) является случай "двойной" клятвы: человек клянется, что ничего не должен, но со своей стороны не имеет и не предъявит претензий. Основная табличка этого текста плохо понятна. Поэтому ограничимся тем, что написано на конверте.

TCL X, 4a

(1—25 — список свидетелей). (26) Печать свидетелей этих, (27) перед которыми (28) Иштар-или в храме Шамаша (29) медную секиру, гиру Шамаша (30) и "кассу"¹² (31) установил и (32) 10 мин серебра, причитающиеся "ремесленнику"¹³, (33) Ку-Нинсианне, брату его, (34) и сыну "ремесленника" (35) он отдал. (36) В том, что ничего, принадлежащего "ремесленнику", (37) у Иштар-или не имеется,

¹¹ О грамматических особенностях клятв см. GAG, с.241 и сл.

¹² Ср. примеч.7. "Касса" — тоже один из символов Шамаша в качестве покровителя купцов.

¹³ LU.GIŠ.KIN. Возможно, это имя собственное, см. строки 33—34.

(38) /и к храму/¹⁴ Шамаша Иштар-или (39) претензий не предъявит, (40) /во имя Варад-/Сина он поклялся.

Вполне возможно, что документ этот не имеет никакого отношения к суду. Но представляется более вероятным, что запись клятвы приоткрыла перед нами в данном случае момент исполнения судебного решения. Суд постановил, что Иштар-или должен уплатить 10 мин серебра и принести клятвы, что тот и выполнил немедленно. В противном случае, видимо, была бы составлена долговая расписка. 10 мин составляли сумму, подтвержденную документами и (или) свидетельскими показаниями. Но притязание на большее ответчик отвел клятвой, т.е. в этой части он процесс выиграл. В целом это дело носит экстраординарный характер. Ведь на 10 мин в те времена можно было купить три десятка рабов. Заметим, что денежные споры, видимо, вообще решались в храме Шамаша.

Отсутствие установленной формы документа о клятве предполагает случайный и отрывочный характер попадающих в него сведений касательно сущности дела и его предыстории. По этой причине отдельные документы могут остаться непонятными даже и в том случае, когда их чтение затруднений не вызывает. Тем более возможно это в случаях, когда и само чтение затруднено.

TCL X, 139

(1) По поводу рабыни, из-за которой Авель-или, *рахбум* (2) с Ибни-Амурру (3) судился, (4) судьи Ибни-Амурру (5) к присяге¹⁵ (6) привели, и (7) Иррайа, хозяин рабыни, (8) и Шамаш-аби, которого привели¹⁶, (9) явились, и (10) ... (текст этой строки неясен) (?)¹⁷ (11) Пи-Шамаш, *рахбум*, (12) Ибни-[?] (13) Син-а/бу-шу?] (14), сын Ибни-Амурру. (15) Он (т.е. Ибни-Амурру) так¹⁸ объявил: (16) "Рабыню у Иррайи (17) и Шамаш-аби (18) я не покупал-таки!"

Далее следует список свидетелей, дата отсутствует. Отсутствие даты еще одна необычная особенность этого документа. Все указанные его особенности позволяют считать предположение о низкой квалификации писца весьма вероятным. Непонятно только, как он мог оказаться судебным пис-

¹⁴ Возможно, даже "к богу Шамашу". Это не должно шокировать: существуют же документы, согласно которым "бог Шамаш" дает деньги в рост.

¹⁵ a-na ni-ši ð-li — необычная орфография.

¹⁶ ša ú-bi-lu-ni-šu.

¹⁷ i na ši ba(?) am(?) lu(?) da(?). Возможно, запись составил недостаточно квалифицированный писец (ср. строку 5).

¹⁸ ki-a вместо ki-a-am — снова неправильная орфография.

цом. Возможно, однако, что перед нами частная запись для памяти, подобно тексту TCL XI, 243 (см. ниже).

Что же касается сущности спора, зафиксированного в TCL X, 139, то она остается непонятной. Хозяином рабыни назван Иррайа (строка 7), но из строк 16-17 следует, что ее хозяевами были Иррайа и Шамаш-аби. Из-за чего же в таком случае судились Авель-или с Ибни-Амурру и почему этот последний оказался вынужденным присягнуть, что "не покупал" рабыню у ее хозяина? Все это находится за пределами даже самых предположительных объяснений.

Последний документ, который мы хотим привести здесь, фиксирует решение по (прежнему?) судебному делу и начало нового судебного процесса (?). Однако перед нами, несомненно, не официальный документ, а частная запись либо черновик.

TCL XI, 243

(1) 4 сар сада (2) они клятвенно утвердили за ним и¹⁹
 (3) Цилли-Иштару (4) в присутствии Заматума (5) Ипку-Бау,
 (6) Син-ублама, (7) Шамайатума, (8) Ахулап-Шамаша (и)
 (9) Или-[/?] (10) все вместе (11) отдали²⁰. (12) Один дру-
 гому <...>. Здесь текст обрывается, хотя табличка цела.
 Свидетелей и даты нет.

2. "УГОЛОВНЫЙ" ПРОЦЕСС

"Уголовное" судопроизводство документировано среди клинописных текстов вообще и среди текстов рассматриваемого периода в частности еще более скупо, чем судопроизводство "гражданское". Это — одна из причин, почему исследования по "уголовному" судопроизводству в клинописном праве практически отсутствуют²¹. Характерно, что ему не уделено внимание ни в Keilschriftrecht, ни в ESKR.

Причина такой скудости источников заключается все в том же характере процесса в древности. И по уголовным делам все судопроизводство было устным. Приговоры тоже выносились устно. Те из них, которые предусматривали смертную казнь, членовредительное наказание или порку, приводились в исполнение тут же на месте. Если же обвиняемый приговаривался к уплате денежного возмещения, то

¹⁹ ú-bi-ru-šu-ma. Обычно этот глагол употребляется лишь в документах "уголовного" процесса.

²⁰ i-di-ni можно было бы перевести как "судились", но см. строку 3.

²¹ Ср. СВД, с.33 сл.

он либо выплачивал его тут же, либо, вероятнее всего, выдавал долговую расписку. Наконец, следует отметить, что "уголовные" дела совершались, видимо, очень редко, гораздо реже, чем может показаться, например, после чтения текстов законов. В противном случае они более часто фигурировали бы в письмах — документах, отражающих повседневную жизнь²². Таким образом, нам приходится довольствоваться скудными и случайными документами, сводящимися главным образом опять-таки к протоколам "божьего суда"²³. Как и протоколы "божьего суда" по "гражданским" делам, они не имеют единой формы и написаны на аккадском языке. Само дело может быть изложено в них подробно или очень кратко (только самый факт преступления).

YOS VIII, 159

(1) По поводу 4 свиней, которые пропали, (2) /*божественные символы*/ выступили²⁴, и (3) Амурру-хазир (4) и Или-иддин-нам (5) в краже свиней (6) клятвенно уличены. (Свидетели, дата, неразборчивая печать.)

Ни обстоятельства кражи, ни имена обличителей, ни даже божество, перед символами которого приносилась клятва, здесь не указаны. Зато другой документ весьма обстоятелен и содержит любопытные подробности.

YOS VIII, 1

(1) По поводу восьми овец, (2) которые в стаде (3) Бальмунамхе (4) и Син-имгуранни (5) подрыпи (ограду) и ушли, (6) городские старейшины и *рабианум* (7) явились и (8) баранов в руке Авель-Адада, пастуха, (9) обнаружили. (10) 2 овцы, 2 барана, (11) 1 ягненок, (12) (всего) 5 (голов) овец (13) с клеймом Бальмунамхе, (14) те, которые Апилль-Амурру (15) в руке Авель-Адада, пастуха, (16) схватил. (17) Городским старейшинам (18) Авель-Адад, пастух, (19) так ответил²⁵, (20) вот что он сказал: (21) "2 барана — (22) мои!" (23) Старейшины города так (24) ответили, вот что они сказали: (25) "Кт/о же клей/мо (26) Баль/мунамхе (на них) нал/ожил? (27) Ник/то ведь не налож/ил! (28)

²² Ср. там же. Отмеченное автором положение с документацией за прошедшее время практически не изменилось.

²³ Один из таких протоколов приведен в СВД, с.91 и сл., другой (YOS VIII, 129) приведен в нашей работе, посвященной ЗХ.

²⁴ К переводу см. CAD, s.v.

²⁵ i-ru-ul, т.е. просто "ответил", а не "объявил" (iz-ku-ur), т.е. без клятвы.

Тот, кому овцы принадлежат, (29) клеймо хозяина овец (30) должен наложить (на них)". (31) Так ответили мы ему. (32) А (что касается) двух аморейских (?) овец, (33) которые к стрижке не прибыли (34) и на пастбище отсутствуют, — (35) Шамаш и Нингирсу (36) да помилуют вас! (37) Судебное дело, что в руках наших (38) будет, рассмотрите!

Перед нами не судебный, а "предсудебный" документ, точнее, документ, описывающий первую половину процесса — принесение жалобы (ср. TCL X, 34, 5-6; YOS VIII, 66, 5-9; YOS VIII, 63, 5-8). Частичное удовлетворение истцы получили сразу же: 5 овец были признаны принадлежащими Бальмунамхе. Что же касается двух (должно было быть "трех") недостающих овец, то разбирательство этой части дела должно было, видимо, сопровождаться принесением клятвы во имя бога (т.е. Авель-Адад должен был очиститься от подозрения в краже?). С этой целью стороны и отправлены к храмовым судьям, а наш документ — "сопроводительное письмо", написанное одним из старейшин города (ср. строку 31). Такое определение текста подтверждается отсутствием в нем списка свидетелей и даты — непременных составных частей любого официального текста. Автор письма старается как можно подробнее информировать храмовых судей об обстоятельствах дела и о ходе его предварительного разбирательства. Благодаря этому перед нами — картина живой жизни, живая, дословно записанная речь от первого лица. К сожалению, остается неясным, был ли Авель-Адад именно тем пастухом, на чьем попечении находились потерявшиеся овцы (т.е. подпадает ли этот случай под § 264-267 ЭХ)? В противном случае речь может идти о чужих овцах, случайно прибывших к его стаду, либо о совершенной им краже. Во всяком случае, предполагается, что он должен нести ответственность и за двух необнаруженных овец (строки 32 и сл.). Это возможно и в том случае, если он обвиняется в их присвоении (не обязательно — в прямой краже) и, скажем, съедении.

Наконец последний из известных нам текстов тоже представляет любопытные житейские детали, хотя, надо полагать, сам по себе этот казус носит исключительный характер.

TCL XI, 245

(1) По поводу одеяния и головного убора, (2) коими богиня Нинмарки была одета и (3) (которые с нее) содраны, (4) жрецы-*пашилу*, *рабианум* и городские старейшины (5) во дворе обиталища Нинмарки (6) собрались. Оное божество вышло (из храма), и (7) Илима-аби, сын Ниднуши, (8) так объявил, вот что он сказал: (9) "Одеяние это, (10) что в руках Идин-Иштара, — именно то, что с Нинмарки

(11) содрано. (12) Идин-Иштар воистину сорвал (его)". (13) Или-идиннам так объявил, вот что он сказал: (14) "Головной убор с головы Нинмарки (15) Идин-Иштар за финики воистину отдал". (16) Ташаллиша, сын Аплума, (17) так объявил, вот что он сказал: (18) "Головной убор и одеяние [...] (19) Идин-Иштар воистину взял". (20) А Ибин-Амурру (21) так объявил, вот что он сказал: (22) "Из уст Ирра-и[митти], (23) брата Идин-Иштара, (24) так я воистину слышал, вот что он сказал: (25) "Одеяние [...], (26) коим Идин-Иштар одет, (27) — то, что с тела Нинмарки (28) содрано". (29) В собрании *пашшиу*, (30) *раби-анума* и старейшин города (31) Идин-Иштар, сын Этель-пизина, (32) в (том, что) одеяние и головной убор, (33) которые (были) на теле Нинмарки, (34) он содрал, клятвенно уличен.

Как все документы подобного рода, текст не содержит никаких сведений об участии подсудимого. Впрочем, участь человека, уличенного в святотатстве, была незавидной (см. ЗХ, §6). Любопытно, что Идин-Иштар дерзнул похитить одеяние той самой богини, перед чьей статуей давались клятвенные показания в суде. Социологические выводы из столь скудных данных делать, разумеется, опасно. Заметим все же, что подсудимый святотатец явно был человеком, находившимся в последней крайности, голым и голодным. Одеяние богини он надел на себя, а ее головной убор выменял на финики (в древней Месопотамии — не лакомство, а еда). С другой стороны, факт столь дерзкого святотатства не следует истолковывать как показатель "атеистических" настроений. Идин-Иштар был, несомненно, человеком верующим и, надо полагать, рассчитывал тем или иным магическим способом отвести от себя возмездие. Как видим, это ему не удалось.

Упомянутые в примечании 23 текста тоже содержат клятвенные показания, уличающие виновных в краже раба и последующем его убийстве (СВД 46) и в грабеже, сопряженном с убийством раба (YOS VIII, 129). Если во втором из этих документов причина убийства более или менее понятна, то в первом она весьма загадочна, и нет смысла даже строить по этому поводу предположения.

Итак, все упомянутые нами документы — не "приговоры". Судьба виновных даже не интересует составителей этих документов, хотя они обычно уделяют большее или меньшее внимание обстоятельствам дела. Однако по каждому из этих документов могут быть указаны соответствующие статьи ЗХ.

* * *

Подводя итоги нашему рассмотрению судебного процесса в Ларсе, приходится отметить, что многое здесь остается неясным из-за скудости документов.

Однако можно указать, что судебная инстанция во всех случаях существовала только одна — городской, храмовой или царский (иногда — смешанный) суд. В тех случаях, когда по ходу дела обнаруживалась необходимость в "божьем суде", дело передавалось в храм (или, возможно, заседание переносилось в некоторых случаях туда), где и решалось по существу. Решение суда было во всех случаях окончательным и не подлежало обжалованию. Последнее обстоятельство надо подчеркнуть особо. Представление о месопотамском царе как о "верховном судье" кочует из одной работы в другую как прописная истина, не требующая аргументации²⁶. Однако это представление опирается лишь на *communis opinio doctorum*, не подтвержденное ни одним текстом. Даже в качестве судьи "первой инстанции" месопотамские цари выступают весьма редко. Работа В.Ф.Лееманса "King Hammurabi as Judge", вопреки ее названию, не содержит ни одного достоверного примера, когда бы Хаммурапи выступал в этой роли: примеры, приведенные Леемансом, говорят лишь о его деятельности в качестве администратора. Что же касается "верховного судьи", то среди нескольких тысяч опубликованных донныне царских писем и писем к царям нет ни одного царского письма, отменяющего судебное (не административное!) решение, и ни одного письма к царям с жалобой на несправедливое судебное (не административное!) решение.

"Окончателность" судебных решений не следует, однако, понимать в современном смысле этого слова. Во-первых, царь имел право помилования — по крайней мере в некоторых случаях (ср. ЗХ, §129; так же следует, видимо, понимать и §48 и 58 ЗЭ: некоторые из параграфов этих законов предусматривают безусловную смертную казнь — §12, 13, 24, 26 — в отличие от указанных выше, которые предоставляют царю решение о применении или неприменении смертной казни). Во-вторых, отмеченное выше отсутствие института приобретательной и исковой давности предоставляло возможность возобновления исков иногда даже через весьма длительные сроки. Этому же способствовало и отсутствие письменных судебных решений. Вавилонские юристы пытались изобретать различные "противоядия" против сутяжничества, но, кажется, так и не преуспели в этом за все время существования клинописного права.

²⁶ См., например, ESKR, с.40.

ПИСЦЫ, ПЕРЕВОДЧИКИ, ПЕВЧИЕ ХУРРИТСКОЙ АРРАПХИ
(XV—XIV вв. до н.э.)

Клинописная документация, раз появившись, не практикуется непрерывно и не распространяется повсеместно даже и в Южном Двуречье. Раскрытие закономерностей появления, разработки и прекращения документации дало бы нам ключ не только к оценке архива. Если не считать школьных дней писца, то сама его фигура остается почти целиком в тени¹.

В предлагаемой работе речь идет о ближайшей периферии Южного Двуречья, предгорьях Загра, бассейне притока Тигра, Адейма. Местная писцовая традиция, по материалам раскопок в цитадели Нузы (совр. Иорган-тепе, в 15 км к юго-западу от Киркука), начинается с XXII в. до н.э. Документация здесь прерывалась и возобновлялась в форме собственных вариантов типового акта, известного по архивам юга Двуречья. Образцы документов Аррапхи восходят к пяти периодам истории Двуречья: староаккадскому (XXII в. до н.э.), III династии Ура (XXI в. до н.э.), староассирийскому (XIX в. до н.э.), старовавилонскому (XVIII в.

¹ Относительно тренировки писца см.: Дьяконов И. М. Вавилонская филология (III—I тыс. до н.э.). — История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980, с. 17 и сл. Книга М. А. Дандамаева о нововавилонских и ахеменидских писцах содержит материалы о более чем 3 тысячах писцов с привлечением исследований и по другим эпохам (Вавилонские писцы. М., 1983).

В статье И. Т. Каневой, посвященной публикации эрмитажной таблички 15234, содержится важное для сравнений указание на то, что писцы получали по 10 гур зерна. Судя по данным М. А. Дандамаева, вероятно, это годовая норма. Если эта цифра была в Южном Двуречье стабильной нормой выдачи писцу, то он вполне мог помогать своей семье. В каждом гуре 300 ка, таким образом, в Аррапхе эта мера соответствует 30 имерам — количеству зерна, на которое здесь можно было прокормить восемь взрослых мужчин. В Двуречье, где нормы потребления были вдвое выше, это соответствует содержанию на четверых.

до н.э.) и, наконец, хурритскому (XV—XIV вв. до н.э.)². Последний период документирован обстоятельно благодаря случайным находкам на территории современного Киркука (древний Ал-илиани)³ и систематическим раскопкам двух городов: Иорган-тепе (древняя Нуза)⁴ и Телль аль-Фаххар⁵ (в 30 км к юго-западу от Иорган-тепе). Наше исследование касается последнего периода. В это время писцы были двуязычны: пользуясь аккадским языком при составлении документов, они часто переходят на хурритский (язык, родственный урартскому). Страной-гегемоном для этого региона было хурритское государство Митанни (бассейн Хабуба, притока Евфрата).

Наиболее продуктивными оказываются исследования, в основе которых лежит четко разработанная просопография. Точные сведения для генеалогий дают юридические акты, в которых всегда указаны отчества участников дела, а иногда приведены и сами родословные. Крупнейший юридический архив Передней Азии принадлежал обитавшему в пригороде Нузы (холм Т) начальнику военного округа (halšuhlu) ТехибТилле⁶. По материалам этого архива Э.Р.Лаксману удалось дать генеалогию трех писцовых семей: потомков ЛуНанны, ИнБАдада и АпалСина⁷. Недостаток архива ТехибТиллы в крайней скудости хозяйственных текстов. Между тем нам важна как можно более разносторонняя характеристика жизни и деятельности писцов. Дворцовые архивы Нузы (сектор R пом.76, сектор N пом.120⁸ и сектор D пом.3+

² Все ранние тексты Нузы опубликованы: Meek T.J. in: Harvard Semitic Series. Vol.X. Cambridge (Mass.), 1935 = НХ.

³ История раскопок в этом городе имеется в статье: Gadd C.J. Tablets from Kirkuk. — Revue d'Assyriologie. XXIII, 1926 = RA XXIII.

⁴ Starr R. Nuzi. Vol.I—II. Cambridge, 1937, 1939 (здесь есть планы всех построек).

⁵ Al-Khalesi Y.M. Tell al-Fakhar (Kurruhani), a dimtu-Settlement. — Assur. Malibu, 1977, vol.1, 6.

⁶ Документы этого архива опубликованы в шести томах серии Joint Expedition with the Iraq Museum at Nuzi = JEN, vol.I—V ed.by Ed.Chiera, Paris-Pennsylvania, 1927—1934, vol.VI by E.R.Lacheman, New Haven, 1939, и в разных томах Harvard Semitic Series (XIII, XIV, XV, XVI, XIX) — единичные акты. Архив систематизирован в неопубликованной диссертации М.П.Мейдмана (Maidman M.P. A Socio-Economic Analysis of a Nuzi Family Archive. 1976), любезно присланной мне автором в светоконии. Итоговая цифра приобретений ТехибТиллы взята из статистики этого исследования.

⁷ См. приложения В, С, Д к статье: Lacheman E.R. The Word būdūtu in the Nuzi Tablets. — Труды XXV Международного Конгресса востоковедов. Т.1. М., 1962, с.236—238.

⁸ В секторе N пом.120 вместе с воинскими списками хранился архив жрицы entu (шумер. NIN.DINGIR.RA, "супруги бога"), Тулбуннайи, опубликованный Pfeiffer R.H. — Speiser E.A. in: Annual of the American Schools of Oriental Research. New Haven, 1936 = AASOR XVI.

+6) — это по преимуществу собрание хозяйственных актов при единичных юридических⁹. В таком архиве обнаружить тезок трудно. Приходится опираться на групповые перечни, снимающие эту проблему только отчасти, и только для сопоставлений внутри архива, с переходом к внешним связям сомнительность реконструкций возрастает. Наиболее подходящим для нашей цели архивом, соединяющим хозяйственные и частноправовые документы, которые взаимно подкрепляют сопоставления, оказывается собрание актов в доме царевичей. Именно оно и взято нами за основу при подборке сведений.

Архив царевичей найден в пригороде Нузы, на отдельно стоящем холме, обозначенном археологами как комплекс А. Первоначально холм был застроен другими домами. Один из них сохранился и при существовании постройки царевичей. Он вторгается углом в эту постройку. Здесь, в помещении 34, был обнаружен архив пяти поколений двух семей: потомков Кадири и потомков Уннутейи¹⁰. Этот архив учтен только для датировочных дополнений, приведенных и по архиву ТехибТиллы. Комната А 34 помещается за двойной стеной, отделяющей жилье соседей от жилья царевичей¹¹. Непосредственно за этой стеной, с другой ее стороны, в помещениях А 23 и А 26, обнаружена основная масса документов семьи царевичей. Отдельные акты этих двух разных жилых комплексов смешались и рассеяны по смежным комнатам. Архив царевичей, как видно, хранился в верхнем жилье, откуда он постепенно проваливался в нижнее. Мощные, двухметровые стены дома, несомненно, предполагают существование верхнего этажа и, может быть, не одного. Разброшенность документов не слишком путает картину, так как основная масса документов, оставшаяся на месте, позволяет определить круг людей, у каждого архива свой.

Чрезвычайно важны связи архива царевичей с документацией дворцового хозяйства Нузы. Тем не менее их мы касаемся минимально, чтобы не перегружать работу сведениями, требующими дополнительных разъяснений. Важнейшие данные приведены в дополнениях к списку писцов. Дворцовые документы освещают преимущественно последние годы; видимо, старая хозяйственная документация уничтожалась, и место ее "погребения" не удалось найти.

Архив двух семей соседей царевичей синхронен архиву семьи ТехибТиллы, если вести счет от Пухишени, отца ТехибТиллы, к деятельности которого относятся первые акты.

⁹ Архивы дворца изданы E.R.Lacheman (Cambridge) в пяти томах Harvard Semitic Series = Н vol.XIII (1942), XIV (1950), XV (1955), XVI (1958), XIX (1962). В последнем томе много частноправовых актов различного происхождения, есть они и в других перечисленных томах.

¹⁰ Документы опубликованы в V томе Harvard Semitic Series = Н V.

¹¹ Изданы Pfeiffer R.H. in: Harvard Semitic Series. Vol.IX (1929) = Н IX.

Ради сокращения количества упоминаемых имен мы соотносим счет поколений только со старшими представителями этих соседских семей, Кадири и Уннудейей. Сопоставления из архива ТехибТиллы даны, напротив того, не от Пухишени, а по наиболее значительной фигуре — самому ТехибТилле, к деятельности которого относится большая часть актов этого архива. Упоминающийся в дополнениях Вуллу — это сын Пухишени, владелец архива, обнаруженного в Аллани, культовом центре страны, располагавшемся на территории современного Киркука. Возможно, это сводный брат ТехибТиллы, хотя родство их не всеми признано¹².

Архив царевичей младше названных для ориентира примерно на полтора-два поколения, т.е. на 30-40 лет. Его действующие лица — это люди третьего, четвертого и пятого поколений аррапхитов. В этом можно убедиться при рассмотрении списка писцов архива, приведенного в приложении. Он включает членов крупнейшей писцовой династии, потомков АпалСина, начиная с его внуков (№ 10, 12, 22, 24), так же как и потомков ИнБадада, начиная с его внуков (№ 5, 33, 34 II). Дополнительные опорные пункты отсчета поколений дает предложенная нами генеалогия царской династии Аррапхи, потомков царя КибиТешуба¹³, действовавшего синхронно отцу ТехибТиллы, Пухишени, и Кадири.

Любой потомок царствующей особы обозначается в документах как "царский сын" (*mār šarri*), т.е. человек, относящийся к царскому роду, независимо от истинной степени родства по отношению к династу. В архиве преобладают акты внука царя КибиТешуба — царевича ХишиТешуба, и еще в большей степени его правнука, царевича ШилвиТешуба.

Считая на каждое поколение не более 20 лет из-за характерных для этой эпохи ранних браков, мы найдем, что срок деятельности перечисленных в списке 45 писцов охватывает примерно 60 лет.

В наш список попало 18 человек писцового клана АпалСина: № 1, 2, 4, 6, 10, 12, 16, 17, 22, 24, 27, 28, 32, 36, 37, 38, 39, 42. Среди них четыре внука (№ 10, 12, 22, 24) из двадцати известных и по другим архивам, 11 правнуков (№ 1, 2, 4, 6, 16, 17, 28, 36, 37, 39, 42) из двадцати четырех известных, и три праправнука АпалСина (№ 27, 32, 38) из восьми известных. Другими словами, четверть внуков, а правнуков и праправнуков почти половина. Характерно, что в группе правнуков АпалСина половина писцов не имеет соприкосновений с архивом ТехибТиллы: АрТешуб (№ 6), Ишкурандул (№ 16), Ишкурмансэ (№ 17), ШиманниАдад (№ 37) и

¹² См.: *Maidman M.P.* The Tehip-tilla Family of Nuzi. A Genealogical Reconstruction. — *Journal of Cuneiform Studies*. 1976, vol.28/3, с.127-155.

¹³ Янковская Н.Б. Царские братья в родословной хурритских династий Аррапхи. — *Культура Востока. Древность и раннее средневековье*. Л., 1978, с.33-53 (далее — Царские братья).

ШарТилла (№39). Если, как полагает Мейдман, Вуллу не был братом ТехибТиллы, а просто их отцы были тезками, то нет связей с этой семьей и у Агийи (№2). Нет с нею связей и у более младших писцов, праправнуков АпалСина, ТармиТешуба (№27), ХудТешуба (№32) и Шамашрецуи (№38). Это может служить подтверждением относительной датировки архива царевичей в целом как более позднего, и тогда наиболее активного из царевичей, ШилвиТешуба, следует отнести к IV поколению потомков КибиТешуба, а не к третьему, как предполагалось. К этому времени активизация потомков ТехибТиллы почти полностью прекратилась.

Из остающихся сверх потомков АпалСина 26 писцов списка с архивом ТехибТиллы связано всего восемь человек: №3, 9, 13, 14, 15, 26, 29, 33. Двое относятся к известному писцовому клану ИнбАдада. Это его внук Худия (№33) и его праправнук Синшадун (№26). Первый работал при царевиче ХишмиТешубе, но застал еще и ТехибТиллу — старшего современника царевича; второй работал при царевиче ШилвиТешубе и внуке ТехибТиллы. Если Вуллу все-таки сводный брат ТехибТиллы, то с этой семьей связано еще четверо писцов: внук ИнбАдада (№5), правнук ИнбАдада (№8) и №31 и 40. Но даже и с этим добавлением более половины писцов уже не имели отношения к периоду активности членов семьи ТехибТиллы. Верх благосостояния семьи был достигнут ТехибТиллой, который приобрел более тысячи гектаров земель (см. примеч.6). Внук ТехибТиллы стал начальником военного округа, так же как и дед, а правнук, Тэшурхе, добился второго места после царя, роли *šakin māti*.

Для раскрытия условий жизни и работы писцов необходимо свести воедино фрагменты информации, содержащиеся в аннотациях актов, приведенных в списке писцов.

Среди действующих лиц архива появляются царь Аррапхи ИтхиТешуб, сын КибиТешуба (№33^a), и девять царевичей: сын КибиТешуба Эваркали (№12^b, 18), три внука КибиТешуба: ХишмиТешуб (№5, 8, 9^b-г, 12^a, 14), ХуданниТешуб (№19, 42^a) и УрхиТешуб (№19); четыре правнука царя КибиТешуба: ШилвиТешуб (см. ниже), ЭлхиТилла (№29), Вираххэ (№12^b) и ВурТешуб (№2) и, наконец, праправнук КибиТешуба, Агия (№4^a). Кроме мужчин царского дома упоминается царица Амминайа (№9^a, 20), бабка царевича ШилвиТешуба, и его родная сестра, царевна ШуварХеба (№33^d, 34 II).

От имени наиболее деятельного царевича, ШилвиТешуба, чаще всего выступают доверенные люди и рабы-экономы. Акты царевича и этих людей оформляли 18 писцов, т.е. более трети нашего списка (№4, 6, 12, 15, 22-24, 26, 27, 28, 30, 31, 34 I, 36-40).

Активность рабов-экономов (аккад. *šakin bīti*, *šaknu* = хуррит. *šellintannu*) — отличительная черта архива царевича. Один из них, ПаиТешуб (№1, 12, 15, 26), был, видимо,

сыном ШилвиТешуба от рабыни (N IX 32)¹⁴. Такой рабыней, очевидно, была и Хинзурайа, которая берет себе свободную девушку с правом отдать ее своему сыну или кому угодно другому, но не рабу (! — №37^б).

Другой управляющий хозяйством царевича, Хашуар, сын ШимиГари (№16, 17), вероятно, был потомком заложника, переданного царевичу ХишмиТешубу (№5). Возможно, он же упоминается как царевич в списке свидетелей Абуки, раба Тилуннайи, жены ХишмиТешуба (№33^г). Видимо, он был усыновлен царевичем. Хашуар ссужает все возрастающие количества ячменя, перекладывая обязанности управляющего хозяйством на плечи своих должников.

Белиддина, будучи дворцовым человеком (mār ekalli), оказывается "оруженосцем" (? аккад. paṣu = хуррит. kabhu) царевича ХишмиТешуба (№9^{б-г}). Видимо, это его положение позволяет ему копить медь; он ссужает этот металл на сумму, равную 3,6 сикля серебра; приобретает в городе Нуза участок, достаточный для комнаты, за количество меди, адекватное 6,24 сикля серебра, и, наконец, ссужает торговцу медь на сумму, равную 36 сиклям серебра, т.е. располагает суммой, достаточной для приобретения раба.

Представитель царевича Худия, сын Кушшии (№4^г, 13, 28), видимо, также имел отношение к арсеналу царевича. Сын этого человека стал крупным военачальником, командиром 50 колесниц (JEN 612) и получил в свое распоряжение крепость у переправы по присяге окрестных селений, частично присоединившихся уже к его отцу (процесс JEN 321 и др.)¹⁵.

Ни один писец не вступал в сделки, подобные перечисленным.

Для представления о ценностях, циркулирующих по документам, дадим справку относительно оборота зерна. Имер ячменя (~ 75 л) стоил в среднем 1,5 сикля серебра¹⁶. Разме-

¹⁴

См.: Царские братья, с.39.

¹⁵ Jankowska N.B. Communal Self-Government and the King of the State of Arrapha. — Journal of Economic and Social History of the Orient. 1969, vol. XIII/2, с.235—282. = JESHO XIII.

¹⁶ Данные, собранные Д.Кросс (Cross D. Movable Property in the Nuzi Documents), систематизированы Б.Эйхлером (Eichler B.L. Indenture at Nuzi. New Haven-London, 1973). На с.15 приведены соответствия цен, которыми мы в дальнейшем пользуемся: 1 сикль золота ~ 9 сиклей серебра, 1 сикль олова ~ 0,005 сикля серебра, 1 сикль меди или бронзы ~ 0,0025 сикля серебра, 1 имер ячменя (около 75 л) ~ 1,5 сикля серебра, 1 овца ~ 1,33 сикля серебра, осел ~ 6,67 сиклей серебра, вол ~ 10 сиклей серебра, ткань ~ 5 сиклей серебра, раб ~ 30 сиклей серебра. Цена ячменя в месяце сбора урожая падала до полусикля серебра за имер зерна, а перед сбором урожая поднималась до 4 сиклей серебра за имер ячменя (там же, примеч.29).

М.Мюллер приводит новые сведения о колебании соотношения между золотом и серебром как 1:7 и 1:6, считая последнее более ходовым для Аррапхи (Müller M. Ein Prozess um einen Kreditkauf in Nuzi. —

ры зерновых ссуд для наглядности сопоставим с пайком. В Аррапхе на взрослого мужчину в месяц расходовали 30 ка (22,5 л) ячменя, в год — 270 л; на взрослую женщину — 20 ка (15 л) в месяц, 180 л в год; на подростков 14 — 10 ка (10,5–7,5 л) в месяц, 126–90 л в год¹⁷.

Тем самым зерновая приплата при мене и продаже недвижимости не превышает годовой паек на одного взрослого человека, изредка на двоих (№6, 9^B, 30^A, 33Г, 34 IД, 35^B, 40^B). На этом фоне приплата жрицы Нузы Тулбуннай выделяется как значительная — она обеспечивает шестерых мужчин (доп. к №8 — JEN, 487). Ссуды Хашуара колеблются от едва достаточной на месяц для одной женщины (№16^A) до годовой нормы на двоих мужчин и женщину; крупнейшая из его ссуд почти соответствует годовой норме потребления четырнадцати мужчин (№17). Эконом царевичей ПурнаБу купил дом в главном городе страны именно за такое количество ячменя (№39^B). Именно таким количеством зерна распорядился самовольно певец Эадупки, за что и был передан в дом пострадавшего как заложник (№33^B и 42^B). По средней цене ячменя это составит 75 сиклей серебра, или 1¼ мины. Сумма достаточна для приобретения двух-трех рабов.

В доме царевичей на содержание своих людей и коней и поддержку зависимых граждан расходовалось в месяц не менее 6 тыс. л ячменя, как показывает сводка расходов за 5 месяцев (более 30 тыс. л — N XIII 221). Имея значитель-

Studies in the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians in Honor of E.R.Lacheman. Eisenbrauns, 1981, с.453). В публикуемом Мюллером тексте истец ссылается на решение, вынесенное в писцовом поселке (turšarriniwe), откуда он явился с жалобой к судье города Нузы. Если правильно дополнение множественного числа к идеограмме человека, представляющего поселок по заявлению истца, то речь идет о решении народного собрания писцового поселка. Если же ошибки нет и решение было вынесено одним человеком поселения писцов, то это глава поселка. В любом случае поселение писцов имело право решать спорные дела своих граждан. Решение поселка принято к исполнению в суде Нузы по поводу предъявленного дела (ср. примеч.19).

¹⁷ Эти нормы подтверждаются систематическим исследованием хозяйственных актов дома царевичей, которое проведено Г.Вильгельмом. Автор любезно прислал мне светокопию своей диссертации, из которой и почерпнуты статистические данные. В настоящее время работа Г.Вильгельма переросла в многотомный труд, который начал выходить в свет: Wilhelm G. Das Archiv des Šilwa-Teššup. N.2. Wiesbaden, 1980. Расхождение с автором этой монографии состоит в том, что он принял как более распространенную в доме ШильвиТешуба меру 8 ка и считает ее равной 6,7 л (с.27). Мы сохраняем более распространенную вне этого хозяйства меру 10 ка, считая ее равной 7,5 л по системе расчета, предложенной А.А.Вайманом (Исследование по шумеро-вавилонской метрологии. — Древний Восток. 2. Ереван, 1976, с.42 и сл.).

ные сборы со своих владений, и это хозяйство не всегда справлялось с расходами. Акт Н IX 43 (А.26) отмечает заем 150 имеров ячменя меркой по 8 ка (вместо обычных 10 ка — ср. примеч.17), т.е. 9 тыс. л. Эконом царевичей Пурнабу и Худия, сын Кушшии, доверенное лицо царевича, заняли этот ячмень в поселении Палайа для содержания домохозяев царевича, как сказано в документе. Срок займа — до урожая. В четырех селениях: Нуза, Циллия, Зиззе и Ташени, по данным, собранным Г. Вильхельмом, насчитывалось до 240 человек царевича; на их содержание тратилось ежемесячно более 47,5 имеров ячменя¹⁸. Тем самым занятого зерна хватило бы только на три месяца.

Между оборотом зерна в большесемейных общинах и хозяйстве царевичей большого разрыва не наблюдается: так, община (*dintu*) ТуккиТиллы занимает 220 имеров ячменя, т.е. 15,5 тыс. л (ПАС I, 3), также без гарантийных передач людей или недвижимости, следовательно, возврат этой ссуды не представляется сомнительным, как в кабальной ссуде писцу (см. №35^а). Соразмерима с этим займом и ссуда ячменя под процент, полученная ХашибТиллой (15 тыс. л), видимо, главой большесемейной общины, связанной с домом царевичей, судя по тому, что его документы хранились в рассматриваемом архиве (№27^а, 36^б, 37^в).

В документах Нузы упоминается поселок писцов (*āl tur-šargē*) и поселок АпалСина (Н XV 72 и 283), очевидно, главы крупнейшей писцовой династии¹⁹. В одном из актов дома царевичей отмечается выдача правнуку АпалСина шерсти, в другом ячменя (№4^б, в). По числу писцов этого клана, внуков и правнуков АпалСина было около полсотни; считая в семье каждого минимально по четыре человека, мы найдем, что одновременно в этой большой семье было не менее 200 членов (ср. примеч.20).

Маршаили, отец писца ШехалТешуба (№34 I), появляется в нескольких актах как представитель общины, патронируемой царевичем (наряду с пастушеской и гончарной). По одной ведомости со всех трех общин взыскивается пятилетний долг царевичу. Долг общины Маршаили составил около 11 тыс. л ячменя, 300 л пшеницы и 3375 л полбы, взятых

¹⁸ Г. Вильхельм приводит статистические данные по четырем именам царевичей, показывая предельное количество людей в них в следующем порядке: Нуза до 112 человек, Циллия — 54 человека, Зизза — 38 человек, Ташени и Ал-илани — 36 человек, в общей сложности до 240.

¹⁹ Поскольку в акте Н XV 72 (М пом.79) *āl turšarri(niwe)* упоминает во второй строке, а поселок АпалСина в 20-й, это не идентичные селения. Возможно, два других писцовых клана, потомков ЛуНанны и ИнБадада, обитали бок о бок и поселение их поэтому названо по профессии, а не по имени родоначальника (ср. примеч.16). Текст касается изъятия по 1-2 повозок у различных селений (всего 34).

как посевное зерно (Н XVI 46)²⁰. Все это разом и почти целиком было возвращено (Н XIII 428). Недостача покрыта обязательством каждой из трех общин изготовить одежду для слуг царевича (Н XIII 193, 246 ср. 277). Очевидно, все они имели домашний ткацкий промысел. Из факта единовременного возврата большого количества зерна следует, что все три общины располагали запасами. Однако это не мешало им из года в год брать у царевича займы. Кроме этого большого займа, сделанного всем миром сообща и возвращенного тем же порядком, известны мелкие индивидуальные займы Маршаили. Это уже не посевные, а ссуды на пропитание семей. Царевич дает их сначала беспроцентно, затем под процент и круговую поруку (Н XIII 132, 216, 264, 480). Вместе с тем один раз Маршаили сдает царевичу солону, получая взамен 2 кг шерсти (Н XIII 227). А за покупку масла для царских земледельцев Маршаили было дано 150 л ячменя и, кроме того, 37,5 л (50 ка) "на еду для себя" (Н XIV 640). Такая выдача рассматривалась как достаточный месячный паек при расчете поддержки приемному от-

²⁰ Перечень сборов с полей семи общин, Н XIV 123, показывает, что средний урожай с одного имера поля (около 1,1 га по Закканьини) в большинстве случаев равен 5 имерам (375 л) и не превышает 7 имеров (525 л). Акт Н XV 233 фиксирует расход 36 имеров ячменя на 20 имеров поля (22 га), т.е. по 1,8 имера (135 л) на каждый имер площади. Урожай к посеву, таким образом, составит едва сам-три. По юридическим актам возмещение задержанного урожая всегда производится из расчета 10 имеров зерна (750 л) на 1 имер поля. Возможно, это объясняется сбором урожая дважды в году. Так получается и по данным календаря: в нем два месяца сбора урожая в середине года, *šehli ša Tešub* и *šehli ša Nergal*, и один такой же месяц в конце года, *šehli-kurillu* (см.: Янковская Н.Б. Календарь хурритской Аррапки. — ВДИ. 1978, №1, с. 105 и сл.).

Поселок Маршаили берет в разные годы различное количество зерна: в первый год — 60 имеров ячменя, 4 имера пшеницы, 15 имеров полбы, в последующие годы пшеницы не берут, полбу в половинной норме к первому займу, а ячмень по-разному (15, 20, 20, 30). Видимо, со второго года пшеницу сеять перестали. Урожай ее самые низкие, вдвое ниже, чем ячменя. Падение посева полбы и пшеницы, видимо, свидетельство засушливых лет. В Аррапке, по наблюдениям Закканьини, преобладали неорошаемые поля. Если посев шел по норме, отмеченной в Н XV 233, то в первый год община Маршаили засеяла под ячмень 33 га. Заем сделан всей общиной совместно и так же возвращен, следовательно, речь идет о неделимом общем поле. В общине Шелвихэ такое поле занимало 22 имера (24,2 га), как можно видеть по акту Н XIII 363, и, кроме того, две трети фонда были разделены на parcelлы 17 индивидуальных семей, составляющих общину и насчитывающих не менее 33 работников, с членами их семей до полутораэта человек. Таким образом, община Маршаили, возможно, была многочисленнее Шелвихэ.

цу²¹. В блокированной Аррапхе писцы и весь прочий персонал двorca получали по 20 ка в месяц (Н XIV 593).

Сын Маршаили, писец ШехалТешуб, вел учет в хозяйстве царевича, регистрируя значительные раздачи: под его печатью возобновлены записи расходов за пять месяцев, превышающие 30 тыс. л ячменя (Н XIII 221). Он контролирует передачи в три селения, расположенные в разных концах страны: Ал-илани, Ташени и Зиззу (Н XIII 237, Н XIV 594).

Уникален акт усыновления, составленный писцом Хашией (№30^b) для ШехалТешуба сына Маршаили. Усыновление — основная форма передачи недвижимости в Аррапхе: по такому акту недвижимость изымалась из общинного фонда и передавалась усыновленному как его наследственная доля. В ответ усыновленный брался кормить и одевать усыновителя, а после смерти оплакать и похоронить. Акт ШехалТешуба выпадает из этой схемы совершенно. Он усыновляет ему же Тирвиники, сына Зиге, а в качестве доли вручает его жене. Супруги должны чтить ШехалТешуба, пока он жив, а после его смерти Тирвиники может идти со своей женой куда захочет. Если же явится сын ШехалТешуба, то Тирвиники должен уйти к своему отцу. За нарушение договора указан самый высокий штраф — мина (0,5 кг) серебра и мина золота.

Итак, никаких материальных затрат ни с той, ни с другой стороны нет. Все сводится к безвозмездной передаче жены с ответной обязанностью чтить ШехалТешуба. Возможно, отказ от имущества в пользу усыновленного и ответная обязанность последнего содержать усыновителя предполагались как следующий шаг усыновителя в случае, если его родной сын не вернется. Но не исключено также, что ШехалТешубу нечего было передать усыновленному.

Относительно необеспеченное положение писца очевидно из акта Н IX 27 (№35^a). Писец ШехалТешуб, сын ШилвиТешуба, занимает довольно значительное количество ячменя (900 л), и это могло бы рассматриваться как свидетельство солидности его хозяйства. Занял же и сам царевич в десять раз большее количество ячменя. Однако это несравнимые сделки, поскольку возврат займа писца гарантирован передачей кредитору в залог-антихрезу около 3 га земель. С такого надела в Аррапхе могли прокормиться из года в год три бездетные пары, а заем позволяет прокормить две пары в течение года (ср. примеч. 21). Это обычная несоразмерность гарантированных недвижимостью ссуд, представляющих в Аррапхе кабальную форму займа.

²¹ При усыновлении Худии, сына Кушии (см. список №4^Г, 13, 28), его братом Ханату (JEN 59) Худия обещает своему приемному отцу давать ежегодно одежду и зерно: по 5 меров ячменя и 2 имера пшеницы, т.е. в среднем по 58 ка в месяц. Почти двойной паек.

Известен один случай самозаклада писца — это Аттиламму, который среди четверых изгоев — чужаков, *harīru*²², передает себя в руки ТехибТиллы. Последний обязуется снабжать писца пропитанием (*epru*) и одеждой (*lubuštu*); чтобы освободиться от службы в доме, Аттиламму должен дать взамен себя другого писца (JEN, 456).

Существует категория "дворцовых рабов" (*wardē ekallim*), в которую иногда попадают писцы (у нас №43). Дворцовый акт раздачи продовольствия на 83 *wardē ekallim*, N XIV 593, называет в перечне четверых писцов: ТармиТешуб, Арибшарри, УнабТешуб и Ахаямши. Первый и последний, возможно, идентичны нашим №27 и 7. Каждый по этому списку получает по 20 ка (15 л) ячменя на месяц. Вероятно, скудость пайка объясняется блокадой страны, вынудившей аррапхитов посылать за зерном к горцам Загра (см. №7 в прилож.). В списке этих дворцовых рабов числятся 24 ткача, 5 прачечников, 4 пекаря, 3 плотника, 3 пастуха, 3 кузнеца, 3 торговца, 2 военачальника, 2 садовника, кассир управляющего хозяйством и другие — вот круг людей, в который входят дворцовые писцы. Положение дворцового раба не идентично положению частного раба, так как, по существу, это обслуживающий персонал казенного хозяйства, который даже и чиновники не могут использовать по своему произволу. Так, градоначальника Кушшихарбэ судили за использование дворцовых людей в своем хозяйстве²³. Это хозяйство не лично царское, а именно казенное: царевич Тешшуйа возвращает дворцовый ячмень по расписке (N XIII 397).

Иногда один и тот же писец оказывается составителем актов, написанных в разных городах страны: СехалТешуб, сын Маршаили, работал в Нузе, Ал-илани, Ансуккаллу и Ташени (№34 I), ШилахиТешуб сын Синнадиншуми, правнук АпалСина, также в Нузе, Ал-илани, Зиззе (№36), другой правнук АпалСина, ШарТилла, работал в Нузе, Ал-илани и Ташени (№39); ЭлхибТилла, преимущественно работавший в Ал-илани, составлял документы и в Ташени, и в Нузе (№40). Очевидно, они перемещались не ради составления этих отдельных актов. При относительно большом количестве писцов каждое из этих селений могло иметь постоянного писца, тем более что перечисленные населенные пункты включали владения царского рода. Ал-илани был культовым центром страны, что ясно уже и из самого названия этого города (город богов), Ташени принадлежал Тилуннайе, жене царевича ХишмиТешуба, в Зиззе находились владения ца-

²² Относительно этой категории людей по всем письменным источникам Передней Азии II тыс. до н.э. наиболее убедительное толкование содержится в сводке по дискуссии, опубликованной *Bottéro J. Le problème de habirū*. — *Cahiers de la Société Asiatique*. P., 1954, t. XII.

²³ Большинство актов этого процесса приведены в AASOR XVI, 1 и сл.

ревны ШуварХебы и на границе с Нузой приобретенное царевичем ШилвиТешубом укрепление (dimtu) Шелвихэ; в Ансуккаллу был старый дворец потомков Амминайи и в округе этого города поселок гончаров, подаренный ей митаннийским царем Сассададтаром²⁴. Если верно наше отождествление этого поселения с городищем Телль аль-Фаххар, "холмом гончара"²⁵, укрепления которого раскопаны относительно недавно, то между Ансуккаллу и Нузой расстояние не менее 30 км, а между Нузой и Ал-илани, находившемся на месте нынешнего Киркука, 45 км. Маловероятно, что писцы по требованию любого гражданина, даже и значительной персоны, разъезжали из одного города в другой. Их было достаточно для постоянной службы. Скорее они оставались на месте какой-то определенный срок, меняясь местами в свой черед.

На предположение об очередных перемещениях наводит отсутствие датировок в документах, содержащих условие определенного срока сделки. Какой-то датирующий момент в таких актах необходим. В Южном Двуречье такие тексты имели дату по годам правления царя. Вместо этого здесь мы имеем указание на место составления документа в городских воротах (abullu), куда для дежурства назначались граждане по специальным спискам. В одном таком списке обнаруживается Ахаямши (Н XV 284), возможно, идентичный писцу нашего списка (№7). Он входит в одну из троек дежурных²⁶.

Участие всех перечисленных писцов в работе общинного суда говорит об отсутствии в нем специального секретаря и также предполагает, очевидно, поочередное исполнение

²⁴ См. письмо этого царя, адресованное ИтхиТешубу, царю Аррапхи, сыну Кибитешуба — Н IX 1.

²⁵ Янковская Н.Б. Старый дворец потомков Амминайи и dimtu гончаров в Аррапхе. — Древний Восток. 3. Ереван, 1978, с.218—229. Обилие черепков, отразившееся в названии холма, объясняется тем, что на территории его располагалось несколько гончарных мастерских, разместившихся в древности на самом городище после того, как крепость была уничтожена. (Вариант названия — Телль аль-Фихар.)

²⁶ В списке перечислено восемь групп по три человека: во второй страже один из дежурных — врач (asū). Ахаямши назван в четвертой страже. Следующая, пятая, состоит из ДупкиТиллы, плотника, Тухмии, пастуха овец, и ТармиТиллы, врача (asū). Всего в списке 24 человека. Возможно, все они менялись в течение суток. Начальник караула, Илайя, сын Хапира, командир десяти колесниц (emanduhlu), известен из нескольких документов, найденных в храме (G.29) и в прихрамовых городских комплексах (G.73 и F.24). Четыре из этих актов — это его личный архив, в том числе завещание (Н XIX 7, 100, 124, 125). По одному документу он получает 70 ка ячменя (Н XVI 461:2). Другой представляет раздачу ячменя, по 30 ка, тридцати трем митаннийцам, размещенным среди граждан, от 1 до 6 человек в каждый дом (Н XVI 188).

ими этой функции. Формулы судебного акта совершенствовались с учетом судебной практики, как можно заметить по введению новых клаузул, защищающих права кредитора, появляющихся после судебных процессов с оспариванием этих прав²⁷. Тенденция к единообразию формул и каллиграфический почерк актов выдают координацию в работе писцов, очевидно, направляемую из одного центра. По всей видимости, это писцы клана АпалСина, самого продуктивного и многолюдного в этой специализации. Сам АпалСин и его старший сын Тайа были царскими писцами. Это, по всей вероятности, не столько свидетельство зависимости, сколько знак высокой квалификации писцов, начинателей писцового дела хурритского периода.

Один из документов ТехибТиллы подписан именами четверых братьев-писцов, внуков АпалСина, пятый из них составил этот документ (JEN, 155)²⁸. Почти половина свидетелей (всего их 11) оказываются писцами. Первый по списку — писец Синнадиншуми (ср. №4 и 36), безусловно, входил в коллегию судей (*dajjānu*), в присутствии которой шло рассмотрение дела. Несомненно, были судьями и следующие за ним: Хуния сын Шекарума и родные братья писца, в том числе Вакарбели (№10 нашего списка), так как обычно коллегия насчитывала до шести судей. Таким образом, писцы ведущего клана входили в судебскую коллегию общины Нузы. Судьи менялись, выполняя службу поочередно, как можно видеть по делу певца Эадупки (см. ниже, с.54).

Профессиональные родовые общины, в отличие от писцов работающие на рынок: ткацкая, гончарная и торговая, имели свои укрепленные селения с башнями (*dimtu ešpaṛē*, *dimtu pahhari(we)/(-ašše)*, *dimtu tamkar(he)*). Наличие башни — знак престижа в общинной системе. Писцы не обладали родовыми башнями. Нет ее даже и у крупнейшего из писцовых кланов, вероятно, по причине менее традиционной специализации писцов, возникшей как следствие централизации власти. Отсюда, видимо, проистекает двойственность положения писцов — достаточно уважаемого и вместе с тем зависимого. Вне крупнейшего из писцовых кланов жизнь писца была менее надежно обеспечена. Кабальная

²⁷ Ср., например, процесс относительно обетного поля (*Jankowska N. Provisioning of the Cult in Arrapha — anzanni "votive"*. — JEN 390; *Festschrift Lubor Matouš*, ed. B. Hruška—G. Komorocz. Budapest, 1978, с.171 и сл.) и последующее введение клаузулы относительно священного участка в сделках Илану, сына Тауки, внука Уннутей (H V 18, 38, 33, 85—87, 89, 91 и др.).

²⁸ В акте речь идет о возмещении долга, видимо, тонкорунными овцами, так как вместо 48 штук ТехибТилле отдано всего 15, но каждая стоит 30 мин меди, т.е. 4,5 сикля серебра, вместо 1,33 сикля — цены обычной овцы (см. примеч.16). Все вместе оценено в 22 таланта меди (660 кг).

ссуда и самозаклад — это удел писцов, не имеющих поддержки значительного клана.

Отмечая отсутствие писцов-стяжателей, стоит напомнить, что деятельность их в суде была организована в защиту кредиторов против должников. Юридический акт разрабатывался систематически именно в этом направлении. Однако, скорее всего, запись дела шла под диктовку именно кредитора, и вариации формулировок объясняются только этим, а не происками коллегии писцов. В единичных случаях через общинный суд удавалось найти управу на притеснителей граждан, как показывает процесс против градоначальника Нузы Кушшихарбэ. Возможно, борьба за справедливость шла шире, чем нам представляется по нашим материалам, так как наша информация — односторонняя: она идет из архивов власть имущих, в которых хранились только решения в их пользу. Документы рядовых граждан попадали сюда лишь вместе с передачей людей и имущества или хранились как в более надежном месте, если имелись связи по родству или свойству с хозяевами архива. Вне этих собраний текстов имеются небольшие архивы приближенных семьи ТехибТиллы и царевичей. Писцы не входят в этот круг.

В приведенном списке писцов более или менее отчетливо различаются две группы: 1) собственно писцы архива царевичей, составляющие хозяйственные записи, к которым можно отнести и ссудные акты; 2) городские писцы, которые были составителями юридических актов не только для архива царевичей. К второй группе относятся всего 5 человек: №3, 17, 31, 34 I, 35; промежуточное положение занимают 10 писцов: №4, 5, 8, 9, 12, 13, 16, 24, 33, 36 — преимущественно писцы клана АпалСина, которые могут быть отнесены как к первой, так и ко второй группе. Но даже и с добавлением десяти промежуточных имен первая группа не превысит трети списка. Таким образом, писцы, работавшие на различных клиентов, т.е. независимые, преобладают в списке, даже составленном по архиву царевичей.

На одном общественном уровне с писцами оказываются переводчики, *targumazu*²⁹, иногда происходящие из тех же семей, что и писцы (см. №34 IГ).

²⁹ В.фон Зоден принимает значение "переводчик" для *targumazu* в Аппахе под вопросом (*tarkumas(h)u*), Г.Вильгельм воздерживается от перевода вовсе. Мне кажется, что сомнения в тождестве с аккадским *targumanni* излишни. По мнению И.М.Дьяконова, высказанному в устной консультации, *targumazu* — это аккадизированная форма хурритского прилагательного на *-zi*. Такая форма вполне уместна при замене аккадского *targumanni*, которое было воспринято как хурритская форма на *-inne/onne/anne*. Этот аффикс, обозначающий в хурритском профессию, мог быть заменен по роду службы переводчика на более логичное прилагательное, на *-(z)zi*, определяющее способность к данной работе (*Diakonoff I.M. Hurrisch und Urartäisch. München, 1971, с.70-71*).

Писец ШехалТешуб, сын Маршаили, имел брата Дулдуггу, который был переводчиком (targumazu — Н XIII 480). Эти люди значительно реже упоминаются в текстах, очевидно, по роду их службы — преимущественно устной. В царском эскорте они присутствуют, но всегда безымянны, так же как возницы, водonoсы и прочий обслуживающий персонал.

Среди переводчиков, так же как и среди писцов, есть "дворцовые рабы". Таков Этешенни, ward ekallim акта Н XIV 593 (сектор R пом.76). Переводчик Нигмия упоминается в списке Н XIII 236 (А.26) вместе с певцом (nuāru) Кинни, возможно, идентичным человеку, который передал "затворницу" Пизуни в жены Зиге, будущему зятю царевича ШилвиТешуба (№43, ср. №34 II).

В акте Н XIII 237 (А.34) упоминаются четверо переводчиков: Дулдугга, Хатартэ, Шумиллика и Бентамму как люди, получающие шерсть. Переводчики перечислены вместе с земледельцами, людьми поселка Ар(вэ), поселка гончаров и укрепления Шелвихэ. Все обязаны возместить долги, после чего их расписки будут уничтожены. Под документом стоит печать царевича ШилвиТешуба. Первый из переводчиков, очевидно, брат писца ШехалТешуба, сын Маршаили. Все четверо числятся и в других ведомостях архива царевичей: в списке людей, получающих ячмень (Н XIII 349 — А.26), в одном таком же списке отмечено, что норма выдачи переводчикам — 30 ка ячменя (Н XIII 360 — А.23); в другом акте отмечается выдача каждому шерсти в количестве, равном настригу с одной овцы (Н XV 211 — А.26) — 2 kuduktu или 1 кг шерсти, количество, достаточное только для небольшого плаща (треть обычного)³⁰.

По дворцовому акту Н XIV 593 среди "дворцовых рабов" (wardē ekallim) числится всего один переводчик — Этешенни. Как все остальные люди этой группы, он получает на месяц 20 ка ячменя (15 л). Это, видимо, "блокадная" норма, вызванная военными условиями. Выдача продовольствия из запасов фуража (tabre) в месяце аркабинни (декабрь/январь) по акту Н XV 268 (сектор С пом.19) предполагает, что названных в списке группой дворцовых переводчиков было пятеро (если считать, что полученные ими на шесть дней 30 ка ячменя были выданы по обычной норме — 1 ка в день).

Дворцовый документ Н XV 64, судя по итогу, перечислял 58 переводчиков, из них 33 отнесены к категории "домочадцев" (nišē bitī) и 25 к категории "дворцовых рабов". В обеих категориях поименно перечисленные люди чередуются с безымянными их сыновьями и братьями. Это черта, характерная для представительства семейных общин, гаран-

³⁰ Zaccagnini C. A Note on Nuzi Textiles. — Studies in the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians in Honor of E.R.Lacheman. Eisenbrauns, 1981, с.355.

тирующих привлечение ими людей по своему выбору. Из-за фрагментарности документа сосчитать число семей переводчиков невозможно, в сохранившейся части списка их девять. К работе названных поименно переводчиков привлечено не менее 11 их родичей.

Это, бесспорно, тотальная мобилизация в связи с какой-то срочной надобностью. Возможно, по поводу появления в Аррапхе 200 митаннийских колесниц, т.е. не менее 600 воинов (на каждой возница, стрелок и щитоносец), которых в дальнейшем пришлось эвакуировать из страны через луллубеев³¹.

Если не ко всем, то к отдельным командирам и колесничим прикреплялись персональные переводчики. В списке раздачи переводчикам снаряжения они перечислены не поименно, а по тем людям, к которым были прикреплены: в документе Н XV 311, таким образом, перечислено не менее 15 переводчиков, приданных царевичам — Худибурашшэ, Вираххэ и ТадибТилле, šakīn māti Тешурхэ и колесничим. В списке Н XV 71 из пятидесяти двух человек 21 размещены по колесницам, в середине списка отмечены две группы переводчиков, точнее два их начальника (eṭennu)³², во главе списка названы трое певцов (заклинателей?), в том числе Кинни (ср. №43), и девять врачей (asū). Точно так же рядом с врачами упоминаются переводчики в списке колесничих Н XV 52. Отмечая снаряжение, утраченное на поле боя, документ Н XV 3 перечисляет пятерых граждан, которым были приданы переводчики. Среди хозяев переводчиков один — пекарь, другой — Белаххэ, сын ТехибТиллы, тезки начальника военного округа (дважды упоминается как свидетель процессов сыновей ТехибТиллы — JEN, 123 и 350 и трижды выступает свидетелем сделок Худии, сына Кушшии — ср. №4Г, 13, 28 и JEN, 59, 600, 644).

Прикрепленных переводчиков кормили те, кому они были приданы, как можно видеть по заемной Зиге: он берет ячмень взаймы для двух переводчиков — для того, который состоял при некоем торговом госте (ubāru), — беспроцентный, и для собственного переводчика — под процент (RA, XXIII 55 стк.5 и 11). Видимо, для своего переводчика он должен был иметь содержание, а для гостя мог и не иметь. Здесь возможно было какое-то снисхождение.

В праздничных дворцовых раздачах имена переводчиков называют: таковы упоминания Этешшени и Хашиб[x x], получивших зерно в месяц šehli Нергала (Н XIV 597 и Н XVI 166). В списке Н XIV 47 переводчики получают зерно среди обслуживающего персонала, полностью безымянного: здесь

³¹ Янковская Н.В. Аррапха — убежище Шаттивасы, сына Тушратты. — ВДИ. 1979, №1, с.31 и сл.

³² CAD, E, с.27 и ANw, 3, с.186 отождествляют слово с аккадским eṭēnu — "одиночка, человек без семьи". Тожество сомнительно.

названы скороходы, привратники, певчие Ал-илани, Ташени, некоего Айибни, мальчики евнуха, парикмахер, ювелир, водносы, пекарь, царский вестник, наложники; безымянны и гости — луллубеи, певцы-аккадяне, касситки; названы лишь два человека царской свиты — Тилдашшура и Картибэрви. Языки, с которых переводят *targumazu*, как видно, и есть касситский, луллубейский и аккадский, разговорным языком Аррапхи был, несомненно, хурритский.

Переводчик тем не менее может выступать как доверенное лицо царя, распоряжениям которого следует подчиняться, как видно из письма Н XIV 11. Шаттибэрви передает свои поручения относительно передачи коней к прибытию царевича Худибурашше также через переводчика (Н XIV 15).

Переводчики, так же как писцы, иногда выполняли дипломатические поручения. Так, переводчик Берий по документу, найденному в архиве дворца и касающемуся внешних сношений (пом. D 6), получает группу знатных женщин, видимо заложниц, переданных ему из рук главы общинного самоуправления (*šakin māti*) Агибташенни, в присутствии *ašū*, врача (Н XVI 398). Акт заверен печатью царского вестника, *sukkallu*, Агией (Агибташенни вторым). Этот акт относится к кругу событий, связанных с появлением в Аррапхе Шаттивасы, сына Тушраты, который в дальнейшем бежал из страны к хеттскому царю Суппилулиуме, получив там поддержку в войне с Шуттарной за митаннийский трон³³. Падение престола Митанни, последовавшее за этой междоусобицей в его царском доме, было одной из причин децентрализации политической власти и в Аррапхе.

В интересующих нас специальностях постоянную службу несут единицы: один переводчик и три писца во дворце, четверо переводчиков и пятеро писцов в доме царевичей. Вместе с тем мобилизация всех пригодных к работе переводчиков во дворце дает разом 58 человек. Надо думать, что и вне дворца имелись люди, способные служить при необходимости переводчиками.

В заключение остановимся на материалах, освещающих положение третьей группы образованных аррапхитов, связанных с двумя предыдущими, — певчих (*nuārū* и *nuārātu*)³⁴. В отличие от писцов и переводчиков, связанных между собою не только по службе, но и родственными отношениями, группа певчих была замкнутой и относилась к ближайшему окружению царя (№33⁶, 42⁶, 43). Среди них преобладают женщины, в число которых входят и чужеземные гости: аккадянки и митаннийки. Мушубшайю появляется в доме царевичей (Н XVI 9 — пом. А.26) и во дворце: среди девяти митанниек, за

³³ Янковская Н.Б. Аррапха — убежище Шаттивасы, с.34 и сл.

³⁴ Именно "певчие", а не музыканты, как переводит это слово АНw 8, с.748 и сл. Музыка, несомненно, самостоятельного значения не имела, составляя довольно элементарный аккомпанемент к пению.

которыми следуют 12 аккадянок (N XIV 502 — пом. R.76), и в перечне 58 женщин, получивших по 20 ка (15 л) ячменя (N XIII 498). Последний акт заверен šakin māti Тешурхе, правнуком ТехибТиллы; печать ПурнАбу, эконома царевичей, который служил ХишмиТешубу и ШилвиТешубу, показывает, что акт составлен до его переезда в Ал-илани³⁵.

Nuāru (!) Утта получает две завесы для дверных проемов по описи N XIII 165 (пом. A.14) в разделе выдач непосредственно царю. Этот список дополняет акт N XV 288, отмечающий распределение комнат людям царевича ХишмиТешуба, среди которых назван Абука, раб жены царевича, и обитательницы гарема. Некоторые из певчих в параллельных списках обозначаются как ešrētu, т.е. как "запертые", обитательницы гарема. Такова Имшенная, митаннийка дворцового документа N XIII 199 (пом. R.76), появляющаяся в роли "запертой" в документе дипломатического архива (D 3+6) среди женщин поселения Зизза, получающих по 15 л ячменя (N XVI 127).

Остается упомянуть певца Эадупки, который появляется в необычных для этой группы людей контекстах. Он попадает под суд за своевольную передачу некоему Ханакке 50 имеров ячменя (3750 л) и Келии вола, принадлежавших Абукке, рабу жены царевича ХишмиТешуба. Суд обязует его вернуть Абукке взятое, до возвращения его передают самого в дом Абукки (N XIII 325). Однако Эадупки снова появляется в суде с жалобой на притеснения Абукки и несправедливость решения. Новый состав судей, рассмотрев дело, вынес то же самое решение и за необоснованную жалобу приговорил Эадупки к штрафу: каждому из четверых судей первого процесса он должен дать по волю (AASOR, XVI 71). Какие-то основания для возражений, видимо, у Эадупки, были, но судьи признали их недействительными, поэтому они не отмечены в решении³⁶. Тот факт, что певец мог получить зерно из закромов Абукки, очевидно, обнаруживает достигаемость этих запасов для него. В случае грабежей обычно отмечаются взломы и нарушения печатей на хранилищах. Здесь ничего такого не произошло. Больше того, первое решение не содержало никаких мер наказания, кроме требования вернуть взятое. Второе — также по делу никаких наказаний не приводит, кроме возмещения судьям за повторный иск, роняющий их престиж. Певцы-мужчины, вероятно, были евнухами. Они получают праздничные раздачи вместе с обитательницами гарема. В одном акте дипломатического архива дворца (D 3+6) певец получает пшеницу вместе с Аллашхишурри, видимо матерью Шаттивасы (N XVI 115).

³⁵ См.: Царские братья, с.39-40.

³⁶ Возможно, причиной раздора была рабыня, упоминавшаяся в деле в неясной связи. Так или иначе, взятое певцом имущество Абукки оценивается примерно в 85 сиклей серебра (см. примеч.16).

Дупкия (возможно, тождественный Эадупки) сын Шекару, *puḡtu*, трижды встречается в документах комплекса А (пом. 34 и 41) и городского квартала Нузы, смежного с храмовой территорией (F пом.25), в качестве свидетеля сделок — это усыновление с передачей земельного участка (H XIII 273), купчая на отрока (H XIX 141) и завешание (H XIX 2).

В отличие от писцов и переводчиков певчие не попадают в категорию "дворцовых рабов", относясь только к кругу "домочадцев".

Более привилегированное положение певчих, видимо, объясняется значением культовых церемоний, в которых они играли важную роль, требующую не только усердия, но и особых дарований.

Вместе с тем не случайно, как кажется, никто из трех перечисленных групп образованных аррапхитов не появляется в роли кредитора. Лишь писцы и переводчики выступают иногда как должники, видимо, потому, что имеют семьи в отличие от певчих. Их состояние можно определить как среднее. Нуждаясь в поддержке, они получали ее индивидуально, без учета семей. Такое положение вещей не могло гарантировать преемственность традиций без собственного семейного хозяйства. Полностью специализироваться на писцовом деле мог только один клан АпалСина, достаточно многолюдный и занимавшийся этим делом, по всей вероятности, в значительной степени как престижным, наряду с другими обязанностями по устройству собственного хозяйства, кормившего семью. Эта специализация не могла рассматриваться как единственный источник существования.

Половина представленных в нашем списке писцов относится к писцовым кланам АпалСина и ИнбАада. Кроме того, два писца оказываются отцом и сыном вне этих кланов — следовательно, существует еще одна писцовая семья. Если остальные 20 человек специализировались на писцовом деле индивидуально, то можно считать, что грамотность не была привилегией только писцовых кланов. Однако, несомненно, писцовое дело в Аррапхе направлялось именно единичными писцовыми кланами и, скорее всего, даже одним, восходящим к АпалСину. Существенно, однако, что в ряду характерных для Аррапхи профессиональных селений имеется и "поселок писцов" (*āl tuṣṣarriniwe*), не идентичный родовому селению царского писца АпалСина — родоначальника крупнейшего клана писцов (см. примеч.19). Этот писцовый поселок, как считает М.Мюллер, располагал своим советом старейшин (*Miller M. Ein Prozess*, с.448) или, во всяком случае, народным собранием (см. здесь примеч.16). Вся документация Аррапхи, если не прямо, то косвенно касаясь перераспределения имущества и людей, учета и контроля состоятельных домов, была связана более всего с царским домом и чиновничеством. Все имущественные передачи идут в направлении усиления власть имущих. Харак-

терно, что упадок царской власти сопровождается прекращением потока документов. Тем не менее важно, что возобновление документации, прерывавшейся в Нузе с XXII в. до н.э. неоднократно, каждый раз сразу обнаруживало руку опытного писца. Новые образцы документации осваивались применительно к особенностям местных условий. Мастерски разработанный юридический акт с мгновенным учетом спорных случаев и обобщением их в форме введения новых клаузул; каллиграфический почерк с безукоризненным размещением текста — все это свидетельства сохранения писцовой школы в недрах общины даже в "молчаливые" периоды. Ошибки в аккадском, типичные для поколений Арапхи, как отметил Э.А.Спейзер³⁷, происходят от влияния разговорного языка этих писцов, хурритского, который структурно отличался от семитских, будучи эргативным, с иной градацией глухих и звонких согласных. В этой связи особенно примечательны рудименты обязательного для аккадского писца знания шумерского — первоначального языка клинописи. Ранние писцы Нузы употребляют в документах шумерские формулы, которые в третьем их поколении исчезают. Как можно видеть по передаче шумерской формулы ссудного акта, звучащей как SU.BA.TI, через глухой средний SU.PA.TI — эта формула читалась по-шумерски с искажением фонетики, характерным для хурритского языка. В шумерском такая замена категорически неприемлема. Приведенный пример представляет особый интерес в ряду вопросов использования традиционного "бланка" (канцелярской формулы) в иноязычной писцовой среде — вопросов, характерных для гетерографических письменностей, вплоть до парфянской, успешно изучаемой В.А.Лившицем.

ПРИЛОЖЕНИЕ: СПИСОК ПИСЦОВ АРХИВА ЦАРЕВИЧЕЙ

(Список писцов в приложении содержит реконструкции родословных, приведенные в угловых скобках, и краткие аннотации наиболее выразительных актов.)

1 Абиилу, сын Набуили <правнук АпалСина >

н IX, 19 (A.26) — усыновление ПаиТешуба, раба царевича ШилвиТешуба (ср. №12^{ВД}, 15, 26), с передачей ему сада.

(составитель акта для сыновей ТехибТиллы, JEN, 105 — III поколение)

2 Агия, сын Шумулибши <правнук АпалСина >

AASOR XVI, 70(A.14) — процесс против ВурТешуба, сына УрхиТешуба <внука царевича Эваркали, правнука Кибитешуба > из-за колесницы Шадутае, сына НулТешуба (ср. №32), угнанной по распоряжению обвиняемого в город Ансуккаллу.

³⁷ Speiser E.A. Linguistic Substratum at Nuzi. — AASOR XVI, Appendix B, с.136—142.

(составитель актов для сыновей и внуков Вуллу, сына Пужишени, возможно брата ТехибТиллы — TCL IX, 12, 19; RA XXIII 7, 15, 46, 48)

3 Аккулени, сын Арихаманны

Н XV, 179 (A.14) — передача одежд, в том числе ханаанского пурпура, некоей Ватилиашу из дома Агиташени.

(составитель акта JEN, 386 для внука ТехибТиллы — IV поколение)

4 АмумиТешуб, сын Синнадиншуми <правнук АпалСина>

а) Н XIX 141 (A.41) — акт Агии, сына Вираххэ <праправнука КибиТешуба>: приобретение отрока.

б) Н XIII 183 (A.26) — писец получает шерсть по общему списку.

в) Н XIII 390 (происхождение неизв.) — писец получает ячмень царевича ШилвиТешуба.

г) Н IX 8 (A.26) — процесс о краже деревьев царевича ШилвиТешуба, представляет пострадавшего Худия, сын Кушшии (ср. № 13, 28)

(составитель актов JEN, 9 и 108 для внука ТехибТиллы — IV поколение, и для сына Вуллу, RA XXIII, 66 — в документе упомянут царевич ХудибШимига, сын Тешшуйи, внук царя КибиТешуба).

5 Амуррия, сын Утамансэ <внук ИнбаДада>

Н IX 96 (A.26) — передача некоего Шимигари царевичу ХишмиТешубу <внуку КибиТешуба> с правом царевича выбрать себе из потомков Шимигари одного отрока и одну отроковицу.

(составитель акта для рабыни, принадлежащей Тулбуннае, жрице-энту, — AASOR XVI, 43, и акта RA XXIII, 5 — завещания сыновьям Вуллу, ср. №2)

6 АрТешуб, сын Турари <правнук АпалСина>

Н IX 18 (A.26) — меновая полевых участков царевича ШилвиТешуба с его приплатой: 2 овцы, 225 л ячменя и 4 кг олова.

7 Ахаямши, сын Азены

Н XIX 138 (A.40) — фрагмент юридического акта.

(Возможно, идентичен Ахаямши, дворцовому рабу, деятельность которого отмечается в дворцовом архиве, сектор R пом.76. Это документы обмена дворцовой бронзы, собранной среди персонала и отвезенной им к луллубеям, горцам Загра, для приобретения у них ячменя, распределенного в дальнейшем среди персонала — Н XIII 493, Н XV 162 и Н XIII 172, Н XIV 535, Н XVI 348. Видимо, также этого человека касается письмо царевича ТадибТешуба с требованием прислать 6 человек к царю, среди них Ахаямши — Н XIV 30, найдено в секторе N пом.120. По всей вероятности, он же входит в одну из восьми троек, назначенных для охраны городских ворот — Н XV 284. Отождествление не вполне надежно; хотя это и редкое имя, но в архивах Нузы есть тезка Ахаямши, сына Азены, — Ахаямши, сын Худи.)

8 Ахууммшиса <правнук ИнбаДада>

Н XIII 464 (A.26) — список 14 колесничих, получающих зерно царевича ХишмиТешуба. Под актом печать Пурнабу, эконома царевичей (ср. № 39^B).

(составитель акта JEN, 487—меновая на полевые участки сына Тулбуннаи с приплатой: 1650 л ячменя, 30 кг меди и овца, и актов Вуллу — RA XXIII, 13 и 35)

9 Беламмушаллим

а) Н XIV 229 (А.26) — берет масло Амминай с возвратом в месяце хияре (ср. № 20).

б) Н IX 95 (А.26) — ссуда 6 кг олова Белиддины, дворцового человека (māg ekallim), обязанного (pašu) царевичу ХишмиТешубу, возврат через год 18 мин (9 кг). Должник — Аммаку, сын Улуший.

в) Н XIII 467 (А.23) — усыновление Белиддины Тайей, сыном Аккушени, с передачей ему заброшенного участка внутри Нузы (3,5×2 м) за 300 л ячменя, 4 кг меди.

г) Н IX 93 (А.26) — ссуда 120 кг меди Белиддины (karhu) царевича ХишмиТешуба, купцу (tamkaru) Хурбишени, сыну Тайи, до месяца шехли Тешуба (октябрь/ноябрь).

(составитель акта JEN, 13 для ТехибТиллы, но и документа RA XXIII, 64 для внука ТехибТиллы и акта Н V 52 для правнука Кадири)

10 Вакарбели <внук АпалСина >

Н XVI 366 (А.341) — числится в списке с сыновьями ТехибТиллы и сыновьями царевича Тешшуйи <сына царя КибиТешуба >.

(составитель более десятка актов для ТехибТиллы, один из них в присутствии четверых братьев писца, JEN, 155; но и двух документов для сына ТехибТиллы — JEN, 174 и 622)

11 Зиге, сын Синикиша, писца

Н XIX 31 (А.30!) — усыновление Ишпахалу, сына Малии (ср. № 15 и 25).

(составитель завещания для сына Кадири — Н V 76, заверенного тремя царевичами: Тешшуйей, сыном КибиТешуба, и двумя внуками царя, УрхиТешубом и НихриТиллой, II—III поколения)

12 Иланишу <внук АпалСина >

а) Н XIII 490 (А.14) — усыновление Абуки (ср. № 33^a-Г), раба Тилунайи, жены царевича ХишмиТешуба, с передачей ему полей и построек за 25 сиклей серебра.

б) Н XIII 445 (А.26) — акт царевича Эваркали <сына царя КибиТешуба > с передачей ему построек, среди свидетелей царевич Вираххэ, правнук КибиТешуба.

в) Н XIII 419 (А.23) — передача овечьих шкур для изготовления мешков, среди ответственных лиц ПаиТешуб, раб царевича ШилвиТешуба (ср. № 1, 15, 26, 37)

г) Н IX 139 (А.26) — фрагмент процесса царевича ШилвиТешуба против Агабшени, сына Пурназими.

д) Н IX 150 (А.26) — заем 400 штук кирпича у ПаиТешуба, управляющего хозяйством (šaknu) царевича ШилвиТешуба.

(составитель актов для ТехибТиллы, JEN, 11, сыновей ТехибТиллы, JEN, 123, 659; для сына Кадири и его внука — Н IX 111)

13 Илараб

Н XV 11 (А.26) — выдача бронзовых пластин и кож для изготовления доспехов, под текстом печать Худии (ср. № 4, 28).

(ср. Иларби — составитель акта ТехибТиллы, JEN, 257, и завещания жены правнука Кадири, Н V 74)

14 Иния, сын Кианнипу

Н IX 94 (А.26) — допрос двух рабов царевича ХишмиТешуба о краже ими волов у Нахшшалму, внука Кадири.

(составитель акта ТежибТиллы, JEN, 373, и документа JEN, 339 для сына ТежибТиллы)

15 Ипшахалу

Н IX 30 (A.26) — дар ПаиТешубу, рабу царевича ШилвиТешуба (ср. № 1, 12^{ВД}, 26), 1 "плуга" (0,11 га) пастбищного (tabrē) поля в поселении Тилпаштэ (под текстом печати хозяина поля и его сына).

(составитель актов для внука ТежибТиллы, JEN, 402, и праправнука Кадири, Н V 28, т.е. для IV—V поколений)

16 Ишкурандул <правнук АпалСина >

а) Н XIII 471 (A.14) — повторная ссуда Херикке, сыну Ханакки (ср. № 33^б), 15 л ячменя с обязательством дать кредитору, Хашуару, сыну Шимигари, 12 жнецов.

б) AASOR XVI, 91 (A.14) — сделка относительно шерсти, хранящейся в доме сына НанТешуба (ср. № 32).

17 Ишкурмансэ <правнук АпалСина >

а) Н XIV 531 (A.14) — ссуда 750 л ячменя Хашуара, сына Шимигари, на 10 лет Тармийе, сыну Уге, с обязательством вернуть 11 имеров 24 ка (843 л) и нести службу управляющего хозяйством (šellintannu).

б) Н XIII 24 (A.14) — ссуда 750 л ячменя Хашуара, сына Шимигари, с обязательством вернуть по требованию 2250 л и выполнять службу управляющего хозяйством (šellintannu).

в) Н XIII 79 (A.14) — ссуда 3750 л ячменя Хашуара, сына Шимигари.

18 Кабитбели

Н XIX 83 (A.26) — брачный договор для раба, принадлежащего Худанни, сыну царевича Эваркали <внуку Кибитешуба >.

19 КиштиАдад

Н XIII 122 (A.26) — меновая сыновей царевича Эваркали, Худанни и Урхитешуба, внуков Кибитешуба; в долю одного из них входит хозяйство Эннамеди, ткача — дворцового раба (см. Н XVI 360).

20 Малия

Н XIII 310 (A.26) — процесс о 60 овцах Эхлитешуба, сына Тайи, попавших на выгон царицы Амминайи <жены сына Кибитешуба > (ср. № 9^а).

21 Маннукибелия

а) Н XIX 56 (A.26) — фрагмент юридического акта.

б) Н XIX 132 (A.30) — акт Аммишнайи, матери Хуйи.

22 Наннамансэ <внук АпалСина >

Н IX 11 (A.26) — процесс о 7 волах, частью подошедших, частью пропавших в результате нападения на пастуха, работавшего на царевича ШилвиТешуба; обвинитель ХашибАбу, начальник военного округа (halšuhlu).

(составитель актов JEN, 228, 252 и 591 для ТежибТиллы, и JEN, 367 и 375 для сына ТежибТиллы; акт JEN, 591 датирован временем, когда градоначальником Нузы был Кушхарбэ, впоследствии попавший под суд за злоупотребления властью)

23 Нигрия

Н IX 13 (A.26) — передача отрока, принадлежащего царевичу ШилвиТешубу, с заменой его двумя заложниками.

- 24 Нирари, сын Тайи < внук АпалСина >
 Н IX 29 (А.26) — передача утвари на 90 кг бронзы с временным помещением ее в сокровищницу царевича ШилвиТешуба под ответственность ПаиТешуба, управляющего хозяйством (šellintannu) царевича (ср. № 1, 12^{ВД}, 15, 26, 37^А).
 (составитель актов для внука ТехибТиллы, JEN 108, и праправнука Кадири, Н V 70, т.е. IV—V поколений)
- 25 Синикиша (ср. № 11)
 Н XIII 465 (А.14) — завещание сына Ипшалаху (ср. № 11).
 (составитель актов Арицы-энту, Тулбуннайи, AASOR XVI, 21, 22 и 28, и одного акта ее рабыни, AASOR XVI, 44. Предположительно это старшая современница ТехибТиллы)
- 26 Синшадуну, сын Амуршарри < праправнук Инбадада >
 Н IX 22 (А.26) — усыновление ПаиТешуба, раба царевича ШилвиТешуба (ср. № 1, 12^{ВД}, 15, 37^А) с передачей полей, домов и всего имущества усыновителя.
 (составитель актов для внука ТехибТиллы, RA XXIII, 70, и правнука Кадири, Н V 6, т.е. IV поколения)
- 27 Тармитешуб, сын Шаррумалика < прапраправнук АпалСина >
 а) Н XIII 489 (А.14) — НанТешуб передает свое поле ХашибТилле за ткань и 1,5 кг олова, все труды делят пополам (ср. № 16^Б, 32).
 б) Н IX 9 (А.26) — процесс о рабыне царевича ШилвиТешуба, сбежавшей в дом Эннамеди, сына Пурнашука.
 (составитель завещания для жены правнука Кадири, Н V, 74)
- 28 ТурарТешуб, сын Итхакхэ < правнук АпалСина >
 а) Н IX 41 (А.26) — передача двух балок царевича ШилвиТешуба (дл. 6 м, диам. 1 м) до месяца хияра (август/сентябрь), выдает Худия, сын Кушшии (ср. № 4, 13).
 (составитель актов для сыновей ТехибТиллы — JEN, 130, 154, AASOR XVI, 52; внуков ТехибТиллы — JEN, 535, 540, 542, 549, 550, 642, RA XXIII, 61; для внука Уннудейи — Н V 22, 79, Н IX, 98, 156, и праправнука Кадири — Н V 53, т.е. для III—V поколений)
- 29 Урхитешуб
 а) AASOR XVI 68 (А.23) — освобождение заложника, Тайи, сына Артейи, взятого за овец (ср. № 20).
 б) Н XIX 116 (А.34!) — купчая на отрока, переданного ЭлхиБтилле, сыну Шугрии, царевича < внука Кибитешуба >.
 (составитель актов ТехибТиллы, JEN, 453, 456; присутствует среди свидетелей сделки сына ТехибТиллы, JEN, 350)
- 30 Хашия
 а) Н IX 28 (А.26) — передача на 10 лет садов в залог-антихрезу за 225 л ячменя; сады относятся к поселению Палайя, принадлежавшему царевичу ШилвиТешубу; должник обязуется работать в садах, за каждый пропущенный день внося штраф — 0,5 кг меди.
 б) Н XIX 40 (А.14) — усыновление некоего Тирвиники писцом ШехалТешубом, сыном Маршаили (см. № 34, I)
- 31 Худибшарри
 Н IX 36 (А.26) — расчет получения коней, заказанных царевичем

ШилвиТешубом: три получены, еще столько же он примет из любых — будь то кобыла, жеребец, трехлетка или четырехлетка.
(составитель актов для Вуллу, TCL IX, 7, и его сыновей — RA XXIII, 6 и 25)

32 ХудТешуб, сын ЭхлиТешуба < праправнук АпалСина >

Н XIX 129 (А.14) — акт Шадутае, сына НулТешуба (ср. №2): ссуда сикля золота ШантаБуриашу, сыну НанТешуба (ср. №16^б, 27^а).

33 Худия, сын Утамансэ < внук ИнБадада >

а) Н XIII 93 (А.26) — передача Абукке (см. № 12^а) более 32 га полей и сада (95 м × 109 м × 39,5 м × 39,5 м), расположенного в Циллии, царем Аррапхи, ИгхиТешубом, сыном Кибитешуба.

б) Н XIII 325 (А.26) — обвинение певчего Задупки (см. с. 54) в самовольной передаче некоему Ханакке (ср. № 16^а) 3750 л ячменя и Кели — вола, принадлежащих Абукке.

в) Н XIII 326 (А.26) — обещание жителей поселения Циллия вернуть Абукке колесо не позже месяца митирунну (май/июнь).

г) Н XIII 215 (А.26) — передача Абукке построек: 55,5 м в окружности за 30 кг меди и 750 г олова, ткань и 225 л ячменя; среди свидетелей сделки два царевича: Хашуар и Артирвэ.

д) Н XIII 417 (А.26) — опись недвижимости ШуварХебы, сестры царевича ШилвиТешуба, в поселении Зизза и вне его: гумно, четыре комплекса построек, сад, поля и различные участки общей площадью около 200 га.

(составитель актов для ТехибТиллы: JEN, 327, 347, 380, 622, но и для внука ТехибТиллы: JEN, 314, и правнука Кадири: Н V 43; составил акт AASOR XVI, 6 по делу градоначальника Нузы Кушшихарбэ, под текстом печать судьи, ХаншТешуба, брата ТехибТиллы)

34, I ШехалТешуб, сын Маршаили

а) Н XIII 216 (А.26) — погашение ссуды 3750 л ячменя, взятого у царевича ШилвиТешуба.

б) Н XIII 221 (А.23) — восстановление утраченных ссудных расписок на зерно царевича ШилвиТешуба (более 30 тыс. л).

в) Н XIII 237 (А.23) — раздача зерна домохозяевам (niš bīti) поселений Ташени и Ал-илāни.

г) Н XIII 480 (А.23) — ссуда ячменя царевича ШилвиТешуба, среди берущих зерно два брата, Дулдугга и ШехалТешуб, писец — сыновья Маршаили.

д) Н IX 14 (А.26) — ссуда 600 л ячменя, взятого у ШушибШамаша, раба царевича ШилвиТешуба (место займа — поселок гончаров).

34, II ШехалТешуб, сын Утамансэ < внук ИнБадада >

Н IX 24 (А.26) — брачный договор ШуварХебы, сестры царевича ШилвиТешуба, передаваемой им в жены Зиге, сыну Муштен, с условием, чтобы тот не брал в дом обитательниц гарема (см. № 43).

(один из тезок — составитель акта для праправнука Кадири — Н V, 19)

- 35 Шилахи, сын ШилвиТешуба
 а) Н IX 27 (А.26) — залог-антихреза около 3 га полей за 900 л ячменя и 5 кг олова, должник и составитель акта — одно лицо!
 б) Н XIII 463 (происх. неизв.) — процентный заем 375 л ячменя.
- 36 ШилахиТешуб, сын Синнадиншуми <правнук АпалСина>
 а) Н IX 154 (А.26) — ссуда бронзы царевича ШилвиТешуба до сбора урожая купцу (tamkārūm) Уммани, сыну Кавинни.
 б) Н XIII 223 (А.23) — распределение 26 775 л ячменя из поселения Циллия, в том числе 15 000 л под процент ХашибТилле (ср. № 27^а, 37^в), 7500 л живущим у переправы, 750 л Маршаили, 375 л ПаиТешубу, 150 л ШилахиТешубу, названному среди земледельцев укрепления Шелвихэ, приобретенного царевичем ШилвиТешубом.
 в) Н XIV 625 (А.23) — раздача ячменя и полбы поселения Палай (ср. № 30^а) домохозяевам в царской резиденции, Ал-илани (25 человек), и представителю укрепления Шелвихэ.
 (составитель актов для внука ТехибТиллы, JEN, 103, 310 и 492)
- 37 ШиманниАдад, сын Набуили <правнук АпалСина>
 а) Н IX 20 (А.26) — усыновление ПаиТешуба, раба ШилвиТешуба (ср. № 12^{вд}, 15, 26), с передачей ему около 1 га поля.
 б) Н IX 145 (А.26) — удочерение Хинзурайей, рабыней царевича ШилвиТешуба, девушки с правом отдать удочеренную своему сыну или кому угодно другому, только не рабу (!).
 в) Н XIX 136 (А.13) — развод Бинги, дочери ХашибТиллы (ср. № 27^а, 36^б).
- 38 Шамашрецуя, сын ТурарТешуба <праправнук АпалСина>
 Н IX 25 (А.26) — передача за 20 сиклей (около 166 г) серебра рабыни в руки жены царевича ШилвиТешуба.
- 39 ШарТилла, сын Илииддины (=Илийи) <правнук АпалСина>
 а) Н IX 7 (А.26) — клятвы обвиняемых в ночной порубке деревьев в саду царевича ШилвиТешуба; оба отправлены к ордалии, божему суду, и само дело передано царю.
 б) Н IX 35 (А.26) — дарственная царевичу ШилвиТешубу на дома в Ал-илани, соседние с его собственными. Акт составлен в Ал-илани.
 в) Н XIII 161 (А.23) — усыновление ПурнаАбу, раба царевича ШилвиТешуба, с передачей ему дома и колодца в Ал-илани по соседству с царевичем, размер постройки 12,5 м × 12,5 м × 4 м × 4 м, отдана за 3750 л ячменя. Акт составлен в Ал-илани.
 (также в Ал-илани им составлен документ RA XXIII, 33 — брачный договор дочери Ипшакхалу, сына Хаманны, но передача поля и построек тому же человеку, RA XXIII, 50, оформлена уже в поселении Ташени)
- 40 ЭлхиБтилла, сын Вурруканни
 (писец, работавший в Ал-илани)
 а) Н XIII 114 (А.26) — мена долями в полях и домах между братьями, Энмади, сыном Милкии, и Арташени.

б) Н XIV 568 (происх. неизв.) — усыновление КаиТиллы, раба царевича ШилвиТешуба, с передачей ему сада: 70 м в окружности, за 375 л ячменя.

в) Н IX 15 (A.26) — Эннамади (отчество не сохранилось) взял у царевича ШилвиТешуба 225 л ячменя и передал в заложники сына для отработки процента до возврата ссуды.

(составитель акта RA XXIII, 22 для сына Ипшалау, оформленного в Ал-илани; акта RA XXIII, 30 для внука Вуллу, оформленного в Ташени, и документа AASOR XVI, 62, составленного в Нузе для царевича Урхи-Кушуа < прапраправнука КибиТешуба > — VI поколение)

41 ЭнибТилла

(писец, работавший в поселении Зизза)

а) Н XIX 76 (A.13) — брачный договор.

б) Н XIX 62 (A.30!) — договор о совместной обработке надела и совместном несении повинности.

в) Н XIX 140 (происх. неизв.) — договор о совместном хозяйствовании с исключением из доли братьев договаривающихся сторон.

42 Эннамади, сын Итхпихэ <правнук АпалСина >

а) Н XIX 78 (A.26) — брачный договор Худанни, сына царевича Эваркали < внука КибиТешуба >

б) AASOR XVI, 71 (происх. неизв.) — повторное рассмотрение дела певца Эадупки (ср. № 33^б).

(составитель актов JEN, 40, 49, 401 для ТехибТиллы и актов JEN, 191, 379 и 546 для сына ТехибТиллы; работал в поселении Уламэ — акт JEN, 546, и поселении ХашбиАбу — акт JEN, 482 (возможно, родовом владении начальника военного округа — см. № 22)

43 Эррази, дворцовый раб

Н XIV 595 (A.14) — брачный договор Кинни, передающего свою дочь или сестру, Пизуни, в жены Зиге (ср. брачный договор царевны Шувар-Хебы — № 34, II).

(Кинни, вероятно, лицо, тождественное Кинни певчему-чтецу акта Н XIII 236. Пизуни известна как обитательница гарема, *esirtum*, из акта Н XVI, 127, стк.6, в числе 30 обитательниц гарема в поселении Зизза; по акту Н XVI 198 (A.23) Пизуни получает 180 л ячменя в числе домоладцев (*niše bīti*) поселения Зизза (годовая норма, судя по дворцовым раздам: по акту Н XIII 104 ей выдают 7,5 л ячменя и она названа сразу после царевен).

(составитель завещания для правнука Кадири — Н V 70, т.е. IV поколение)

44 Этейя

Н XIII 259 (A.26) — передача женщины.

СПИСОК ТЕКСТОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ

AASOR XVI	367	74	150	419	64	78
	373	76	154	445	71	83
6	375	79	156	463	72	100
21	379	85		464	162	116
22	380	86	H XIII	465	179	125
28	386	87		467	211	129
43	401	89	24	471	233	132
44	402	91	79	480	268	136
52	453		93	489	283	138
62	456	H IX	104	490	284	140
68	482		114	493	288	141
70	487	1	122	498	311	
71	492	8	132			RA XXIII
91	535	9	161			
	540	11	165	H XIV	H XVI	5
JEN	542	13	172			6
	546	14	183	11	9	7
9	549	15	193	15	46	13
13	550	18	199	30	115	15
40	591	19	215	47	127	22
49	600	20	216	123	166	25
59	622	22	221	229	188	30
103	642	24	223	502	198	33
105	644	25	227	531	348	35
108		27	236	535	360	46
130	H V	28	237	568	366	48
154		29	246	593	398	50
155	6	30	259	594	461	55
174	18	35	264	595		61
191	19	36	273	597	H XIX	64
228	22	41	277	625		66
252	28	93	310	640	2	70
257	33	94	325		7	
310	38	95	326	H XV	31	TCL IX
314	43	96	363		40	
327	52	98	390	3	56	7
339	53	139	397	11	62	12
347	70	145	417	52	76	19

НОВОБАВИЛОНСКИЙ ТЕРМИН URĀŠU

Относительно значения urāšū/(amēl)urāšū ассириологи высказывали различные мнения. К.Л.Талквист возводил его к глаголу eḡēšu "желать"¹. Такой же этимологии придерживался и Э.Эбелинг, который предложил перевести это слово "замена служебной повинности по желанию" повинностнообязанного². По мнению А.Унгнада, оно означало "поручительство"³. М.Сан-Николо писал, что в Ассирии словом (amēl)urāš/su обозначалось лицо, подвластное наместнику области, но в новобавилонское время оно стало употребляться в качестве термина для какой-то повинности⁴. Наконец, согласно В. фон Содену, рассматриваемое слово засвидетельствовано в средне- и новоассирийских текстах и в документах из Нузи в форме urasu, а в позднебавилонском диалекте аккадского языка — urāšū для обозначения какого-то надзирателя над работой (Arbeitsleiter) и определенного участка земли (только в позднебавилонском диалекте)⁵.

Поскольку этот термин не был до сих пор исследован, остановимся сначала на документах, где он засвидетельствован, и при этом будем пока переводить его условно "повинность", а (amēl)urāšū — "повинностнообязанный".

Nbn 713. "Белшуну, сын Бел-икиши, потомка жреца боги-ни Нанайи, (и) Набу-лиллу, сын Бел-убаллита, потомка

¹ *Tallqvist K.L.* Die Sprache der Contracte Nabû-nâ'id's. Helsingfors, 1906, с.51.

² *Ebeling E.* Glossar zu den neubabylonischen Briefen. München, 1953, с.58.

³ *Ungnad A.* Glossar. Beiheft zu Band I M. San Nicolò und A. Ungnad. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden. Lpz., 1937, с.30.

⁴ *San Nicolò M.* Materialien zur Viehwirtschaft in den neubabylonischen Tempeln. — *Orientalia*. Vol.20, 1951, с.144.

⁵ *Soden W. von.* Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1979, с.1428.

Эа-/[...], по поручению Нуреа, сына Бел-икиши, [получили] 11 мин серебра в счет повинности Иддин-Мардука, сына Икиши, потомка Нур-Сина.

[Свидетели] (имена двух человек) и писец (имя).

Вавилон, 15-й день месяца абу 13-го года Набонида, царя Вавилона".

Суг 8. "Нергал-аххе-иддин, сын Роба-Мардука, потомка Шигуа, получил из рук Мардук-риманни, сына Иддин-Мардука, потомка Нур-Сина, 15 сиклей серебра в счет повинности Иддин-Мардука, сына Икиши, потомка Нур-Сина. Кроме прежних расписок на 9 сиклей, которые получил Лабаша из рук Мардук-риманни.

Свидетели (имена трех человек) и писец (имя).

Вавилон, 21-й день месяца аддару года начала царствования⁶ Кира, царя стран".

Суг 86. "Бан-зер, сын Даян-Мардука, потомка Син-шадуну, получил из рук Мардук-риманни, сына Иддин-Мардука, потомка Нур-Сина, 5 сиклей серебра в счет повинности Иддин-Мардука, сына Икиши, потомка Нур-Сина. Кроме (прежних) расписок.

Свидетели (имена двух человек), писец (имя).

Вавилон, 8-й день месяца аддару 2-го года Кира, царя Вавилона, царя стран".

Суг 224. "Нуммуру, [сын?] Зерии, получил из рук Нергал-рицуа, раба Итти-Мардук-балату, сына Набу-аххе-иддина, (плату за) повинность Иддин-Мардука, сына Икиши, (за время) до 3-го дня месяца симану 6-го года.

Свидетели (имена двух человек), писец (имя).

Вавилон, 3-й день месяца аяру 6-го года Кира, царя Вавилона и стран".

Самб 88/419. "Бан-зер получил из рук Иддин-Мардука 1/2 мины серебра в счет повинности по обжигу кирпичей — (повинности) Иддин-Мардука, сына Икиши, потомка Нур-Сина, (за время) от месяца ду'узу 1-го года Камбиза, царя Вавилона, до истечения срока контракта (?). Он (также) получил прежние контракты (?). По одному экземпляру (документа) они получили.

Свидетели (имена трех человек) и писец (имя).

Вавилон, 14-й день месяца тебету 1-го года Камбиза, царя Вавилона".

Nbn 1091⁸. "Бан-зер, сын Даян-Мардука, потомка Син-шадуну, получил из рук Итти-Мардук-балату, сына Набу-ах-

⁶ Т.е. года вступления на престол (539 г. до н.э.).

⁷ О соответствующем аккадском выражении см.: Oppenheim A.L. La formule "adi tuppi (ana) tuppi". — Revue d'Assyriologie. Vol.33, 1936, с.143—151.

⁸ Издатель текста И.Н.Штрассмайер отнес его под вопросом ко времени правления Набонида. Датировка документа сохранилась не полностью, но из титула "царь стран" видно, что его следует датировать ахеменидским временем.

хе-иддина, 3 сикля серебра в счет повинности Иддин-Мардука, сына Икиши, потомка Нур-Сина. Кроме прежних расписок.

Свидетели (имя одного человека), писец (имя).

Вавилон, 15-й день месяца улулу 1-го года [...], царя стран".

Nbn 632. "[...] -ушаллим, сын [...], получил из рук Итти-/Мардук-балату, сына/ Набу-аххе-иддина, [потомка Эгиби], двух человек для выполнения повинности по земельной работе, (повинности) [Иддин-Мардука], сына Икиши, потомка Нур-Сина, (за время) от месяца арахсамну до конца месяца нисанну 13-го года Набонида, царя Вавилона.

Свидетели (имена трех человек), писец (имя).

Вавилон, 9-й день месяца арахсамну 12-го года Набонида, царя Вавилона".

Суг 212. "Шапик-зер получил из рук Мардук-риманни 1 сикль серебра для работника пардесу⁹. (Документ составлен) в присутствии Аплы, сына Табнеа, и Надина, воина (на колеснице).

22-й день месяца тебету 5-го года Кира, царя Вавилона, царя стран".

Сamb 260. "Бел-бан-зер, сын Нуреа, потомка жреца Нанайи, получил из рук Мардук-шум-ибни и Набу-шум-/иддина/, сыновей Шулы, потомка Эпеш-или, серебро (за) одну повинность до [...] дня месяца шабату 4-го года Камбиза, царя Вавилона, царя стран.

Свидетели (имена трех человек), писец (имя).

Вавилон, 8-й день месяца шабату 4-го года Камбиза, царя Вавилона, царя стран".

Dar 84. "(Относительно) двух сиклей белого, очищенного серебра, которые Шамаш-иддин, сын Бан-зера, потомка Син-шадуну, получил из рук Шум-укина и братьев его, сыновей Аплы, потомка Гахула, и Набу-буллитсу, сына Мушаллима, потомка Гахула.

Свидетели (имена двух человек), писец (имя).

Вавилон, 24-й день месяца ташриту 3-го года Дария, царя Вавилона и стран".

ТМНС II/III, 217. "Бау-шум-ибни, потомок Нинурта-ушаллима, Нинурта-аххе-риба, потомок [...] — треть (повинности), Силим-или, потомок Иримшу-Нинурты, Надин, потомок Балату [...], Бау-икиша, потомок [...], Балатсу, потомок Нинурта-ах- [...], Шамаш-шум-лишир, потомок Шамашина-эшше-этира, Энлиль-ах-иддин, потомок Шамаш- [...] — треть, Энлиль- [...] — треть, [...], потомок Аххеша — треть, Укин-Ининни, потомок Энлиль-ах-иддина — половина, [...], потомок Энлиль-ах-иддина — половина, [...], потомок Шуллума, — треть, [...], потомок Энлиль-ах-иддина, —

⁹ Имеется в виду парадис, парк для отдыха и развлечений персидских царей, см.: *Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975, с.179.*

треть, [...], потомок Табнеа, — треть, [...], потомок Такиша, — треть, [...], потомок Табнеа, — треть, [...], потомок Шадуна, — треть, Табнеа [...], — $\frac{1}{6}$ (повинности), Энлиль-[-...], — треть, [...], всего 7 повинностно-обязанных".

ТМНС II/III, 218. "Гимиллу, сын Мардук-зер-ибни, получил из рук Надина, сына Луци-ана-Мардука, 1 сикль серебра для повинности в местности [...] дерева мусуканну¹⁰, (повинности, которая) за Надином и Ширикту. (Документ составлен) в присутствии Итти-Амурру-балату, гонца Икиши (далее следуют имена еще двух человек).

14-й день месяца шабату 14-го года Набонида, царя Вавилона".

ТМНС II/III, 219. "Шамаш-иддин, сын Набу-шум-укина, потомка Илу-бани, по поручению Арад-Набу, сына Набу-этир-напшати, потомка строителя, получил из рук сыновей [...], потомка Илу-бани, повинностных людей для работы до конца месяца шабату 7-го года Кира, царя Вавилона, царя стран".

ТМНС II/III, 220. "Шамаш-иддин получил из рук Ахушуну (возмещение за) повинность по волочению (лодок? в) гавани местности Икиша-или (а именно на территории) перед всем наделом лука¹¹, сколько составляет долю Ахушуну, сына Базузу, потомка Нана-аху, (за время) от 1-го дня месяца кислиму до конца месяца аяру 32-го года Дария.

Свидетели (имена двух человек), писец (имя).

Борсиппа, 22-й день месяца кислиму 31-го года Дария, царя Вавилона и стран".

ТМНС II/III, 221. "Шамаш-иддин, сын Набу-надин-аха, потомка Илу-бани, получил из рук Бел-убаллита, сына Ширикту, потомка Илу-бани, (возмещение за) повинность по волочению (лодок? в) гавани (а именно на территории) перед всем наделом лука¹² [от] месяца симану 30-го года до месяца арахсамну 32-го года, сколько составляет долю Ахушуну, сына Базузу, потомка Нана-аху, (и сколько числится) за Ахушуну. По одному (документу) они получили.

Свидетели (имена четырех человек), писец (имя).

[Борсиппа], 14-й день месяца ду'узу [3]2-го года Дария, царя Вавилона, царя стран".

ТМНС II/III, 222. "Шамаш-иддин, сын Набу-иттанну, потомка Илу-бани, получил из рук [Бел-убаллита], сына Ширикту, потомка [Илу-бани], (возмещение за) повинность по волочению (лодок?) [в гавани] местности Икиша-или

¹⁰ Dalbergia Sissoo, см.: *Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch*, с.678.

¹¹ Наделы, пожалованные царской администрацией воинам для несения службы в качестве лучников.

¹² Если мы правильно понимаем текст, строка девятая должна следовать за первой. Писец, заметив пропуск, мог добавить ее позднее.

[по распоряжению ?] надзирателя Борсипского канала [...] за 32-й год, (повинности) с доли Ахушуну, сына Набу-мушетик-урри, потомка Нана-аха, (за время) от месяца кисилему 33-го года до конца месяца аяру 34-го года. Кроме прежних расписок. По одному (документу) [они получили].

Свидетели (имена трех человек), писец (имя).

[Борсиппа], 4-й день месяца нисанну [34-го] года Дария, [царя Вавилона], царя стран".

VS VI, 119. "1/4. повинности¹³ [...] от месяца симану до 5-го [...] Римут-Бел, сын Силим-[Бела ?], потомка Раксу, получил из рук Мардук-шум-ибни, сына Шулы, потомка Илия.

Свидетели (имена двух человек), писец (имя).

Борсиппа, 12-й день [месяца аддару ?] 1-го года Да [рия], царя Вавилона [и стран]".

VS VI, 150. "Повинностных людей для работы пахарей¹⁴, от месяца нисанну 26-го года до конца месяца аддару 27-го года Дария, царя Вавилона и стран, (а именно) тех, (которые у) Римута, сына Мурашу, потомка волопаса, получили Набу-куцуршу, сын Шулы, потомка Кидин-Нанайи, [Набу ?]-буллиту, сын Либлута, потомка Имбу-иния, [и ...], сын Иддин-Набу, гонцы [...] Нанайи, который над арендной платой ячменем, [...] из рук Римута, сына Мурашу, потомка волопаса. Им выданы. По одному (документу) они получили.

Свидетели (имена четырех человек), писец (имя).

Борсиппа, 22-й день месяца аддару 27-го года Дария, царя Вавилона и стран".

VS VI, 160. "Мушаллим-Мардук, сын Иддин-Набу, потомка Илия, по поручению Иддин-Набу, надзирателя Борсипского канала, сына Римута, потомка Арад-Эа, получил человека для выполнения повинности по волочению (лодок ?) в местности Шуншан от 1-го дня месяца симану 32-го года до конца месяца аяру 33-го года, (повинности) с надела лука в той мере, сколько составляет пятая часть (повинности) Набу-балатсу-икби, потомка [...], за 32-й год. По одному (документу) они получили.

Свидетели (имена трех человек), писец (имя).

Борсиппа, 21-й день месяца шабату 33-го года Дария, царя Вавилона, царя стран".

Мооте 43. "Итанны-Набу [...], сын Нанайя-иддина, и Бел-итанну, раб Бел-рибы, по поручению Бел-рибы получили из рук [...] 3 мины серебра в дополнение к 14 минам налога с мясников артели повинностнообязанных дома управляющего¹⁵, которая находится в управлении у Бел-рибы, надзирателя над повинностнообязанными¹⁶ дома управляюще-

¹³ 1-2: LÚ re-bu-ú šá LÚ u-ra-šú

¹⁴ 1: LÚ ú-ra-šú šá dyl-lu šá LÚ.GIŠ.ENGAR.MEŠ

¹⁵ 2-4: il-ki šá ... LÚ ha-at-ri šá LÚ ú-ra-šú šá É LÚ.AGRIC

¹⁶ 5: LÚ šak-nu šá LÚ <u-> ra-šú

го, сына Бел-иддина, (налога) за 14-й год царя Дария. Они должны составить (расписку) и отдать [...].

Свидетели (имена четырех человек).

Вавилон, 15-й день месяца ду'узу 14-го года Дария, царя стран".

Документы BE VIII, 12 и 37 датированы соответственно 27-м годом Навуходоносора II и 2-м годом Нергал-шар-уцура. Оба текста сохранились очень плохо, что делает невозможным их связанный перевод. Судя по первому тексту, 5 кур 3 пан ячменя составило повинность некоего Луциануру. Во втором тексте слово ugāšu упоминается вместе с nišhu (см. ниже).

Все приведенные выше документы относятся к архивам частных лиц. По-видимому, к тем же архивам относятся письма СТ XXII, 99 и 141, где упоминается LU ugāšu. В первом из них контекст совершенно не сохранился, а во втором письме, содержание которого нам непонятно, сообщается, что в местности, где находится отправитель, нет ни одного повинностнообязанного.

Перейдем теперь к рассмотрению свидетельств из храмовых архивов.

GC 1, 396. "[...] мин 1 сикль серебра — остаток (цены за) урожай 8-го года; $\frac{1}{2}$ мины 4 сикля серебра в счет урожая 9-го года, всего 1 мина [...] сиклей серебра (получили) Иннин-зер-ибни и Нанайя-караби. 8 сиклей серебра вместо повинностнообязанного (работника) Арраби, потомка Шамаш-ах-иддина, и Набу-балатсу-икби ... 3 сикля — вместо повинностнообязанного (работника) корзинщика Набу-шум-ишкуна, который находится в распоряжении заведующего кассой, (получил) Шамаш-удаммик, потомок Ина-эшше-этира.

25-й день месяца кислиму 7-го года Набонида, царя Вавилона".

TCL XIII, 150. "Акрция, сын Набу-далая, должен призвать 10 повинностнообязанных из иккару¹⁷, разбитых на группы по шесть человек, и отдать на канал Харрикиппи. Если он не отдаст, когда Набу-балатсу-шарри-икби, ответственный за арендную плату на канале Пикуду, пошлет за повинностнообязанными, то он подвергнется наказанию Гобрива, наместника Вавилона и Заречья.

Свидетели (имена двух лиц), писец (имя).

Местность Машкан-или, двор Белет Урукской. 14-й день месяца симану 2-го года Камбиза, царя Вавилона".

TCL XIII, 173. "Набу-шузизанни, надзиратель Мушезиб-Бела, сына Зер-Бабили, потомка Илуга-ибни, назначен на месяцы аяру (и) симану в распоряжение [...], сына Набу-/[...]. К Мурашу, сыну Мушезиб-Мардука, потомка Ахия, он назначен для повинности по хлэву волов.

¹⁷ 1: LÚ u-ra-šú šá LÚ.ENGAR.ME

Свидетели (имена двух человек), писец (имя).

Борсиппа, 22-й день месяца симану 6-го года Камбиза, царя Вавилона и стран".

YOS VII, 8 является документом храма Эанна в Уруке, фиксирующим количество овец, израсходованных главным образом для жертвоприношений за период от 16 года Набонида до 1 года Кира. В тексте, в частности, отмечается, что 2 "взрослых козла" были отданы "на стол урашу города Ларсы"¹⁸. В YOS VI, 229, датированном 11-м годом Набонида и содержащем длинный перечень продовольствия, выданного работникам хлеба волов, разным ремесленникам и другому персоналу храма Эанна, отмечается, что 12 кур (2160 л) фиников или ячменя было отпущено Ациру и Нанаиддину, "урашу города Ларсы"¹⁹. AnOr IX, 9 – весьма простой документ, согласно которому наряду с большой группой храмовых работников "повинностнообязанные из иккару"²⁰ получили 14 кур 3 пан (2628 л) "продовольствия за месяцы кислиму, тебету, шабату и аддару". Текст датирован 5-м годом правления Камбиза.

Ряд писем архива храма Эанна также содержит упоминание термина *uṣāḫi*. YOS III, 17/ TCL, IX, 129 являются почти дословно совпадающими письмами, адресованными Набу-аххе-иддином, царским представителем в храме Эанна, соответственно управителю этим храмом и еще одному чиновнику. В этих письмах, в частности, говорится следующее: по словам иккару Этиллу, сына Зерии, он готов выкопать "за серебро" канал, "который числится за урашу"²¹. Насколько мы понимаем этот трудный текст, в ответ на слова Этиллу Набу-аххе-иддин сказал, чтобы тот выкопал канал за счет своего долга храму, а на урашу будет произведен соответствующий начет. YOS III, 65 – письмо, адресованное упомянутому выше Набу-аххе-иддину с просьбой сообщить его решение относительно одного повинностнообязанного. Далее в тексте говорится: "Относительно повинностнообязанного из местности Хуцату, храмового раба, которого господин (т.е. Набу-аххе-иддин) послал, наместник области отобрал нашего повинностнообязанного". В BIN I, 53, посланном одним чиновником управителю храмом Эанна, содержится просьба погрузить и направить в распоряжение адресата 10 лодок с кизяком. Далее в письме сообщается: "У нас снова стало 13 повинностнообязанных"²². В BIN I, 35, отправленном одним храмовым чиновником, доводится до сведения управителя Эанны следующее: "80 наших повинностнообязанных находятся у реки". Далее в тексте говорится, что люди копают в воде.

¹⁸ 22: LÚ ú-ra-šú šá UD.UNUG.KI

¹⁹ 12: LÚ u-raš UD.UNUG.KI

²⁰ IV, 12: LÚ ú-ra-šú šá LÚ.ENGAR.MEŠ

²¹ 11: ina ṣuḫhi LÚ ú-ra-šú

²² 24-25: LÚ ú-ra-ši-ni a-na 13 it-tu-ru

Из приведенных текстов значительный интерес представляют Nbn 632, 713, 1091, Cug 8, 86, 224, Camb 88/419, написанные в Вавилоне в период между 543 и 533 годами. В них речь идет об ugāšu известного банкира и дельца Иддин-Мардука, сына Икиши, потомка Нур-Сина. Сумма повинности колеблется от 3 сиклей до 11 мин серебра. Более точно ее определить трудно, так как в текстах содержатся ссылки на "прежние расписки" часто без конкретного указания оплаты. Из этих текстов также трудно установить период повинности. Лишь в Nbn 632 указывается, что этот период охватывал время от месяца арахсамну до конца сяману 13-го года правления Набонида, т.е. полгода. В Camb 88 отмечается, что обязанности ugāšu состояли в обжиге кирпичей. Согласно Nbn 632, два LU ugāšu должны были выполнять какую-то земляную работу. Как видно из упомянутых документов, во всех случаях работу выполнял не сам Иддин-Мардук, а нанятые им лица за плату, заранее оговоренную контрактом. Плату выдавал контрагентам либо сам Иддин-Мардук, либо его сын Мардук-риманни, либо Нергал-рицау, раб Итти-Мардук-балату, главы известного дома Эгиби. Как известно из других текстов, богатые семьи Иддин-Мардука и Эгиби были связаны родственными отношениями и общими деловыми интересами, и поэтому иногда Иддин-Мардук производил необходимые денежные расчеты через агентов дома Эгиби. В Cug 212, очевидно, речь также идет о повинности Иддин-Мардука, поскольку его сын Мардук-риманни выплатил 1 сикль серебра для LU ugāšu, работавшему в царском парке.

Среди получателей платы за повинность выступает ряд лиц. В частности, к их числу относится Нуреа, сын Беликиши, который упоминается и в других текстах. Согласно Nbn 727 (Вавилон, 13-й год царствования Набонида), он получил 10 сиклей серебра от Ина-Эсагил-рамат, жены Иддин-Мардука, "в счет работы"²³. По свидетельству Nbn 753 (Вавилон, 14-й год правления Набонида), Нуреа через посредство другого лица получил от той же Ина-Эсагил-рамат 15 сиклей серебра.

Из остальных контрагентов Иддин-Мардука особый интерес представляет Бан-зер (его полное имя было Набу-бан-зер²⁴), сын Даян-Мардука, потомка Син-шадуну. Согласно Cug 86, Camb 88, Nbn 1091, он получил различные суммы денег за выполнение повинности от Иддин-Мардука или его агентов. Бан-зер упоминается еще в нескольких других текстах, где, между прочим, по сохранившимся знакам и по контексту можно восстановить разрушенное слово ugāšu. Как видно из Cug 48, Набу-бан-зер совместно с еще одним

²³ 2: ina(!) dul-la

²⁴ Tallqvist K.L. Neubabylonisches Namenbuch. Helsingfors, 1906, с.22.

лицом получил в Вавилоне от Ина-Эсагил-рапат, жены Иддин-Мардука, в счет повинности²⁵ последнего за период от арахсамну до 13-го дня месяца абу 2-го года правления Кира 46½ сикля серебра. Согласно Dar 56 (Вавилон, 2-й год Дария I), Бан-зер через посредство двух лиц получил от Мардук-ушаллима, одного из сыновей Иддин-Мардука, 5½ сикля серебра в качестве повинности²⁶, не считая "прежних расписок". Попутно упомянем еще два документа. По свидетельству Samb 73 (Вавилон, 1-й год Камбиза), Набу-бан-зеру была выдана неким Мардук-бан-зером определенная денежная сумма "за работу"²⁷. Наконец, судя по Dar 84, в 3-м году царствования Дария I Шамаш-иддину, сыну Бан-зера, было уплачено в Вавилоне 2 сикля серебра за повинность Шум-укина и Набу-буллитсу, а также их братьев. Следовательно, Бан-зер и его семья занимались выполнением повинности не только Иддин-Мардука, но и других лиц. Очевидно, это были наемники, работавшие по контракту.

Сохранившиеся документы с упоминанием *urāṣu* происходят из Вавилона, Борсиппы, Урука и окрестностей этих городов. Тексты датируются временем между 27-м годом царствования Навуходоносора II и 34-м годом Дария I, т.е. 578—488 гг. Лишь один текст (Moore 43) относится к более позднему периоду, а именно к 14-му году правления Дария II (410 г. до н.э.).

Как видно из рассмотренных выше документов и писем служебного характера, обязанности людей, выполнявших *urāṣu*, состояли в обжиге кирпичей для государственных нужд, сооружении каналов, работе в царских парках, выгрузке лодок и т.д. В ряде текстов отмечается, что работы эти выполнялись по указанию надзирателей над каналами и сборщиков арендной платы с храмовых полей. Виновые в срыве выполнения повинности могли быть подвергнуты наказанию наместником страны.

В некоторых текстах слово *urāṣu* выступает синонимом *dullu*. В VS VI, 150 встречается выражение *LÚ ú-ra-šú šá dul-lu*, т.е. "люди, которые выполняют работу *urāṣu*". Слово *dullu* обозначает как "работу" вообще, так и "повинностную работу", "царскую службу"²⁸. Согласно Moore 43, с одного коллектива *LÚ urāṣu* было уплачено 17 мин серебра как *ilku* за один год. Последним термином обозначалась повинность с земли, которая в позднеахеменидское время часто заменялась денежным и натуральным налогом. В BE VIII, 37 слово *urāṣu* употреблено рядом с *nishu* для указания на какую-то повинность. Значение *nishu* пока

²⁵ 8: *ʾú¹-ra-ši-šú*

²⁶ 1: *ʾú¹-ra-šú*

²⁷ 3: *a-na dul-lu*

²⁸ The Assyrian dictionary. D. Chicago, 1959, с.173.

точно неизвестно. Судя по текстам, в нововавилонское время *nīshu* составляло определенную плату, характер которой еще предстоит определить²⁹.

Ни одно из предложенных до сих пор ассириологами толкований термина *urāšu* не подтверждается вавилонскими текстами I тысячелетия до н.э. Значительный интерес представляет перевод Э.Эбелинга *urāšu* как "замена служебной повинности". Но такой перевод не совсем точен, если учесть существование особой группы работников *LU urāšu*, которая находилась под надзором государственных чиновников. Вряд ли такая группа могла быть создана государством для выполнения повинностей других людей. Судя по текстам, словом *urāšu* обозначалась царская или общественная повинность по обжигу кирпичей, сооружению и ремонту каналов и дорог, доставке государственных грузов или работа в царских парках³⁰. Люди, которые должны были выполнять такую повинность, назывались *LU urāšu*. Им должны были нести все свободные люди по очереди, но по желанию они могли нанять за плату других лиц для работы вместо себя. Обычно так поступали богатые люди, которые откупались от выполнения повинностей деньгами. Размер последней зависел от имущественного ценза или, что более вероятно, от количества взрослых мужчин в той или иной семье. Денежное вознаграждение за выполнение повинности колебалось в зависимости от ее величины от 1 сикля до нескольких мин серебра. В одном случае плата за повинность составила 5 кур 3 пан (около 1000 л) ячменя, что в денежном исчислении равнялось приблизительно 5 сиклям серебра. Естественно, свидетельства частных архивов о повинности ограничиваются теми случаями, когда для ее несения нанимали других лиц. Само собой разумеется, что в преобладающем большинстве случаев люди сами выполняли свои повинности, и это не могло найти отражения в документах.

Храмы также должны были принимать участие в выполнении общественных и государственных повинностей, посылая для этого своих рабов или других бесправных людей из числа храмового персонала, которым выдавали продовольствие на весь период работы.

Продолжительность повинности колебалась от нескольких месяцев до полугода. Правда, в некоторых случаях повинность длилась до двух лет, но это относится к повинности с храмов. В ряде текстов отмечается, что некоторые люди должны были выполнить только от половины до $\frac{1}{6}$ части повинности. Маловероятно, что какие-то люди могли

²⁹ Там же, N/II, с. 267, 269.

³⁰ Ср.: Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии. М., 1974, с. 148 и 192.

нести лишь определенную долю повинности. Поэтому надо полагать, что в таких случаях в текстах зафиксирована та часть повинности, которую им еще предстояло выполнить, а остальная часть уже была выполнена ими.

В тех случаях, когда это отмечается в документах, число работников, выполнявших повинность одновременно в той или иной местности, колебалось от 10 до 80 человек.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ ИЗБРАННЫХ ТЕКСТОВ³¹

Camb 88/419

1) 1/2 manū kaspi šá ú-ra-ši-šú a-na 2) ša-ra-pu šá a-gur-ru šá (m)iddin-(d)marduk 3) apli-šú šá (m)iqišā (šá-a) apil (m)nūr-(d)sīn ul-tu 4) (arah)du'ūzu šatti 1(kám) (m)kam-bu-zi-ja 5) šar bābili(KI) a-di tup-pi a-na tup-pi 6) (m)bān-zēri ina qātē(II) (m)iddin-(d)marduk 7) e-ṭir ri-ku(!?) -sú 8) maḥ-ri-tum e-ṭir 9) 1(en)-a, ša-ṭa-ri il-qu-u 10) (amēl)mu-kin-nu (md)šamaš-iddin apil-šú šá 11) (m)bān-zēri apil (md)sīn-šá-du-nu 12) (m)la-ba-a-ši apil-šú šá (m)kudurru 13) apil (m)pa-hāri (m)ni-din-tum-(d)bēl 14) apil-šú šá (md)nabū-ri-ma-ni 15) u (amēl)tupšarru (m)itti-(d)nabū-balātu apil-šú šá (m)kal-ba-a 16) apil (md)sīn-šá-du-nu bābili(KI) 17) (arah)ṭebētu ūmu 14(kám) 18) šattu 1(kám) (m)kám-bu-zi-ia 19) šar bābili(KI)

Camb 260

1) kaspu šá 1(en) ú-ra-šú šá a-di ūmi [.../ 2) šá (arah) šabātu šatti 4(kám) (m)kám-bu-zi-ja 3) šar bābili(KI) šar mātāti (md)bēl-bān-zēri 4) mārū-šu šá (m)nūr-e-a mār (amēl)šangī (d)na-na-a 5) ina qātē(II) (md)marduk-šum-ibni u (md)nabū-šum-iddin/ 6) mārē(MEŠ) šá (m)šu-la-a mār (m)ēpeš(eš)-ili 7) ma-ḥi-ir 8) (amēl)mu-kin-nu (md)na-bū-mušētiq-urri 9) apil-šú šá (m)aplā(a) apil (md)ea-liṭ-su [.../ 10) (md)nabū-balātu-su-iqbi apil-šú šá (md)nabū-šum-iškun(un) 11) apil (m)ir-a-ni (m)iddin-(d)nabū apil-šú 12) šá (md)adad-šum-iddin apil (md)ILLAT.I 13) (md)nabū-bān-zēri (amēl)tupšarru apil-šú šá (m)nūr-e-a 14) mār (amēl)šangī (d)na-na-a bābili(KI) 15) (arah)šabātu ūmu 8(kám) šattu 4(kám) 16) (m)kám-bu-zi-ia šar bābili(KI) 17) šar mātāti

³¹ В приложение включены тексты, которые до сих пор не были обработаны.

Dar 84

1) 2 šiqil kaspi pešû(ú) qa-lu-ú šá 2) it-ti ú-ra-šú (md)šamaš-iddina(na) 3) apil-šú šá (m)bân-zêri apil (md)sîn-šá-du-nu 4) ina qâtê(II) (m)šum-ukîn u ahhê(MEŠ)-šú mārē(MEŠ) 5) šá (m)aplā(a) apil (m)ga-húl u (md)nabû-bul-iṣ-su 6) apli-šú šá (m)mu-šal-lim apil (m)ga-húl 7) ma-hi-ir 8) (amēl)mu-kin-nu (m)rība-(d)marduk apil-šú šá 9) (md)bēl-iqīša(šá) apil (md)bēl-e-ṭè-ru 10) (md)bēl-ik-šur apil-šú šá (m)iddina(na)-(d)nabû 11) apil (m)nūr-(d)sîn (md)šamaš-iddina(na) (amēl)ṭup-šarru 12) apil-šú šá (m)bân-zêri apil (md)sîn-šá-du-nu 13) bābili(KI) (arah)tašrītu ūmu 24(kám) 14) šattu 3(kám) (m)da-ri-ja-a-muš 15) šar bābili(KI) u mātāti

GC I, 396

1) [...] manû 1 šiqil kaspi ri-hi-it 2) ebūru šá šatti 8(kám) 3) ½ manû 4 šiqil kaspi i-na 4) ebūru šá šatti 9(kám) 5) naphar 1 manû [...] šiqil kaspi 6) (md)in-nin-zēr-ibni 7) u (md)na-na-a-karābi 8) 8 šiqil ku-um (amēl)ú-ra-ši 9) šá (m)ár-rab apil (md)šamaš-aha-iddin 10) u (md)nabû-balāṭ-su-iqbi šá ki- [...] 11) ina bīt a-ki-ti [...] 12) (md)in-nin-[...] 13) u (m)tik(?) -ki-e [...] 14) 3 šiqil ku-um (amēl)ú-ṣ[ra-šu šá] (md)nabû-šum-iškun(un) 15) (amēl)atkuppu šá ina pān amēli šá muhhi qu-up-pi 16) (md)šamaš-udammīq apil (m)ina-ešē-ētir 17) (arah)kislīmu ūmu 25(kám) šattu 7(kám) 18) (md)nabû-na'id šar bābili(KI)

Nbn 632

1) 2 (amēl)ú-ra-šú šá dul-lu e-pi-ri šá (m) [iddin-marduk]apli-šú šá (m)iqīša(šá-a) 2) apil (m)nūr-(d)sîn šá ul-tu 3) (arah)arahsamni a-di qí-it (arah)nisanni 4) šatti 13(kám) (md)nabû-na'id šar bābili(KI) 5) [...] -ušal-lim apil-šú šá (m) [...] 6) [...] -mu-še-zib ina qâtê(II) (m)itti-[(d)marduk-balātu apli-šú] 7) šá (md)nabû-ahhē-id-din [apil (m)e-gi-bi] 8) ma-hir 9) (amēl)mu-kin-nu (md) [...] 10) apil-šú šá (md)nabû-mu- [...] 11) (m)iddina(na)-(d)nabû apil-šú šá (m) [...] 12) (m)ki-din-(d)marduk apil-šú šá (m) [...] 13) u (amēl)ṭupšarru (m)araḍ-(d)marduk apil-šú šá 14) (m)kit-ti-iá apil (amēl)šangī (d)ea 15) bābili(KI) (arah)arahsamnu ūmu 9(kám) 16) šattu 12(kám) (md)nabû-na'id šar bābili(KI)

Nbn 713

1) 11 manû kaspi ina ú-ra-šú šá (m)iddin-(d)marduk 2) apli-šú šá (m)iqīša(šá-a) apil (m)nūr-(d)sîn (m)bēl-šú-nu apil-šú šá 3) (md)bēl-iqīša(šá) apil (amēl)šangī (d)na-

-na-a 4) (md)nabû-lillu apil-šú šá (md)bēl-uballiṭ(iṭ) apil (md)ea-[/.../ 5) ina na-áš-par-tum šá (m)nūr-ē-a ap-li-šú šá (md)bēl-iqīša(šá) 6) /mah-ru-u ... (amēl)mu-kin-nu/ 7) /.../ apil-šú šá (m)mu-še-zib-(d)marduk 8) (m)ēpeš(eš)-ili u (amēl)ṭupšarru (m)iddin-(d)marduk apil-šú šá 9) (md)nabû-bân-āhi apil (m)arad-(d)ea 10) bā-bili(KI) (arah)abu ūmu 16(kám) 11) šattu 13(kám) (md)na-bû-na'id šar 12) bābili(KI)

Nbn 1091

1) 3 šiqil kaspi ina ú-ra-šú šá (m)iddin-(d)marduk 2) mā-ri-šú šá (m)iqīša(šá-a) mār (m)nūr-(d)sīn 3) (m)bân-zēri mār šá (m)dajjān(!)- (d)marduk 4) mār (md)sīn(!)-<ša-du>-nu ina qātē(II) 5) (m)itti-(d)marduk-balātu māri-šú šá (md)nabû-ahhē(MEŠ)-iddin 6) e-ṭi-ir e-lat giṭṭāni(MEŠ) 7) mahrūti(MEŠ) 8) (amēl)mu-kin-nu (m)itti-(d)nabû-balātu mār-šú 9) šá (md)nabû-nāsir mār (amēl)šāhit ginē 10) (amēl)ṭupšarru (m)mušēziḅ-(d)marduk mār (amēl)šangī (d)ea 11) bābili(KI) (arah)ulūlu ūmu 15(kám) 12) šattu 1(kám) /.../ šar mātāti

TMHC II/III, 217

1) (md)ba-ú-šum-ibni apil (md)ninurta-ušallim 2) (md)ninurta-ahhē(MEŠ)-riḅa apil (md) /.../ šal-šú 3) (m)si-lim-ili apil (m)i-rim-šú-(d)ninurta 4) (m)na-din apil (m)ba-laṭ-su /.../ 5) (md)ba-ú-iqīšā(šá) apil (m)a-[/.../ 6) (m)ba-laṭ-su apil (md)ninurta-ah-[/.../ 7) (md)šamaš-šum-lišir apil (md)šamaš-ina-[/ešē-ētir/ 8) (md)en-líl-ah-iddin apil (md)šamaš- /.../ šal-šú 9) (md)en-líl-[/.../ šal-šú 10) (m)pa-[/.../ apil (m)ahhē(MEŠ)-šá-[/a/ mi-šil 11) /(/m)/ukīn-(d)in-nin-ni apil (md)enlil-ah-iddin mi-šil 12) /.../ apil (m)šul-lum šal-šú 13) /.../-kit-ti-lišir apil (md)enlil-ah-iddin šal-šú 14) /.../-du apil (m)tab-né-a šal-šú 15) /.../ apil (m)ta-qiš šal-šú 16) /.../ apil (m)tab-né-a šal-šú 17) /.../ apil (m)šá-du-nu šal-šú 18) (m)tab-né-[/a .../ -bul-liṭ 6-šú 19) (md)en-líl-[/.../ šal-šú 20-23) /.../ 24) naphar 7 (amēl)ú-ra-šú /.../

TMHC II/III, 218

1) 1 šiqu lu kaspi (m)gi-mil-lu apil-šú šá (md)marduk-zēr-ibni 2) ina qātē (m)na-din apil-šú šá 3) (m)lū-ši-ana-(d)marduk /.../ 4) šá u-ra-šú šá bīt (m) /.../ 5) šá musukanni 6) a-na muhhi (m)na-din 7) u (m)ši-rik-ti 8) ma-hi-ir 9) ina ušuzzu šá (m)itti-(d)amurru-[/ba-

lātu] 10) (amēl)mār šip-ri šá (m)iqīšā(šá-a) 11) (m)gimillu apil (amēl)ašlāki (md)nabû-ušallim 12) apil-šú šá (m)balātu apil (amēl)nagāri (arah)šabātu 13) ūmu 14(kám) 14) šattu 14(kám) (md)nabû-na'id 15) šar bābili(KI)

TMHC II/III, 219

1) (amēl)ú-ra-šú šá dul-lu šá a-di 2) qí-it šá (arah)šabāti šatti 7(kám) (m)kur-/raš/ 3) šar bābili(KI) šar mātāti (md)šamaš-iddin 4) apil-šú šá (md)nabû-šum-ukin apil (m)ilu-ba-ni 5) ina na-aš-par-tum šá (m)arad-(d)nabû apil-šú šá 6) (md)nabû-ētir-napšāti(MEŠ) apil (amēl)itinnu 7) ina qātē(II) (amēl)mārē(MEŠ) [.../ 8) šá (m) [.../ 9) apil (m)ilu-ba-ni ma-hir 10) (amēl)mu-kin-nu (md)šamaš-ētir apil-šú <šá> 11) (md)bēl-lē'û apil (amēl)šangf(d)adad 12-15) [.../

TMHC II/III, 220

1) ú-ra-šú šá šá-da-du šá ka-a-ri 2) šá (ā)iqīšā(šá)-ili ù pa-na-at (iṣ)qašti 3) gab-bi a-na ma-la zitti šá (m)ahu-šú-nu 4) apli-šú šá (m)ba-zu-zu apil (m)na-na-ah-ah-hu 5) šá ul-tu ūmi 1(kám) šá (arah)kisliṃi a-di qí-it 6) (arah)ajari šatti 32(kám) (m)da-ri-a'-uš šarri 7) (md)šamaš-iddin ina qātē(II) (m)ahu-šú-nu 8) ma-hir 9) (amēl)mu-kin-ni (m)ni-qu-du apil-šú šá 10) (md)nabû-šum-ušur apil (m)iddin-(d)pap-sukkal 11) (md)nabû-balāt-su-iqbi apil-šú šá (m)ṭābi-ja 12) apil (m)balātu ṭupšarru (m)itti-(d)nabû-balātu apil-šú šá (m)la-ba-ši 13) apil (md)ea-bēl-ilē(MEŠ) bār-sipa(KI) 14) (arah)kisliṃu ūmu 22(kám) šattu 31(kám) 15) (m)da-ri-a'-uš šar bābili(KI) 16) u mātāti

TMHC II/III, 221

1) (amēl)ú-ra-šú šá šá-da-du šá ka-a-ri 2) [ultu/ (arah)simāni šatti 30(kám) a-di (arah)arahsamni 3) šatti 32(kám) ma-la zitti šá (m)ahu-šú-nu 4) apli-šú šá (m)ba-zu-zu apil (m)na-na-hu 5) (md)šamaš-iddin apil-šú šá (md)nabû-na-din-ahi 6) apil (m)ilu-ba-ni ina qātē(II) (md)bēl-uballiṭ(iṭ) 7) apil-šú šá (m)ši-rik-ti apil (m)ilu-ba-ni 8) a-na muhhi(hi) (m)ahu-šú-nu ma-hir 9) ù mim-ma pa-na-at qašti gab-bi [.../ 10) 1(en)-ta-a, il-qû(ú) [.../ 11) (amēl)mu-kin-ni (md)nabû-it-tan-nu apil-šú šá [.../ 12) apil (m)nūr-(d)pap-sukkal (md)nabû-bullīṭ-su 13) apil-šú šá (md)nabû-mu-kin-apli apil (m)ilu-ba-ni 14) (m)[(d)nabû/-ahhē(MEŠ)-iddin apil-šú šá (m)ri-mut 15) [apil/ (m)nūr-(d)pap-sukkal (m)lib-lut apil-šú

šá (m)itti-(d)nabû-balātu 16) (m)ilu-ba-ni (amēl)ṭupšar-
 ru (md)nabû-bul-liṭ-su 17) apil-šú šá (md)nabû-ēṭir-nap-
 šāti(MEŠ) apil (m)ilu-ba-ni 17) /bár-sipa/(KI) (arah)du'
 ūzu ūmu 14(kám) 18) /šattu 3/2(kám) (m)da-ri-a-uš 19) šar
 bābili(KI) šar mātāti

TMHC II/III, 222

1) (amēl)ú-ra-šú šá-da-/du šá ka-a-ri/ 2) šá (āl)iqīšā(šá)-
 -ili šá qa- /.../ 3) (amēl)gú-gal bar-sip(KI) /.../
 4) šá šattu 32(kám) a-na ma-la zitti /šá/ 5) (m)ahu-šú-
 -nu māri-šú šá (md)nabû-mušētiq-urri /apil/ 6) (m)na-na-
 -hu šá ultu (arah)kislīmi šatti 33(kám) /.../ 7) šá a-di
 qī-it, (arah)ajari šatti 34(kám) 8) (md)šamaš-iddin apil-
 šú šá (md)nabû-it-tan-nu 9) apil (m)ilu-ba-ni ina qa-
 -tú (md)/bēl-uballit(iṭ)/ 10) apli-šú šá (m)ši-rik-tum
 apil (md)/ilu-ba-ni/ 11) /a-ṇa/ muhhi (m)ahu-šú-nu ma-hi-
 -ir 12) /e-lat gittāni/ (MEŠ) mahrūtu(tú) 1(en)-ta-a,
 /ilqū(u)/ 13) (amēl)mu-kin-nu (md)nabû-ahhē(MEŠ)-iddin
 apil-šú šá (m)ri-mut 14) apil (m)nūr-(d)pap-sukkal
 (md)nabû-it-tan-nu apil-šú šá 15) /.../-šú apil (m)nūr-
 -(d)pap-sukkal (md)nabû- /.../ 16) /.../ apil (amēl)pur-
 kullu 17) /.../-uballit(iṭ) ṭupšarru māru-šú šá 18) /.../
 apil (m)ilu-baš-/.../ 19) /bar-sipa(KI) (arah)nisannu
 ūmu 4(kám) šattu /34/(kám) 20) (m)da-ri-iá-muš /šar bā-
 bili(KI)/ 21) šar māt/āti/

ОТРАЖЕНИЕ ФИНИКИЙСКОГО КУЛЬТА ^САСТАРА
В АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одна из давних и до сих пор не решенных проблем современного антиковедения заключается в интерпретации текстов, согласно которым Венера-Афродита почиталась не только в образе женского, но и в образе мужского божества. Согласно Macroб., Saturn., 3, 8, 2-3, на Кипре ее представляли с бородой, хотя и в женской одежде, со скипетром и мужским естеством, принимая, что она одновременно мужчина и женщина (signum etiam eius est Cypri barbatus corpore sed veste muliebri, cum sceptro ac natura virili, et putant eandem marem ac feminam esse).

Аналогичное известие находим у Hesych., s.v. Ἀφρόδιτος, где цитируется сочинение τὰ περὶ Ἀμαθοῦντα амафийца Пэопа: на Кипре богиню (т.е. Афродиту) изображали в облике мужчины (εἰς ἀνδρα τὴν θεὸν ἐσχηματίζουσι ἐν Κύπρῳ). На этой основе сложилось представление об андрогинности Афродиты Амафской (Catull., 68, 51; ср. Suid., s.v. Ἀφροδίτη· πλάττουσι δὲ αὐτὴν καὶ γένειον ἔχουσα; Lyd., De mens., 4, 44: Ἀφροδίτη πάγωνα ἔχουσα; Schol.B(L), Hom., Il., 2, 820: κτένα φέρουσα καὶ γένειον ἔχουσα, διότι καὶ ἄρρηνα καὶ θήλεα ἔχει ὄργανα). Макробий сохранил также упоминание мужского божества Ἀφρόδιτον у Аристофана, а также свидетельство Лэвина, согласно которому благословляющая Венера является как в мужском, так и в женском облике (Venerem igitur alium adorans, sive femina sive mas est, uti alma Nosticula est). С этим у Macroб., 3, 8, 3 связано и свидетельство Филохора о трагедийных празднествах, когда мужчины появляются в женской, а женщины в мужской одежде. В действительности празднества такого рода широко засвидетельствованы этнографически в культурах богини любви и плодородия, и они едва ли впрямую связаны с почитанием ее мужского паредра.

Итоги исследования интересующего нас сюжета могут быть подведены следующим образом. В кипрском культе выдели специфичную именно для Кипра маскулинизацию женского образа, и это должно было засвидетельствовать, что

кипрская Афродита была одной из догреческих богинь, рядом с которыми имелся второразрядный мужской паредр или которые объединяли в себе оба начала — мужское и женское¹. Принимая во внимание локализацию данного культа (кипрский город Амаф, финикийский по происхождению), эту гипотезу можно, как кажется, конкретизировать.

В изложении сочинения о финикийцах Филона Библиского, принадлежащем перу Евсевия Кесарийского (Euseb., Praer. ev., I, 10, 31), упоминается божество Демарунт; предполагается², что он идентичен богу Адоду (т.е. богу-громовержцу; Силачу Ба³ду угаритского и Зевсу Касийскому эллинистического пантеонов). Это допущение основывается на конъектуре, предложенной О.Группе³, который вместо сохранившегося в тексте Ζεὺς Ἀημάρουβς καὶ Ἄδωβος βασιλεὺς θεῶν предложил читать Ζεὺς Ἀημάρουβς, (ὁ) καὶ Ἄδωβος, βασιλεὺς θεῶν. Однако в этой поправке нет необходимости: текст понятен и правилен и без нее. В параграфе, о котором идет речь, говорится о различных божествах — Зевсе-Демарунте и Адоде.

Имя Ἀημάρουβς, без сомнения, финикийское; оно представляет собой прозвище, замещающее табуированное собственное имя. В арабском языке глагол *damara* обозначает "уничтожать, губить"; в угаритском божественном ономастике слово *dmr* встречается один раз (C4 = KTU, I.4, VI, 39); оно относится к богу смерти Муту и переведено должно быть "Погубитель". Подобным же образом следует, видимо, объяснить и финикийскую основу слова, принявшего в греческой передаче облик Ἀημάρουβς. Оно принадлежит к тому же ряду, что и угар. *crz* — "ужасный", являющееся постоянным эпитетом бога *С_Астара* (WUS, с.43, № 2103). В Библии (ср., в частности, Иов, 13, 25) слово *сāraš* встречается и в значении "уничтожать", "губить", что позволяет и угаритское *crz* перевести словом "Погубитель". Сказанное дает основания предположить, что под именем Зевса-Демарунта в тексте Филона Библиского фигурирует *С_Астар*. Кажется правдоподобным, что упоминавшаяся выше кипрская статуя, символику которой источник Макробия не понял, была статуей *С_Астара* в финикийском одеянии.

Если такая идентификация справедлива, текст Филона Библиского дает возможность до известных пределов рекон-

¹ Herter H. Die Ursprünge des Aphroditenkultus. — *Éléments orientaux dans la religion grecque ancienne*. P., 1960, с.75-76.

² Тураев Б.А. Остатки финикийской литературы. СПб., 1903, с.41 и 65, примеч.59; Eissfeldt O. Taautos und Sanchunjaton. B., 1952, с.43.

³ Gruppe O. Die griechischen Kulte und Mythen in ihren Beziehungen zu den orientalischen Religionen. Bd.1, 1887, с.358-360.

⁴ Even-Šošan A. Millon ḥadas menuqqad umešuyyar. Ker. II. Yerušalayim, 1961, с.1218.

струировать финикийскую мифологию ^сАстара. Демарунт (^сАстар) — сын Урана и его наложницы — является отцом Мелькарта-Геракла (Euseb., Praer.ev., I, 10, 27); мать последнего — Астерия (Cic., De nat. deor., 3, 42; таким образом, она — жена ^сАстара), вероятнее всего, судя по параллельному свидетельству Herodian., 5, 6, 4, идентичная карфагенской Урании, т.е. Тиннит. Демарунт (^сАстар) вместе с Ураном участвует в борьбе с морским богом Понтом (мотив, обычный для ханаанейско-аморейской мифологии) и в благодарность за победу дает обет принести жертву.

Таким образом, обращение к античной традиции дает основания предположить, что в финикийской мифологии, как и в угаритской, моавитской, пальмирской и южноаравийской, имело место почитание ^сАстара. Косвенно в пользу такого допущения свидетельствует, по-видимому, также титул mtrḥ ^сštrny, встречающийся в пунийских надписях (DISO, с.172-173); здесь эпитет ^сštrny является производным от имени ^сАстара (^сštr).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ КАРФАГЕНА

Для изучения основных закономерностей развития стран древнего Востока необходимо не только изучение основных центров цивилизации Востока, таких, как Египет или Месопотамия, но и рассмотрение основных линий развития периферийных обществ. Среди последних привлекает внимание Карфаген, этот выдвинутый далеко на запад форпост древнего Востока.

Карфаген был основан финикийцами из Тира на втором этапе финикийской колонизации, в последней четверти IX в. до н.э.¹ Первоначально это был небольшой город, мало чем отличавшийся от других финикийских колоний, возникших на берегах Средиземного моря. Экономика города была основана главным образом на посреднической торговле; ремесло было мало развито и по своим техническим и эстетическим характеристикам практически не отличалось от восточного; земледелие отсутствовало². Произведения искусства, создаваемые в это время в Карфагене, не имели никаких специфических черт, отличных от общефиникийских³. Религиозные воззрения первых карфагенян, по-видимому, были теми же, что и их соотечественников в метрополии.

Пожалуй, выделяется только одна особенность нового города, которая, может быть, и повлияла на его будущую

¹ Мы в данном случае не касаемся спорного вопроса о точной дате основания Карфагена. Все спорящие согласны с тем, что эта дата укладывается в рамки последней четверти IX в. до н.э.

² Charles-Picard G. et C. La vie quotidienne à Carthage aux temps d'Hannibal. P., 1958, с.168; Cintas P. Manuel d'archéologie punique. T.1. P., 1970, с.382-413.

³ Ср.: Archéologie vivante. T.1/2. 1968-1969, с.71; Stern S. Phoenician Masks and Pendants. — PEQ. July-December 1976, 108-118; Bisi A.M. Les sources syro-palestiniennes et chypriotes de l'art punique. — Antiquités Africaines. P., 1979, t.14, с.17-35; Culiccan W. A Terracotta Shrine from Achzib. — ZDPV. 1976, Bd.92, с.4753.

судьбу: основателями Карфагена были представители оппозиционной группировки, потерпевшей в Тире поражение. Видимо, поэтому Карфаген с самого начала не вошел в Тирскую державу, а занял самостоятельное положение, хотя и сохранял духовные узы с метрополией⁴. Политическим строем Карфагена была первоначально монархия, и царицей была Элисса, сестра тирского царя Пигмалиона, возглавившая переселение (Iust. XVIII, 4, 1-6, 7). Однако эта монархия едва ли существовала дольше жизни Элиссы. Судя по контексту юстиновского рассказа (XVIII, 6, 1-8), детей у царицы не было, и, по-видимому, с прекращением царского рода в Карфагене была установлена республика.

В первой половине VII в. до н.э. начинается новый этап карфагенской истории. К середине этого века ассирийская держава нанесла серьезный удар Финикии. К этому времени прекращаются или значительно ослабевают связи Финикии с центральными и западными районами Средиземноморья, в частности с Этрурией, и Карфаген заменяет своих восточных соотечественников в контактах с этими районами. Установливаются также активные торговые связи с Египтом⁵. С другой стороны, часть жителей Тира, вероятно, бежала под страхом ассирийского завоевания на Запад, в том числе в Карфаген⁶.

Это приводит к внутренним изменениям в Карфагене, внешним выражением которых являются такие факты, как расширение территории города, изменение форм керамики, возрождение старых ханаанских традиций, оставленных в метрополии⁷. Появляются оригинальные формы художественных и ремесленных изделий. Теперь можно говорить о развитии собственного ремесла и начале существования собственного искусства, которое, хотя и развивалось в рамках общефиникийского, тем не менее приобрело собственные черты⁸. Таким образом, наряду с уже существующей политической утверждается экономическая и частично культурная самостоятельность Карфагена. Можно говорить, что с этого времени начинает создаваться пуническая цивилизация.

Уже в самом начале второго этапа своей истории Карфаген становится столь значительным городом, что может приступить к колонизации, первым актом которой было основание колонии на Питуусе. Произошло это, по словам Диодора (V, 16, 23), через 160 лет после создания самого Карфагена, т.е. в 60-50 годы VII в. до н.э. Несколько

⁴ Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.-Л., 1963, с. 47.

⁵ Залесский Н.Н. Этруски и Карфаген. — Древний мир. М., 1962, с. 520-521; Cintas P. Manuel, с. 370-375, 390-423, 429-460.

⁶ Cintas P. Manuel, с. 370-375.

⁷ Там же, с. 371-375.

⁸ Mowcati S. Świat Fenicjan. Warszawa, 1971, с. i69-197.

позже карфагеняне начинают создавать свою державу. Создание Карфагенской державы, включившей в себя все финикийские города Западного Средиземноморья и значительные территории, населенные местными народами (тартессиями и иберами, элимами и сиканами, сардами и ливийцами), определило во многом содержание второго этапа истории Карфагена. Основными вехами этого процесса были: основание колонии на Питууссе, войны Малха в Африке, Сицилии и Сардинии (Iust. XVIII, 7, 1-2), операции Магона и его преемников в тех же странах (Iust. XIX, 1, 3-4; 2, 1-4; Diod. V, 15), утверждение карфагенской блокады пролива у Геракловых Столпов и установление контроля над Тартессидой, завоевание тех районов Северной Африки, которые примыкают к городу, и экспансия в Северо-Западной Африке. В результате создается мощное государство, одно из сильнейших в Средиземноморье.

Это не могло не отразиться на экономике и социальных отношениях в Карфагене. После завоевания славившихся своим плодородием более или менее обширных земель, часть которых была непосредственно присоединена к городу, обржав его хору, возникает карфагенское земледелие. Если еще в конце V в. до н.э. карфагеняне не разводили ни виноград, ни оливу (Diod. XIII, 81, 5), то в конце следующего столетия карфагенская хора была засажена виноградниками, оливковыми рощами и садами с плодовыми деревьями, заполнена стадами коров и табунами лошадей (Diod. XX, 8, 3-4). С течением времени карфагенское земледелие будет играть все более значительную роль в экономике. Таким образом, пуническое хозяйство становится многоотраслевым и разнообразным. В нем отныне представлены не только торговля, но и ремесло и земледелие.

Видимо, в это время формируется и сложная социально-политическая структура Карфагена, та пирамида, наверху которой стояла карфагенская аристократия, составлявшая верхушку карфагенского гражданства, "народа Карфагена", а в самом низу рабы и близкие к ним группы зависимого населения. Рабство в Карфагене было весьма развито. В рабов превращали военнопленных (Diod. XIII, 57-58), рабов покупали, в частности, у балеарских пиратов (Diod. V, 17, 3). Рабов использовали на различных работах, в том числе в сельском хозяйстве (Diod. XX, 69, 2). О значении рабского труда в земледелии свидетельствует то внимание, какое уделил Магон приобретению и содержанию сельских рабов (Var. de r. r., I, 17, 3-7). Использовались рабы также в горном деле и на строительстве⁹. Между этими крайностями располагалась целая гамма иностранцев, "метеков", "сидонских мужей", различных других категорий неполно-

⁹ Шифман И.Ш. Рабство в Карфагене. — Каллистов Д.П. и др. Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с.251-252.

правного, полузависимого и зависимого населения, включая жителей подчиненных территорий. Сами карфагенские граждане делились на две группы: "могущественных", т.е. аристократию, и "плебс", или "малых". Но обе эти группы вместе были противопоставлены всему остальному населению державы. По отношению к рабам и другим группам подчиненного населения граждане выступали вместе как сплоченная естественная ассоциация угнетателей, как определяли античную общину К.Маркс и Ф.Энгельс¹⁰.

Материальной основой этого гражданского коллектива явилась общинная собственность, выступавшая в двух ипостасях: коллективная (например, арсеналы, верфи и т.п.) и собственность отдельных граждан (например, земли, мастерские, лавки). Кроме общинной собственности другого сектора экономики не существовало; даже храмовая собственность была поставлена под контроль общины.

Утверждается республиканская форма управления государством. После свержения Магонидов конституция Карфагена приняла ту форму, которая нам известна по кратким указаниям Аристотеля в "Политике" и некоторых других авторов. Карфаген становится аристократической республикой. Высшая власть в ней, по крайней мере формально, а в критические моменты и фактически, принадлежала народному собранию. Гражданский коллектив в принципе обладал суверенной властью, в этом собрании воплощенной. Магистраты республики избирались, хотя и из среды только богатых и знатных граждан. Несмотря на существование наемной армии, граждане не были полностью отделены от военной службы.

Все это характерно для такой формы экономической и социально-политической организации рабовладельческого общества, которая в науке именуется полисом. Можно, следовательно, говорить, что в Карфагене возникает полис. Он обладает рядом особенностей, во многом определенных восточным и колониальным происхождением Карфагена, но эти особенности не выходят за рамки полисной системы¹¹. По-видимому, можно считать, что наряду с греческими полисами и Римом Карфаген представлял собой третью разновидность полиса.

В Греции и Риме полис формировался в ходе ожесточенной классовой и сословной борьбы. Скучность наших знаний о внутренней обстановке Карфагена не позволяет проследить историю подобного процесса в пуническом обществе. Однако можно полагать, что и там шла такая же борьба: переворот Малха и его низвержение, установление и свер-

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т.3, с.21.

¹¹ Подробнее этот вопрос мы рассматриваем в другом месте.

жение тирании Магонидов (Iust., XVIII, 7, 3–19; XIX, 1, 1–2, 6) – известные нам ее проявления.

Свержение власти Магонидов, с одной стороны, и появление хоры и создание на ней собственного земледельческого хозяйства аристократов – с другой, определили собой возникновение карфагенского полиса. Формирование полисной системы в Карфагене совпало с образованием Карфагенской державы. Совпадение этих двух процессов не уникально: в Риме также образование полиса и завоевание Италии проходили параллельно, во многом обуславливая друг друга. Видимо, и в Карфагене эти два процесса также влияли друг на друга. Магониды были свергнуты приблизительно в середине V в. до н.э.¹² Следовательно, второй этап карфагенской истории охватывает время от первой половины VII до середины V в. до н.э.

Содержанием второго этапа истории Карфагена было образование Карфагенской державы, становление карфагенского полиса, возникновение пунической цивилизации как ответвления общепунической, но ответвления самостоятельного.

Со второй половины V в. до н.э. начинается третий этап карфагенской истории. Держава к этому времени была уже создана, и теперь речь шла о ее расширении и о попытках установить гегемонию в Западном Средиземноморье. В этих попытках Карфаген столкнулся с молодым, но более мощным соперником и потерпел поражение. Полисная система к этому времени также уже была сформирована, и в системе государственной власти перемен в это время не произошло. И все же и в этот период происходят определенные изменения.

Новым явлением для карфагенской экономики третьего этапа истории пунического города было появление монеты. Первые карфагенские монеты появились в Сицилии и чеканились по аттическому стандарту¹³. А к концу IV в. до н.э. начинают выпускаться сначала золотые и бронзовые, а затем и серебряные монеты государственным монетным двором в самом Карфагене. Они выпускались по финикийскому эталону, но и в своем внешнем виде, и в нумерации копировали греческие¹⁴.

В III в. до н.э. появляется в Карфагене новый тип администрации, аналогичной эллинистической, с сосредоточением в одних руках военной и административной власти над определенной территорией (Polyb. I, 67, 1; 72, 2–3). Резуль-

¹² Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы, с. 100.

¹³ Charles-Picard G. et C. La vie quotidienne, с. 182; Head B.V. Historia nummorum. Oxf., 1887, с. 737–739; Jenkins G.K., Kürthmann H. Münzen der Griechen. München, 1972, с. 276.

¹⁴ Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. T. 2. P., 1926, с. 326–327; Harden D. The Phoenicians. Harmondsworth, 1971, с. 158–159; Jenkins G.K., Kürthmann H. Münzen der Griechen, с. 276–278.

татом явилось создание державы Баркидов в Испании. Сосредоточив в своих руках всю военную и административную власть, Гамилькар и его преемники стали во многих случаях действовать практически самостоятельно. Они управляли завоеванными территориями на Пиренейском полуострове, опираясь на свою армию и на связи с местным населением¹⁵. В карфагенской Испании создается государство, по своему политическому устройству аналогичное эллинистическим, но с той существенной разницей, что оно входило в состав уже существующей Карфагенской республики, причем контроль центрального правительства был в зависимости от обстоятельств или чисто формальным, или довольно ощутимым.

Характернейшей чертой третьего этапа истории карфагенского государства было стремление создать новую идеологическо-культурную надстройку, адекватную новому политическому бытию. Как представляется, первым шагом в этом направлении было выдвижение на первый план в карфагенском пантеоне богини Тиннит. Об этом свидетельствует изменение внешнего вида посвященных стел в карфагенском "тофете", изображение на них символов богини в виде перевернутого полумесяца с кружком, "знака бутылки", так называемого "знака Тиннит", появление обильных надписей в честь Тиннит и Баал-Хаммона¹⁶. Речь идет, как мы думаем, не о религиозной реформе как таковой, а о стремлении приспособить религиозную сферу к новой экономической реальности.

Начиная с IV в. до н.э. в пуническую культуру широко проникают греческие влияния. Можно говорить, что с этого времени в культуре Карфагена различаются три направления: греко-пуническое (когда греческая форма используется во многом для выражения пунического содержания), грецизированное (сохранение пунической формы, но испитавшей при этом значительное греческое влияние) и традиционное (полное следование старым приемам). В религии это выражается в принятии чисто эллинских культов Деметры и Коры (Diod. XIV, 70; 77), во влиянии, которое культ Диониса оказал на почитание финикийского Шадралы, причем в конце концов две божественные фигуры сливаются в один образ¹⁷. Особенно ярко это проявляется в искусстве.

¹⁵ Циркин Ю. Б. Держава Баркидов в Испании. — Античный полис. Л., 1979, с. 81–92.

¹⁶ Bisi A. M. Les steles puniques. — Archéologie vivante. T. 1/2, 1968–1969, с. 121–122; Charles-Picard G. et C. Vie et mort de Carthage. P., 1970, с. 146–148; Harden D. The Phoenicians, с. 89–91; Hands A. R. The Consolidation of Carthaginian Power in Fifth Century B.C. — Africa in Classical Antiquity. Ibadan, 1969, с. 57.

¹⁷ Charles-Picard C. Les representations au cycle dionisiaques à Carthage dans l'art punique. — Antiquités Africaines. T. 14, с. 1–13; Floriani Squarciapino M. Leptis Magna. Basel, 1966, с. 52–53.

Так, к первому направлению можно отнести статуи старца и женщины, вписанной в фигуру голубя, на мраморных саркофагах¹⁸, ко второму — изображение старика на мраморной урне¹⁹, к третьему — фигуру Баалшилека также на каменной урне²⁰. Мы намеренно взяли произведения, относящиеся к одному типу изображений. То же самое можно говорить и при анализе других видов изобразительного искусства, а также архитектуры. Не раньше IV в. в Карфагене появляется философия, историография, теоретическая агрономия. Греческие моды проникают в ремесло и повседневную жизнь пунийцев. Такое обращение к греческой культуре было не случайным. В конкретных условиях того времени культурная надстройка полиса должна была иметь греческую или грецизированную форму.

Однако эллинизацию Карфагена нельзя преувеличивать. Она в основном проявляется в жизни аристократов и, видимо, тех художников, которые аристократию обслуживали. Как народные массы, так и некоторые консервативные круги знати сохраняли старые традиции, старый образ жизни. Таким образом, третий этап истории характеризуется в Карфагене появлением двух культур, одна из которых была ориентирована главным образом на аристократию, а другая в большей степени на "плебс".

После I Пунической войны в Карфагене возник острый социальный и политический кризис, приведший к демократизации политической жизни. Однако этот кризис протекал в уже сложившихся условиях, а демократизация не вышла за рамки существующих институтов.

Во второй войне с Римом, несмотря на военный гений Ганнибала, Карфаген потерпел поражение, вызванное как чисто военными (например, растянутость коммуникаций), так и социально-политическими причинами. Карфагенское общество разрывали острые внутренние противоречия; эти противоречия коснулись и правящей аристократии. Последнее отразилось в остром соперничестве между Баркидами и Ганноном (например, Liv. XXI, 4;11). Карфагенские военачальники рассчитывали в основном на наемную армию, не выдержавшую долгого соперничества с гражданским войском.

Поражение во II Пунической войне открыло четвертый и последний этап карфагенской истории. Карфаген лишился своей державы, и его территория была сведена к сравнительно небольшой округе около самого города. Возможности эксплуатации некарфагенского населения были тем самым резко сужены. Большие группы зависимого и полузависимого

¹⁸ Кантерева Т. П. Искусство стран Магриба. Древний мир. М., 1980, с. 70—72.

¹⁹ Herbig R. Das archäologische Bild des Puniertums. — Rom und Karthago. Lpz., 1943, Taf. 14.

²⁰ Там же, Taf. 15.

населения вышли из-под контроля пунической аристократии. Земледельческая территория резко сократилась, и вновь большее значение приобретает торговля. От существования державы получал определенные выгоды и "плебс". Теперь они исчезли. Карфагенская община из госпожи обширной державы превратилась в коллектив отдельного города, почти лишенного подданных за его пределами²¹.

Все это, естественно, вызвало острый социальный и политический кризис. Уже реформа 195 г. до н.э., проведенная Ганнибалом (Liv. XXXIII, 46), наносила удар самим основам прежнего политического строя с его господством аристократии и открывала путь к власти широким слоям гражданского населения и демагогам, которые могли воспользоваться движением этих слоев. Особенно ясно это стало в середине II в., когда в Карфагене развернулась ожесточенная межпартийная борьба, а приход к власти Гасдрубала говорит о реальности такого исхода, как установление тирании, может быть типа младших тираний в Греции (App., Lib. 69). Такое развитие событий было превращено III Пунической войной и гибелью города в 146 г. до н.э.

Став полисом, Карфаген пережил и кризис полиса. В Греции, как известно, этот кризис был частично преодолен включением эллинских городов-государств в эллинистическую систему. Кризис римского полиса привел к ликвидации республики и возникновению Римской империи. Карфаген же вообще не смог преодолеть кризис. Но это было вызвано не столько внутренними процессами, сколько неблагоприятными внешними обстоятельствами: Рим в конце концов нанес фатальный удар Карфагену и разрушил пунический город.

Подводя итог, надо сказать следующее. Вопрос о взаимоотношениях античности и Востока еще чрезвычайно спорен. Однако как бы его ни решать, Карфаген являет нам пример общества, генетически связанного с восточным миром, но в ходе своего исторического развития превратившегося в античное. И именно этим и интересен исторический путь Карфагена.

²¹ Ср.: *Кораблев И.Ш.* Ганнибал. М., 1976, с. 304—329.

ЧЕЛОВЕК В ХРОНИСТСКОЙ КАРТИНЕ МИРА:
ЕГО ПСИХИКА

1. Человек есть единство физических и психических начал. Поэтому, продолжая рассмотрение вопроса "Человек в хронистской картине мира"¹, нам надлежит обратиться к самому сложному и загадочному явлению человеческой сущности — к его психике и ее восприятию и осмыслению в хронистской картине мира.

Первая трудность — в распространенном среди историков негативном или в лучшем случае безразличном отношении к этой сфере человеческого существования и в связи с этим ее слабая изученность. Однако в последнее время историки все больше проникаются пониманием того, что постижение глубин исторического прошлого не будет полным без учета психики творцов этого прошлого².

В этом необходимом сближении двух наук пока более активны социологи и социальные психологи, доказывающие, что человеческая психика в своей совокупности социально обусловлена, что в силу меняющейся историко-социальной реальности человеческая психика исторически изменчива и что человеческая психика есть единство эмоционального и интеллектуального начал³.

Психика современного человека — объект чрезвычайно трудный для изучения, и эти трудности многократно возрастают при попытке восстановить своеобразие психики че-

¹ Weinberg J.P. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: die allgemeinen Begriffe. — Klio. 1981, 63, 1, с.25–37; он же. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: sein Körper. — OLP. 1982, 13, с.71–89.

² Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979, с.8.

³ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. — Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. I. М., 1980, с.67, 113; Васильев И.А., Поплуцкий В.Л., Тихамиров О.К. Эмоции и мышление. М., 1980, с.39; Кон И.С. Открытие "Я". М., 1978, с.111 и сл.; Поршнев Б.Ф. Социальная психология, с.200 и сл.; Рубинштейн С.Л. Человек и мир. — Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976, с.253–254, и др.

повека давно минувших времен. Не скрывая эти трудности, Л.И. Анциферова все-таки отстаивает тезис "о возможности воссоздания своеобразия психики человека на различных этапах развития общества по продуктам его созидательной деятельности, по всей совокупности его творений, характерных для определенной эпохи" и непременно включающих язык человека⁴. Одно из основных положений современного языкознания — признание неразрывной взаимосвязанности и взаимообусловленности психики человека с языком. Поэтому язык есть особо надежный показатель состояния и развития человеческой психики, а в эволюции "психологической эволюции" можно искать и находить отражение исторической эволюции человеческой психики⁵.

Кардинальным моментом эволюции человеческой психики является существование и смена двух форм или типов мышления — мифологического и научно-логического, качественная разность которых обуславливает разность создаваемых ими моделей и картин мира⁶, разность восприятия и осмысления в них феномена "человеческая психика".

Исходной точкой для всех рассуждений о специфике восприятия и осмысления человеческой психики мифологическим мышлением является признание его диффузности, проявившейся в неотчетливом разделении субъекта и объекта, материального и идеального и т.д.⁷ и коренившейся в структуре социально и психологически относительно однородных обществ. Такая относительная однородность предполагает также слабую выделенность индивида⁸. В этой невычлененности или недочленности индивида коренится антипсихологизм мифа⁹, который, однако, по мере эмансипации индивида смягчается, что приводит, например, в эпосе к созданию типов, образов, к эпической характеристике, "закономерность которой может быть сформулирована как качественное единообразие при количественном неравенстве качества"¹⁰. Одним из проявлений такого качественного единообразия является присущее мифологическим моделям мира признание примата и доминирования эмоцио-

⁴ Анциферова Л.И. К проблеме изучения исторического развития психики. — ИИЛс, с.86.

⁵ Кон И.С. Открытие "Я", с.152-153; Поршнев В.Ф. Социальная психология, с.104.

⁶ Вейнберг И.П. К вопросу об особенностях исторического мышления на древнем Ближнем Востоке. — Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник. V. Тб., 1977, с.66 и сл.; Структура понятийной системы в кн. Паралипоменон. — АГО. 1981, 9.

⁷ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976, с.165.

⁸ Кон И.С. Открытие "Я", с.125-131; ср.: Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978, с.25, и др.

⁹ Мелетинский Е.М. Поэтика, с.225; Фрейдберг О.М. Миф, с.83.

¹⁰ Шталь И.В. Человек в поэмах Гомера. — ПАИИК.2, с.189.

нального начала в человеческой психике¹¹, нередко сопряженное с представлением о нерасчлененности психической деятельности человека и органа, возбуждающего эту деятельность¹².

В античном мире отношение "я — мы" эволюционировало от тождества человека и гражданской общины через их диалектическое, противоречивое единство к наметившемуся разрыву¹³. Для классической античности, видимо, характерно диалектическое, противоречивое единство личности-индивидуальности с полисом, и лишь в эпоху эллинизма или в условиях Римской империи намечается разрыв между личностью-индивидуальностью и социально-политической общностью. Соразмерно этому нарастает процесс интериоризации, психологизации человека¹⁴, ведущий к тщательной разработке человеческого характера¹⁵. При этом античная научно-логическая мысль не только разграничивает и ограничивает мысленное и чувственное, но, как правило, утверждает примат и доминирующую роль интеллектуального начала¹⁶, одновременно отчетливо обособляя психическую деятельность от органа, ее возбуждающего.

Но каково восприятие и осмысление человеческой психики в ветхозаветной модели мира, особенно в хронистской картине мира?

Приближение к данному вопросу возможно, во-первых, с помощью диахронно-исторического подхода к Ветхому завету, сочетаемого с синхронно-структурным, а во-вторых, заменой выборочно иллюстрированного метода лексико-статистическим и семантическим анализом слов, обозначающих в Ветхом завете явления человеческой психики (субсфера Б₂).

¹¹ Дьяконов И.М. Введение. — Мифология древнего мира. М., 1977, с.27-28; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа, с.166, и др.

¹² Тахо-Годи А.А. Мифологическое происхождение поэтического языка "Илиады" Гомера. — АиС, с.202.

¹³ Инабе Г.С. Римская биография и "Жизнеописание Агриколы" Тацита. — ВДИ. 1980, 4, с.60-61.

¹⁴ Тахо-Годи А.А. О древнегреческом понимании личности на материале термина *sōma*. — Вопросы классической филологии. III-IV. М., 1971, с.274 и сл.; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980, с.31 и сл., и др.

¹⁵ Аверинцев С.С. Греческая "литература" и ближневосточная "словесность". — ТВЛДМ, с.216 и сл.

¹⁶ Рожанский И.Л. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979, с.428; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории, с.42; Grant M. The Ancient Historians. L., 1970, с.94-95; Montgomery H. Gedanke und Tat.Lund, 1965, с.30 и сл., и др.

11. Соответственно принятой нами методике исследования¹⁷ в таблице собраны данные: 1. об упомянутых в Ветхом завете явлениях человеческой психики; 2. о количестве слов — существительных и прилагательных, обозначающих эти явления в Ветхом завете в целом и в отдельных группах ветхозаветных сочинений (кроме I-II Chr.), и 3. о количестве явлений субсферы B₂ и обозначающих их слов в I-II Chr. с указанием степени их повторяемости, ибо интенсивность вхождения какого-либо явления в жизнь коллектива находит свое выражение в степени повторяемости обозначающего его слова¹⁸.

Таблица

№	Явление	Кол-во слов в							В I-II Chr.			
		VT	Pent	Dtr	Proph	Ps	Sap	Est	Neh	кол-во	сло-ва	пов-тор.
1-2.	внимание — расстройство внимания	4	1	2	1	2	2	1	1	1	kaššub	2/7*
3-4.	память — забывание	3	1	1	2	3	1	1	-	-	-	-
5.	мышление, мысль, разум	25	8	6	11	13	17	3	5	5	maḥšābā maddā' bīnā šēkel 'ešā	4/56 3/6 4/37 4/16 6/86
6-7.	мудрость, мудрый — глупость, глупый	11	3	3	6	7	11	1	1	1	hokmā ḥākām	17/290
8.	ощущение, чувство, влечение	20	6	5	10	8	10	1	3	3	yēšer ḥēšek šōrek	2/10 1/4 1/1
9-10.	спокойствие, успокоенность — беспокойство, растерянность	27	7	5	15	11	12	1	3	3	m ^e nūḥā, nōaḥ šālēw m ^e hūmā	4/31 1/8 1/12

¹⁷ Weinberg J.P. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: die allgemeinen Begriffe, с.28-29.

¹⁸ Елумфилд Л. Язык. М., 1968, с.435.

11-12.	радость, веселье — печаль, страдание	32	11	7	19	14	22	4	4	šimhā hedwā hāpēs ōni	14/115 1/2 2/50 1/37
13-14.	страх, ис- пуг—надежда, ожидание	32	12	7	9	15	14	5	5	pāhad šammā yir'e'a za'āwā miqwe	5/49 2/39 2/90 1/12 1/15
15-16.	любовь, удовольст- вие — рев- ность, от- вращение, ненависть	26	11	12	20	15	18	2	6	'ahābā rāgōn hēmā qeqep hārōn za'ap	2/56 1/56 5/123 7/28 4/41 3/9
17-18.	смех—плач	11	4	3	10	7	5	1	-	-	-
		**									
		18:	15:	15:	17:	18:	16:	12:	12:		
		191	64	51	123	95	112	20	28		

* Первая цифра обозначает количество упоминаний данного слова в I-II Chr., вторая — в Ветхом завете в целом.

** Первый ряд цифр обозначает количество явлений субсферы B₂, второй ряд — количество обозначающих их слов.

Содержащиеся в таблице данные позволяют сделать ряд выводов:

1. Отчетливо проступает различие между степенью отраженности явлений человеческой психики в пророческих речениях, псалмах и литературе мудрости, с одной стороны, и в законодательных сборниках и исторических сочинениях, с другой стороны, ибо в последних количество упоминаемых явлений субсферы B₂ и обозначающих их слов значительно ниже, чем в первой группе. Бóльшая степень отраженности явлений человеческой психики в первой группе ветхозаветных сочинений соответствует их жанровым особенностям — повышенной эмоциональной насыщенности пророческих речений и псалмов, их обращенности к эмоциональной стороне человеческой психики. В таком случае правомерно предположить, что малая степень отраженности человеческой психики есть специфическая особенность ветхозаветных исторических сочинений, отчетливо проявившаяся в труде хрониста.

2. Правильность сказанного подтверждается еще одним показателем — соотношением между явлениями субсферы B₂ и количеством обозначающих их слов: если в пророческих сочинениях это соотношение равняется 1:7,2, в псалмах

1:5,3 и в литературе мудрости 1:7, то в произведениях исторического жанра этот показатель не только ниже, но и обнаруживает в диахронике устойчивую тенденцию к понижению — в Pent.1:4,3, в Dtr.1:3,4, в Esr.-Neh.1:1,6 и в I-II Chr.1:2,3. В предыдущих анализах¹⁹ эта тенденция объяснялась стремлением хрониста к устранению избыточных средств выражений и к экономии языковых средств. Однако по отношению к субсфере B₂ эта тенденция отнюдь не всегда сводима к данному стремлению: дело в том, что слова, обозначающие явления психики, при всей их кажущейся синонимичности, семантической близости зачастую выражают различные оттенки или нюансы психики, а скудность "психологического словаря" хрониста в таком случае доказательство его малой заинтересованности в многогранном феномене "человеческая психика".

3. Особо доказателен тот факт, что слова подсферы B₂ обладают в труде хрониста крайне низкой степенью повторяемости: только два слова (7%) имеют степень повторяемости выше средней для хрониста (10,5), а остальные употребляются им лишь редко и эпизодически.

Все вышесказанное позволяет высказать предположение о том, что степень отраженности человеческой психики, пространство ею занимаемое обуславливаются жанровой принадлежностью сочинений, что ветхозаветные исторические сочинения характеризуются малой степенью обращенности к явлениям человеческой психики, отчетливо проявляющейся в труде хрониста.

III. Данные таблицы доказывают, что явления интеллекта обозначаются в I-II Chr. 7 словами, которые упоминаются 40 раз, т.е. их средняя повторяемость составляет 5,7, а явления чувств обозначаются 21 словом при значительно более низкой средней степени повторяемости — всего 2,9. Отнюдь не переоценивая значимость этих показателей, можно предположить, что хронист больше внимания уделяет интеллекту, что подтверждается результатами последующего семантического и контекстуально-концептуального анализа слов, обозначающих явления интеллекта (А) и явления чувств (Б).

А.1. Из 25 слов, употребленных в Ветхом завете для обозначения феномена "мысль; мышление, разум, знание", хронист не употребляет 20, среди которых также "слово-ключ" dē'ā, da'āt (100 упоминаний во всех группах ветхозаветных сочинений, кроме Esr.-Neh. и I-II Chr.), имеющие значения: а. мудрость; б. знание, умение; в. понимание, постижение, преимущественно дарованное богом и обращенное к нему, но также г. познание, в том числе и

¹⁹ Weinberg J.P. Die Natur im Weltbild des Chronisten. — VT. 1981, 31, 3, с.329; он же. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: die allgemeinen Begriffe, с.29-30.

женщины (Gn.4,1 и др.), свидетельствующее о содержащихся в этом понятии-слове мифологических аллюзий²⁰. Этих аллюзий нет в позднем образовании *maddā'*, имеющем лишь значение: понимание, разумение, которое, судя по контексту в II Chr.1,10,11,12, есть дарованное богом Соломону умение, разумение, "чтобы судить [или управлять] мой народ".

Если *maddā'* (совместно с *ḥokmā*) есть умение, разумение и т.д. в плоскости государственной деятельности, то словом *šēkel* хронист обозначает, во-первых (I Chr.26,14; II Chr.30,22), "понимание, умение" левитов в выполнении обряда и, во-вторых, дарованное богом Соломону вместе с *binā* "понимание, разумение" в соблюдении *tbrat ywhw* 'ēloheykā (I Chr.22,12) и в возведении храма для *ḏaxwe* (II Chr.2,11). Аналогичное значение имеет слово *binā* в тех случаях, когда оно сочетается с *šēkel* (I Chr.22,12; II Chr.2,11,12), но в I Chr.12,33 иссакариты характеризованы как *ybd^e 'ēy binā lā'ittim* (= умеющие читать знамения времени), т.е. в этом древнем тексте²¹ *binā* еще содержит элементы обозначения магического знания.

В рассматриваемой группе слов хронист чаще всего пользуется словом 'ēšā²², имеющим значения: а. совет, политическая консультация; б. практическая мудрость, руководство; в. план, исходящий от бога, человека. Хронист употребляет это слово в суженном значении, ибо, во-первых, 'ēšā исходит главным образом от людей — от сановников филистимлян (I Chr.12,20), от *zeḳenim* и *yelādīm* в окружении Рехабеама (II Chr.10,8) и от "дома Ахаба" (II Chr.22,5) и лишь один раз (!I Chr.25,16) от бога, а во-вторых, в труде хрониста 'ēšā есть лишь совет в сфере политической жизни.

2. К сфере человеческого интеллекта относится и *ḥokmā*²³, понимаемая в Ветхом завете в четырех основных значениях: а. практическая мудрость, т.е. знание и способность человека, содействующие его успеху в повседневной жизни и занятиях, проявляющиеся как общая способность мыслить, понимать, как государственная мудрость правителя и его советников и как техническое знание, умение ремесленника; б. этико-религиозная мудрость, наиболее кон-

²⁰ Аверинцев С.С. К использованию символики мифа об Эдипе. — АиС, с.96 и сл.

²¹ Weinberg J.P. Das Wesen und die funktionelle Bestimmung der Listen in I Chr.1-9. — ZAW. 1981, 93, 1, с.96-103.

²² Whybray R.N. The Heavenly Counsellor in Isaiah XL 13-14. Cambridge, 1971, с.26-29; Bennett R.A. Wisdom Motifs in Psalm 14-53 — *nābāl* and 'ēšāb. — BASOR, 1975, с.18.

²³ Fichtner J. Gottes Weisheit. Stuttgart, 1965, с.18-26; McKane W. Prophets and Wise Men. L., 1965, с.15 и сл.; Clements R. E. Prophecy and Tradition. Oxf., 1975, с.73-86, и др.

центрированно выраженная в Prov.; в. спекулятивная мудрость в понимании мира и жизни и г. средство, техника для приобретения спекулятивной мудрости²⁴. Диахронно-исторический подход к ḥokmā показывает, что первоначально она воспринимается в Ветхом завете как "wesentlich ein Erfahren — Kundigsein in bestimmter Lebensgestaltung", являющаяся в умении ремесленника, правителя и т.д. и являющаяся общечеловеческим феноменом, но позже ḥokmā "wird... weitgehend durch theologische Reflexion bestimmt"²⁵.

Какой аспект или грань ḥokmā наличествует в хронистской картине мира? Из 10 упоминаний этого слова в I-II Chr. оно 9 раз связано с Соломоном, который единственный из иудейских царей выступает носителем этого качества. Было бы заманчиво объяснить эту особенность хронистского рассказа о Соломоне полной его зависимостью от девтеронимической Vorlage, в которой ощущается влияние ближневосточной литературы мудрости или в основе которой лежат рассказы и описания мудрости Соломона, составленные мудрецами и писцами того времени²⁶. Однако хронист, во-первых, опускает два девтеронимических отрывка, содержащих quintessenz мудрости Соломона — "суд Соломона" (IR.3,16 и сл.) и IR.5,9-14, а во-вторых, он модифицирует девтеронимическое описание ḥokmā в теофании в Гибее: в Dtr. нет существительного ḥokmā и упоминается лишь lēb ḥākām w'enābōn (IR.3,12) с характерным для мифологического мышления представлением о единстве психической деятельности и органа — сердца, — ее возбуждающего, что начисто отсутствует в I-II Chr.; если в девтеронимическом рассказе "мудрое и понимающее сердце" непосредственно не связано с какой-либо деятельностью царя²⁷, то во всех трех упоминаниях ḥokmā в хронистском варианте теофании (II Chr.1,10,11,12) она вместе с mad-dā' дана богом царю, чтобы управлять народом.

Четырежды (II Chr.9,3,5,6,7) ḥokmā Соломона упоминается в эпизоде о посещении царицы Савской, причем особенно внимания заслуживают стк. 3-4, где царская ḥokmā наз-

²⁴ Fox M.V. Aspects of the Religion of the Book of Proverbs. — HUCA. 1968, 39, с.55-69.

²⁵ Weisheit. — WzB, с.645-648; ср.: Ringren H. Word and Wisdom. Lund, 1947, с.89 и сл.; Weiss H.-F. Untersuchungen zur Kosmologie des hellenistischen und palästinischen Judentums. В., 1966, с.189-196, и др.

²⁶ Alt A. Die Weisheit Salomos. — KSGVI II, с.90-99; Porten B. The Structure and Theme of the Salomon Narrative (I Kings 3-11). — HUCA. 1967, 38, с.115; Liver J. sēper dibrey š'elomo. — HMMY, с.92; Heaton E.W. Solomon's New Men. L., 1974, с.15 и сл., и др.

²⁷ Krecher J., Müller H.-P. Vergangenheitsinteresse in Mesopotamien und Israel. — Saeculum. 1975, 26, с.44.

вана в одном смысловом ряду с построенным Соломоном дворцом, яствами его стола, одеяниями его слуг и т.д. Такая же "вещность" ḥokmā Соломона подчеркивается признанием, что царь возвысился над всеми царями земли "богатством и мудростью" (1^e ošer w^eḥokmā, II Chr. 9, 22, 23)²⁸, а в единственном упоминании ḥokmā вне связанности с Соломоном речь идет о священниках и левитах, которые nāḏib baḥokmā 1^ekol 'abōdā (I Chr. 28, 21), т.е. обладают умением, знанием для участия в культе.

Характерное для хронистской картины мира восприятие ḥokmā как знания и способности человека в его практической деятельности повторяется во всех шести упоминаниях слова ḥākām (искусный, умелый; смысленный, опытный; мудрец), ибо 5 раз (I Chr. 22, 15; II Chr. 2, 6, 12, 13) оно употребляется по отношению к ремесленнику, а один раз (II Chr. 2, 11) ḥākām назван Соломон в контексте строительства храма.

Анализ всех 40 упоминаний семи слов, употребленных хронистом для обозначения явлений интеллекта, показывает, что, во-первых, за исключением одного случая связанности 'ēšā с богом и двух случаев связанности с богом прилагательного kaššāb, kaššub (= внимательный) в очевидно древней формуле: tiḥ'euyenā 'āz'neykā [bora] kaššubōt (II Chr. 6, 40; 7, 15; ср. Ps. 130, 2), во всех остальных 37 упоминаниях (92%) интеллект в хронистской картине мира есть явление человеческой психики, кстати, не связанное с каким-либо органом человеческого тела. Во-вторых, носителем, субъектом интеллекта выступают преимущественно индивиды: царь Соломон (16 раз = 44%), отдельные ремесленники (6 раз = 14%) и, реже (15 раз = 42%), людские общности — левиты, священники, советники и др. В-третьих, за исключением одного случая, когда bīnā есть знание магическое, во всех остальных случаях человеческий интеллект проявляет себя в сферах государственной (22 раза = 60%), производственной (9 раз = 26%) и культовой (5 раз = 14%) деятельности.

Б, 1. Эмоциональные состояния "спокойствие, успокоенность — беспокойство, растерянность" обозначаются хронистом тремя редко и эпизодически употребленными словами. Среди них mānbaḥ, m^enūḥā и pbaḥ, имеющие значения: а. место отдыха и б. успокоение, спокойствие, которые хронист трижды (I Chr. 6, 16; 28, 2; II Chr. 6, 41) употребляет в первом значении по отношению к Ковчегу завета и богу²⁹ и лишь раз (I Chr. 22, 9) по отношению к Соломону, но как определение военно-политического положения буду-

²⁸ Ср.: *Mosis R. Untersuchungen zur Theologie des chronistischen Geschichtswerkes*. Freiburg — Basel — Wien, 1973, с. 135 и сл.

²⁹ *Schmidt W. Königtum Gottes in Ugarit und Israel*. В., 1961, с. 56.

щего царя и его государства. В этом же значении хронист употребляет прилагательное šālēw (I Chr. 4, 40), а слово mehūmā (= смущение, замешательство, оцепенение) служит ему (II Chr. 15, 5) для определения бедственного социального-политического положения народа.

2. Нередко постулируемое противопоставление: античный греческий мир = мир радости – ветхозаветный мир = мир печали³⁰ – неправильно по отношению к хронисту, который лишь раз упоминает слово 'ōnī (= страдание, печаль, беда), причем, судя по контексту (I Chr. 22, 14), в смысле "хлопотливая деятельность" Давида по подготовке строительства храма, т.е. в труде хрониста состояние печали и грусти фактически отсутствует. Зато состояние радости и веселья, обозначаемое словами šimhā и ḥedwā, упоминается хронистом 17 раз, причем всегда в связи с религиозными праздниками, со служением богу (I Chr. 15, 16, 25; II Chr. 23, 18; 29, 30 и др.). Еще показательнее то, что, за исключением двух случаев употребления слова ḥēreš (и ḥārēš) в значениях: желание, радость – по отношению к индивидам – Соломону и царице Савской (I Chr. 28, 9; II Chr. 9, 12), во всех остальных 15 упоминаниях состоянием радости и веселья охвачены различные людские общности – народ (I Chr. 12, 41; 29, 22; II Chr. 23, 13 и др.), жрецы (II Chr. 23, 18 и др.) и иные, т.е. в хронистской картине мира радость и веселье преимущественно есть психическое состояние людской общности.

3. Из 10 упоминаний в I-II Chr. слов rāḥad, yire'ā, za'āwā и šampā, имеющих значение: страх, воспринимаемый главным образом как страх перед богом³¹, есть в 9 случаях эмоция коллективная, и лишь раз (I Chr. 10, 4) yāgē' выражает психическое состояние индивида – оруженосца Шаула. Сопряженная со страхом надежда "внутри текстов Библии... есть главный модус отношения к абсолютной ценности. Сам библейский бог может быть назван "надеждой" для верующего"³², что, возможно, правильно по отношению к пророчествам, псалмам и литературе мудрости, где встречается 92% всех упоминаний слов miḳwe и tiḳwā (= надежда) в Ветхом завете. Однако эти слова полностью отсутствуют в Pent. и Dtr., а в единственном упоминании miḳwe хронистом (I Chr. 29, 15) оно имеет значение³³: безопасность народа в военно-политическом аспекте.

4. Зыбкость излишне обобщенных выводов сказывается также в распространенном мнении о том, что любовь есть

³⁰ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 64 и сл.

³¹ Crenshaw J.L. The Eternal Gospel (Eccl. 3, 11). – EOTE, с. 25, и др.

³² Аверинцев С.С. Поэтика, с. 75 и сл.

³³ Rudolph W. Chronikbücher. – NAT, 21. Tübingen, 1955, с. 192.

важнейшая и основополагающая категория ветхозаветной религии и этики³⁴. Это мнение вряд ли прилично к хронисту, ибо слово 'ahāvā, имеющее значения: а. любовь между мужчиной и женщиной, себялюбие и т.д. и б. любовь бога к своему народу и народа к своему богу, и преобладающее в своем втором значении в Dt. и Dtr., упоминается хронистом лишь дважды (II Chr. 2, 10; 9, 8) в смысле "любовь бога к своему народу", а единственное упоминание хронистом (II Chr. 15, 15) слова rāšbn (= желание, любовь) в данном контексте имеет значение: воля народа. В ветхозаветной модели мира большее пространство, чем любовь, занимают противоположные ей эмоции — ревность, отвращение, гнев, ненависть³⁵ (ср. II Sam. 13, 15). Сказанное правильно также по отношению к I-II Chr., где рассматриваемые эмоции, обозначаемые словами qešer, ḥārbn, ḥēmā и za'ar, 16 раз выражают гнев бога по отношению к народу (I Chr. 27, 24; II Chr. 12, 7; 19, 2 и др.), один раз — гнев народа (II Chr. 28, 9) и только два раза (II Chr. 16, 10; 26, 19) носителями этой эмоции выступают индивиды — цари Аса и Уззийаху.

Из вышесказанного следует, во-первых, что сфера эмоций занимает в хронистской картине мира пространство меньше, чем сфера интеллекта, и дополнительное доказательство тому — отсутствие в словаре хрониста как раз тех слов, которые наиболее адекватно выражают данное явление и имеют наибольшее распространение в Ветхом завете, — 'awwā, hawwā, ma'āwayūn и ta'awā (= желание, влечение и т.д.). Во-вторых, носителями эмоций выступает преимущественно людские общности (в 29 упоминаниях = 48%), затем бог (в 24 упоминаниях = 39%) и только в 8 случаях (= 13%) индивиды. Эмоции, в-третьих, проявляются главным образом (78% всех упоминаний) в религиозно-культурной области.

Семантический и контекстуально-концептуальный анализ слов, обозначающих в I-II Chr. явления человеческой психики, доказывает, что в восприятии и осмыслении хронистом человеческой психики на первый план выдвигается ин-

³⁴ Irwin W.A. The Hebrews. — IAAM, с. 227 и сл.; Efron I.I. Ancient Jewish Philosophy. Detroit, 1964, с. 107 и сл.; Moran W.L. The Ancient Near Eastern Background to the Love of God in Deuteronomy. — CBQ. 1963, 25, с. 77–87; McCarthy D.J. Notes on the Love of God in Deuteronomy and the Father-Son Relationship between Jahweh and Israel. — CBQ. 1965, 27, с. 144–147; Vriezen Th.C. The Religion of Ancient Israel. L., 1969, с. 71 и сл.; McKay J.W. Man's Love for God in Deuteronomy and the Father/Teacher — Son/Pupil Relationship. — VT. 1972, 22, 4, с. 426–435, и др.

³⁵ McCarthy D.J. The Wrath of Jahweh and the Structural Unity of the Deuteronomic History. — EOTE, с. 101–107; Milgrom J. Studies in Levitical Terminology. 1. Berkeley, 1970, с. 21; Levine B.A. In the Presence of the Lord. Leiden, 1974, с. 69 и др.

теллект как явление преимущественно человечески-индивидуальное, что соответствует доминирующей в хронистской картине мира лице-головной специфике человека³⁶. Сфера же эмоций предстает в хронистской картине мира связанной преимущественно с людскими общностями и богом, что перекликается с восприятием хронистом пере́з главным образом как феномена коллективного³⁷. Позволительно предположить, что процесс индивидуализации человека воспринят и осмыслен в хронистской картине мира преимущественно на уровне интеллекта, что в представлении хрониста интеллект есть именно то, чем индивид выделяется из людских общностей.

IV. Тем самым мы подошли к постановке вопроса: воспринимает или не воспринимает хронист человека как личность и/или индивидуальность?

В поисках ответов на этот вопрос представляется целесообразным привлечь соответствующие глаголы, в которых фиксируются ситуативные, изменчивые и переходящие отношения. Просмотр текста I-II Chr. доказывает, что для обозначения интеллектуальной деятельности хронист пользуется 11 глаголами, средняя степень повторяемости которых равняется 8,6, и 16 глаголами для обозначения эмоциональной деятельности, средняя степень повторяемости которых составляет лишь 3. Таким образом, результаты независимой проверки полностью совпадают с ранее полученными данными и подтверждают правильность вывода о доминировании в хронистском восприятии человеческой психики интеллектуального начала. Еще важнее другое соответствие: разбор всех случаев употребления хронистом глаголов, обозначающих интеллектуальную деятельность, доказывает, что в 73% случаев эти действия осуществляются людьми, причем в 48% случаев индивидами, а эмоциональные действия в 52% случаев осуществляются людскими общностями, в 29% случаев — индивидами и в 19% случаев — богом, т.е. полностью подтверждается вывод о том, что сфера интеллекта есть преимущественно домен индивида.

Для решения поставленных вопросов целесообразно привлечь также самостоятельные личные местоимения 'āpokî и 'ānî, появления и модус употребления которых есть показатель процесса индивидуализации³⁸, в котором надлежит различать две стороны: количественную (степень выделения индивида из общины) и качественную (по каким признакам идет это выделение)³⁹. Собранный материал интересен

³⁶ Weinberg J.P. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: sein Körper, с.87-88.

³⁷ Weinberg J.P. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: die allgemeinen Begriffe, с.32-33.

³⁸ Поршнев Б.Ф. Социальная психология, с.80; Кон И.С. Открытие "я", с.8 и сл., и др.

³⁹ Кон И.С. Открытие "я", с.124.

тем, что он отражает сразу обе стороны процесса индивидуализации, причем большая часть этого материала — существительные и прилагательные, глаголы и самостоятельные личные местоимения — встречается в повествованиях о царях, главным образом о Давиде и Соломоне, являющихся для хрониста фигурами парадигматическими⁴⁰, что придает получаемым выводам определенную всеобщность.

1. В пространном повествовании о Давиде явления и действия интеллекта упоминаются весьма редко: Давид "знает" волю бога (I Chr. 14, 2; 29, 17), он "советуется" 'im sārēy hā'ālārîm w^ehammē'ôṭ (I Chr. 13, 1). Зато повествование насыщено эмоциональными явлениями и действиями, среди которых явно доминирует чувство "радость", охватившее царя и zîq^enēy yiśrā'ēl w^esārey hā'ālārîm (I Chr. 15, 25), царя и "народ" (I Chr. 29, 9). Признание связанности индивида — Давида — с людскими общностями через эмоции и в проявлениях эмоций перекликается с тем, что в данном повествовании самостоятельное личное местоимение — "я" Давида — часто упоминается сопряженным с людскими общностями, принадлежащим к людским общностям, к bēyt 'āb (I Chr. 17, 16; 21, 17) и "народу" (I Chr. 28, 2; 29, 14, 17). 'ānî Давида проявляется преимущественно в чувстве долга и вины (I Chr. 17, 1; 21, 17; 22, 7; 28, 2; 29, 17), в сознании своей незначительности (mî 'ānî... ūmî bēytî. I Chr. 17, 16; 29, 14). Преобладание эмоционального начала и связанности с людскими общностями образует в совокупности "некий резко очерченный и неподвижно застывший пластичный облик, который легко без ошибки распознать среди всех других"⁴¹, т.е. образует характер Давида или, точнее, тот компонент характера, который составляют психические качества человека.

2. Психический облик Соломона целиком и полностью определяется его интеллектом — его maddā', šēkel, bînā, но особенно его ḥokmā (II Chr. 1, 10, 11; 9, 3, 5 и др.), единоличным носителем которой является царь. Именно своим "разумением, знанием, умением и т.д." Соломон не только отличается от всех и превосходит всех (II Chr. 9, 23), но и вполне отчетливо осознает свою особость и превосходство, о чем свидетельствует модус употребления самостоятельного личного местоимения: 'ānî упоминается в повествовании о Соломоне 6 раз, но ни разу царское "я" не сопряжено с кем или чем-либо, оно всегда совершенно самостоятельное и автономное, преисполненное сознанием этой своей самостоятельности и автономности (II Chr. 2, 3, 4, 8 и др.).

⁴⁰ Braun R.L. Solomonic Apologetic in Chronicles. — JBL. 1973, 92, 4, с. 503—516; Williamson H.G.M. The Accession of Solomon in the Books of Chronicles. — VT. 1976, 26, 3, с. 357, и др.

⁴¹ Аверинцев С.С. Греческая "литература", с. 217.

Давид и Соломон предстают в хронистской картине мира личностями-индивидуальностями, обладающими очерченными характеристиками, однако они представляют различные стадии в процессе индивидуализации; если Давид предстает тесно связанным с людскими общностями через доминирующую в его характере сферу эмоций, то доминанта в характере Соломона — его интеллект — обуславливает большую степень автономности его личности-индивидуальности.

Заслуживает внимания еще один момент: герои хронистского повествования — иудейские цари — постоянно делают выбор. Такой выбор делает Давид, отказываясь пить принесенную воду (I Chr. 11, 17 и сл.), выбирая меру наказания за учет народа (I Chr. 21, 11 и сл.) и т.д.; Соломон выбирает из возможных даров бога *ḥokmā* и *maddā'* (II Chr. 1, 7 и сл.) и т.д.; Рехабеам выбирает между советами *zēkēnīm* и *u'ēlādīm* (II Chr. 10, 6 и сл.) и т.д., а "главная функция личности это производить выбор действия"⁴².

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Хронистская картина мира характеризуется лишь малой степенью заинтересованности в человеческой психике, в которой, однако, хронист четко различает два ее начала — интеллект и эмоции, признавая первое доминантой в человеческой психике.

2. Если в сфере эмоций человек воспринимается и осмысливается в хронистской картине мира преимущественно в единстве с людскими общностями, то интеллект в представлении хрониста есть именно то, в чем и чем на уровне человеческой психики осуществляется выделение индивида из людских общностей⁴³.

3. Многое в восприятии и осмыслении хронистом человеческой психики — разграничение интеллекта и эмоций, признание доминирующей роли первого, обособление психической деятельности от органов, ее возбуждающих, процесс индивидуализации, проявляющийся преимущественно в сфере интеллекта, знание феномена "человеческий характер" и восприятие некоторых героев его повествования личностями-индивидуальностями и др. — показывает сущностные черты сходства с восприятием и осмыслением человеческой психики древнегреческим научно-логическим мышлением.

⁴² Поршнев Б.Ф. Социальная психология, с.192.

⁴³ Ср.: *Montgomery H. Gedanke*, с.81-94.

SOME NAMES FROM NISA

Not the least interesting feature of the Parthian linguistic material revealed by the ostraca discovered at Nisa, in the publication of which I have been privileged to co-operate with V.A. Livshits¹, is the onomasticon. This will be no surprise to our celebree, who has himself prepared it, but as it may be some time before the whole will be published, it seems appropriate to present at least a selection from the material in this, his own volume. In thus offering him his own findings, however, I hope to add my mite.

Just over 300 personal names appear in the 2700 odd ostraca in the collection. Those quoted here have been selected mainly for their etymological transparency², though the more obvious theophoric names such as 'hwrnzdk Ahurmazdak, mtrdt Mihrdāt, ršnwmtr Rašn-Mihr, wrtgrndtk Warhrandātak have for the most part been omitted. Of particular interest are those names which have already been identified (albeit in an earlier form) in the Elamite tablets from Persepolis, and which to some extent serve to confirm such identifications. The presentation of this material by M. Mayrhofer³ provides comprehensive references to previous publications and summarizes their arguments most conveniently. Several Parthian names from Nisa have already been quoted in this context, on the

¹ See *Diakonoff I.M. and Livshits V.A. Parthian Economic Documents from Nisa*, ed. D.N. MacKenzie. Plates I-III, Texts I (p.1-80). L., 1976 - (Corpus Inscriptionum Iranicarum).

² Where I cannot avoid quoting Livshits' own words these are marked (L).

³ *Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namentgut der Persepolis-Täfelchen*. Vienna, 1973. The system of references and abbreviations of this work (OnP) is retained here (exceptions, v. nn. 4, 5).

basis of preliminary publication of the material⁴, but in some cases the readings are in need of revision. 'Negative' examples of this sort are also listed below, marked with an +. Another pole of comparison, approximately equidistant in time, is provided by the names of the Sasanian inscriptions and seals, in Parthian and Middle Persian. These can conveniently be quoted from Ph. Gignoux's essay 'Les noms propres en Moyen-perse épigraphique'⁵ and his sources.

To avoid anticipating the full publication of this onomasticon only representative references are given, to ostracon number and line (for 'negative' examples, new and (old) ostracon numbers), and, when there is more than one, an indication of the probable number of occurrences (e.g. 3x).

'mtnw Amtan 2593:3 (13x), 'mtnw Amtanū/ōk 644:5 (2x) < *ama-tanū-'strong-bodied' (+ -ka, or -auka- ?).

+ 'mtwnH Gl. 45b: read 'mtnw 2593(2167):3 and 'mt(wny) 2593:6 (3x).

+ 'pzrwk Gl. 46b: read 'pzrwt ('pnr/dwt ?) 2629(Nov. 335 int.):1.

'ršk Aršak 2638:1 (6x). Cf. OP Ṛśaka-, 'Ἀροάκης, Justi 27b, hypocoristic of a name *Ṛša-°, v. R.Schmitt, OnP 11.1.8.4.1.

'rttdt Artadāt 2606 A ext.:20 (5x); 'rttdk Artadātak 1661:5 (2x). Cf. El. ir-da-da-ad-da OnP 8.578 -- *Ṛta-dāta-; Aram. 'rttdt (Bowman).

'(r)tp(n) Artapān 1625:5. Cf. El. ir-da-ba-na OnP 8.575-- *Ṛta-pāna-, 'Ἀρτανάνης.

'rtwn Artāwān 1842:5. Cf. Aram. 'rtwn (Bowman), < *ṛta-wāna-'conquering with Ṛta' (cf. MP w'n- 'conquer'), or patronymic from Artāw (L) ?

⁴ See *Gignoux Ph.* Glossaire des inscriptions pehlevies et parthes. — C.I.I. L., 1972 (cited here as Gl.), and OnP, 335f., index of Middle and New Iranian names.

⁵ In *Pad nām i yazdān*, edd. Ph.Gignoux et al. — Travaux de l'Institut d'Études Iraniennes. 9. P., 1979, p.35–100, index 96ff. (cited here as Gignoux). The system of references to seals and bullae is retained.

'rybnwk Aryabānuk 1687:3 'Aryan splendour (Glanz)'. Cf.

El. pa-nu-ka OnP 8.1271 -- *Bānuka-, 'offenbar Ko-
seform zu Namen wie *Ṛta-bānu-' (8.576).

'rybrzn Aryabarzān 523:4 (6x). Cf. El. har-ri-pir-tan

OnP 8.472 -- OP *Āriya-brdāna-; Ἀριοβαρζάνης.

'rybwnz Aryabōžan 20:4 (7x). V. bwnz.

+ 'rymtrk Gl. 47a: read 'rwmtrk (for 'trw° ?) 1190(606):4.

'ryprynk Aryafr(i)yānak 814:3. A diminutive from a (pro-)

patronymic ? Cf. El. pir-ri-ya-na OnP 8.1339--

*Fryāna- (Av. Fryāna-), 'Patronymikon zu *Frya-'.

'r(zk ?) Aržak ? 642 a:5. Cf. El. har-za-ak/ik-ka OnP

8.485 -- *Arjaka-.

'spšk Aspičak 45:8. Cf. El. aš-be-[iz]-za OnP 8.127 --

*Aspiča-, Ἀσπίσας.

'spynk Aspēnak 741:5 (5x). Cf. El. ašbena OnP 8.128 --

Hypocoristic *Aspaina-, or patronymic *Aspāyana- ?

+ 'šnyn Gl. 47b: read (r)šnyn 2675(2085):4.

+ 'trdtk Gl. 47b: delete and read 'wzbrtk (q.v.)

1034(1549):8.

(')[t]r(w)d(t ?) Ātardāt ? 721:7. Cf. El. ha-tur-da-da

OnP 8.497 -- Av. Ātəradāta-, Ātrə.dāta-, Ἀτραδάτης;

del. Parth. + 'trdtk; MP [']tw[r]d't' Ādurdād

s. BNP 16.9a.

'trwmtrk Ātarmihrak 772:5 (6x). Cf. MP ('t)wry(mt)ry

Ādur-Mihr s.BNP 4.2; 'trwmtr (Athromithr),

v. W.B.Henning, BSOAS, 24, 1961, 355, n. 6.

('tryn) Ātarēn 498:5, (')tryn(k) Ātarēnak 25:4. Cf. MP

'tryn Ādarēn s.PIT 4.9, < *Ātaraina-(or *Ātarāy-
ana- ?).

'wgdtk Ōgdātak 490:3. In view of 'wgtmwk (q.v.) ōg can

hardly be other than < Av. aogah- 'strength, force'.

As Av. aogazdastəma shows, however, 'wgdtk is

no OIr. formation (*augaz-dāta-) but one composed

of Parth. ōg + dātak 'created, given strength'.

'wgtⁿwk Ōgtanū/ōk 210:4 (11x). Like 'wgd^tk, not OIr.

(*augas-tanū-) but Parth. ōg + tan 'having a body of strength', with -wk on the analogy of 'mtⁿwk or the like, v. 'mtⁿw.

'wzbr^tk Gl. 48b: for 'produit, tiré de', read n.pr.m. (26x).

'zk Āzak 1318:4 (4x). Cf. El. a-za-ak-ka OnP 8.168 --

*Āzaka-; Sogd. ''z'kk Mugh Nov. 2, R 8 (L).

bgd^t Bagdāt 2596:7 (2x). Cf. El. ba-ka-da-da OnP 8.192 --

*Bagadāta-; Aram. bgd^t (Cowley); inscr. Parth. = MP

bgd^t ŠKZ 28/35; MP bgd'ty Baydād s.BNP 4.104.

+ bgy^kn Gl. 49a: read

bgyn^k Bagēnak 788:3 (5x). Cf. El. ba-ke-na OnP 8.225 --

*Bagaina- (or *Bagāyana- ?).

bḥt^dt^k Baxtdātak 150:4 (35x); bḥtm^rt Baxtmart 2596:4

(5x), bḥtm^wr^t *Baxtmārt 2600:6 (5x); bḥtssⁿ Baxt-

Sāsān 242:4 (10x); (bḥt)yk Baxtīk 1469:4. Cf. El.

bakda OnP 8.223 -- *Baxta-.

brkm^k Barkāmak 31:6 (2x). Cf. El. ba-rat-ka-ma, etc.

OnP 8.256 -- *Barat-kāma-.

+ bwḥ^t Gl. 50a: read

bwḥ^s (less likely, bwḥ^t) 1520(1222):4; but bwḥ^tk Bōxtak

1145:5 (5x). Cf. El. pu-uk-tuk-ka OnP 8.1373 --

*Buxtaka-; MP bwḥ^tky KNRb 31, s.PIT 4.30, b.QAN

434, s.BNP 4.62; Justi 72a NP Buxt, Pahl. Būxtak,

in the patronymic bwḥ^tk'n Bōxtagān.

bwz^k Bōžak 1554:5. Cf. El. ba-u-zi-ya OnP 8.304 -- *Bau-

žaya-; Justi 70a Bōčake, i.e. bwcky Bōzag.

bwzn Bōžan 1538:4, bwzny 2593:7 (7x), v. also 'rybwzn.

Cf. Βωζάνης, -Βουζάνης - *baužana- (Bv. Titres 105,

114); MP (b)wcn^y Bōzan s.BM CD3 (v. Bivar, Catalo-

gue 65a; Gignoux, 3.7.2, prefers (g)wcn^y *Gōzan <

*gau-čanah-, with a translation 'qui désire le

boeuf' notably different from Hinz' (NU 103) equal-

ly unlikely 'nach Rindern Verlangen tragend').

- dbyšyš 326:5 (4x), dbyšš 1001:6 Dβēšič.. Hypocoristic in -ič from a cpd. with *dwaiša- (L), cf. Av. ṭbaēšō. taurwā nāma ahmi 'my name is Overcoming-enmities'.
- ddbkyk Dadβik 1298:5 (7x). Cf. Δαδβακav Avr.Docts. I-II (L). Bv. 14 derives Daδβakān from Av. Daδwā [but + dtbkn KRY, which he quotes from Nyberg, 1923, is to be deleted: read ZY MN bwdy !] Dadβik, with -db- for OIr. -dw- as in dbyšyš, < *Dadwiya-ka 'of (the month, day of Dadwah) the Creator', cf. Xwar. dōw, MP ddw'/Day ?
- dhy Dāhyum (?) 2601:6 (2x), dhynt Dāhyumit (?) 2598:2 (3x) (v. dmyt). Cf. El. da-hi-(ma) OnP 8.331 -- Av. Dāhyuma- 'god of the lands' ? (L, who also proposes three other possible interpretations).
- dm(y)d(t ?) Dāmdāt (?) 2616:3. Cf. El. da-mi-da-(ad)-da OnP 8.349 -- Av. Dāmi.dāta-, Aram. dmydt (Cowley).
- dmyt (rmyt ?) Dāmyāt (Rāmyāt ?) 2593:6 (13x). -- *Dāmi-yāta- 'having a portion from the Creator' (or *Rā-ma-), or simply hypocoristic in -it from D/Rām°, as dhynt, gwdtyt, OP Xšaθrita- ? (L)
- dynamzdk Dēnmazdak 794:4 (3x). Cf. El. maš-tuk-ka, ma-aš-da-ik-ka OnP 8.1020 -- *Mazdaka-; MP dyn'whrmzd Dēn-Ohrmazd b.BNP 16.36d.
- dynyš, dynš Dēnič 62:3 (25x). Cf. El. dānakka OnP 8.352 -- *Daina-ka-; MP dynky Dēnak. Both hypoc. from Dainā/Dēn- names.
- + gryprn Gl. 51b: delete and read brzpdk 481(544):4.
- gwdt Gōdāt 2596:5 (5x), + gwdtyH Gl. 51b: read gwdty 2601(1169):5 (2x), gwdtyt Gōdātīt (?) 2606 A ext.:8 (v. dmyt). -- *Gau-dāta- 'given by the Ox' ? Cf. El. kamtika OnP 8.737 -- *Gaudika- 'Wohl Hypokoristikon zu einem *Gau-d°-Namen'.
- gwr Gōr 1634:10 (2x), g'wr 1608:6. Cf. El. kam-ra-ka OnP 8.731 -- *Gauraka-.

(gwtrz) Gōtarz 1614:2, gwtrzk 1611:3 (4x), gtrzk (2x)
Gōtarzak. — Γωτάρζης, Justi 118a, < *Gau-tarza-.
Although OIr. witnesses no stem *tarza-⁶ it can be
deduced from Skr. tṛh 'to beat, crush', IE *telegh-
(Pokorny, 1062). The first Gotarzes was thus an
'Ox-crusher' (rather than a 'cow-puncher'), a regu-
lar Tarzan !

h'mn Hāmān 2608:6, h'mn 2599:13, hmn 2600:3 (3x);
+ hmnyH Gl. 54a: read hmny 2601(1169):2 (4x). Cf.
Bibl. hmn Hāmān, son of hmdt' Hamdātā (Justi 125b:
Hāmān 'susischer Name'); OIr. *hāmana- = Skr. sā-
mana- 'rich', or *hāma-manah- 'of the same mind' ?
(hmdt': *hāma-dāta- 'of the same law' ?)

hw(m ?) Hōm ? 2606 A ext.:9. Cf. El. u-ma-ka, u-ma-ka-ka
OnP 8.1715 -- *Hauma-ka-; MP hwm s.BML HB1, hwmy
s.BNP 6.68, s.BML AC4, hwmky s.LH.

(h)wm(dt ?) Hōmdātak ? 1644:7. Cf. Aram. hwmdt (Bowman,
Cowley).

hwmny Hu/ōman 2593:6 bis (3x). Cf. El. u-man-na OnP
8.1717 -- *Haumanah- ?

hwmy Humāy 86:5 (22x), hwmky Humāyak 594:2 (16x). Cf.
El. ū-ma-ya, hu-ma-ya OnP 8.1723 -- (Av.) *Hu-māyā-,
'Yuaίης; YAv. Humayaka-, Arm. Hmayeak; both 'qui a
un bon prestige', v. J.Kellens, MSS, 32, 1974, 93.

(h)wspynk H(u)waspēnak 1033:5. Cf. El. Uašba, umašba
OnP 8.1672 -- OP (H)uwaspa-, Av. Hwaspa-.

(h)šyt) Xšēt 1628:2, hšytk Xšētak 812:4 (4x), (also adj.
'light red' 5x). Cf. El. ša-a-da OnP 8.1470, še-ud-
da 8.1530 -- *Xšaita-, še-ut-tuk-ka 8.1536 --
*Xšaitaka-; MP s.BNP 2.27 šyty Šēd, s.BNP 4.36
šytky Šēdag. Hypocoristic of *Xšaitāspa- /Šēdāsp
(Gignoux, 62) ?

⁶ Unless it be in Khot. ustairštai 'you tore' < *us-tarz-, with
Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka, 43a.

- + h[wmy]tH Gl. 53a: delete and read s(snd)t 2593(2167):2.
- + hwpyt Gl. 53b: read swpyt (? hwpyt) 801(83 ext.):3.
- + hwrš[k] Gl. 53b: delete and read srwšs(snk) 599(264):7.
(kryn) Kārēn 1514:6. Cf. El. ka-ri-na OnP 8.769, ka-ra-a-na 8.763 -- *Kārainā- (so N.Sims-Williams, IIJ, 20, 1978, 99, rev. of OnP, who doubts *Kārainā-; differently Gignoux, 66); MP k'lny, Parth. krny, Gk. KAPHN ŠKZ (3x).
- + kwnwk Gl. 55b: delete and read BYD 2673(257):3.
- kwpyzt Kōf(ī/ē)zāt 997:2 (21x), kwpyzt 1005:2. Cf. El. kam-pi-ya, ka-u-pi-ya-u OnP 8.728 -- *Kaufiya- ?; NP Kōhzād (L).
- + kwy[dtk ?] Gl. 55b: read kwyr(šk).
- + m[']pđn Gl. 56b: read mrzpdn 1499(62):6 (not n.pr.m.).
(mhd̄t ?) Māhdāt ? 537:7, mhdtk Māhdātak 147:5 (6x). Cf. El. mādada, ma-a-da-ti-ka OnP 8.908 -- *Māhīdāta-, -ika-, Μαιδάρτης; Aram. mhd̄t (Bowman).
- mn̄yk (mnwk ?) Mānīk or Manyak ? 1676:3. Cf. El. man-ya-ak/ik-ka OnP 8.958 -- *Manyaka- (rather than *Wanya^o, if the Parth. reading is correct, v. OnP 8.957).
- mtrb(rzn ?) Mih̄rbarzān ? 652 new:2. Cf. El. mi-ut-ra-par-za-na OnP 8.1171 -- *Miθra-br̄zāna-, Μιθροβαρζάνης.
- + mykH Mek (?) Gl. 59a: read myk Māyak 2601(1169):2 (12x). Short form of hwmyk, q.v., or of a name *Māyā/u^o (cf. Av. patronymic Māyawa-) ?
- + p'tynH Gl. 60a: read p'tyn Pātēn 2593(2167):7 (2x), ptyn (4x). *Pātaina-, hypoc. of a °pāta- name, as perhaps El. Patukka OnP 8.1302 -- *Pāt(a)uka-.
- p(r)'y Frāy⁷ ? 2587:3. Simply Av. frāyah- 'more', cf. Man.MP fr'y 'more, greater', or short form of a

⁷ A name still familiar in Iranian studies.

name like Av. Frā-yaoḍa-, or Frā-yazənta-, or with -ya- from Frāciṯra-, Frādaṭ.nar-, etc. ?

+ prdbwḥtH Farrbōxt n.pr.f. Gl. 60b: read prdbwḥt Frād-buxt n.pr.m. 2601(1169):1 (8x). *Frādaṭ.buxta- 'saved by the Furtherer' ?

prdk Frādak 1687 pr.:7 (2x). Hypoc. to a name like prdh Frādah 30:5 (7x), cf. Av. Daiḥhu.frādah-, or Av. Frādaṭ.nar-, etc. The name El. pir-ra-ud-da-ik-ka OnP 8.1324, taken as *Frādaka- by Bv. 90 and Mayrhofer, is perhaps more likely *Frātaka-. Whether MP pldky, Parth. prdk in ŠKZ, with the patronymic MP pldk'n, Parth. prdkn, is the same name remains very doubtful, in view of the transcription ΦAPPEK ΦAP-PIKAN. But certainly neither Nisa nor ŠKZ Parth. prdk is < *Frātaka- (with Gignoux, 45, n.21); v. prt, prtkn.

prd(t) Fradāt 2589:9. Cf. *Φραδάτης (Justi 101b, 6), Bab. ip-ra-da-a-tú, Av. fraḍāta- 'geschaffen' (AiWb. 720). The existence of this name beside

prht Frahāt 2632:4 (10x), (prhtk) Frahātak ? 2692:7, seems finally to separate the two etymologically, despite the general assumption that Frahāt is a later form of Fradāta- (e.g. Hübschmann, ArmGr. 48). Cf. Φραάτης, Phrahates; Syr. 'prhṭ, prh'd; MP s.BNP 5.13 pl'h'tn patron. Frahādān (with -'h- for [-āh-] as often in Book Pahl.); NP Farhād. Justi's etymology (GIRPh. 2.485, n. 1), < *fra-hāta- 'merited' or 'obtained', ✓han, Skr. san, sã, thus regains its validity.

prt Frāt ? 191:5 (4x), pr(t)kn Frātākān 2632:4. If not Av. Parāta- (some MSS Frāta-, Justi 104b), cf. Φραταφέρωνς (Justi 104b), Aram. prtrpn (Cowley) -- *Frātafarnah-, Φραταγούνη -- *Frātagaunā-, Bv. 122. On El. pir-ra-ud-da-ik-ka *Frātaka-, v. prdk.

- + prwt Fravāt Gl. 61a: delete and read 'wpdyt 1515(780) new:3.
- + pryhwtk Friyaxvāntak Gl. 61a: read prnhwtk Farnxwanda-dak 76(1708):7, 241(1891):7 (6x). Cf. Av. xVarənah-want-, Sogd. Mugh prnxwnt.
- (prypt) Friyapat 2577:3, pryptk Friyapatak 2638:1 (2x). Cf. El. pir-ri-ya-bat-ti-iš OnP 8.1338 -- *Friyapati-, Φριαπίτης, Priapatius 'beloved master' (with Gersh.) Cf. also the estate name pryptykn (over 150x, var. pryptkn, etc.). A *Friyapāta- seems less justifiable.
- + przyn Gl. 61b: delete and read prhk 1532(2107):6.
- pšyr Pašēr 1660:1 (3x). From *pašča-ayar-, name for a 'latter-day' child? Cf. Kurd. pāšarōž 'future'. V. also skpyr. (Then MP s.BNP 3.4 mnyly perhaps *Mānēr < *mān(ay)a^t-ayar- 'resembling the day').
- + rm Gl. 63a: delete and read ZKM 258(2150):4 (29x).
- rmn Rāman (L) or Ramn? 2628:3. Cf. Aram. rmn (Bowman) and rmnyš Ramnič? 1664:2. Hypoc. to a name like Ariyāramna-, *Αριαράμνης, cf. El. ra-um-na-ak-ka OnP 8.1404 -- *Ramna-ka-.
- rm(y)n Rāmēn 1667:1, rmynk Rāmēnak 164:7 (10x). Cf. El. ramena OnP 8.1400 -- *Rāmainā-.
- + rmytH n.pr.f. Gl. 63a: read d/rmyt, q.v.
- + r(š)tn Gl. 63b: delete.
- rywyn Rēwēn 2598:4 (3x). From *Raiwaina-, cf. Sogd. Mugh ryw'kk < *Raiwa-ka-, hypoc. to *Raiwa-names, e.g. El. ri-ma-da-ud-da OnP 8.1435 -- *Raiwā-dāta-.
- (s)kn Sakān? 2678:4. Cf. El. ša-ak-ka-na OnP 8.1479 -- *Sakāna-, patronymic to ša-ak-ka 8.1478 -- *Saka-.
- skpyr Skapēr? 1664:5. *Skap(ay)a^t-ayar- 'concealing the day', i.e. outdoing, being more 'wonderful' than it, cf. Av. skapta-, Man.Parth. 'škyft, v. Bailey, DKS 430, s.v. skoda).

spws Spōs 505:6 (7x), spwsk Spōsak 2580 II:1 (9x),
spws(š)k Spōsičak 606:4. Cf. NP sabūs, Taj. sabūs
 'bran', sabūsak 'scurf'. Nicknames from *Spausa-
 'scurfy, scruffy' ?

+ [spy]s Gl. 63b: read (spws) 604(1491):4.

ssn Sāsān 87:5 (35x), ssnk Sāsānak 275:4 (2x). The com-
 pound names ssnbwḥt Sāsānbuxt 289:6 (7x), ssndt
 Sāsāndāt 2593:2 (11x), bḥtssn Baxtsāsān 242:4 (10x),
mtrssn Mihr-Sāsān 1556:4 (9x), srwšssnk Srōš-Sāsā-
 nak 524:4 (4x), wtrrgnssn Warhragn-Sāsān 503:5 (12x)
 all point to the divine nature of *Sāsāna-. A com-
 pound, either inverted (in Indo-Ir. terms) *sā-sā-
na-, or reformed in early M.Ir. *sāna-sā- > *sān-
sā > sāsān, 'cutting down, repelling enemies' ?
 Cf. Av. √sā, IE sk/kēi (Pokorny 919), and *sāna-,
 Khot. sāna-, Sogd. s'n, etc. 'enemy'.

+ s[sn]H Gl. 64a: read ss(n) 2593(2167):4.

tyry Tīr (historical spelling) or Tīrī ? 27:4 (14x).

Cf. El. ti-ri-ya OnP 8.1643 -- *Tīriya-, short
 form from the like of

tyrybm Tīribām [+ tyrybmH Gl. 65b] 2601(1169):5 (10x),

tyrydt Tīridāt 705:4 (16x), tyrydtk Tīridātak 1601:9
 (2x). Cf. El. ti-ri-da-da OnP 8.1641 -- *Tīridāta-,
 Τῖριδάτης, Arm. Trdat, Aram. trdt (Bowman), MP
tyldt Paikuli 44,

tyrymtrk Tīrimihrak 1060:5 (12x). Cf. MP tyrmtry ŠKZ 32.

(tyryn) Tīrēn 1903:3, tyrynk Tīrēnak 79:7 (28x). *Tīrai-
 na-; cf. Avr.Doct. 1 tyryn, MP s.BNP 4.3 tylyny.

wprky Wafrak ? 2606 V ext.:6. *Wafraka- 'Snowy' ?

(w)rdk Wardak 308:3. *Wardaka- 'Rosy', cf. Av. warəḍa-,
 Arm. vard, Parth. wrdk ŠKZ 29, or hypocoristic of
 a *Warədat°-name ?

wyndprnk Windafarnak 1448:4 (2x). Cf. El. mi-in-da-par-
na OnP 8.1078 -- OP Windafarna-, 'Ἰνωπέρονς, Aram.
wndprn (Bowman), Parth. wyndprn ŠKZ 26, etc.

wyrmk Wīrāmāk 1605:1. Inverted compound 'Warrior-strong' (L), < *wīrāma- (but cf. 'mtnw), or hypoc. of *Wīra-manah-, cf. El. mi-ra-ma-na OnP 8.1092 ?

wywn Wiwān 455:4. Cf. OP Wiwāna- 'Conqueror', reduplicated from √wan ? If the identification is accepted, derivations of the OP from *wi-wāhana-, always speculative, must be abandoned.

zyw Žīw 1458:7 (2x). Cf. El. zi-ma-ak-ka OnP 8.1849 -- *Jīwa-ka-, Aram. zywk (Cowley), 'quick, lively'.

This name provides a fitting note on which to end here, with lively hopes for the quick publication of the whole onomasticon from Nisa.

SOGDIAN kw AND SLAVONIC kū

In 1956, in an article entitled "Une corrélation slavo-iranienne"¹, É. Benveniste re-examined the generally accepted comparison between the Slavonic preposition kū "to" (Russian k etc.) and the Vedic particle kām, as well as the complementary equation, originally proposed by himself in 1929², of Vedic kām with the Sogdian preposition kw "to". From a study of the syntax of these words he concluded that there exists a "direct relationship", constituting "an important isogloss", between Slav. kū and Sogd. kw: "Quelle que soit la préhistoire 'scythique' de la préposition sogdienne kw, nous avons dans les emplois attestés des ressemblances assez étroites avec sl. kū pour justifier l'hypothèse d'une relation directe, qui ne dépendrait nécessairement d'une correspondance avec la particule indo-iranienne kam". On the other hand, "le rapprochement étymologique devenu classique, entre kū et i.ir. kam, s'il est phonétiquement satisfaisant, repose sur une analogie syntaxique assez vague et lointaine".

From these and other such remarks it is clear that Benveniste would have liked to deny that Sogd. kw and Slav. kū are connected in any way with Vedic kām, but that he hesitated to do so since he had no alternative etymology to offer. He is equally cautious as to the nature of the relationship between the Sogdian and Slavonic prepositions. Neither the hypothesis of a Slavic borrowing from Iranian nor that of an inherited Irano-

¹ In Festschrift für Max Vasmer, Wiesbaden, 1956, 70-73; reprinted in Benveniste's *Etudes sogdiennes*. Wiesbaden, 1979, 299-302. Cf. also *Bulletin de la Société de Linguistique*, 52, 1957, xii-xiv (report of a lecture by Benveniste on the same subject and of the suggestive discussion which followed on that occasion).

² *Essai de grammaire sogdienne*. II. P., 1929, 164.

Slavonic isogloss is altogether plausible, despite several attempts to justify one or the other solution³.

The credit for finding a way out of this impasse belongs to F. Kopečný, who, in an article published in 1969⁴, resolutely abandoned the traditional equation of Slav. kŭ with Vedic kám in favour of a derivation from IE *k^wu⁵. According to Kopečný's ingenious suggestion, for which he cites parallels from some later Slavonic languages, Slav. kŭ and Sogd. kw "to" will have developed (similarly but independently) from an underlying adverb "where".

Since an abverb *kŭ "where" is not attested as such in any Slavonic language, its development into a preposition must be assigned to a remote prehistoric period. Consequently, one cannot expect to find evidence in Slavonic which would raise the status of Kopečný's etymology of kŭ "to" above that of a credible hypothesis. In Sogdian, on the other hand, the equivalent development may be comparatively recent, as the adverb kw "where" still survives alongside the preposition kw "to". In what follows I hope to show that the adverb and preposition have so much in common as to make it virtually certain that they are indeed etymologically identical.

The preposition kw is variously spelt, the most normal forms being: Ancient Letters 'k'w, Buddhist 'kw or

³ Vaillant A. in: *Revue des études slaves*. 33, 1956, 108-10; Shevelov G.Y. *A prehistory of Slavic*. Heidelberg, 1964, 615; Szemerényi O. in: *Die Sprache*, 12/2, 1966, 213, 214.

⁴ "Slavisch kŭ". - *Anzeiger für slavische Philologie*. 3, 1969, 5-12.

⁵ Cf. Hamp E.P. in: *Bulletin of the Board of Celtic Studies*, 16, 1954-6, 281-4, who had already proposed the reconstruction *k^wu for Slav. kŭ as well as for Old Irish co (+ "gemination") "to, till", co (+ lenition) "so that", Middle Welsh py (+ lenition) "to", pw/bwy "to its", etc. Hamp maintains this reconstruction in "You take the high mode and I'll take the low node"; *Papers from the Comparative Syntax Festival...* Chicago, 1973, 243 (but cf. note 12 on page 248). Wagner H. in: *Zeitschrift für celtische Philologie*, 32, 1972, 1-5, takes a different view. For further details of the relevant Celtic forms see Thurneysen R. *A Grammar of Old Irish*. Dublin, 1946, 501-2, and D. Simon Evans. *A Grammar of Middle Welsh*. Dublin, 1964, 97. I am grateful to my brother Patrick Sims-Williams for all these references and for advice concerning the Celtic data. The possibility that the Celtic preposition may have arisen in a manner analogous to that proposed by Kopečný for Slav. kŭ appears to be worth pursuing, quite apart from the further possibility of a direct etymological connexion.

k'w⁶, Mug documents kw, Manichean kw(w), Christian qw. A similar range of spellings is attested for the adverb. The forms with initial aleph suggest a derivation from *kuwa (= Old Indian kvà, Later Avestan kva), whence *kwa > *əkwa > əkū⁷, rather than from *kū (= Vedic kū, Gathic Avestan kū), though the latter possibility cannot at present be excluded in view of the existence of several as yet unexplained instances of an original single initial consonant preceded by a prothetic aleph⁸.

Only a few typical examples can be cited here to illustrate the usage of Sogdian kw. As a preposition, kw is used both independently and in company with postpositions such as s'r (Christian s') and prm (Ancient Letters prmw, Christian pn). The simple preposition is indeterminate in meaning, with locational as well as directional senses:

'kw swk' ty rwkδ'th 'z'yt "is born in the Sukhavati lokadhātu";

kw nymyδh "at noon";

m'yδ 'ty nyy prysδ kw mzyx 'xty'k "so that you do not come to the great judgement";

ZK pwt'y k'w 'n'nt KZNH pr'm'y "the Buddha said to Ananda";

k'w ywk' ZK pry'w'k βwt "has love for the doctrine". The addition of the postposition s'r excludes a locational sense⁹:

cn sm'nyy kw z'y s'r w'xznd "descended from heaven to earth";

sn'm Əbrd'rt qw wyšnt s'r "gave baptism to them";

pcqs'z qw wyny nyž'mnty ny'm s' "was waiting for the hour of his departure".

Where kw ... s'r governs two or more co-ordinate nouns, the preposition may be repeated before each noun while the postposition is placed only after the last of the series;

⁶ According to Benveniste, the form k'w represents a combination of the preposition with the definite article 'w. This assumption receives no support from the distribution of the various spellings, which seem to be totally interchangeable; even the adverb can be spelt k'w. It is noteworthy, however, that this preposition is seldom (if ever) followed by an article, so that it may be permissible to suppose that the preposition + article has merged with the simple preposition.

⁷ Cf. 'δw [əδū] "two" < *əδwa < *duwā.

⁸ See *Gershevitch I. A Grammar of Manichean Sogdian*. Oxf., 1954, §159 ff.

⁹ Unlike Zebaki ka ... sar "on", with which Sogd. kw ... s'r has been compared by F. Rosenberg in: *Известия Российской Академии наук*, 1920, 418.

kw fryštyh 'tyh kw 'rt'wt s'r nm'c βr' "pay homage to the Apostle and to the Electi".

The combination kw ... prm, often reinforced by the adverb wytwr, means "up to, as far as, until" (in both local and temporal uses) or "during":

mrwx 'kw RBk' rxsynt'ykyrδ prm "as far as great Alexandria";

prtmw 'δβ'ty 'kw pnc'm ny'm prmw "a first (time), a second, up to a fifth time";¹⁰

wytwr qw qsy prm "until now";

wyt'wr k'w 'yw 'βt-myδ prm "during one week".

As an adverb, kw may generally be translated "where", with which sence ī survives in Yagnobi kū "where, whither". It is used both in interrogative and in relative clauses:

qw xnt tw' byyšt "where are your gods?";

'wrδ kw 'ty x' fryštyt 'skwnd "there, where the angels are".

In the Buddhist texts 'kw (k'w) occasionally appears to mean "how";

'kwZY pw nwkr "how much more ... " (= 'cwZY pw nwkr);

ZKh t'yw'kt ... k'w 'krt'nt "what has become of the children?"¹¹.

The phrase kw prm is employed as a conjunction "while, so long as":

kw prm ZNH ctth ... myn'tk'm "so long Čatta shall remain";

qw-pn by tyw nwqr prywyd *pnmcyq 'y "while you are in this former period".

The addition of a negative transforms "so long as" into "until":

kw prm L' twy'z'n "until I pay" ("so long as I do not pay")?

qw pn ny txyzt xwr "until the sun sets".

¹⁰ Ancient Letter 3, line 7, reading ny[']'m for Reichelt's wy[']'m (Reichelt H. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. II. Heidelberg, 1931, 22, 55).

¹¹ It is conceivable that this word is etymologically distinct from kw "where" and derives from *kam (= Avestan kəm). Note the similarity between the last example cited and Yasht 5.94: kəm iōa tē zaoθrā bavainti "what becomes of these offerings?".

Since the adverb kw "where" is not otherwise used in any temporal sense, one might suppose that the kw of the conjunction kw prm is an etymologically distinct word. Two pieces of evidence indicate that such a supposition would be unjustified.

Firstly, the interrogative equivalent of the relative kw prm is attested in a single Christian Sogdian passage, where wytwr qw pn translates Syriac 'dm' l-'mty "how long?" (literally "till when?")¹². It is therefore indisputable that this kw is a derivative of the interrogative stem k- (IE *k^{wo-}, *k^{wi-}, etc.).

Secondly, beside kw prm "so long as" there occurs the synonym kwδprm:¹³

kwδprm žw'n "so long as I live";¹⁴

'kw prm ywn'k βyδ'n'k 'skw't 'PZY z'yh βwmh rty ms
kwδprm

prwh 'zw'ntk δ'mh 'yw w'tβ'r 'skw't rty wyt'wr ywn'k
mrtxm'-

k mwn'kw 'βzy m'yδ βrty-k'm "so long as this altar

and ground exist, and also so long as there exists one creature in the world of the living, this man will undergo this evil".

Buddhist Sogdian 'kwδ', from which kwδprm is evidently formed, is found only twice; in both passages it seems most likely to mean "when"¹⁵. Nevertheless, one can hardly doubt its etymological identity with Vedic kūha, Gathic Avestan kudā "where". This derivation of kwδprm "so long as" from Old Iranian *kuda "where" invalidates any semantic argument against connecting kw prm "how long, so long as" with kw "where".

If it is thus highly probable that kw prm contains the relative-interrogative adverb kw "where", it is nothing less than certain that kw ... prm contains the preposition kw "to". On the other hand, one would pre-

¹² Hansen O. Berliner sogdische Texte. II. Wiesbaden, 1955, 858, line 23.

¹³ The meaning was recognized by W.B. Henning in: Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 11/4, 1946, 716.

¹⁴ P17, line 35, misread kyδprm in Benveniste's edition (Textes sogdiens. P., 1940, 147).

¹⁵ P5, line 32 (ibid., 76); L93, line 37 (Рагоза А.Н. Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Института востоковедения. М., 1980, 66). Cf. also Manichean kwδtyu "when" (Henning apud Boyce M. The Manichaean hymn-cycles in Parthian. L., 1954, 122, verse 7).

fer not to dissociate the two expressions kw prm and kw ... prm. Both are used in combination with the adverb wytwr. The two meanings of the conjunction ("so long as" and, with negation, "until") correspond semantically to the two meanings of the preposition plus postposition ("during" and "up to, until"). Kopečný's proposal that kw "to" is in origin the same word as kw "where" provides the ideal solution to this dilemma, releasing us from the necessity of breaking any link in the chain of usages which leads from kw "where" via kw prm "how long, so long as" and kw ... prm "during, until, up to" to kw "to".

An insight into the mechanism whereby the Sogdian adverb kw "where" may have been transformed into a preposition "to" is provided by the closely-related Khotanese language. Khotanese ku is not used as a preposition but only as an adverb and conjunction, with a wide range of meanings: "where, when, if, as, so that", etc. Occasionally, however, Khotanese ku "where" introduces an elliptical clause in which the verb "to be" is omitted:

vā usahya ku-m bisa balyša "deign to come where my
house (is), Buddha";
thatau hā jsāte ku balyša "quickly he goes where the
Buddha (is)"¹⁶.

If such sentences had ever become common in Khotanese, it would have been possible and natural for ku to have been reinterpreted as a preposition, meaning either "to" or "at, in", depending on whether the sentence contained a verb of motion or not ("come where my house (is)" = "come to my house", but "stay where my house (is)" = "stay at my house"). The process in question is thus the same as that whereby the Standard English conjunction "than" ("he is bigger than I am", "he is bigger than I") becomes a preposition governing the accusative in colloquial usage ("he is bigger than me"). Just such a process may have led to the emergence of the Sogdian preposition kw.

In conclusion, I should like to express the hope that Professor V.A.Livshits will enjoy this short study, which touches on the history of his native language as well as of those to whose understanding he has contributed with such distinction.

¹⁶ Z.2.58, 62 (Emmerick R.E. The Book of Zambasta. L., 1968, 20).

INDO-IRANICA:
К СВЯЗИ ГРАММАТИЧЕСКОГО И МИФО-РИТУАЛЬНОГО

Связь обозначенных в заглавии сфер в самом общем виде (язык и миф) привлекла к себе внимание исследователей уже давно. Во всяком случае, именно "мифологизирующие" свойства языка явно или неявно предполагаются наличными и существенными и в старой теории мифа как результата порчи языка, и в более новой и модной гипотезе Сепира-Уорфа о навязываемых языком смысловых шаблонах, приводящих к конструированию особого класса "языковых" мифов. Миф, не мыслимый вне языка, вне принципиальной возможности его воплощения в языковой текст, миф, влияющий на язык и в известном смысле предопределяющий его семантику, и язык, который при своем употреблении (и, следовательно, и в своем развитии) не может не порождать мифы, — вот пределы того пространства, на котором разгравивается тема связи языка и мифа. Но язык, прежде всего через грамматику, связан с ритуалом¹. Обращалось внимание на связь поэта как создателя языковой формы текстов, включаемых в ритуал или описывающих его, с жрецом, руководящим ритуалом: оба борются с хаосом и укрепляют своими действиями (в частности, словом) космическую организацию, ее закон, понимаемый как опора и т.п.² Но, исходя из приведенного в другом месте сопоставительного анализа (в частности, и специфически

¹ Из конкретных исследований этой связи см.: *Renou L. Les connexions entre le rituel et la grammaire en sanskrit. — Journal Asiatique. 1941-1942, с. 105-165; ср.: он же. Langue et religion dans le Rgveda: quelques remarques. — Die Sprache. Bd. 1, 1949, с. 11-17 и др.*

² См.: *Schlerath B. Gedanke, Wort und Werk in Veda und Awesta. — Antiquitates Indogermanicae. Innsbruck, 1974; Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки. — Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979. Топоров В. Н. О jedności poety i tekstu. — Pamiętnik Literacki. LXXI, z. 4, 1980, — если говорить о рассматриваемой в этой статье древней индоиранской традиции.*

языковой формы) ведийских гимнов о Пуруше-первозертве, о поединке Индры с Вритрой (наиболее адекватное отражение текста так называемого "основного" мифа) и о Речи (Вач)³, можно пойти существенно дальше. Оказывается, что и Пуруша, и Вритра, и Вач связаны между собой очень важным общим мотивом: они расчленяются и рассредоточиваются по многим местам; все они рассматриваются как жертва, которая, будучи принесена, порождает особое состояние силы, процветания, благополучия. Реальность этих мотивов и этих операций применительно к ритуалу и его существенной части — жертвоприношению, как и к ядру сюжета "основного" мифа, вне сомнения. Но есть все основания говорить о реальности подобных же операций расчленения и распределения по многим местам элементов языка, речи в ритуале, подтверждающих то, что выявлено в названных ведийских текстах. Сказанное в наибольшей степени относится к тем экстремальным ситуациям, когда связь языка с поэзией, с одной стороны, и с ритуалом, с другой стороны, настолько очевидна, что внутри данной традиции поэзия квалифицируется как язык, а язык — как ритуал. Из всех возможных аспектов, обнаруживающих эти связи языка, здесь достаточно упомянуть один — так сказать, орудийно-операционный, когда речь идет не о самом языке, поэзии или ритуале, а о тех, кто ими занимается (ответствен за них), т.е. о грамматике, поэте и жреце. Поскольку (если говорить о древнеиндийской традиции) грамматика ориентирована на основной мифо-ритуальный текст (Веды) и сама рассматривается как его часть (*vedaḥ vedānām* "Веда Вед"), она не может (хотя бы опосредствованно) не отражать соответствующей мифо-ритуальной реальности и, главное, неотделима от нее. Основой этой реальности, мифом в действии, является сам ритуал, который может быть понят как операционное описание соответствующего мифологического текста. Напрашивается естественное (по сути дела) предположение, что древний (например, в Индии эпохи Вед и позже) "грамматик" был одним из жрецов, контролировавших речевую часть ритуала⁴, соответствие ее норме, прецеденту, "первослову". В этом случае получает свое объяснение исключительное сходство операций, совершаемых "грамматиком", с тем, что делает жрец. Как и жрец, грамматик расчленяет, разъединяет на части первоначальное единство, целостность (текста, соответственно жертвы), идентифицирует разъятые элементы (т.е. определяет их порядок и их природу через

³ Ср. статью автора "Санскрит и его уроки". — Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. М., 1985, с.5—29.

⁴ Собственно говоря, наши знания о социальной стратификации ведийского общества не дают нам иных возможностей идентификации "грамматика", нсжели предполагаемая здесь.

установление системы соответствий с элементами макро- и микрокосмоса), собирает воедино, синтезирует в новое единство более высокого плана разъятые элементы. Теперь это новосозданное (пресуществленное) единство артикулировано, организовано, осознано, понято и, главное, выражено в слове.

Ритуальное происхождение "грамматика" и грамматики, в частности использование жрецом и "грамматиком" (и поэтом) общего набора операций, в значительной степени предопределяет глубочайший параллелизм между структурной грамматического уровня данного текста и его ритуально-мифологической схемой. Грамматическая структура текста не только описывает соотношение чисто языковых элементов, но — в значительной степени — характеризует и соотношение мифологических (т.е. неязыковых) элементов этого же текста. Иначе говоря, одни и те же элементы текста могут выступать как объекты грамматики языка и как объекты "грамматики" мифа. В этих фрагментах грамматика и миф идут параллельно, а иногда и просто сливаются друг с другом. В таких случаях по грамматике текста мы можем с достаточным вероятием судить о "грамматике" мифа, получая тем самым ту ситуацию взаимной "зараженности", которая определяется двумя сущностями — грамматикой мифа и мифом грамматики. "Грамматикализованному" мифу ставится в соответствие грамматика языка, понимаемая как некое символическое действие, как определенная стратегия языкового поведения. Метафоричность мифа и языка оказываются предельно сближенными⁵.

Из всей широкой темы связей между языковой и мифоритуальной сферами здесь рассматриваются два примера. Первый из них предполагает передачу с помощью одного и того же языкового элемента двух максимально разведенных сущностей — предельно стершегося служебного словечка, сохраняющего исключительно грамматическое ("синтаксическое") значение, и важного мифопоэтического понятия, обладающего не просто признаком полноточности, но и особым богатством содержания⁶. Второй пример показы-

⁵ Из аналогий в сфере литературоведения ср.: *Burke K. A Grammar of Motives*. N.Y., 1945; *он же. The Philosophy of Literary Form*. Baton Rouge, 1941, и др.

⁶ Весьма показательна и связь определенных философом с грамматически важными элементами. В частности, она проявляется как в том, что названиями философских трактатов, выражающими их основную идею, нередко служат формулы, состоящие из слов, играющих важную грамматическую роль, между прочим и служебных (ср.: "Enten — eller" у С.Кьеркегора, "Être et avoir" у Г.Марсея, "Ich und Du" у М.Бубера и т.п., а также типовую формулу "Was ist die ..."), так и в характере языкового обозначения отдельных философом (Sein, Dasein, werden, man, an sich, für sich и др., ср. выражение понятий тождества, различия-инакости, другого и т.п.).

вает, как некая институализированная грамматическая схема достаточно общего характера оказывается наиболее кратким и точным способом передачи главного и исходного мотива мифа о происхождении (о "началах"), включаемого обычно в основной ритуал годового цикла (ситуация предельного совмещения "грамматического" и "мифо-ритуального").

. Др.-инд. *ṛtá-* 'закон', 'истина',
др.-иран. *arta-*: согд. 'rty, rty/(a)rty/ 'и'

Представленное здесь и в таком виде урвнение может показаться невероятным прежде всего с точки зрения семантики. Оно, действительно, содержит в себе некоторые неясности и сложности и нуждается в разъяснениях, которые отчасти и будут приведены ниже. Но до этого уместно еще резче определить разрыв между сопоставляемыми частями, указав, что и др.-инд. *ṛtá-* и особенно др.-иран. *arta-* могут выходить за пределы сферы нарицательного и становиться именами собственными. Речь идет о персонафицированных мифологических ипостасях законности *Ṛtá* и *Arta*. При этом, если *Ṛtá* принадлежит к числу более или менее условных и, главное, изолированных персонафикаций-абстракций, то *Arta* (*Aša*), несомненно, является элементом древнеиранского пантеона, входит в связь с другими его элементами (ср. тексты типа "списков"), включается в огределенные (частью реконструированные) мотивы, словом, выступает как беспорное божество в локусе, не исчерпываемом полностью тождеством с соответствующим основным понятием религиозной этики (например, в зорастризме)⁷. Следовательно, в случае, который пред-

⁷ Об Арте как божестве (часто с эпитетом *Arta vahīšta*/авест. *Aša vahīšta*, ср. название соответствующего месяца — н.-перс. *urdu-bihīšt* /; таково же название одной из главных молитв — по содержащейся в ней формуле *ašəm vohū vahīštəm astī* (ср. Y.27,14) и, вероятно, как и в ведийской традиции, — в реконструкции, потому что *arta-* обозначало некое сакральное речение идеального характера, о чем см. ниже) можно найти сведения как в общих пособиях по древнеиранской мифологии (*Nyberg H.S., Widengren G.* и др.), так и в отдельных работах частного характера. Для божественной ипостаси Арты показательны такие контексты, как: *tā vā mazdā paourvīm ahurā ašāi yeca taibyācā ārmaitē*. Y.51,2 "Mit ihr will ich zunächst zu euch kommen, o Kundiger Lebensherr, zur Wahrhaftigkeit und zu dir, o Gemäßheit" — по переводу: *Humbach H.* Die Gathas Zarathustra. Bd.1. Heidelberg, 1959, с.82, ср. комментарий — Bd.2, с.87 — при *kuḍrā yavō. hyān ašəm kū sprantā ārmaitiš*. Y.51,4 или Y.51,1, где говорится о том, что *xšaθra* обменивается между Богом и человеком через *ašā* (ср. также: *...hvō nō mazdā vaštī ašāicā carəkərəθrā sṭāvayehē...* Y.29,8). Арту ищут, ее достигают, знают, почитают, она приносит возмездие и т.п. В Yt.17,16 ее отцом называют Ахурамазду, матерью — Спента-Армайти, братьями — Сраошу, Рашну, Митру и т.д. (ср. также Yt.17,15).

стоит здесь проанализировать, можно говорить о наличии двух полюсов — имя собственное божества высшей упорядочивающей силы и соединительный союз ('и').

Среди средств, служащих для соединения-сочинения элементов фразы в согдийском, основным является союз *'rty* /*arti*/, *rty* /*rti*/. В разных вариантах (конфессиональных) согдийского языка и в разных текстах этот союз отмечен в весьма многообразных написаниях: *'rty* (стар.письма, будд.), *'rty* (маних.), *'rtty* (маних.), *'rt* (христ.), *'r* (христ.); *rty* (будд., мугск., маних.), *rtty* (будд., мугск.), *rt* (будд.), *rtty* (маних.)⁸; ср. также идеограмму 'XRZY (стар. письма, будд.), скрывающую ('*rty*). Однако практически, особенно при решаемой здесь задаче, достаточно иметь в виду два варианта — *'rty* и *rty*, в идеализированной записи соответственно — /*arti*/ и /*rti*/, хотя различные орфографические варианты связаны с известными диалектными различиями. Уже было обращено внимание на две особенности, существенные в связи с темой заметки: необычайно высокую степень насыщенности согдийских текстов союзом ('*rty*) (по словам Бенвениста, его можно встретить "*à chaque ligne d'un texte ouvert au hazard*" EGS II, 171) и отсутствие бессоюзия ("*l'asyndète est pour ainsi dire ignorée en sogdien*". EGS II, 170). Помимо многочисленных примеров из переводной (и поэтому не вполне показательной) литературы типа *rty* ZK *pr'm'y* *yrβy* *γwt* ZY *yrβy* *čč'nt* *'wst'ty* (Vessantara Jātaка, 43) "и он приказал много еды и много питья поставить", особого внимания заслуживают показания деловых документов юридического характера (договоры, контракты) и писем⁹. В некоторых из них *rty* выступает только в изолированном виде. Таковы, как правило, документы, опубликованные в СДМ I: 24.A 2 (*rty* — 3 раза), 25.A 3 (3 раза), 45.B 2 (1/ раз на 6 строк), 38.A 16 (5 раз, но и по разу *rtčw* и *rtčnn*), Nov. 1 (13 раз, но и однажды *rtčw*, 31). Изредка такая же ситуация наблюдается в документах из СДМ II, но практически всегда это случается в коротких текстах (ср. A-2, A-3 /по три *rty*/, A-1, A-11 /по 1 разу/). Но есть и исключения — в 35-строчном тексте B-7 (письмо от Асптака) обнаруживается (15 раз) только

⁸ См.: *Benveniste E. Essai de grammaire Sogdienne. Deuxième partie.* P., 1929, с.170—173 (далее — EGS II); *Львшиц В.А., Хромов А.Л.* Согдийский язык. — Основы иранского языковедения. Среднеиранские языки. М., 1981, с.511 (далее — СЯ).

⁹ Ср.: *Фрейман А.А.* Описание, публикации и исследования документов с горы Муг. — Согдийские документы с горы Муг. Вып. I. М., 1962 (далее — СДМ I); *Львшиц В.А.* Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии. М., 1962 (далее — СДМ II); *Боголюбов М.Н., Смирнова О.И.* Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии. М., 1963 (далее — СДМ III).

изолированное *rtu*¹⁰, а в денежном документе А-5 на 27 довольно длинных строк приходится вообще только 7 *rtu* (при одном *rtms* 'и также', 14). Разумеется, примеры изолированного *rtu* обильны и в тех текстах, где *rtu* входит в соединение с формами энклитических местоимений, союзов, наречий, определенного артикля, предлога и т.п.¹¹. Ср.: *rtu suwub ruštrw w'n'k'h y-nch wšwh km'ty ZY. Nov. 3. V 1* "И после этого он может жениться на той женщине ..."; *rtu šbr't pr 'yw šrb m'γy'n. B-4. R-11* "И пусть Māxhīān отдаст в (течение) одного года ..."; *rtu 'sty ZK z-'w ZK kwš'nth ZY 'ym rty ZK mγw n'šw pr | pr-γm'ny pyr nyz-'nt rty cw "z-tk-'r ZY cw γw'k-ry ZY cw | k'ry-k'r rty RYPWw ZY IIII I-LPW p'γš'y rty 'z-γnt wγtš'r | 'ym rty rušt w'n'kw pt'y-γwš'ym ...*
 А-9. R 1-4 "И есть такой слух: кучинцы (?) ... и весь народ в | брахманскую веру перешли ("вышли") — и знать, и купцы, и | простой народ ("работники") и 14000 духовных наставников (*bašši*). И гонца мы отпра- | вили, но (собств. — и) так услышали ..." и т.п. Значение и функции (')*rtu* в целом достаточно ясны, хотя есть потребности по меньшей мере в двух уточнениях. Во-первых, специалисты в области согдийского языка не указывают, в чем состоит различие в употреблении (')*rtu* и 't, "t, 'ty(y), т.е. /ət/, /əti/¹², равно выступающих в согдийском как соедини-

¹⁰ В одном случае (V 8) *rtu* читается условно ('tw ?), см. СДМ II, 167.

¹¹ Ср. лишь основные типы *rtu*-кортежей из текстов СДМ II, где можно ознакомиться с более полными контекстами и переводами: *-rtšw. Nov. 3. R 6, V 13; 1, I, 19; A-16, 9; B-15,9; B-15,4* и др.; *-rtšwpr* (т.е. *rtu* & *šw* /Pron. encl. 3. Sg. / & *pr* /Praep.-Postp. /). B-11,7 при пяти *rtšw*; — *rtšn. Nov. 3. R 13, 24, V 4; A-18. R 9; B-13,2,8; B-11,4* (дважды), 8 (дважды) и др.; *-rtšy. A-9. R 6,7; B-13, 5, 7* и др.; *-rtn. B-8, 16; Nov. 5, 7; B-18, 18-19; -rtnkš* (т.е. *rtu* & *n* /Pron. encl. 1. Pl. / & *kš* 'если'). Nov. 3. V 11; — *rtny-štškš. Nov. 3. R 16, 22-23; -rtkš. Nov. 3. V 9; 1, I, 6, 10; B-18, 15* и др.; *-rtβn. B-15,2; B-18, 1* и др.; — *rtmy. B-18,4; A-17,1; -rtγw. B-18, 17; -rtms. Nov. 4. R 15; 1, I, 5; B-9. R 9* (*ms /mas/* 'и', 'также', хорезм. *ms*) при *rtu ms, rtšw ms ...*, см. СЯ 511-512; EGS II, 171; *-rtcn(n). B-11, 3; A-16, 8; B-16, 5* и др. ('из', 'от', но и — с сохранением местоименного значения *-n* — 'от него /них/'); *-rtpts'r Nov. 5, 8; B-17, 3* и др.; *-rtβy. Nov. 4. R 5, 10* (в некоторых текстах — очень часто, ср. Nov. 2 /9 раз/; B-10 /8 раз/; B-16 /8 раз/; Nov. 5 /7 раз/; B-16 /7 раз/; B-15 /6 раз/; B-13 /4 раза/; B-15 /4 раза/; B-7 /4 раза/ и т.д.; клише для вводной формулы "И, господин, ...") при *rtu βy. A-9. V 3,4* (в том же тексте и *rtβy*) и др.

¹² Как известно, /ət/ и подчинительного союза /əti/ 'что' < *ир. *uti, авест. *uti*, см. СЯ 511 (с литературой вопроса). Ср. объединение *uta* и *uti* в согд. *tuty*, Conj. и Adv. ('что'; 'затем') с потерей *u-*. См.: *Gershevitch I. A Grammar of Manichean Sogdian. Oxf., 1954, c. 13* (§96), 18 (§135) (далее — GMS).

тельный союз. Особенно важно знание этого различия в тех текстах, где оба союза выступают достаточно часто (будд., маних., христ.). Без этого любое заключение историко-лингвистического характера лишается опоры. Во-вторых, одно уточнение (кажется, обычно игнорируемое) может быть сделано уже сейчас: в согдийских документах с горы Муг преобладание (') *rty* над 't /ət/ огромно¹³. В СДМ II обнаруживаются лишь два примера 't в одном и том же документе: ... *wyty c' nkw 'tβ' kōry w'cw rty nwkr 'zw t'βk kw γ'γ-'nw s'r | 'z-yntw w'cw rty tγw ...* В-18, 5-6 "...посы- лать (разумеется: не следовало. — В.Т.), как я (собств. — и я) тебя сейчас послал. Ведь вот (и вот) я тебя к ка- гану | отправил послом, а (и) ты ..."; ... *kyZY w' nkw prētyw MN 'v-rywy pyrmstr 'tšw kw γ'γ-'nw s'r 'z-ynt | w'c r tšw k6 ...* В-18, 10-11 "...которого я тебе ранее от се- бя прислал, (приказав): "к кагану его послом [отправь!]" — и если его ... (собств. — его же к кагану ... или : и его ...)". СДМ III примеров союза или частицы 't вообще не содержит. В обоих примерах из СДМ II 't выступает ско- рее не как соединительный союз, а как усилительная час- тика (впрочем, близкая к союзу). Характерно, что "союз- ное" значение 't не передано и в переводе В.А.Лившица. Наконец, уместно напомнить, что и в тех согдийских тек- стах, где 't вполне распространено, оно легко обнаружива- ет значения, несколько отличные от чистого 'и', а именно 'также', 'и также', 'же' и т.п. Собственно гово- ря, эти значения и соответственно следы "частичной" (*particula*) природы не должны удивлять, поскольку та же ситуация отражена (в принципе еще четче, особенно в ве- дийском) и в и.-ир. *uta*, к которому восходит 't и из ко- торого происходит союз 'и' в целом ряде современных иранских языков, особенно восточноиранских (как и сог- дийский). Вед. *uta* нередко выступает в функции не союза, а частицы ('же', 'вот', 'так же', 'и' /усилит./), в частности, вводящей предложение; отчасти это обнаружи- вается и в авест. *uta* и в др.-перс. *utā* (ср. особенно конструкции *utā ... utā*); то же в еще большей степени от- носится к этимологически связанному др.-греч. ἤ-υτε. Сама двучленность и.-ир. *u-ta*' (ср. вед. *и*) и его индоев- ропейского источника, а также наиболее архаичный слой семантики этого *и*, кажется, говорят в пользу первоначального статуса этого словечка именно как частицы. В тех более поздних иранских языках, где рефлексy и.-ир. *uta* стали основным соединительным союзом, все-таки оста- ются некоторые следы известной нерегулярности продолже- ний *uta* (например, по сравнению с законченностью лат. *et* или англ. *and*). Так, например, ягноб. *-at, -t, -a* высту-

¹³ Не следует смешивать союз 't с таким же предлогом со значени- ем направления в формулах обращения к адресату.

пает как энклитический союз (ср. *wīr-at inō* 'муж и жена'), как и в большинстве других близких языков¹⁴. Этот союз связывает только те однородные члены предложения, которые выражены именами существительными¹⁵; в других языках, как, например, в сарыкольском, *-at* указывает на одновременность действий, тогда как их последовательность передается союзом *xm*¹⁶; но и при передаче связи одновременных действий союз *-at* может принимать скорее противительное (нежели сочинительное) значение, ср. язгул. *āz-a tād anjōvin-at tow wandā niž* 'я буду собирать шелковицу, а ты здесь посиди' (= 'ты же...')¹⁷; наконец там, где продолжатели **uta* эволюционируют в направлении "чистого" соединительного союза 'и', нередко выстраивается параллельный "частично-союзный" ряд (ср. в ягнобском наряду с *-at* также *tim* 'также', 'тоже', 'и' — в соответствии с тадж. *ham*)¹⁸.

Учитывая эту ситуацию, можно высказать предположение, что институализация продолжений и.-ир. **uta* в качестве союза, выступающего как основное средство сочинения (но не просто присоединения — с нюансом некоторого неравноправия, окказиональности и т.п.), имела место в ряде

¹⁴ Ср. язгул. *-ata*, *-at*, *-a*, шугн. *-at*, *-t*, вахан. *-ət*, мундж. *-и*, ишкаш. *-ət*, *-t*, сарык. *-at*, барт., рушан., хуфск. *-yat*, *-t* (редко), но *-at* (язгул. *ata*, *at*, *a* также иногда могут выступать и неэнклитически). Характерно осет. *-ta* 'же', 'опять'. Иначе — х.-сакск. *и < *uta*, ср.-перс. *ub*, н.-перс. *u*; парф. *ud* (маних. *'wd*, *'wt*), бактр. *odo*, *oto* [*ud*, *əd/t* ?] и др. Особое положение занимает в предложении хорезм. *da* (в соответствии с согд. /'rtu/), о чем можно судить по глоссам в "Кыният ал-мунья ...", сочинении хорезмийского автора XIII в. Ср.: *xafā da* (2.Sg. Imper. от *xafa* 'брат' & *da* 'и') *hazār qarācna danā fi ruckōva βiniciya* "возьми тысячу разводов и привяжи их к нему"; *dammi vub halāla mā aβāc* "так да не будет мне жена дозволенной" (ср. согд. *rtu . mi*); *mikkimahi i mihādhi da shi tabarrukak aβāc* "мы сделали жалаемаю ею и да будет благословенно для нее" (*da-* & *-s*, усилит. частичная); *xēza dā fā* 'встань и иди'; *dā x^uvāsāra pīriviza* "стань (собств. — и стань) свободной" и т.п. См.: Фрейман А.А. Хорезмийский язык. I. М.-Л., 1951, с.59, 71-73, 81 и многие другие.

¹⁵ Ср. вахан. *-ə* 'и', связывающее однородные сказуемые, видимо, в отличие от *-ət*.

¹⁶ См.: Пахалина Т.Н. Сарыкольский язык. М., 1966, с.64-65; она же. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971, с.14 и др. Барт., рушан. и хуфск. *at* нейтрализуют это противопоставление.

¹⁷ См.: Эдельман Д.И. Язгуляско-русский словарь. М., 1971, с.17; она же. Язгуляский язык. М., 1966, с.92-93.

¹⁸ Ср.: Андреев М.С., Пещерева Е.М. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М.С.Андреевым, В.А.Лившицем и А.К.Писарчик. М.-Л., 1957, с.335; Храмов А.Л. Ягнобский язык. М., 1972, с.67. — Ср. согд. *tut*.

иранских языков довольно поздно и во многих из них еще не достигла своего завершения. В этом контексте явно более слабое распространение 't в согдийском (по сравнению с /'rtʏ), особенно в мугских текстах, где оно, возможно, функционировало как редкая частица усилительного типа, многозначительно. И прежде всего, хотя бы и косвенным образом, это соотношение свидетельствует об оригинальности и, по всей вероятности, архаичности если не самого (')rtʏ, то его составных частей; разумеется, очень важно проводить различие между древностью формы и значения компонентов этого словечка и, возможно, относительно поздним обретением целым (/ 'rtʏ) статуса соединительного союза 'и'. В этом смысле архаизмы и инновации могут иногда идти нога в ногу; ср. сходную ситуацию с мифологическим образом Митры в согдийской традиции (Nov. 4. R11), соединяющей индо-иранскую архаику с новообразованиями, возникшими под иранским влиянием у неиранских народов.

Оригинальность и изолированность согд. (')rtʏ среди других иранских обозначений сочинительного союза объясняет до известной степени разнообразие предлагавшихся этимологических решений, некоторую их неуверенность, давшую основание авторам последней по времени работы о согдийском языке констатировать: "Происхождение /arti/, /rti/ неясно" (СЯ 511). По-видимому, с таким заключением нужно согласиться, хотя, кажется, некоторые предложения выглядят достаточно привлекательными. Поскольку одна из предлагавшихся этимологий (')rtʏ оказалась отвергнутой¹⁹, приходится считаться с тремя точками зрения на происхождение этого слова. Две из них (альтернативно) принадлежат Бенвенисту: 'rtʏ можно понимать или как объединение элемента r-, сближаемого с др.-греч. ῥα или лит. iṣ 'и', с -ty, объясняемым как "élément de renforcement", или — и этот вариант "semble préférable" — как сочетание 'rt- (из ир. *(h)arā, авест. haṛa 'одновременно' — подобно kurt 'где' < *kuṛa, 'urt 'здесь' < *awaṛa, mrt 'здесь' < *imaṛa) с вторичным элементом -y²⁰. Наконец, С.Конов указал на возможность связи с согд. (')rtʏ хог.-сакск. hade 'но', 'однако'²¹, которая или принимается некоторыми иранистами, или считается по меньшей мере заслуживающей рас-

¹⁹ См.: Schaefer H.H. Beiträge zur mitteliranischen Schrift- und Sprachgeschichte. — ZDMG. 1942, Bd. 96, с.16 и сл.: 'rtʏ основано на 'ty в результате перенесения r в положении после краткого гласного; само же 'ty восходит к др.-ир. *yat. Оба эти предположения ошибочны, что и было показано И.Гершевичем (GMS, с.307: Additional Notes). Первое из них ставится под удар уже простой ссылкой на форму без краткого гласного — rty.

²⁰ См. EGS II, с.171.

²¹ См.: Konow S. Saka Studies. Oslo, 1932, с.138.

смотрения²². Каждое из этих объяснений оставляет неясными или некоторые детали фонетического развития, или семантические нюансы, которые оказываются особенно чувствительными сложностями при рассмотрении синтаксических элементов (каким и является 'rty) и их функционирования. Кроме того, эти объяснения в целом выглядят достаточно изолированными и исключительными. Однако в данном случае целесообразнее попытаться предложить еще одну гипотезу о происхождении согд. (')rty, которая — в очень отдаленной перспективе — соотносима с первой попыткой объяснения этого слова Бенвенистом. Но для этого важно сначала обратиться к первой части сформулированного в заглавии этой заметки уравнения, а именно к др.-инд. r̥tá- и др.-иран. arta-. Современное понимание семантики и этимологии этих слов позволяет бросить луч света и на проблему согд. (')rty.

В данном случае ради краткости уместно остановиться только на вед. r̥tá-²³. Обычный перевод этого слова как 'закон', 'мировой порядок', 'истина'²⁴ опасен по меньшей мере в двух отношениях: во-первых, он (говоря в общем и приблизительно) оказывается "подходящим" (т.е., по видимости, удовлетворительно осмысленным) практически во всех контекстах, где встречается r̥tá-, и, следовательно, такой перевод достаточно удачно выполняет функцию вуалирования более интенсивных и коренных смыслов этого

²² См. GMS, с.307; Герценберг Л.Г. Хотаносакский язык. М., 1965, с.115; он же. Хотаносакский язык. — Основы иранского языкознания, с.299.

²³ Единая индо-иранская концепция r̥ta — arta не подлежит сомнению, но подлежит более полной реконструкции. На этом пути особое значение приобретают параллели поэтических формул с участием этого слова в Ригведе и Авесте (о них см. в трудах Р.Шмитта, Б.Шперата и др., см. также: Mayrhofer M. KEWai. Lief.26. Heidelberg, 1976, с.654-655), а также некоторые концептуально существенные совпадения. Ср. вед. r̥ta- & bráhmaṇ- при др.-перс. artācā brazmaniya в антидевовской надписи Ксеркса (строки 41, 51, 54) в контексте (Auramazdām : ayada)iy : artācā brazmaniya ... 41 (в 51 и 54 — незначительные отличия), переводимом очень по-разному. Ср. хотя бы: "there I worshipped Ahuramazda and Arta reverently" (Kent R.G. Old Persian Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950); "I worshipped Ahuramazda behaving in the proper ceremonial style in accord with R̥ta" (Henning W.B. Brahman. — TPS. 1944, с.116); "I worshipped Auramazda facing arta-wards during the rite" (Duchesne-Guillemin J. Old Persian artācā brazmaniya. — BSOAS 25, 1962, с.336-337); "(Там, где прежде дэвы почитались,) там я совершил поклонение Ахура Мазде в соответствии с Законом" (Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с.164) и др.

²⁴ Ср.: Lüders H. Varuṇa. Bd. I-II. Göttingen, 1951-1959 (особенно раздел "Varuṇa und das R̥ta").

слова; во-вторых, указанный перевод *ṛtá-* оставляет в стороне и в тени сигнификативный аспект проблемы названия некоего понятия с помощью *ṛtá-*, т.е. игнорирует семантическую мотивировку именно такого обозначения и, следовательно, пренебрегает живой актуальной этимологией *ṛtá-* в ведийском. Заслуга установления значения-сигнификата вед. *ṛtá-* принадлежит Б.Шлерату²⁵. Основной вывод, основанный на интерпретации некоторых мест Ригvedы, состоит в том, что "*ṛta-*"die rechte Zusammenfügung" bedeutet, dann "eine Aussage, deren Wahrheitsgehalt in einer rechten Zusammenfügung, d.h. in einer mystischen Identifikation besteht" (тип: "Агни воистину /действительно/ есть Сома", в отличие от *satya-*, которое обозначает предмет высказывания "als wirklich vorhanden oder wirklich zutreffend" — тип: "Индра убил Вритру"). Поэтому цель ведийского поэта не только в вознесении хвалы богам или рассказывании мифов, но и "die Aufdeckung von Identifikationspunkten, die als Gelenkstellen der kosmischen Ordnung zu verstehen sind". Именно это Б.Шлерат и считает главной целью (Hauptziel) поэта в гимнах Ригvedы. Еще Людерс установил возможность понимания вед. *ṛtá-* как обозначения культовой сакральной песни²⁶, с чем согласуется употребление этого слова при глаголах речи (ср. *ṛtám vadann ... RV IX, 113, 4; ṛtám śámsanta ... X, 67, 2* и т.п.) и такие употребления самого глагола *ṛ-* (: *ṛtá-*), *ar-*, как *stómam iyarmi. RV I, 116, 1* "я пою славу" (букв. "поднимаю восхваление") или *iyarti vācam. II, 42, 2* "он поднимает голос (речь)". Отсюда — следующий шаг: "Die Wahrheit als "rechte Zusammenfügung" von Wort und Wort (=d.h., der Wahrheitsgehalt liegt in der Gleichsetzung), oder von Wort und Wirklichkeit, schafft die Realität. Die Ordnung der Welt kann nicht anders als durch wahre Worte existierend gefaßt werden"²⁷. Следовательно, *ṛtá-* соединяет, смыкает друг с другом во Вселенной вещь с вещью, а в языке слово со словом. В этом смысле оно и элемент грамматики языка и элемент грамматики мира. Выступая как всеобщий квантор связи, *ṛtá-* соединяет

²⁵ См.: *Schlerath B. Gedanke, Wort und Werk in Veda und Avesta; on xe. Ṛta- und Satya- im Rgveda.* — Труды 25-го Международного Конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960 г. М., 1963, с.174–175; *on xe. Die Welt des Veda.* — Berliner Wissenschaftliche Gesellschaft. Jahrbuch 1980. P., 1981, с.254–255. Ср. также некоторые работы автора этих строк — Ведийское *ṛtá-*: к соотношению смысловой структуры и этимологии. — Этимология 1979. М., 1981, с.139–156; *on xe. Lit. yrā, lett. ir und ihre Vergangenheit im Lichte der Geschichte und der linguistischen Typologie.* — ZfSl. 23, 1978, с.617–627 и др.

²⁶ См.: *Lüders H. Varuṇa. I, с.421–446.*

²⁷ См.: *Schlerath B. Die Welt des Veda, с.255.*

связывает два (и более) логически соотносимых, сопresentствующих в данном месте, в данное время, в данном тексте элемента. Всё, что соединяется (способно к соединению-связыванию), с некоей точки зрения, которую можно обозначить как "синтаксическую", является идентичным, т.е. "синтаксически" тождественным в синтагме (или в парадигме, если и ее понимать как текст). А и В в этом смысле могут считаться идентичными, если есть рамка, в которую они могут быть вставлены при помощи союза 'и'²⁸. Оказывается, что *Rta* управляет (упорядочивает) вещами в мире, подобно союзу 'и', управляющему (упорядочивающему) членами предложения во фразе. Истина (*Rta*) мира, понимаемая как правильная организованность составляющих его объектов, и истинность предложения, понимаемая как правильная организованность его членов (т.е. грамматическая осмысленность всех скреп-соединений во фразе), выступают как явления одной логической природы: именно это и позволяет соотносить друг с другом оба проявления такой связи. Если объекты А и В связаны в мире, то и их обозначения в языке А' и В' могут быть связаны во фразе (или в парадигме). Если А и В не связаны в мире, то и их языковые обозначения А' и В' не могут быть логически и грамматически связаны в предложении. Соположение А и В или А' и В' в таком случае не является истинным. Древние индийцы называли такую ситуацию *an-ṛta-* "ein nicht (richtig) zusammengefügtes" (по интерпретирующему переводу Шлера-та), а древние иранцы — *drug-/druj-*, т.е. ложью, обманом, нарушением истины (ср. авест. *draog-* 'лгать', др.-инд. *druh-*), обозначающими урон, ущерб, недостачу, распад как следствие разъединения, диссоциации, дисгармонии.

Выявленное в связи с *ṛtā-* противопоставление двух фундаментальных понятий соединения (связи) и разъединения (развязывания; уместно напомнить, что вед. *rte* /Loc. Sg./ может выступать как союз со значением 'без') находит точный эквивалент в многочисленных ритуалах (индо-иранских, хеттских, славянских и т.д.), разыгрывающих ту же тему связывания и развязывания и в

²⁸ Это действительно и для синтагмы и для парадигмы, где, однако, появляются несколько иные условия: соединение понимается как возможность реализации данной функции двумя и более разными членами парадигмы (напр., функция обозначения времени в некоем языке может осуществляться Acc., Gen. и Instr., т.е. и Acc., и Gen., и Instr., в иной формулировке: или Acc., или Gen., или Instr.), т.е. в плане обмена, или же как обозначение всей парадигмы (или ее составного фрагмента), из которой делается выбор, т.е.: А или В (где А, В — члены парадигмы) на более высоком уровне образуют метатекст, где выражение "А или В" уже понимается как текст, состоящий из членов парадигмы, — А и В.

плане реальных операций, и в плане символических действий. "Связываются" болезни, природа, животные, люди, и они же "развязываются". Эта прагматическая операция имеет свое соответствие в языке в грамматических способах соединения и разъединения, в частности и прежде всего в системе союзов типа 'и' — 'или' (ср. к связи 'и' и 'или' русск. *или=и-ли*): 'и' связывает, соединяет, включает в некое единство; 'или' развязывает, разъединяет, изолирует, выводит из единства, заставляет делать выбор, т.е. исключает одновременную связь двух элементов²⁹.

Поскольку формула типа А и В предполагает совместное присутствие двух элементов, т.е. определенный вид такобития ("Sosein"), характеризующийся связью этих элементов, она апеллирует к онтологическому аспекту проблемы. Формула А и В может пониматься как А есть (существует) & В есть, т.е. связь обоих элементов верифицируется их существованием (иначе говоря, обладанием общим предикатом бытия). Следовательно, соединение А и В с помощью такого 'и' является не случайным, но органическим для данной ситуации. Связь элементов внутри такой рамки интенсивна, максимально информативна и в каждом конкретном контексте принудительна; о ней можно догадываться по так называемым "органическим" *dvan-dva* типа "Митра и Варуна" (= др.-инд. *mitraváruṇa-* в отличие от окказиональных, в принципе необязательных объединений типа "Митра и Индра" и т.п., в которых смысл 'и' экстенсивен ("примыкание": 'а еще', 'а также', 'кроме того', 'а вот', 'а между прочим' и т.п.). 'И' первого рода предполагает предустановленную законосообразную бытийственную связь (соединение), 'и' второго рода — окказиональную связь на раз и только. Первое отражает некую гармоническую и сакрализованную организацию, второе — эфемерно-эвентуальное и профаническое примыкание. Выказываемое здесь предположение, в полном объеме верное, видимо, лишь применительно к некоторым идеальным, предельным ситуациям, могло бы быть подтверждено многими примерами типологического характера. Из них здесь достаточно ограничиться указанием двух категорий случаев — обычным наличием в языке союза 'и' двух типов (ср. ситуацию в ряде восточноиранских языков, см. выше; или лат. *et* и *que* и под.) и рассмотренной в другом месте связью (этимологической) союза 'и' и глагола существования.

Этот последний случай (ср. тип лит. *yrđ*, лтш. *ir* 'есть', 'суть', 3.Sg.-Pl. при лит. *iž* 'и' и т.п., а также "пре-

²⁹ Речь идет, естественно, о "разделительном" 'или'. Другое дело — "отождествительное" 'или', совмещающее оба смысла. Конструкция типа А, или В (напр., *ориенталист, или востоковед*) "разыгрывает" два противоположных мотива — соединение (по смыслу А = В) и разъединение (по форме А ≠ В).

дикативизирующее" 'и'³⁰) особенно интересен в том отношении, что может быть подтвержден многими индоевропейскими примерами, этимологически связанными с др.-инд. *ṛtá-* или др.-иран. *arta-*. Но и здесь придется ограничиться минимумом иллюстраций, сославшись на соотношение др.-греч. ἄρ (α), ῥα как указателя логической связи ('и', 'итак', 'и вот' и т.п.), следствия, пояснения, усиления, возможности и т.д. (кстати, "αρ, как и лит. *iž*, восходит к и.-евр. *ʔ) и 'αραρίστω 'соединяю', 'смыкаю', 'прилаживаю' и т.п. с лит. *yrà*, лтш. *ir* ' (он) есть'. Это соотношение, в свою очередь, открывает путь к другим еще более близким параллелям вед. *ṛtá-*, во-первых, и подтверждает верность актуальной мотивировки внутренней формы вед. *ṛtá-* в соответствии с научной этимологией этого слова (вед. *ṛ-/ar-*, глагольный корень, лежащий в основе *ṛtá-*)³¹, во-вторых. В результате оказывается, что только при сугубо "этимологическом" понимании вед. *ṛtá-* наиболее полно раскрывается его концептуальная суть и ритуальные связи.

Отвлекаясь от случаев, позволяющих судить о внутренней форме *ṛtá-* (ср. *ṛ-* : *ṛ-tá-*, *ṛ-tú-* /ср. авест. *ratu* /, *ṛ-ti-* и т.п.), и от целого ряда довольно точных соответствий в других языках (ср. др.-греч. 'ἀρτός' σύνταξις. Гесикий; 'порядок', 'строй', 'устройство'; лат. *artus* 'состав', 'сочленение', 'член', *articulus* /ср. *ars, artis*. Gen. /; арм. *ard* 'порядок', 'образ', 'форма' /ср. *zard* 'украшение' /; нем. *Art* 'вид', 'род'; 'способ', 'манера'; тох. *A ortum* 'дружба', *ortu-* 'друг' и т.д.), стоит, однако, указать такие параллели к *ṛtá-*, которые по своему грамматическому статусу ("служебность", средства соединения элементов фразы, и, следовательно, ее синтаксической организации) весьма близки к согдийскому союзу *ṛty, rty* / (α)rti /. В этой связи преимущественного внимания заслуживают др.-греч. "ἀρτί 'только что', 'совсем недавно'; 'как раз теперь', 'ныне' (ср. *ὑβν* "ἀρτί . Plat.); 'сейчас же', 'немедленно'³² и лит. *arti*. Adv. 'недалеко',

³⁰ Ср., например, русск. *он и (есть) вор* в ответ на вопрос *что он, вор что ли?* (или: *оно и видно, оно и Вася* и др.), где "частичность" (усилительность) и легко интерпретируется как знак предикативизации. Ранее уже указывалось, что последовательность А и В как целое некогда могла толковаться и как "А есть В", "А соединяется с В" и т.п.; но, входя в более обширный контекст типа "А и В & Praed. & ..." и вновь обретал статус соединительного союза.

³¹ Ср. др.-перс. *ar-* (Praes. *inchoat rava-*): *arta-* и под.

³² Ср. также 'ἀρτίως 'только что', 'недавно'; 'теперь', 'только', 'как раз', 'сейчас'; 'едва лишь', 'как только', "ἀρτί-, префикс со значением 'только что', 'очень' и под.; 'ἀρτίος 'подходящий', 'подобающий'; 'соответствующий', 'совпадающий'; 'парный', 'четный' ('ἀρτίος. Plat., Arist., Plut.); 'здоровый', 'невредимый' и др. и многочисленные образования типа 'ἀρτί-γαρος, 'ἀρτί-τομος, 'ἀρτί-φύτος и т.п.

'вскоре', 'почти'; Праер. 'вблизи', 'около' и т.п., *artiē Adv.* и Праер.; арм. *ard* 'сейчас'; 'теперь', 'итак' (ср. выше *ard* как существительное). Эти примеры практически заполняют последнюю лакуну в смысловом спектре продолжателей и.-евр. **ṛ-*: от значения 'порядок' как образа соединения до служебных словечек с функцией организации слов в предложении (соединение с помощью элементов, указывающих на смежность /= соединенность/ во времени, в пространстве, в логической структуре бытия /'только что', 'вблизи', 'и вот', 'итак' и под./), т.е.

до чистого синтаксиса, который собственно соответственно и обозначался (ср. выше перевод **artūs* как *σύνταξις* у Гесиохия). Тем самым согд. **rty*, *rty* / (*ar*)*ti* / 'и' практически выводится из изоляции, и его связь с вед. *ṛtá-*, др.-иран. *arta-* делается не только возможной,

но и весьма вероятной и безусловно правдоподобной. Оказывается, что соотношение семантических элементов 'порядок' (*ṛtá-*): 'и' (согд. /'/*rty*) всего лишь частный случай из целого ряда сходных семантических комплексов, определяемых указанными двумя полюсами. Ср., например,

русск. *ряд* (по-*рядок*, *рядить* 'устанавливать', 'организовывать', но и 'украшать') при вед. *ṛtá-*, др.-иран. *arta-*: русск. *рядом* 'близко' при лит. *arti* (ср. и др.-греч. **arti*): русск. *наряду* с 'вместе с', т.е. 'и' (ср.: *дети наряду с взрослыми*=дети и взрослые) при согд. (')*rty*; ср.

также связь 'соединение': в связи с 'в смежности', 'в соедстве', 'неподалеку': в связи с 'в соединении с', т.е. 'и'. Эти примеры очень показательны с точки зрения соотношения синтаксиса и семантики, с одной стороны, и языкового (грамматического) с мифо-ритуальным — с другой. Служебные слова в разобранных случаях (в частности, согд. /'/*rty*) могут оказаться крайним пунктом деградации некогда весьма богатых содержательных структур (ср. *ṛtá-*, *arta-*). То, что некогда обладало самодовлеющим смыслом, со временем стало техническим элементом организации текста, служебным синтаксическим средством. С этой точки

зрения согд. (')*rty* 'и' отражает процесс полного стирания самостоятельного значения, зафиксированного в древнем состоянии индо-иранских языков у источников согдийского слова (ср. сходный процесс "выветривания" смысла, объясняющий образование предлогов из слов, обозначавших члены человеческого тела). При этом, однако, следует считаться и с отмеченной выше возможностью "вторичного" комбинирования нового целого из архаичных элементов.

Наконец, примеры типа др.-греч. **arti*, лит. *arti* объясняют не только смысл согд. (')*rty*, точнее — этапы семан-

тической эволюции слова, но и его форму³³, в частности остающееся до сих пор не объясненным окончательно конечное *-y /i/*, которое теперь может трактоваться как отражение архаичного типа образований служебных слов в индоевропейских языках (ср. *-i i-ei : -oi* в более широкой перспективе именного словоизменения). Правдоподобно считать, что это *-y* могло быть поддержано аналогичным исходом других категорий слов (местоимений типа *'zwty, tywty*, наречий типа *'kwtu, 'zwty*, см. EGS II, 171; ср. послелог *pxu* 'после', *ryty* 'перед', 'к' из косв. падежа ед.ч. существительного *rit* 'лицо', 'передняя часть'; союзы *'ty, p'rwty, ky* и др.).

2. К реконструкции индо-иранского **ka-* & **dhā-* — текста

Если говорить о реальностях в области реконструкции индо-иранских текстов общего происхождения, то они пока ограничиваются (не считая чисто лингвистического, в основном фонетического и морфологического аспектов) двумя операциями: умением более или менее удовлетворительно записывать авестийский текст (обычно отдельный "подобранный" фрагмент) в ведийском морфонологическом коде³⁴ (это время от времени делали уже со времен Хр.Бартоломе) или — более продвинутая стадия — представить и ведийский и авестийский тексты в индо-иранском (исходном) морфонологическом коде, во-первых, и установлением обширного и диагностически очень важного, хотя и далеко не окончательного, набора общих индо-иранских поэтических формул, во-вторых. Если первое умение носит в принципе потенциальный характер и практически оправданно лишь при достаточной степени "конгруэнтности" иранских и индийских текстов, позволяющей ввести более простую и вместе с тем надежную единую форму записи, то второе достижение характеризуется той степенью конкретности, которая уже позволяет говорить о подлинной реконструкции

³³ Существенно, что др.-иран. *r̥* в согдийском в данной позиции переходило именно в *r*. Ср. согд. *mrty* 'человек' (букв. 'смертный') < **mr̥t-* и т.п., см. GMS, с.20 (§138); о других рефlekсах см. с.19–22 (§137–155). В связи с вед. *ṛtā-* стоит отметить, что согдийский знал и бесспорное отражение этого корня, ср. *'rt'w* "избранный" ('electus') < **artāwan* (: авест. *aśavan-*), см. GMS, с.12 (§91), 164 (§1076).

³⁴ Обратная задача (запись ведийского фрагмента в авестийском коде) не ставится, поскольку ведийский чаще всего сохраняет более архаичное морфонологическое состояние, чем авестийский. Хотя теоретически эта задача относится к числу вполне оправданных, в случае конкретных реконструкций текста в целом (а не отдельных языковых деталей) она практически не играет сколько-нибудь заметной роли.

некоторых существенных блоков текста (особенно, когда в состав общих формул входит концептуально важное ключевое слово). Тем не менее и в этом втором случае речь идет о реконструкции коротких текстов, скорее — отдельных скреп, нежели того основного массива текстовых заготовок, который организуется этими скрепами. Иначе говоря, аспект композиции и больших частей текста и реконструкции текста на уровне "макросодержания" при таком формульном подходе поневоле игнорируется. В результате индо-иранские реконструкции текста в целом немногочисленны и достаточно робки, что находится в заметном противоречии с возможностями подобных реконструкций.

Цель этой заметки в указании одного класса общих индо-иранских текстов (подробный анализ см. в другом месте), которые могут быть уже в настоящее время реконструированы с достаточной достоверностью именно как целое, выявляемое как на языковом (грамматически-конструктивном) уровне, так и на уровне содержания (сюжетно-жанровом). Реконструкция такого целостного текста, в свою очередь, подтверждается его мифологическим единством и вхождением в конкретные ритуалы определенного типа. Следовательно, и в разбираемом случае "грамматическое" и "мифо-ритуальное" образуют своего рода рамки текста, контролируют его структуру, построенную на соотношении и взаимозависимости (по крайней мере в пределах этого класса текстов) обеих названных сфер.

Конкретно речь идет о восстановлении концептуально важного и типологически весьма распространенного и устойчивого так называемого *ka- & *dhā- текста, определяемого, с одной стороны, некоей институализированной синтаксической схемой типа "Кто & установил (создал) & нечто (Obj.)", с другой — принадлежностью к мифам о творении (происхождении), т.е. к ядру космогонических (и антропогонических) мифов, как правило, используемых и актуализируемых в основном ритуале годового цикла (например, на стыке Старого и Нового года), воспроизводящем историю творения ("в первый раз"). Из соображений краткости ведийские и авестийские источники реконструируемого текста будут в основном ограничены двумя реальными текстами — одним из Атхарваеды (X, 2), другим из Авесты (Yasna 44). При этом следует помнить, что генетически реконструируемый исходный текст может и не быть наиболее непосредственным источником названных индо-иранских текстов.

Уже обращалось внимание на архаичные тексты, построенные по вопросу-ответному принципу (при этом наряду с полной формой существуют и два вида редуцированных текстов: только /или преимущественно/ вопросы или только ответы, предполагающие, однако, вопросы /этот последний случай не всегда отличим от других форм повествования/). Достаточно назвать тексты жанра *брахмодья*, представляющие

собой серию загадок (вопросов и ответов) на космологические тексты (ср. Vājasan. — Samh. XXIII, 9-12, 45-62)³⁵. Самая яркая черта обоих сопоставляемых текстов — обилие вопросов, образующих регулярные серии. В AV X, 2 на 33 строфы (т.е. 132 стиха) приходится около 80 вопросов; при этом около 65 вопросов (более 80%) вводятся вопросительным местоимением *ka-* (*kas*) 'кто', чаще всего в форме Nom. Sg. (34 раза) и в форме Instr. Sg. (29 раз — *kena*). В Y.44 на 20 строф (100 стихов) приходится 27 вопросов, вводимых разными формами того же вопросительного местоимения, чаще всего в форме Nom. Sg. *ka* и *kasnā*. Эта насыщенность обоих текстов *ka-* — вопросами, по сути дела, оказывается еще большей при обращении к ядру каждого из текстов³⁶. Стихия *ka-* в них не только доминирует, но и всё пронизывает и всё определяет в такой значительной степени, что оба текста с полным основанием можно отнести к группе *ka-* — текстов (или *ka-* — "гимнов"). Эта, казалось бы, чисто грамматическая особенность имеет важные следствия и в плане содержания. *Ka-* отсылает нас не просто к чему-то, что принимает участие в творении мира и человека, но к кому-то, к одушевленному деятелю, к персонажу, которому доступно целеполагание и осмысление (ср.: *ka u tac ciketa*. AV X, 2, 7 "Кто же осмыслил это?"). Неслучайность использования *ka-* как принципа организации подобных текстов отчетливо подтверждается обращением к другим подобным текстам. Одним из наиболее удивительных примеров в ведийской традиции нужно считать знаменитый "Ка- — гимн" (RV X, 121), т.е. гимн неизвестному богу ("Кто-бог"), скрытому за этим вопросительным местоимением. Ср.: *kasmai* при *yá*, *yávu*, *yéna* и т.п. Из авестийских текстов, входящих в состав гат, ср. такие вопросительные примеры, как Y. 31, 33, 34, 46, 48 и др.

Очень любопытно, что о предстоящей серии *ka-* — вопросов нередко объявляется заранее введением глагола со значением 'спрашивать'. Собственно, именно так строится текст Y.44 : 19 из 20 строф (кроме заключительной, где второй стих содержит *aṭ iṭ pərəsā*) открываются стандартной формулой — *taṭ yā pərəsā arəš mōi vaocā ahurā* "тогл. (после этого, соответственно этому и т.п.) тебя спрашиваю я, истинно (верно, честно и т.п.) скажи мне, о Ахура", после которой следуют серии вопросов, на которые должен ответить Ахура. Подобный прием отмечается и в других случаях (ср. Y.31, 15, 16), причем не только в авестийских, но и в ведийских текстах (сходство, на которое до сих

³⁵ Ср.: Renou L. (*Silburn L.*). Sur la notion de brahman. — JA. 1949, t.237, с.22-46 (*Le brahmodya védique*).

³⁶ Дополнительная серия вопросов могла бы быть определена при реконструкции *ya-* — фрагментов (*ya-*. Pron. relat. \supset *ka-*. Pron. interrog.), частых в обоих текстах.

пор не обращало внимания). Ср., например, в гимне-загадке: *pr̥chāmi tvā páraṃ ántam pṛthivyāḥ | pṛchāmi yātra, bhūvanasya nābhīh | pṛchāmi tvā vṛṇo ásvasya retah | pṛchāmi vācāḥ paramāṃ vyōma*. RV I, 164, 34 "Я спрашиваю тебя о крайней границе земли. Я спрашиваю, где пуп мироздания. Я спрашиваю тебя о семени племенного жеребца. Я спрашиваю о высшем небе речи", или RV I, 120, 4: *vī pṛchāmi ...*, или RV 105, 4: *yajñam pṛchāmy avamāṃ | sá tād dūtō vī vocati | kvā r̥tam pūrvyam gatāṃ | kās tād bibharti nūtano* "Я спрашиваю о (моей) последней жертве. Пусть объяснит это вестник (богов): Куда девался прежний закон? Кто теперь соблюдает его?" Схождения в этом случае идут и далее: спрашивание может мотивироваться незнанием (или неспособностью к знанию) истинного положения вещей и необходимостью узнать его. Ср.: *...ágne pṛchāmi nū tvām ávidvān*. RV X, 79, 6 "О Агни, я спрашиваю тебя, не знающий" (потому что я не знаю); *...pṛchāmi vah kavayo vidmāne kām*. RV X, 88, 18 "Я спрашиваю вас, певцы, чтобы узнать"; сходные мотивировки есть и в гимне-загадке: *pākaḥ pṛchāmi mānavāvijanan ... ácikitvāñ cikitúsaś cid atra kavīn pṛchāmi vidmāne ná vidvān*. RV I, 164, 5-6 "Глупец, я спрашиваю, не различая мыслью ... незрячий, зрячих певцов (провидцев) я спрашиваю, несведующий, чтобы ведаť"³⁷. Такие же ходы нередки и в Авесте. Ср.: *taṭ ǰuā pərəsā... tācīt mazdā vaəmti anyācā vīduyē*. Y. 44, 3 "тогда тебя спрашиваю я ... то и это хочу я, о Mazda (= мудрый), знатъ" или: *taṭ ǰuā pərəsā... vaēduāi ...* Y. 44, 8 "тогда тебя спрашиваю я... чтобы я узнал..." (ср. также: *... pərəsā... fravdīvide*. Y. 44, 11; *... pərəsā... vīdvā avam*. Y. 44, 19, не говоря о других текстах из состава гат, в которых особо подчеркивается мотив знания, ср. Y. 43, 5, 7, 9, 11, 13, 15: *spəntəm at ǰuā mazdā mēng hī ahurā*; Y. 46, 2: *vaēdā taṭ yā...*; Y. 46, 9: *kē hvō yə mā arədrō sōiə atə paouruuyō...* и особенно Y. 48, 2: *vaosā mōi yā tvəm vīdvā ahurā ...* и др.).

Но AV X, 2 и Y. 44 не исчерпывают свою специфику принадлежностью к *ka-* — текстам: они также относятся к классу "тетических" (др.-греч. τίθημι, вед. *dādhami* и под.) текстов, так сказать, *dhā-* текстов, в которых речь идет об установлениях, о положении начал (и.-ир. **dhā-* 'ставить', 'класть', 'полагать', 'устанавливать', шире и более обще — 'создавать', 'творить'; в истории иранских языков судьба первоначального **dhā-* осложнена слия-

³⁷ О мотиве знания в контексте *ka-* — вопросов см. совместную работу с Т.Я.Елизаренковой: К структуре AV X, 2: опыт толкования в зете ведийской антропологии (в печати). Тема знания (или незнания) органически выступает и в гимне о сотворении мира — RV X, 129, 6-7; здесь же — о вопрошании в (своем) сердце, ср.: *hr̥di pr̥tiṣyā...* 29, 4.

нием с другим глаголом — **dā-* 'дать'). Гимн AV X, 2, особенно первые три четверти его, построен на игре разных форм глагола *dhā-* (20 случаев!), выделяющих внутри всего текста его "тетическое" ядро; показательно, что элемент *dhā-* последний раз появляется в строфе 25, т.е. как раз там, где кончается и тема *ka-*. Характерно, что смысл употребления *dhā-* в подобных текстах не исчерпывается идеей простого полагания. Возможно, не случайно появление в AV X, 2 форм глагола *dhā-* именно там, где говорится не просто о создании (или со-,подбирании, ср. *ābhṛte, sām̐bhṛtam*, X, 2, 1) тех или иных частей человеческого тела, но о помещении их на свое место в целом теле. Вместе с тем исключительно важны сочетания с *dhā-* слов, обозначающих не только предметные понятия, но и абстракции (имя, форма, величина, поступки, способности и т.п.). В этих условиях *dhā-* получает значение не конкретного действия, а некоего мысленно-волевого акта в цепи творения, придающего всему особую выявленность и оправданность. Семантика *dhā-* в подобных текстах в ведийском обычно не несколько богаче, чем в Авесте. Но в данном случае существенны не различия, а те узлы, в которые сплетаются элементы *dhā-* и *ka-* — текстов. Ср., с одной стороны: *kō asmīn āpo vyāda dhād ...* AV X, 2, 11 "Кто в нем воды расположил...?" ; *kō asmīn rūpām adadhāt, kō mahmānaṁ ca nāmasa ...* X, 2, 12 "Кто в нем форму установил, кто — величину и имя?" и т.п. и, с другой стороны: *kasnā x̥ng stāmā dāt̥ advānām*. Y. 44, 3 "Кто солнцу и звездам путь установил?"; *kē hvāpā raocāscā dāt̥ tāmāscā kē hvāpā x̥fnāscā dāt̥ zaēmācā ...* Y. 44, 5 "Кто (какой мастер, творец) установил свет и тьму, кто установил сон и бдение ...?" и т.п.³⁸. Это сопоставление еще более выигрывает в своей доказательности, если напомнить, что и в других текстах о творении *dhā-* играет особую роль, ср.: *yāt pūruṣam vy ādadhuḥ ...* RV X, 90, 11 "Когда Пурушу расчленили ... (собств. — расположили его части по отдельности)" и т.п. Можно пойти еще дальше, высказав предположение, что многочисленные поэтические формулы с глаголом *dhā-* (< **dhē-*) в их составе представляют собой осколки исходного "тетического" текста.

³⁸ Ср. *vīspanam dātāram*. Y. 44, 7 — о творце всего (всех вещей), *dāiti... dāitē ...* Y. 44, 19, *daḍyūi*. Y. 44, 1, не говоря о более специальных способах выражения идеи творения-созидания (ср.: *kē bax̥bām tāšt ... kē uzāt̥m cōrēt*. Y. 44, 7; *kaēibyō... gqm tašo*. Y. 44, 6 в переключке с *yē ahmāi gqm ... hēm. tašaḥ*. Y. 47, 3, где, однако, *taš-* сосуществует с *dā-*, ср. в следующем стихе *aḥ hōi vāstrāi rāmā dā ārmaitim*; о сочетаниях типа *rāmam dāntē, rāmam dāt̥, rāmam ... dadātū* и под. см.: *Humbach* H. Die Gathas des Zarathustra. Bd. II. Kommentar. Heidelberg, 1959, с. 74). Ср. Y. 29, 1, 2 и др.

Соотнесенность *ka-* и *dhā-* — фрагментов друг с другом делает естественным по меньшей мере еще два предположения — о том, что *dhā-* должно быть связано с *ka-* как предикат со своим субъектом, и о том, что *dhā-* как предикат должно иметь при себе обозначения объектов. Ранее было показано, что связь элементов, выражаемая формулой *ka-* (Subj.) & *dhā-* (Praedic.) & Obj., не только не случайна и не просто эмпирична, но основана на некоем глубоком сродстве всех трех элементов формулы, вытекающем из их принадлежности единой ситуации "тетического" мифа и определяемой этим их взаимосвязанности. Поскольку именно *dhā-* занимает в формуле ключевую позицию, целесообразно определить применительно к нему суть того явления, которое кодируется элементом *dhā-*. В "тетических" текстах, где *dhā-* выступает в "сильной" позиции, его можно понимать как обозначение такого установления (ставить — стоять / стоять / — быть), которое — в пределе — вызывает к жизни истинно сущее, одновременно нарекаемое и менем и с.этих пор выявленное, доступное знанию³⁹. Таким образом, *dhā-* может рассматриваться как двухместный предикат, в значительной степени предопределяющий характер своих терминов: субъект — *ka-*, Творец (всего) и объект — всё, т.е. человек (Пуруша, Я) и мир. Обе эти объектные области четко выделяются в индийской и иранской древних традициях (AV X,2 и тексты о Пуруше в Ведах, как и среднеиранские тексты, так или иначе связанные с темой Гайомарта /Bundahišn, Zātspram и др./, посвящены творению человека, членов его тела; Y.44, те же среднеиранские тексты в других своих частях, как и разные варианты ведийских мифов о создании элементов Вселенной, посвящены творению мира) и находят многочисленные параллели повсюду, где задается вопрос о творении. Перед нами, по сути дела, универсальная формула, стоящая у начала всякого философствования: Творец — творение (творчество) — тварь (Я и мир). Ср. наиболее точное и краткое выражение этой проблемы в связи с темой познания: "Je ne sais qui m'as mis au monde, ni ce qui c'est que le monde, ni que moi-même. Je suis dans une ignorance terrible de toutes choses. Je ne sais ce que c'est que mon corps, que mes sens, que mon âme et cette partie même de moi qui pense ce que je dis, qui fait réflexion sur tout et sur elle-même, et ne se connaît non plus que le reste" (Pascal. "Pensées").

³⁹ В переводе на язык "Книги Бытия" *dhā* — точнее всего определялось бы двумя известными формулами — "Да будет...!" и "Увидел Бог, что это хорошо". Ср.: И сказал Бог: да будет твердь ... И создал Бог твердь ... и назвал Бог твердь небом ... И увидел Бог, что это хорошо. Бытие I, 6, 10.

В указанной формуле *ka-* & *dhā-* & *Obj.* сходство между архаичными ведийскими и авестийскими (и пехлевийскими) текстами не ограничивается звеньями субъекта (*ka-*) и предиката (*dhā-*), но распространяется в достаточно полной мере и на сферу объектных обозначений. Уместно здесь ограничиться лишь рядом примеров, помня при этом, что указываемые объекты творения или непосредственно связаны с предикатом *dhā-* (и субъектом, скрытым за *ka-*), или выступают в рамках общей *dhā-* — конструкции при предикатах, которые, по сути дела, представляют собой специализацию или дальнейшее развитие смыслов, содержащихся в *dhā-*.

Ср.: солнце — луна — звезды — *sūryā sandramā sa u dhātā yathāpūrvam akalpayat.* RV X, 190, 3 "Солнце и Луну сотворил последовательно создатель"; *yéna svā stabhitā.* RV X, 121, 5 "Кем Солнце установлено?"; *kénāhar akarod rucé | usá-sam kénānvaindāha...* AV X, 2, 16 "Благодаря кому (кем) сделал он день сияющим? | Утреннюю зарю благодаря кому зажег он?" (ср. RV X, 90, 13) и т.п. — при: *kasnā xāng strēmō dāt advānam | kasnā yā mā usšyeiti narafvaitī wat.* Y. 44, 3;

свет и тьма — *akalpayat ... átho svāh.* RV X, 190, 3 "сотворил ... потом свет (солнце)" — при *kā hvāpā raocāscā dāt tāmāscā.* Y. 44, 5 "Кто (какой творец) создал (установил) свет и тьму?";

сон и бдение — *svāpnam sambādhatandryāh ... kásmad vahati pūruṣah.* AV X, 2, 9 "Сон, угнетенность, изнеможение ... от кого выносит (их) Человек?" — при *kā hvāpā xāfnāscā dāt zaētāscā.* Y. 44, 5 "Кто (какой творец) создал (установил) сон и бдение?";

утро (заря), день, вечер — *kénāhar akarod rucé | usá-sam kénānvaindāha | kēna sāyam bhavām dade.* AV X, 2, 16 (см. выше) "Благодаря кому сделал он день сияющим? Утреннюю зарю благодаря кому зажег он? Благодаря кому да-лось ему наступление вечера?" (ср. RV X, 190, 2: о годе, распределяющем дни и ночи и 190, 1: о рождении ночи) — при: *kā yā usā arēt. pīdāwā xāpāscā...* Y. 44, 5 "Кто (это), через которого утро (заря), день и ночь ...?";

небо и земля — *kēnemām bhūtim aurmot | kēna páry-abhavad divam.* AV X, 2, 18 "Благодаря кому покрыл он эту землю? Благодаря кому объял он небо?"; *dhātā ... akalpayat divam ca pṛthivim cāntárikṣam.* RV X, 190, 3 "Создатель сотворил небо и землю и воздушное пространство"; *sá dhā-dhāra pṛthivim dyātm utēmām.* RV X, 121, 1 "Он поддерживал землю и это небо"; *yéna dyāúr ugrā pṛthivi ca drdhā.* RV X, 121, 5 "Кем укреплены огромные небо и земля?"⁴⁰ —

⁴⁰ Ср. в гимне Пуреше: *nābhya āsīd antárikṣam śīrṣno dyāuḥ sam avartata | padbhūm bhūmir ...* RV X, 90, 14 "Из пупа возникло воздушное пространство, из головы развилось небо, из ног — земля" или в RV X, 121, 9: *...janitā yāḥ pṛthivyā yó vā divam* "... кто родитель земли и кто (породил) небо ...".

при *kaṣṇā dāratā zaṃcā adā nabāscā*. Y. 44, 4 "Кто держит землю (внизу?) и небо?";

ветер и облака — *prāṇād vāyūr aḥayata*. RV X, 90, 13 при: *kā vātāi dvṛṇmaibyascā yaogṛt āsū*. Y. 44, 4 "Кто запрягает ветру и облакам (туманам) резвцов?";

воды — *kēṇāro ānvatanuta*, AV X, 2, 16 "Благодаря кому протянул он воды?"; *yaś cāpāś candrā bhātīr jajāna*... RV X, 121, 9 "Кто породил сверкающие высокие воды?"⁴¹ — при: (*kaṣṇā dāratā*) ... *kā arō urvardscā*. Y. 44, 4 "(Кто держит) ... кто — воды и растения?";

семья, сын, потомство — *kō asmin réto nyādadhāt tāntur ā tāyatām iti*. AV X, 2, 17 "Кто в нем семья установил? — говоря: "Да протянется нить (потомства)?" — при: *kā uzatām cōrṛt vyanaṇā piḥrāt piḥrē*. Y. 44, 7 "Кто создает через свою способность хорошего сына для отца?";

распад, разрушение, порча, гибель — *ārtir āvartir nīrṛtiḥ kīto nū pūruṣe*... AV X, 2, 10 "Несчастье, распад, гибель — откуда же они в человеке?" — при: *kaḥā āśāi druḥm dyam zastayō*... *āmava itim sinam dāvōi drōgvasū ā iś dvafśēng mazdā* [a]nāśē qstqscā. Y. 44, 14 "Как мог я дать Ложь в руки Правде ... с тем, чтобы посягательство и разрушение принесла она среди причастных Лжи, чтобы она доставила их к нужде и порче (гибели), о Мудрый?" (ср.: *kā vṛṛḥrāt jā*. 44, 16 "кто разрушает сопротивление /препятствие/?");

жизнь, сила, бессмертие — *yā ātmadā bala-dā*... | *yāsyā chāyā mṛtām yāsyā mṛtyūḥ*. RV X, 121, 2 — "Кто дающий жизнь, дающий силу ... Чье отражение — бессмертие, чье — смерть?" (ср. 121, 7); *kīto mṛtyūḥ kīto mṛtām*. AV X, 2, 14 "Откуда — смерть, откуда бессмертие?" — при *varōi būdyāi haurvātā amāratātā*. Y. 44, 17 "чтобы получить (добиться) в защиту здоровья (целостность) и бессмертия" (ср. *haurvātā amāratātā*. 44, 18); *mazdā dadāt ahurō haurvatō amāratātāscā būrōiś ā aśah'yācā*... Y. 31, 21 и др.;

жертва — *kō asmin ya jñām adadhād*. AV X, 2, 14 "Кто в нем жертву установил?"; *kēna ya jñām ca śradhām ca*. X, 2, 19 "Благодаря кому — жертва и вера" и многочисленные примеры темы установления жертвы, в частности, в "тетических" текстах (ср. X, 90, 6 и сл.; X, 121 с повторяющейся концовкой каждой строфы: *kāsmā devāya haviṣā vidhema*, основной на игре слов, — или: "Какого бога (какому) мы почтим жертвенным возлиянием?", или: "Ка- бога (Ка- богу) мы почтим жертвенным возлиянием") — при *āṣm śya oḥanāiś dābqaiti ātmaitiś*. Y. 44, 6 "Благая мысль (сообразность) укреплает Правду через (жертвенное) дело" и др.;

⁴¹ Ср. мотив воды в RV X, 121, 7-8, мотив океана в RV X, 190, 1-2 и т.д. — в отличие от первозданных вод Хаоса: *ām bhāḥ kim āsīd gāhanam gabhīrām*. RV X, 129, 1 "Что за вода была — глубокая бездна?".

мудрость, благая мысль — *medhā́m kó avīnā́*
ádhyauhat. AV X, 2, 17 "Кто мудрость пробудил в нем? — при:
kaṇṇā vaṇṇhūiṣ mazdā dāmiṣ mananṇhō Y. 44, 4 "Кто, о Муд-
рый, творец благой мысли?" или: *yā tōi mazdā ādiṣtiṣ yācā*
voṇū iṣbā fraṣī mananṇhā Y. 44, 8 "...каково твое, о Муд-
рый, наставление (указание) и речь, которую я с благой
мыслью говорю"⁴²;

речь, слово, голос — *hānvor hí jīhvām ádadhat*
purīcīm | ádhā mahīm ádhi śiśrāya vāsam ... AV X, 2, 7 "Ведь
он установил между обеими челюстями многообильный язык,
затем прикрепил могучую речь..." и вся тема божественной
речи (RV X, 125 как несомненная трансформация "тетического-
го" текста или, точнее, "ономатетический" миф) — при:
hyaṣcā mōi h'yāt vāxṣ aṣṣō. Y. 44, 17 "и о том, чтобы мой
голос сильным (могущественным) был" и др.

Этот перечень общих элементов в ведийских и авестий-
ских "тетических" текстах может быть продолжен⁴³, хотя в
данном случае в этом нет необходимости. Важнее восста-
новление самой схемы общего индо-иранского текста и ее
рамки, а также указание тех лексем, которыми заполняют-
ся основные звенья реконструированного таким образом на
основании вполне реальных индийских и иранских текстов
"тетического" типа исходного "прототекста". В общем ви-
де схема такого "прототекста" могла бы выглядеть так:

Тебя (**tvā/m/*) & спрашиваю (**pr-sk-ā/mi/*) & чтобы знать
(**vid-*):

Кто (**ka-*), & установил /создал, сотворил/ (**dhā-*) & ;
Солнце (*sūrya-*, *svar-*; *hvar-*) & Луна (*mās-*, *candrámas-*; *mā*) &
Звезды (*star-*; *star-*) &

⁴² Следует отметить, что серия мысль — слово — дело (благое
или злое) в ведийском и авестийском принадлежит к числу хорошо из-
вестных поэтических формул индоевропейского происхождения. (1)

⁴³ Ср. такие семантические звенья, как опора-основа (ср. *kāḥ*
pratīstḥā́m. AV X, 2, 1 "кто (создал) опору?" и тексты о Скамбхе —
при *kaṇṇā aṇṇhūiṣ vahiṣtānuṇā raourvīm* ... Y. 44, 2 и др.), пища, мо-
локо, год (в частности, ср. мотив его измерения, ср.: *bráhma*
saṃtatsaráṃ mate. AV X, 2, 21 "Брахман год измерил", ср. также
RV X, 190, 2: о рождении года — в связи с иранскими параллелями),
растения и скот (ср. *yā ahmāi gam rānuṇō. skarvitīm hēm*.
taṣat... Y. 47, 3 "который ему /нам?/ создал олагоденствие дарящий
скот..."), огонь, жар (*tapas-*), приятные и неприятные
вещи (ср. *prīyāpriyāṇi bahulā*. AV X, 2, 9 при мотиве создания всех
вещей — *vispanāṃ dātāram*. Y. 44, 7), разум и вера (ср.: *kénāṣ-*
min nihitam mān aḥi. AV X, 2, 19 "Благодаря кому в нем установлен
разум?", ср. *śraudhām* в предыдущем стихе и др.) и т.п. — Еще важнее,
что сам состав объектов творения (*dhā-*) и очередность их возникно-
вения проверяются текстами несколько иного типа (Rivayat 12; Bun-
dahiṣn 221.12—223, 4 и др.), проанализированными ранее.

Свет (*ruc/rocav /; raocah-*) & Тьма (*tamas-/tāmiserā-/; tō-mas-*) &
 Сон (*svāpna-; śāfna-*) & Бдение (*vaṣṭā*) &
 Утро-заря (*uśās-; uśah-*) & день (*āhan, āhar; arəm. piṭhā*) &
 вечер (*śāyā-, kṣāp-; śāpā-*) &
 Небо (*dīvā-, dyū-; nabah-*) & Земля (*pṛthivī-, bhūmī; zam-*) &
 Ветер (*vāyū-, vāta-; vāta-*) & Облака (*nābhās; dvannan-*) &
 Воды (*āp, āpas; ap-, āp-*) &
 Сын /потомство, семья/ (*rētas, putrā-; puṣra-*) &
 Жизнь /бессмертие/ (*amṛta-; amṛtāt-*) & Смерть (*mṛtyū-; mṛtyu-*) &
 Жертва (*yajñā-; yavna-* и др.) & Мудрость (*medhās- /ср. mānas/; mazda- /ср. manah-/*) & Речь (*vāc-; vāśś-*) &
 Истина /Правда/ (*ṛtā-; aśa- /arta-/*) &
 Не-истина (Ложь) (*ānṛta-, dṛuḥ-; dṛug-/dṛuj-*)⁴⁴.

Эвристическая важность таких реконструкций в их принципиальной антиэмпиричности. Исходным для реконструкции оказывается не столько некий конкретный текст, а, так сказать, "кросс-текстовый" текст, выводимый с помощью предварительной операции из целого ряда конкретных текстов, текст-тип, отраженный более чем в одном варианте и поэтому более надежный и лучше контролируемый. В частности, реконструированный подобным образом текст оказывается многосторонне мотивированным — и структурой морфолого-синтаксической схемы, и семантическим каркасом целого с отчетливым лексическим заполнением отдельных звеньев, и жанровыми характеристиками текста и, наконец, его связями со сферой мифо-ритуальных реалий.

⁴⁴ Этот текст-схема в дальнейшем может быть дополнительно упорядочен прежде всего за счет уточнения порядка следования объектов. В частности, в этом отношении могут оказаться полезными и некоторые поздние тексты, сохраняющие числовую последовательность этапов творения мира (ср., во-первых, во-вторых... в-двенадцатых... *Ri-vauat* и др.). Впрочем, последовательность объектов задается и самой логикой творения. Состав объектов в известной степени может быть проверен и данными так называемого *Na*-текста или *Naśīd-* ("не было")-текста, в котором перечисляется, чего не было до начала творения (ср. RV X, 129: ни сущего — ни не-сущего, ни воздушного пространства, ни неба, ни дня — ни ночи, ни смерти — ни бессмертия); в этом случае *Na*-текст описывает ситуацию, предшествующую той, которая отражена в *ka-* и *dhā-* тексте. Наконец, последний текст предполагает и текст-ответ на вопрос *ka-*, стройный примерно следующим образом: *ka-* & *dhā-* & Obj. NᵒA & *dhā-* & Obj. N. (где A — или собственное имя божественного творца, или его обозначение, в частности, **dhātar-*, т.е. **Dhātar-* & *dhā-* & Obj. N.). Чередование вопросов и ответов определяет специфику подобных текстов.

ОБ ИСКУССТВЕ ВЕДИЙСКИХ РИШИ

Древнеиндийская грамматика выросла, как известно, из вед и называлась ведой вед, тем самым представляя собой надстройку над совокупностью сакральных текстов — обстоятельство, определившее в значительной степени цели и задачи древнеиндийского языкознания. Одна из основных ее целей заключалась в том, чтобы предельно точно сохранить текст, зафиксировав его раз и навсегда с помощью твердых правил. В дальнейшем ситуация сложилась так, что свод правил, выросший из текстов определенного периода, стал рассматриваться как эталон для всех дальнейших текстов, т.е. из-за авторитета грамматики стали отрицать возможность дальнейшего развития литературного языка, что само по себе парадоксально. Высшим проявлением этого торжества грамматики над языком была знаменитая грамматика Панини (V в. до н.э.), зафиксировавшая в качестве нормы особенности языка брахманической прозы.

Язык более древней ведийской поэзии, или язык мантр, представленный в четырех собраниях-самхитах, с которых начинается индийская литературная традиция (т.е. не позднее чем с середины II тысячелетия до н.э.), с точки зрения этой нормативной грамматики изобиловал многочисленными отклонениями и вариантами. Стремление сохранить текст существовало и тогда, и это выразилось в создании пратишакхья — сводов правил рецитации отдельных вед и перечня типичных ошибок при произношении. Не менее сильным, однако, у авторов ведийских гимнов-риши было стремление экспериментировать, создавать пробные формы, лексические сочетания и синтаксические конструкции. Вообще текучесть и динамичность форм наряду с сохранением крайних архаизмов присущи индоевропейской поэтической речи (*indogermanische Dichtersprache*), разновидностью которой является язык мантр. Эксперименты ведийских поэтов-риши превышают все, что возможно было для древнегреческих и латинских поэтов. Смелость риши заключалась в том, что они могли ставить эксперименты, выходявшие за пределы языка, того концептуально-категориального каркаса, который давался самим языком. Они умели превратить язык

в предельно точный инструмент, с помощью которого можно было выразить суть их видения мира¹: смену статичных мифологических картин; набор мифологических сюжетов, неизменно повторяющихся и протекающих вне времени (они были некогда, происходят сейчас и будут происходить в дальнейшем — т.е. они вечны); представление мифологического персонажа в виде набора характерных признаков, действий, атрибутов, по которым этот персонаж идентифицируется в тексте, даже когда он не назван, и т.п.

Поэзия грамматики и грамматика поэзии (термин Р.О.Якобсона)² — тема в высшей степени актуальная для искусства ведийских риши. Ведийский язык, как известно, обладает крайне разраженным флективным строем (далеко продвинутом вперед в этом отношении по сравнению не только с исходным общеиндоевропейским, но и с индоиранским состоянием). Это особенно ярко проявляется в глаголе, где глагольный корень объединяет вокруг себя не менее полутора сотен флективных форм, способных выразить категории времени и наклонения. Богатство этих форм широко используется в гимнах "Ригведы", но наряду с ним употребляется категория, противоречащая всей видо-временной системе в целом, — инъюнктив, трактующий действие вне времени и модальности и просто упоминающий его (по К.Хофману — меморативная функция³). Еще Л.Рену отмечал, что инъюнктив в "Ригведе" является архаизмом, используемым авторами гимнов в стилистических целях⁴. Более того, можно сказать, что инъюнктивизация текста входит в состав опытов риши по снятию лингвистической определенности текста.

В гимнах, где повествуется о мифологических событиях (Индра убивает дракона Вритру, сковавшего течение рек, выпускает течь воды, устанавливает небо и землю, пробурливает скалу Вала и выпускает коров и др.), временные вехи задаются в виде отдельных аугментных, перфектных или презентных (т.е. формально охарактеризованных) форм, которые служат некоторыми ориентирами, а повествование может незаметно соскальзывать на формы инъюктива, который получает ту или иную временную и модальную интерпретацию лишь в рамках данного контекста, придавая всему повествованию некоторую неопределенность. Кстати, при переводе таких текстов на современные языки, глагол которых должен выражать категории времени и наклонения, но не меморативности, это значение передать невозможно.

¹ См.: *Gonda J.* The Vision of the Vedic Poets. The Hague, 1963.

² *Jakobson R.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии. — Selected Writings. III. The Hague — Paris — New York, 1982, с.63—86.

³ См.: *Hoffmann K.* Der Injunktiv im Veda. Heidelberg, 1967.

⁴ См.: *Renou L.* Les formes dites d'injonctif dans le Rgveda. — Etrennes de linguistique offerts à Emile Benveniste. P., 1927, с.63—80.

Следует добавить еще, что в силу жанровых особенностей гимнов богам, содержащих просьбы и пожелания, непосредственно соотносящиеся с восхвалениями богов⁵, модальные формы заметно преобладают над формами индикатива (четкая же дифференциация системы времен свойственна индикативу).

В качестве примера можно привести начало гимна Индре I, 121:

kád itthá nṛñh pátram devayatám
 śrávad gíro áṅgirasām turāyaṅ
 prá.yád ánaḍ víca á haryáśya
 urú kraṃsate adhvare yájatraḥ 1

stambhīd dha dyám sá dharúṅam pruşāyad
 ṛbhūr vājāya dráviṅam náro góḥ
 ánu svajám mahiśác caksata vrām
 ménám ácvasya pári mātāram góḥ 2

nákṣad dhávam aruñih pūrvyám rát
 turó vícām áṅgirasām ánu dyūn
 táksad vājram niyutam tastambhad dyám
 cátuṣpade náryaya dvipāde 3

asyá máde svaryám dá ṛtāya
 ápivrtam usriyāṅām ánikam
 yád dha praśárgé trikakúm nivartad
 ápa drúho mánuśasya dúro vah 4

1. "(Примет) ли (Индра), действительно, (благосклонно) сосуд мужей, преданных богам? Услышит ли |subj.| спешащий песни Ангирасов? Когда доберется он |aor.| до членов семьи (этого) дома, пусть широко шагает |subj.| на (наш) обряд, (он,) достойный жертвы.
2. Ведь он укрепил |inj.| небо, он окропил |inj.| основу (земли). Искусный муж, (он назначил) богатство в виде коровы как награду (людям). Буйвол следил взглядом |inj.| за самкой, что родилась сама по себе. Кобылицу он пре (вратил) в мать коровы.
3. Являлся |inj.| царь на древний зов племен Ангирасов, (чтобы захватывать) алых (коров), сильный (бог), день за днем. (Тваштар) выточил |inj.| дубину, которую подарил (Индре), а (тот) укрепил |inj.| небо для четвероногого, для человека, для двуногого.
4. В опьянении этим (сомой) ты вручил |inj.| (космическому) закону шумную запертую вереницу коров. Когда же

⁵ Elizarenkova T. An Approach to the Description of the Contents of the R̥gveda. — Mélanges d'indianisme. P., 1968, с.255—268.

трехгорбый (бог) повернул [inj.] (стадо) в движении, ты открыл [inj.] врата, враждебные роду человеческому".

Можно предположить, что, если при наличии в ведийском глаголе развитой системы временных и модальных противопоставлений, тем не менее допустимы такие отрывки гимнов, как приведенный выше, это значит, что вопреки имевшейся в языке системе противопоставлений иньюнктив передавал нечто очень важное для мировоззрения риши.

Следует добавить, что в период "Ригведы" схема противопоставления времен в системе языка не была еще разработана до конца в том смысле, что оппозиции: план настоящего—план прошедшего — в очень незначительной степени противостоял план будущего (формы будущего времени встречаются в "Ригведе" только от 9 глаголов), который, как и во многих других языках, не был отделен от сферы модальности. Нормальным способом выражения будущего времени было употребление субъюнктива, и это также приводило к сужению области чисто временных противопоставлений и позволяло авторам гимнов смещать акценты в пользу модальности.

Известно, что содержание "Ригведы" сводится к очень ограниченному числу сюжетов, которые неизменно повторяются во всех мандалах, хранимые риши, принадлежащими к разным родам. Однако это хранение отнюдь не означает обязательной разработки сюжетов в привычной для нас линейной последовательности как причинно-следственной цепи событий (что тоже можно найти в гимнах, но в сравнительно небольшом числе случаев). Более обычным для гимнов является название сюжетов, известных риши и их аудитории, намеренное представление некоего содержания как реестра тем, связанных разными отношениями. Это может быть просто перечень сюжетов, как, например, в гимне Ашвинам VII, 71, 5:

yuvāṃ cyāvānaṃ jarāśo 'mumuktaṃ
 nī pēdāva ūhathur ācūm ācvaṃ
 nīr āmhaṣas tāmasa spartam ātriṃ
 nī jāhuṣāṃ cithiré dhātam atāḥ

"Вы избавили Чьявану от старости. Вы привели Педу быстрого коня. Вы спасли Атри из беды, из мрака. Вы дали Джухуше свободу".

В результате такого метода названия сюжетов нам остались неизвестными те из них, которые не были линейно изложены в более поздней древнеиндийской литературе (вплоть до эпоса).

Когда логически связаны между собой сюжеты или их фрагменты, то эта логическая связь не обязательно передается средствами языка, а может быть выражена в виде той же последовательности самостоятельных

предложений. Ср., например, отрывок из знаменитого гимна I, 32, в котором восхваляется основной космогонический подвиг Индры — убийство демона Вритры:

índrasya nú víryāni prá vocaṃ
yāni cakāra prathamāni vajri
āhann āhim ānv apās tatarda
prá vakṣāṇā abhinat párvatānām 1

āhann āhim párvate çicriyānām
tvāṣṭasmai vájraṃ svaryaṃ tatakṣa
vāçrā iva dhenávaḥ syāndamānā
ānjaḥ samudrām āva jagmur āpaḥ 2

1. "Индры героические деяния сейчас я хочу провозгласить: те первые, что совершил носящий дубину. Он убил дракона, он просверлил отверстия для рек, он рассек чресла гор. 2. Он убил дракона, покоившегося на горе. Тваштар ему выточил звучную дубину. Как мычание коровы (- к теленку), спеша, прямо к морю сбегает воды".

Так сообщается миф об убийстве Индрой-громовержцем дракона Вритры, который лежал, сковав течение рек, и тем самым вызывал хаос во вселенной. После того как бог Тваштар — создатель всех форм выточил Индре его дубину грома — ваджру, тот смог победить Вритру и в результате этого выпустить течь воды и пробуровать русла рек (а в более общем космогоническом плане — установить порядок во вселенной).

Характерно, что эти мифологемы в тексте гимна излагаются в виде ряда простых предложений (из сложных используются обычно с придаточным сравнения), в то время как ведийский язык располагает разными типами сложноподчиненных предложений, передающих и причинно-следственную связь, но они здесь не нужны. Такая языковая форма более всего соответствует быстрой смене сюжетов — статичных картин из области мифологии, хорошо знакомой риши и их аудитории и поэтому не нуждающейся в последовательном изложении. Это как бы конспект рассказа, допускающий пропуск причинно-следственных и иных указателей связи между мотивами.

Мифологические персонажи в "Ригведе" нередко были представлены в виде реестра признаков, которые просто перечислялись или же образовывали причинно-следственную цепь. В результате вокруг каждого божества создавалось некоторое поле, инерция определенных этикеток, которые можно было предикативизировать. Текущность и взвешенность подобной последовательности эпитетов (иногда распространенных оборотов) стирают грань между именными и предикативными конструкциями и создают немалые трудности для интерпретации текста.

Вот некоторые примеры, IX, 97, 39a: *sá vardhitá vár-dhanaḥ pṛyámānaḥ sómo* — строка, переводимая Гельднером как: "Er ist der Stärkende Stärker, der geläutete Soma"⁶, что является, по-видимому, наиболее вероятным переводом, притом что не исключен и другой: "Этот очищающийся сома — укрепляющий укрепитель". Формальных критериев, указывающих на тот элемент цепи, который является предикативом, нет⁷ (*sá* означает "он" и "этот", и определение может быть расположено дистантно по отношению к определению слову).

Другой пример с развернутыми определениями, VII, 56, 13:

*ámseṣv á maruṭaḥ khādáyo vo
vákṣassu rukmá upaçiçriyāṇāḥ,
ví vidyúto ná vrṣṭibhī ruçāṇā
ānu svadhām āyudhair yāchamānāḥ.*

"На плечах у вас, о Маруты, пряжки, на груди — прикрепленные золотые украшения, ярко сверкающие, словно молнии среди капель дождя, вместе с оружием подходящие вашей природе". Переводя этот стих, Рену справедливо ставит в конце многоточие⁸ — это перечень, который можно было бы еще продолжить, а не фраза, завершенная предикатом. Гельднер же несколько рискованно делит эту цепь развернутых определений на несколько самостоятельных предложений: "Auf euren Schultern, ihr Marut, sind Spangen, an eurer Brust ist Goldschmuck angesteckt. Sie glänzen wie Blitze im Regen, mit den Waffen ihrer Eigenart entsprechend"⁹.

На синтаксическом уровне в языке этого периода существовали как личные глагольные предикативные конструкции, так и именные. В дальнейшем развитии языка эти два типа конструкций дали начало двум разным стилям: глагольному и именному, из которых последний лег в основу огромной научной философской и комментаторской литературы на санскрите.

Формирование именного стиля в санскрите было непосредственно связано с самой историей развития древнеиндийского языка (ср. дальнейшее формирование эргативных

⁶ Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt von K.F.Geldner. Cambridge, Mass., 1951 (Harvard Oriental Series, vol.35), с.99.

⁷ Та же проблема применительно к ведийской прозе рассматривается в книге: *Glen-Eklund G. A Study of Nominal Sentences in the Oldest Upaniṣads.* Uppsala, 1978.

⁸ См.: *Renou L. Études védiques et pāṇiníennes.* T.10. P., 1962, с.47.

⁹ См. перевод Гельднера: HOS, vol.34, 1951, с.231.

конструкций в новоиндийский период). Что же касается употребления цепочек признаков божеств, определений и приложений, то здесь речь идет о намеренной игре риши с языком, о нежелании определить причинно-следственные отношения, разницу между перечнем существительных и предикативным строем (подобно тому как в глаголе в определенных контекстах засвидетельствовано стремление избежать четкой временной ориентации).

О принципе приложений в языке риши следует сказать особо. Как было отмечено Рену¹⁰, ряд определений к одному имени в языке гимнов строится скорее как ряд приложений. Это относится прежде всего к указательным местоимениям и эпитетам богов. Глагол в ведийском языке, выражающий своей флексией лицо субъекта, необходим и достаточен для того, чтобы образовать предложение, а именительный падеж при глаголе нередко трактуется не как падеж субъекта, а как приложение к отсутствующему или имеющемуся имени субъекта (в последнем случае выбор между падежом субъекта и падежом приложения не всегда ясен). На этом постоянно ведется игра в гимнах. Например, VII, 20, 2, с - d:

kārtā sudāse āha vā u lokām
dātā vāsu mūhur ā dācūṣe bhūt

"Создатель простора, он стал в один миг дарителем добра и для Судаса, и для жертвователя"; или VII, 60, 5, с - d :

imā ṛtāsya vāvṛdhur duroṇē
ṣagmāsaḥ putrā āditer ādabdhāḥ

"Они возросли в доме закона, могучие сыновья Адити, недоступные обману".

Весьма часто встречаются ряды определений-приложений к одному слову в винительном падеже. Примером может служить ряд определений к имени Агни в гимне, открывающем "Ригведу", I, 1, 1 :

agnīm īle puróhitam
yajñāsya devām ṛtvījam
hótāraṃ ratnadhātamaṃ

"Агни призываю я (как) поставленного во главе, (как) бога жертвы, жреца, (как) хотара, приносящего самые

¹⁰ См.: Рену L. Remarques générales sur la phrase védique. — Symbolae linguisticae in honorem G.Kuryłowicz. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965, с.230—234.

большие сокровища". Синтаксическое членение не задано текстом, и Гельднер справедливо поднимает в комментарии вопрос о том, образуют ли слова *pur̥bhitam* — *ṛtvījam* — *hótāram* одно понятие или нет¹¹.

Неоднозначность именной формы (при этом надо учесть, что морфологически существительное и прилагательное практически не различались), возникавшая на синтаксическом уровне при таком построении фразы, несомненно сознательно использовалась риши для создания неопределенности в отношениях между членами предложения, отражавшего своего рода инертность и текучесть содержания.

Те же черты творческого метода метода риши дают о себе знать на синтаксическом уровне в некоторых особенностях построения сложных предложений. В принципе сложное предложение в языке гимнов достаточно развито. Существуют многочисленные частицы, выступающие в функции союзов, и ряд союзов, которые служат формальными средствами выражения сочинения и подчинения предложений. Используется смысловозначительная функция ударения при построении сложных предложений. Преобладающим типом сложноподчиненных предложений являются предложения с придаточным определительным с относительным местоимением *ya-*, которому в главном соответствует какое-либо указательное местоимение. Определяющий тип связи в этих предложениях — согласование.

В гимнах нередко встречаются предложения с нарушением этого согласования, что создает некоторую неясность в отношении характера связи между главным и придаточным предложением, т.е. в конечном счете в передаче содержания. Вот некоторые примеры, VIII, 97, 1 :

*yá indra bhúja ábharah
svàrvāñ ásurebhyaḥ
stotāram ín maghavann asya vardhaya
yé ca tvé vṛktābarhiṣaḥ*

"Подкрепи этим восхвалителя, о щедрый — (теми) наслаждениями, которые ты принес от Асуров, обладая небом — и (тех), которые разостлали для тебя жертвенную солому".

Здесь нарушено согласование между относительным и указательным местоимением, а в одном случае указательное местоимение опущено. Такого же рода нарушения согласования, или анаколуфы, возможны в простом предложении, осложненном причастным оборотом, нередко близким по своей функции к придаточному предложению. Например, в I, 30, 1 :

¹¹ См. перевод Гельднера: HOS, vol.33, 1951, с.1.

á va índraṃ kríviṃ yathā ·
vājayántaḥ ṣatákratum
mámhiṣṭhaṃ síṅca índubhiḥ

"Когда для вас Индру, как рыжего (жеребца), мы подгоняем, стоумного, я поливаю самого щедрого соками сомы" (букв. "Индру подгоняющие ... я поливаю").

Следующий пример, выглядящий как сложное предложение с разорванной синтаксической связью, можно описать как сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, в котором опущены относительное местоимение и глагол (эллипсисы в ведийской поэзии составляют особую тему), VII, 97, 4 с:

kámo ráyāḥ suvīryasya táṃ dāt

"Желание богатства, состоящего из прекрасных мужей, — пусть он дает его!" (sc. — богатство).

Так же можно интерпретировать предложения типа III, 26, 5:

agniṣrívō marúto viṣvákṛṣṭaya
á tveṣám ugrám áva ímahē vayám
té svānīno rudriyā varṣāñiṛṇijaḥ
siṃhā ná heṣákratavaḥ sudānavaḥ

"Украшенные с помощью Агни Маруты, принадлежащие всем народам, — мы просим об их страшной грозной помощи — эти гремящие сыновья Рудры, одетые в дождь, (кто) словно львы, чья сила духа в реве, (они,) очень щедрые боги...".

Синтаксис сложного предложения здесь разорван, центральное место занимает перечень характерных признаков богов, в который вклинивается как вводное самостоятельное предложение просьба о помощи этих богов.

Таким образом, и здесь делается попытка снятия лингвистической определенности, выход за пределы синтаксических структур, данных языком, экспериментирование с языком, помогающее точнее передать свое видение мира.

Г.М.Бонгард-Левин, М.И.Воробьева-Десятовская

НОВЫЙ ТЕКСТ ФРАГМЕНТА
САНСКРИТСКОЙ "СУМУКХА-ДХАРАНИ"

В 1967 г. нами совместно с Э.Н.Тёмкиным в журнале "Indo-Iranian Journal" был опубликован фрагмент санскритской "Сумукха-дхарани" из коллекции Н.Ф.Петровского, шифр SI $\frac{P}{65a}$ ¹. Позднее в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР среди центральноазиатских документов авторами были отождествлены несколько новых фрагментов указанной дхарани и среди них — новый вариант опубликованного ранее фрагмента (пагинация фрагмента иная — 9, у прежнего — 6). Обнаруженный текст очень близок к опубликованному фрагменту, хотя и не идентичен ему. Находка нового варианта указывает на популярность "Сумукха-дхарани" в Центральной Азии и позволяет еще раз вернуться к анализу сакской версии, опубликованной Г.Бэйли².

¹ *Bongard-Levin G.M., Vorobyeva-Desyatovskaya M.I., Tyomkin E.N.* A Fragment of the Sanskrit Sumukhadhāraṇī. — *Indo-Iranian Journal*. Vol.X (№ 2-3), 1967, с.150—159.

² *Bailey H.W.* Khotanese Buddhist Texts. L., 1951, с.135—143 (фрагмент на с.137). Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность В.А.Лившицу за постоянную помощь в работе над сакскими текстами. Его огромная эрудиция, блестящее знание иранских языков, высочайший профессионализм палеографа позволили нам привлечь и сакский материал для сопоставления с санскритскими оригинальными текстами.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

1. yathā hṛdayaṃ³ iyaṃ sâ⁴ vajrapāṇe⁵ sumukhâ⁶ nāma dhāraṇī sarvatathāgatair⁷ bhaṣitā satvā-
2. nāmarthāya⁸ kāruṇyatayā aham api bhaṣiṣye⁹ yathā taiḥ paurvakais tathāgatair arhadbhīḥ
3. samyakṣambuddhair bhāṣit/ā/ cādhisthitā ca satyapratijñatāyā vyavasthāpitā. atha khalū bhagavato-¹⁰
4. ṛṇākośān mahāpuruṣalakṣanaiḥ¹¹ raśmi¹² pramuktā tayā¹³ sarvabuddhakṣetreṣvavabhāsa/ḥ/ pradurbhūtaḥ¹⁴ tayaiva¹⁵ ca

ПЕРЕВОД

1. yathā hṛdayaṃ. О Ваджрапани! Эта дхарани по имени Сумукха ("Великолепные врата". — *Авт.*) произнесена всеми татхагатами
2. ради /всех/ живых существ /и/ для сострадания. И я тоже скажу /ее/ таким же образом, как прежними достопочтенными татхагатами
3. всепросветленными буддами /она/ была сказана, магически создана и истинным утверждением установлена. Затем
4. из пучка волос /между бровями/ Бхагавана — признака великой личности — появился луч /света/ и его блеск достиг всех обителей будд, и именно от этого.

³ Конец дхарани.

⁴ В санскритском тексте SI $\frac{P}{65a}$ sâ отсутствует.

⁵ Voc.Sg.; в SI $\frac{P}{65a}$ — Nom.Sg. Тибетский и сакский переводы соответствуют первому варианту.

⁶ Очевидно, описка. В SI $\frac{P}{65a}$ — sumukha.

⁷ В SI $\frac{P}{65a}$ sarva отсутствует, а вместо Instr.Pl. — Instr.Sg. (tathāgatena).

⁸ В SI $\frac{P}{65a}$ — sarvasatvānānarthāya.

⁹ В SI $\frac{P}{65a}$ — bhāṣiṣyāmi.

¹⁰ В SI $\frac{P}{65a}$ — bhagavāto°.

¹¹ В SI $\frac{P}{65a}$ — mahāpuruṣalakṣaṇā; очевидно, в нашем фрагменте описка; регулярная форма — °lakṣaṇād.

¹² Должно быть с висаргой, но в буддийском санскрите возможно и без нее.

¹³ В буддийском санскрите — raśmi — fem., поэтому — tayā (Instr.Sg., fem.).

¹⁴ В SI $\frac{P}{65a}$ — pradūrbhūt°.

¹⁵ В SI $\frac{P}{65a}$ — taya.

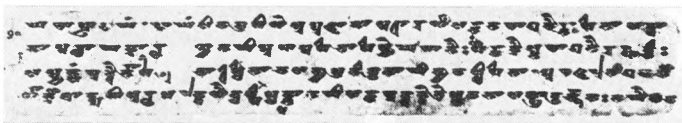

Рис.1. Новый фрагмент санскритской "Сумукха-дхарани"

Сакский текст в сопоставлении с санскритским

Санскритский	Сакский
1. yathā hr̥dayaṃ. iyaṃ sā vajrapaṇe sumukhā nāma dhāraṇī sarvatathāga- tair bhaṣitā satvā-	(904)yathā hyadayaṃ // (905) ṣā' mī ṣā' vajrrapāṇa su- makha nāma dāraṇā maṃdrā- nā pata cu paḍāṃjsyau avamāyyau gyastyau ba'y- syau jsa hvata. biṣṣṇu sarva- sa (906)tvānu
2. nāmarthāya kāruṇyatayā aham api bhaṣiṣye yathā taiḥ paurvakais tathāgatair arhadbhiḥ	mu'śdi' pracaina aysī va- nā pātca' hvānīmā. khu ra tvā dārñā (907) pa- ḍāṃjsya gyasta ba'ysa
3. samyaksambuddhair bhāṣi- t/ā/ cādhiṣṭhitā ca satyapratijñatāyā vyava- sthāpitā. atha khalu bhagavato-	āṣa'ṇa-vajsama vyacha / sarvadharmā hvāṃḍā īde u khvī baṣṭyāṃḍa īde. u khvī hīṭhi prattiṇa va- ra vistāṃḍā ide (908) ttī mī tṭya bāḍā sakyamṇā gyastāṇā gyastā ba'ysā

4. rṇakośān mahāpuruṣalakṣa- ṇaid	urñi jsa vā haṃdarna (909) ttina mahapuruṣa-lakṣaṇā huda-huṇā
raśmi pramuktā tayā	vasve pattavaṃci ba'ya (910) paśāve ṣā'mī
sarvabuddhakṣetreṣv-	biśe ysamaśaṃdai vīrā harbiśvā buddha kṣetruā
avabhāsa/h/ pradurbhū- taḥ tayaiva ca	bā'yāñā (911) hīvyā har- rūñāma cira himya ttyau

ПЕРЕВОД САКСКОГО ТЕКСТА

yathā hyadayaṃ // . И вот эта, о Ваджрапана, дхарани по имени "Сумакха" — /собрание/ магических заклинаний, — которая была произнесена прежними бесчисленными божественными буддами. Из сострадания ко всем живым существам я теперь снова /ее/ произнесу подобно тому, как эту дхарани прежние божественные будды, достойные почитания /архаты/, постигшие все дхармы, изрекли, магически воспроизвели и с истинным утверждением установили. И тогда, в это время, бог из богов Будда Шакьямуни из пучка волос /между бровями/ или из какого-либо другого признака великой личности испустил чистый сияющий свет, и от /света/ этих лучей на всей земле, во всех областях Будды возникло собственное сияние. И от этих...

АФАНАСИЙ НИКИТИН В ИНДИИ

Вспоминая во время своих странствий по заморским странам о далекой родине, Афанасий Никитин пишет, что нет на свете страны лучше Русской земли. В Индии же все дорого, так что, как с явным сожалением замечает наш соотечественник, ему даже не пришлось пить вина и сыты (л.387, стк.2-3)¹. О том, какое вино есть в Индии, Афанасий Никитин упоминает при описании своей первой зимы на чужбине: "... вино же у нихъ чинять в великих орехех. кози гундустаньскаа. а брагу чинят в татну..." (л.373, стк.8-10). Это наблюдение, которое И.И.Срезневский считает самым важным из заметок Никитина "о произведениях царства расительного" (Срезневский, 1857, с.68), переводят и толкуют по-разному. Ниже предлагается его новое понимание.

После убедительного разъяснения Ю.Н.Завадовского, что "*кози гундустаньскаа*" — это орехи кокосовой пальмы (Завадовский, 1954, с.141)², принятым стал такой перевод первой части рассматриваемого пассажа: "... вино же у них приготавлиют в больших орехах кокосовой пальмы..." (Н.С.Чаев /Хожение, 1958, с.74/), "... в больших кокосовых индийских орехах..." (Прокофьев, 1980, с.91). В подтверждение такого понимания Ю.Н.Завадовский приводит свидетельство Н.Н.Миклухо-Маклая об употреблении скор-

¹ Здесь и далее без оговорок даются ссылки на листы Троицкого списка "Хожения", которое издано факсимиле (Прокофьев, 1980, с.127 и сл.); тексты трех списков, подготовленные Я.С.Лурье, напечатаны в издании в серии "Литературные памятники" (Хожение, 1958, с.9-67).

² Перс. *gouz-i hindī* (или в арабизированной форме *ǰouz-i hindī*) 'кокосовая пальма', букв. 'индийский орех' — обычное у средневековых европейских авторов (Марко Поло и др.) название кокосовой пальмы (Hobson-Jobson, s.v. *coco*). Др.-иран. *(a)gauza- > перс. *gouz* 'орех', как указал В.А.Лившиц, можно связать с корнем *gauz-* 'скрывать', 'прятать', ср. авест. *gaoz-*, др.-перс. *gaud-*, др.-инд. *gu-hatī* 'прячет'. Сюда же (через восточноиранское посредство) тадж., перс. *ūza* 'коробочка (хлопчатника, мака)', видимо, из согдийского (Стеблин-Каменский, 1982, с.110; 1984, с.15).

лупы кокосовых орехов в качестве посуды на Новой Гвинее (Завадовский, 1954, с.141; Сандыбаева, 1981а, с.54).

Неясный оборот "... брагу чинят в татну..." во второй части тоже может толковаться "... в какой-то сосуд..." (Прокофьев, 1980, с.186, примеч.38), и есть попытка связать слово "*татн(а)*" с тюркским (азерб.) "тәһна" 'корыто', 'жбан' (Сандыбаева, 1980, с.96; 1981б, с.8), хотя уже И.П.Минаев сопоставил "*татн(а)*" с известным англо-индийским словом *toddy* — названием опьяняющего напитка из пальмиры (винной пальмы) (Минаев, 1881, с.142). Таким образом, в обеих частях этого пассажа видят параллелизм: вино делают в скорлупе кокосовых орехов, а брагу — в корыте.

В стихотворном переложении проф. Н.Водовозова отрывок звучит следующим образом:

А вино здесь повсюду дешевое
Продается в орехах кокосовых.
Те орехи великие: с голову.
Да и брагу простую здесь делают
И в сосудах хранят ее пальмовых (Хождение, 1950, с.85).

Действительно, обе конструкции явно строятся параллельно, но почему они должны указывать на посуду, в которой приготавливают или наливают вино и брагу? С какой стати такой вдумчивый путешественник, как Афанасий Никитин, обратил бы внимание на то, во что наливают вино и брагу? Его интересует суть вещей, он пишет о том, из чего делают вино, а не о том, из чего его пьют.

Сочетание "*кози гундустаньская*" нужно понимать как глоссу к "великим орехам", названию кокосовой пальмы, известному и по другим древнерусским текстам, например по переводам с греческого "Христианской топографии" Космы Индикоплова (Шербакова, 1979, с.25). Значение 'кокосовые орехи' для "*кози гундустаньская*" давал и И.И.Срезневский (Срезневский, 1893, с.1246), но Афанасий Никитин имеет в виду, конечно, не орехи — плоды кокосовой пальмы в качестве сосудов для вина, а все дерево, которое он называет большим индийским орехом. Вино же приготавливают из сока соцветий кокосовой пальмы (*Cocos nucifera* L.), сочащегося наподобие пасоки сахаросных видов клена или березы³. Этот сок, по словам Абу Рейхана Беруни, остает-

³ "...молодые соцветия до их распускания подрезают; из надреза все время сочится жидкость, стекающая по капле в подставленный сосуд. Это ферментированные запасные питательные вещества, мобилизуемые растением на процессы цветения и плодообразования. Сок содержит в среднем 14,6% сахара; его либо выпаривают и получают кристаллизованный коричневый пальмовый сахар, либо подвергают брожению и получают вино, либо перегоняют в водку..." (Жуковский, 1971, с.377). О вине из молодых соцветий кокосовой пальмы писал Альфонс де Кандолль (de Candolle, 1883, с.345).

ся сладким полднем, потом превращается в вино, а затем скисает (Беруни, 1974, с.838). Один европейский путешественник начала XVI в. сообщил, что если у нас в Европе хлеб, вино, масло и уксус получают из разных источников, то в Индии все это дает кокосовая пальма (Hobson-Jobson, с.229а).

О том, что под брагой, которую "*чинят в татну*", подразумевается другой вид пальмового вина, предполагал еще И.И.Срезневский (Срезневский, 1857, с.68, 87)⁴, а позднее известный индолог И.П.Минаев, как уже говорилось выше, подтвердил эту идентификацию (Минаев, 1881, с.142)⁵. "*Татн(а)*" — это то же, что англ. toddy — англо-индийское слово, давно усвоенное английским языком и встречающееся уже в стихах Роберта Бёрнса в значении 'пунш' ('тодди') (Hobson-Jobson, s.v.). Афанасий Никитин под "*татн(а)*" имеет в виду так называемую тодди-пальму, винную пальму, или пальмиру (*Caryota urens* L. или *Borassus flabelliformis* Murr.). перебродивший сок женских соцветий этой пальмы приятен на вкус и опьяняет⁶, в прошлом это был основной алкогольный напиток Южной Индии (Бэшем, 1977, с.231)⁷. Пересматривать первоначальное объяснение слова "*татн(а)*" нет необходимости, можно только более основательно подтвердить его реалиями.

Таким образом, весь пассаж ("*вино же у них чинят в великих орбсах кози гундустаньскаа, а брагу чинят в татну*") нужно переводить не "вино у них готовят в больших орехах кокосовой пальмы, а брагу — в татне (жбане, корыте?)", но: "Вино у них делают из кокосовой пальмы ([называемой]

⁴ В его "Материалах для словаря древнерусского языка", изданных посмертно, слово "*татньо*" приводится без перевода со знаком вопроса (Срезневский, 1903, с.928).

⁵ По словам И.П.Минаева, "тодди" очень нравился европейцам, "...особенно же британским солдатам, о которых, впрочем, существует мнение, что нет того крепкого напитка, которым они погнушались бы напитоком допыана. Рассказывают об одном англичанине, которому тодди так нравилось, что он скромно пожелал вместо жалованья получать ежедневно по бутылке этого приятного напитка..." (Минаев, 1881, с.142).

⁶ "...свежий сок [винной пальмы] мало сладкий и довольно безвкусный, после уваривания и кристаллизации он дает хороший пальмовый сахар; если его не выпаривать, то после 6-8 часов стояния вследствие ферментизации он превращается в чудесный слегка опьяняющий напиток..." (Жуковский, 1971, с.291).

⁷ Англ. toddy 'тодди' из хиндустани *tārī*, *tādī*, санскритское *tāla-*, *tāli-* 'винная пальма' к др.-инд. **tāda-*, слову, видимо, дравидского происхождения (Mayrhofer, 1953, с.498; Burrow — Emeneau, №2599); отражения его есть и в цыганском: *taro*, *tari* 'ром', 'бренди' (Turner, №5750). Заслуживает внимания передача Афанасием Никитиным церебрального согласного сочетанием "*тн*" + /*ɾ*/, /*ɖ*/(?).

индийским орехом), а брагу делают из пальмиры (винной пальмы)". Примеры аналогичной конструкции с предлогом "в" при указании на материал, из которого изготавливается что-либо, есть в древнерусских памятниках: "... бози ... суть дѣлани руками в деревѣ..." (Лаврентьевская летопись, XIV в.), "... злѣб истеченъ в мукѣ пшенишном..." (Травник, XVII в.)⁸.

Пальмовое вино "тодди" — не единственный ориентализм "Хожения", известный и по колониальной англо-индийской или индо-португальской лексике. К сожалению, издатели и комментаторы "Хожения" к собраниям такой лексики обрашались мало. Так, И.П.Петрушевский сближает употребляемое Афанасием Никитиным слово "тава" в значении 'корабль', 'судно' с персидским и тюркскими обозначениями сковороды (перс. tāba и проч. /Хожение, 1958, с.203, примеч.50/⁹ Между тем слово "тава", встречающееся в русской литературе только в "Хожении", было давно усвоено европейцами (сначала, очевидно, португальцами, а затем англичанами). Оно вошло в английский язык как dhow /dau/ — однозначное судно с латинским (треугольным) парусом, с древнейших времен до наших дней¹⁰ бороздящее воды Персидского залива, Аравийского и Красного морей. Это слово объясняется в словаре англо-индийского арго Г.Юля и А.Бёрнелла, где приводятся среди прочих и цитаты из "Хожения" в английском переводе, поскольку Афанасий Никитин первым из европейцев упоминает о таких судах (Hobson-Jobson, с.315а). Слово это, по-видимому, индийского происхождения, как предполагал И.П.Минаев (Минаев, 1881, с.13); статьи об этом слове есть в этимологических словарях разных европейских языков, в словаре восточных заимствований в европейских языках К.Локоча (Lokotsch, 1927, № 504). Об этимологии этого слова писал Т.А.Шумовский (Шумовский, 1965, с.479).

⁸ Примеры из "Словаря русского языка XI-XVII вв." (Вып.2. М., 1975, с.86). Эта конструкция сохранилась и в современном языке: высекать в камне, вырезать в дереве, писать в цвете и т.п. На такое употребление предлога в (въ) обращал внимание А.А.Потебня: "Соломонъ почаль въ (= из) деревцѣ въсочки дѣлать"... "Во лѣвѣ его [Святослава] сдѣлаша чашю, оковавшие лѣвь его, и пятаху изъ него"... (Потебня, 1941, с.281).

⁹ Необоснованно привлечение сюда же итал. tavolone 'обшивка палубы', которое значит просто 'толстая доска' и образовано от tavolo 'доска', 'стол' (лат. tabula). Перс. tāba 'сковорода' может восходить к др.-иран. *tāraка- от корня tar- 'топить', 'греть'. Слово это проникло кроме тюркских также в кавказские, угро-финские и другие языки (Абаев, 1979, с.244, 287).

¹⁰ "Морские суда, называемые даба, строят и сейчас, причем так же, без железных гвоздей..." (Семенов, 1980, с.67).

Ориентализмы в "Хожении" Афанасия Никитина нуждаются в специальном исследовании, основанном на всех вариантах, зафиксированных в списках, так как критического текста этого памятника пока нет (Добродомов, 1981). Предстоит еще исследовать тюркские фразы "Хожения"; диалектная принадлежность этих фраз к поволжско-татарскому и чагайтскому в смеси с хорезмийскими формами декларируется (Хожение, 1958, с.251), но не доказана (ср.: Трубецкой, 1983, с.459). Возможно, это был какой-то жаргон купцов и торговцев, для которого более уместным кажется термин не "волапюк" (И.П.Петрушевский), а "тюркский пиджин" (так как это был именно язык торговли, "бизнеса" — подобно "пиджин-инглиш").

Арабского языка Афанасий Никитин не знал, но тем не менее молитва, которой заканчивается и Троицкий, и Эттеров списки "Хожения", это, как будет показано ниже, совсем не искаженный и малоосмысленный набор слов на "смешанном персидско-арабско-тюркском языке" (Хожение, 1958, с.97) или на "макароническом восточном", как пишут исследователи. После перевода этой молитвы, опубликованного А.К.Казембеком в 1853 г. в комментариях к "Полному собранию русских летописей", все переводчики и комментаторы "Хожения" повторяли этот перевод с незначительными изменениями, сохраняя даже пунктуацию (произвольную и не оправданную по смыслу). Перевод же этот (см. Срезневский, 1857, с.80, примеч.186; Хожение, 1958, с.90; Прокофьев, 1980, с.124-125) не точен, не удачен и просто устарел. Вместо "...он бог, которому нет другого подобного...", нужно — "...он Бог, кроме которого нет божества..." (см. ниже).

Посмотрим же, чем заканчивает Афанасий Никитин свое повествование. Действительно ли эти слова, в которых видят последнее молитвенное обращение, последний вздох умирающего русского путешественника и писателя, — просто "иноязычная запись, довольно бессвязная" (Прокофьев, 1980, с.22) или нет?

Что же представляет собой эта (используем удачное определение Н.С.Трубецкого, посвятившего "Хожению" отдельную работу /Трубецкой, 1983, с.454/) последняя "волна интимно-религиозных переживаний"?

В нижеследующей таблице дается отождествление заключительных слов "предсмертной" молитвы Афанасия Никитина (по двум спискам, в которых она зафиксирована) с арабскими словами и перевод с арабского на русский. Арабские слова приводятся в общепринятой транскрипции русскими буквами согласно произношению в классическом языке (т.е. так, как они и сейчас должны читаться верующими).

Троицкий список (л.392 об., стк.17-26)	Эттеров список (Хождение, 1958, с.50)	Арабский	Перевод
альмелику	-	ал-малику	Владыка
алакудосу	-	ал-қуддусу	Пресвятой
асалому	-	ас-саламу	Благополучие
альмумину	-	ал-му'мину	Верный
альмугамину	=/имину*	ал-мухаймину	Охранитель
альазизу	альазизу	ал-'азйзу	Могучий
альчебару	алчебару	ал-джабббару	Грозный
альмутаканъбиру	альмутаканъ биру	ал-мутакаббину	Превознесенный
альхалику	алхалику	ал-халику	Творец
альбар'юу	альбарьюу	ал-б'ари'у	Создатель
альмусавиру	альмусавиру	ал-мусавиру	Образователь
алькафару	алькафару	ал-гаффару	Прощающий
алькахару	алькалхару (алькахару)**	ал-қаххару	Всемогущий
альвахаду	аньвазаху (аньвахазу)	ал-ваххабу	Дарящий
альрязаку	альрязаку	ар-раззаку	Питающий
альфатагу	альфатагу (альфатаху)	ал-фаттаху	Победоносный
альал'иму	альалиму	ал-'алиму	Знающий
алькаб'изу	алькабизу	ал-қабиду***	Сдерживающий
альбасуту	альбасуту	ал-б'аситу	Прстирающий
альхафизу	альхафизу	ал-хафиду	Смиряющий****
альррафию	альрравию (альрравию)	ар-рафи у	Возвышающий
альмави'фу	альмавизу	ал-му'иззу	Возвеличивающий
альмузлию	алмузлию	ал-музиллу	Унижающий
альсем'ию	альсемлию	ас-самй'у	Слышащий
альвасиру	альбасиру	ал-басиру	Видящий
альакаму	альакаму	ал-хакаму	Судящий
альадьюлю	альадьюлю	ал-'адлу	Справедливый
альлятуфу	аллятуфу	ал-латифу	Добрый

Примечания к таблице:

* В Эттеровом списке, видимо, пропущена строка, так как начальные слова молитвы в обоих списках совпадают (см. ниже).

** Здесь и далее в скобках разночтения по Архивскому списку, приводимые Я.С.Лурье (Хождение, 1958, с.185).

*** Передача Афанасием Никитиным арабского *ḥād'* а через русское "з" указывает на то, что эти арабские слова он усвоил не от арабов, которых, как известно, даже именуют "люди *dād'a*" ('ахлу-д-дāди) или "говорящие с *dād'om*" (*nāṭiḡu bi-d-dādi*), т.е. 'говорящий на чистом арабском языке'.

**** А.К.Казембеком было ошибочно принято за араб. ал-хафизу 'хранящий', 'помнящий наизусть' и переведено "все сохраняющий" (см. Срезневский, 1857, с.80, примеч.186; Хождение, 1958, с.90; Прокофьев, 1980, с.125; Хождение, 1950, с.182; Памятники, 1982, с.477).

Из таблицы видно, что Афанасий Никитин приводит в последних строках своего "Хожения" эпитеты или так называемые "имена Аллаха" (араб. ал-асма' ал-хусна́ — букв. "прекрасные имена"), которых всего насчитывается девяносто девять¹¹. Афанасий Никитин называет принятые мусульманами имена Бога без единой ошибки по порядку с четвертого по тридцать первое и достаточно точно, так, что их идентификация не вызывает сомнений. Начинает же он этот список не с первого (т.е. с самого Аллаха и с его второго и третьего имен — ар-рахмāну 'Милостивый', ар-рахīму 'Милосердный') потому, что всему списку предшествуют 22–23-й стихи 59-й суры Корана (*ал-хашр* 'Собрание'). В этой суре упоминаются первые четырнадцать имен Аллаха и говорится, что "у Него самые красивые имена" (Коран 59.24). Ниже следуют тексты по Троицкому и Эттеровому спискам, коранические стихи в транскрипции и перевод.

Троицкий список (л.392об., стк.14–17): ...¹² хувомугулези ляляга ильлягуя алимул гяйби вашагадити хуарама-ну рагиму хувомугу лези ляляга ильляхуя ... (далее по вышеприведенной таблице).

Эттеров список (Хожение, 1958, с.50): [бисмилна гирахамм прагым] хувомугулези ляляса¹³ ильлягуя алимуль гяйби вашагадити хуарахаману рагиму хубомогулязи ля ильга (далее пропуск строки, см. выше примеч. к табл.).

Коран 59: 22.хува-л-лāху-л-лазй лā илāха иллā хува 'āлиму-л-гайби ва-ш-шахāдати хува-р-раҳиāну-р-раҳīму; 23. хува-л-лāху-л-лазй¹⁴ лā илāха иллā хува [ал-малику-(а)л-қуддūсу-(а)с-салāму и т.д. по таблице до 11-го имени; в следующем стихе упоминаются еще три имени Аллаха].

Перевод: Он Бог, кроме которого нет божества, он знает тайное и явное, он милостивый и милосердный. Он Бог, кроме которого нет божества: [Владыка, Пресвятой, Благополучие, Верный, ...].

В русском переводе заключительных строк "Хожения" нельзя объединять отдельные имена друг с другом и строить

¹¹ Полный по порядку список "имен Аллаха" в транслитерации и с комментариями есть в статье Л.Гарде (*Gardet L. al-asmā' al-ḥusnā*), во втором издании международного справочника "Энциклопедия ислама", выходящего на английском, французском и немецком языках (*The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol.1. Leiden — London, 1960*). Список имен Аллаха, по Дж.Брауну, приводит П.Позднев (Позднев, 1886, с.178–183).

¹² Выше до слов "бисмилна гирахамм прагым" (араб. б-исми-л-лāхи-р-раҳиāни-р-раҳīм 'во имя Аллаха, милостивого, милосердного') возносится хвала Богу на персидском и арабском.

¹³ (ляляса) в Архивском списке.

¹⁴ Соответствие никитинского "хувомугулези" арабскому "хува-л-лāху-л-лазй" может объясняться ошибкой: "м" вместо двух "л" (лл).

из них назывные предложения. Имена эти нужно дать списком вслед за кораническими стихами.

Этот примечательный факт, что Афанасий Никитин дословно цитирует стихи Корана и безошибочно знает порядок имен Аллаха, должен учитываться при характеристике личности автора и его мировоззрения, в рассуждениях о способе ведения им путевых заметок.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, 1979. — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.3. Л., 1979.
- Веруни, 1974. — *Веруни Абу Райхан.* Избранные произведения. Т.4: Фармакогнозия в медицине. Исследование, перевод, примечания и указатели У.И.Каримова. Таш., 1974.
- Бэшем, 1977. — *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. Пер. с англ. под ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1977.
- Добродомов, 1981. — *Добродомов И.Г.* Проблемы текста "Хождения за три моря" Афанасия Никитина. — Бартольдские чтения. 1981 (Год пятый. Тезисы докладов и сообщений). М., 1981, с.37.
- Жуковский, 1971. — *Жуковский П.М.* Культурные растения и их сородичи. Систематика, география, цитогенетика, иммунитет, экология, происхождение, использование. Изд. 3-е, перераб. и доп. Л., 1971.
- Завадовский, 1954. — *Завадовский Ю.Н.* К вопросу о восточных словах в "Хождении за три моря" Афанасия Никитина (1466—1472 гг.). — Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР. Вып.3. Таш., 1954, с.139—145.
- Минаев, 1881. — *Минаев И.* Старая Индия. Заметки на "Хождение за три моря" Афанасия Никитина. СПб., 1881.
- Памятники, 1982. — *Памятники литературы Древней Руси.* Вторая половина XV века. М., 1982.
- Позднев, 1886. — *Позднев П.* Дервиши в мусульманском мире. Оренбург, 1886.
- Потебня, 1941. — *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М.—Л., 1941.
- Прокофьев, 1980. — *Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472).* Предисловие, подготовка текста, перевод и комментарий Н.И.Прокофьева. М., "Советская Россия", 1980.
- Сандыбаева, 1980. — *Сандыбаева Н.А.* О некоторых словах из восточных языков в "Хождении за три моря" Афанасия Никитина. — Проблемы филологических исследований (Информационные материалы IX научно-методической сессии по филологическим наукам). Изд-во ЛГУ. Л., 1980, с.95—96.
- Сандыбаева, 1981а. — *Сандыбаева Н.А.* Историографический обзор исследований, посвященных проблеме восточных слов в "Хождении за три моря" Афанасия Никитина. — Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филологическая. 1981, № 1, с.51—55.
- Сандыбаева, 1981б. — *Сандыбаева Н.А.* Лексика восточного происхождения в "Хождении за три моря" Афанасия Никитина. Автореф. канд. дис. Л., 1981.

- Семенов, 1980. — *Семенов Л.С.* Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980.
- Срезневский, 1857. — *Срезневский И.И.* Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. СПб., 1857.
- Срезневский, 1893. — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т.1. СПб., 1893.
- Срезневский, 1903. — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т.3. СПб., 1903.
- Стеблин-Каменский, 1982. — *Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982.
- Стеблин-Каменский, 1984. — *Стеблин-Каменский И.М.* Земледельческая лексика памирских языков в сравнительно-историческом освещении. Автореф. докт. дис. М., 1984.
- Трубецкой, 1983. — *Трубецкой Н.С.* "Хождение за три моря" Афанасия Никитина как литературный памятник. — Семиотика. М., 1983, с.437—461.
- Хождение, 1950. — *Афанасий Никитин.* Хождение за три моря. Гослитиздат. 1950.
- Хождение, 1958. — Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472 гг.). 2-е изд., доп. и перераб. М.—Л., 1958.
- Шумовский, 1965. — *Шумовский Т.А.* Кто такой Дабавкара? (К истории арабско-индийских морских связей). — Семитские языки. Вып.2. Ч.2 (Материалы Первой конференции по семитским языкам. 26—28 окт. 1964 г.). Изд. 2-е. М., 1965, с.477—480.
- Щербакова, 1979. — *Щербакова А.А.* История ботаники в России до 60-х гг. XIX в. (до дарвиновского периода). Новосибирск, 1979.
- Burrow — Emeneau. — *Burrow T., Emeneau M.B.* A Dravidian Etymological Dictionary. — Oxf., 1961 (1966).
- de Candolle, 1883. — *de Candolle Alphonse.* Origine des plantes cultivées. 2-ème ed. P., 1883.
- Hobson-Jobson. — *Hobson-Jobson.* A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases... by *H.Yule* and *A.C.Burnell.* New ed. L., 1903 (Reprinted: L., 1968).
- Lokotsch, 1927. — *Lokotsch K.* Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.
- Mayrhofer, 1953. — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd.1. Heidelberg, 1953.
- Turner. — *Turner R.L.* A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages. L., 1966 (1973).

О НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДОИРАНЦЕВ

Среди наиболее важных, но наиболее дискуссионных проблем истории Старого Света остается проблема происхождения индоевропейских и, в частности, индоиранских народов. За последние два столетия прародину последних локализовали то в Индии, то в Средней Азии, то на Памире, то в арктической зоне, то на Дунае, то в Северном Причерноморье, то в Иране и Передней Азии. Критический анализ выдвигаемых гипотез, данный в работах Э.А. Грантовского (1970, с. 7–32) и Б.Г. Гафурова (1972, с. 33–43), избавляет от необходимости подробно характеризовать точки зрения различных авторов¹. И в настоящее время как в лингвистике, так и в археологии существуют два альтернативных и взаимоисключающих определения центра расселения индоиранцев.

В начале XX в. среди лингвистов в европейской науке наибольшее признание получила гипотеза о локализации индоевропейской прародины в Европе и последующем отделении индоиранцев в конце III — начале II тыс. до н.э. и уходе части из них с прародины через евразийские степи на юг в Индию и Иран². Этой точки зрения придерживались В.Гейгер (1882), О.Шрадер (1883, 1935), Эд.Мейер (1908), В.В.Бартольд (1922), Э.Бенвенист (1934), В.Пизани (1933), Г.Камерон (1936), А.Мейе (1938), А.Кристенсен

¹

Библиографию перечисляемых ниже на с. 169, 170 работ см.: Э.А. Грантовский (1970); Б.Г. Гафуров (1972).

²

При этом некоторыми авторами предполагается, что часть иранцев — предки скифов и, вероятно, киммерийцев — остались на месте, в Европе. Другие исследователи допускают возврат скифов в Европу из Казхстана в I тыс. до н.э.

Расходятся мнения исследователей и о путях переселения индоиранцев с южнорусской прародины или через Среднюю Азию (И.М. Дьяконов и большинство других исследователей), или через Кавказ (П.Кречмер, Э.А. Грантовский, К.Йетмар, В.Бранденштейн, Р.Гиршман).

(1943), Э.Герцфельд (1947), а в настоящее время — такие специалисты по индоевропейским и индоиранским языкам, как Т.Барроу (1955, 1973, с.123—140; 1976, с.9—36), Х.Бейли (1955; 1957), В.Георгиев (1958, с.245), Р.Хаушильд (1962), В.Бранденштейн (1964), В.Порциг (1964, с.97, 228, 238), М.Майрхофер (1966, 1974), Р.Фрай (1972, с.29—33), Г.Моргенштерне (1973), М.Бойс (1975), Я.Харматта (1981, с.75—82).

Среди советских ученых ее отстаивают В.В.Струве (1955, с.591), И.М.Дьяконов (1956, с.124, 125, 149—151; 1958, с.23, 24, 29; 1960, с.199; 1981, с.90—100; 1982), И.Алиев (1960, с.108—111), М.М.Дьяконов (1961, с.40—42, 64), И.М.Оранский (1963, с.20—35; 1979, с.51, 61—65), В.И.Абаев (1965, с.4, 118—140; 1972, с.26—37; 1981, с.84—88), Г.М.Бонгард-Левин (1969, с.121—131), Э.А.Грантовский (1970, с.358—360), Г.М.Бонгард-Левин, Э.А.Грантовский (1983, с.154—202), Т.Я.Елизаренкова (1972, с.4—8), Б.Г.Гафуров (1972, с.28, 33—43), М.А.Дандамаев (1980, с.39—43) и до недавнего времени В.В.Иванов и В.Н.Топоров (1960, с.10—22; В.В.Иванов, 1963, с.11—18). При этом В.Георгиев (1958, с.280—282) высказывал мысль, что древнейшими индоиранцами могли быть носители культуры могил "красной охры", т.е. ямной. И.М.Дьяконов (1961) помещал индоиранскую прародину в Юго-Восточной Европе, к востоку от трипольской культуры. Э.А.Грантовский (1960, с.351—357) считал, что "эпоха ямной культуры может соответствовать общеарийскому периоду", М.М.Дьяконов (1961, с.40—42, 64) и Э.А.Грантовский (1970, с.359—360) непосредственно связывают культуру иранцев или индоиранцев со срубной и андроновской культурными общностями, а И.М.Дьяконов (1956, с.124; 1960, с.199), В.Бранденштейн (1964, с.3), Т.Барроу (1973, с.126), М.Бойс (1975) — только с андроновской.

Выводы этих лингвистов принимает большинство археологов, изучающих культуру евразийских степей и Средней Азии II тыс. до н.э.: С.П.Толстов (1948, с.68; 1962, с.59), А.Н.Бернштам (1957, с.18—19), С.С.Черников (1957; 1960, с.112), К.Ф.Смирнов (1957б, с.8—14; 1964; он же и Е.Е.Кузьмина, 1977), В.М.Массон (1959, с.116, 117), М.А.Итина (1977, с.232—236), Н.Я.Мерперт (1966а, с.149—160; 1974, с.14), Б.А.Литвинский (1962, с.291—295; 1963, с.127—133; 1964; 1967, с.122—126; 1981, с.160—162), Е.Е.Кузьмина (1972а,б; 1974; 1981а), А.М.Мандельштам (1966, с.258; 1968, гл.V, VI), К.А.Акишев (1973), В.Ф.Геминг (1977), А.Д.Пряхин (1977, с.134—137), М.Н.Погребова (1977, с.133—140, 170); Н.Л.Членова (1980, с.66—67; 1983), С.С.Березанская (1982, с.206—209) и др.

По их мнению, археологический материал культур бронзового века евразийских степей и Средней Азии не противоречит этой гипотезе лингвистов и подтверждается устанавливаемой археологически прямой генетической связью

ираноязычных скифов, савроматов и саков с носителями преществующих срубной и андроновской культур³.

Однако специалистами по археологии Ирана была выдвинута другая гипотеза, согласно которой прародина индоиранцев находилась на территории Ирана. Носителями индоиранской речи этими исследователями признаются создатели серо-черной керамики последней четверти II тыс. до н.э., причем предполагается ее возникновение в Восточном Иране и Средней Азии и непрерывное развитие единой керамической традиции по крайней мере с III тыс. до н.э. (Гиссар III, Шах-тепе), что и рассматривается как главный аргумент в пользу тезы об иранской прародине мидийцев и персов и их миграции с востока на запад. Вопрос же о происхождении другой группы иранцев: саков, савроматов и скифов в степях, бактрийцев, согдийцев и пр. в Средней Азии — вообще не ставится. Эту гипотезу разделяют Л.Ванден-Берге (1964, с.37), К.Янг (1965, с.72), Р.Дайсон, Ж.Дее (1969)⁴.

Связь индоиранцев с носителями серо-черной керамики уже неоднократно подвергалась серьезному критическому анализу А.М.Мандельштамом (1964, с.192—194), Е.Е.Кузьминой (1975, с.65), В.Г.Луконым (1977, с.13—15, 18), С.Клезье (1982) и особенно И.Н.Медведской (1977, с.169—175; 1978, с.7—9, 14—18) и Э.А.Грантовским (1981, с.245—272), показавшими, что, во-первых, развитие серой керамики не было непрерывным, а во-вторых, серая керамика отнюдь не идентична в разных локальных вариантах и встречается в различных археологических контекстах; главное же, серая керамика господствует в тех областях Ирана, где, по данным письменных источников, в конце II тыс. до н.э. обитало заведомо неираноязычное население — хурриты, урарты, касситы, кутии, луллубеи, эламиты. Таким образом, вопрос о непосредственной связи серой керамики с индоиранским этносом остается крайне спорным.

Своеобразную позицию занял Р.Гиршман в 1977 г. Прародину индоариев и иранцев он помещает в Юго-Восточной Европе по соседству с ареалами других индоевропейских народов, но предполагает очень ранний распад индоиранской общности в IV тыс. до н.э. и миграцию индоариев в Месопотамию и Иран. Приход же с прародины другой волны — иранцев — он относит лишь к рубежу II—I тыс. до н.э.,

³ В установлении преемственности савроматской и сакской культур с культурами бронзового века особенно важные результаты получены К.Ф.Смирновым (19576; 1964), К.А.Акишевым (1973) и Б.А.Литвинским (1972).

⁴ К ней присоединяется К.Йеттмар (1956, с.327—342), первоначально считавший андроновцев индоиранцами, но позже вслед за В.Н.Черновым признавший их финно-уграми.

связывая с иранцами такие различные по культуре комплексы, как Сялал А и В, Яз I и памятники архаического Дахистана⁵.

Крайнюю позицию в споре занимает И.Н.Хлопин (1970а, с.94–112; 1970б, с.57–58; 1970в, с.88–99). Не рассматривая вопроса об индоевропейской прародине и возможном с точки зрения индоевропейистики времени выделения индоиранцев и распада их общности, он постулирует земледельческий характер их хозяйства, допускает существование индоиранцев в Иране и на юге Средней Азии уже с IV тыс. до н.э. и, более того, считает возможным связать генезис андроновской культуры с анауской культурой, видя в андроновцах изгнанных из земледельческих коллективов "изгоев", вынужденных переселиться в неплодородные пустынные области на севере, где им пришлось перейти к преимущественно скотоводческому хозяйству (1970г, с.95), навязав аборигенам-охотникам навыки земледелия, скотоводства, гончарства и металлургии и иранский язык, который они в дальнейшем разнесли с юга на север по степи (1970в, с.98–99). Против гипотезы И.Н.Хлопина выступила Е.Е.Кузьмина (1972а, с.137, 142) и все исследователи андроновской культуры, ни один из которых не считает возможным генетически связывать андроновскую культуру с анауской.

Мнение о локализации индоиранской прародины в Иране отстаивает В.И.Сарианиди (1977, с.113, 143–150, 158), связывая, однако, с иранцами не серую керамику, а керамический комплекс Бактрии. Полемизируя с В.М.Массоном, он постулирует миграцию во II тыс. до н.э. ираноязычных племен на восток и север из Ирана, где их предполагаемая восточнохорасанская культура пока не открыта; с восточнохорасанской культурой он связывает не только земледельческие комплексы Бактрии, но и могильники пастухов бишкентской и вахшской культур; принадлежность к индоиранцам андроновцев категорически отвергается (1977, с.149), предполагается также вторичная миграция с юга из Афганистана носителей керамического комплекса расписной керамики Тилля-тепе; вопрос же о происхождении других ираноязычных народов и локализации общеиндоевропейской прародины не ставится вообще.

Положения В.И.Сарианиди оспариваются А.А.Аскарковым (1977, с.156), вслед за В.М.Массоном предполагающим сложение земледельческой культуры Бактрии в результате миграции из Южного Туркменистана, и И.Н.Хлопиным, опро-

⁵ Критический анализ положений Р.Гиршмана см. (Лелеков Л.А., 1978, с.220–226). Возражения по поводу признания Ирана и юга Средней Азии центром появления в Старом Свете конных колесниц см. (Кузьмина Е.Е., 1980а, с.28).

вергающим более ранний возраст тиллятепинского комплекса по сравнению с аналогичными комплексами Средней Азии (Яз I — Кучук).

Итак, ни гипотеза о связи серо-черной керамики II тыс. до н.э. с иранцами и их происхождении в Восточном Иране и последующей миграции на запад, ни альтернативное предположение о связи светлоангобириванной (бактрийской) керамики II тыс. до н.э. с иранцами и их происхождении в Восточном Иране и последующей миграции на восток не являются ни доказанными, ни общепризнанными. Более того, сопоставление гончарной керамики Ирана ахеменидского времени с синхронными керамическими комплексами Бактрии, Маргианы, Согда и Хорезма с несомненностью позволило нам установить различный генезис керамических традиций двух групп ираноязычного населения и независимое от иранского формирование керамического комплекса Средней Азии ахеменидской эпохи на основе бактрийского комплекса эпохи бронзы (Кузьмина, 1972а, с. 143—146).

Эти выводы подтвердились на новых материалах В.И.Сарианиди (1977, с. 116, 151); к тем же заключениям независимо пришел Ж.-К.Гарден (Cattena, Gardin, 1977, с. 225—246), подвергший статистическому анализу большие серии керамики Ирана. Коль скоро у народов VII—IV вв. до н.э., заведомо принадлежащих к единой иранской языковой семье, бытовали различные традиции керамического производства, гончарная посуда не может рассматриваться как достоверный этнический показатель.

Следовательно, ни одна из взаимоисключающих археологических гипотез о локализации прародины индоиранцев и путях их миграций в настоящее время не доказана окончательно.

В то же время и в лингвистике поколеблена господствовавшая около ста лет гипотеза о прародине индоевропейцев в Европе.

Недавно Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Ивановым (1972, с. 19—23; 1980а, б; 1981) была предложена новая реконструкция индоевропейского праязыка, в котором, по их мнению, были выявлены сходства с южнокавказскими и семитскими языками, установлена лексика, свидетельствующая о более высоком, чем предполагалось ранее, уровне хозяйственного и культурного развития; найдены названия южной флоры и фауны и горного ландшафта, что, вместе с другими лингвистическими фактами, послужило основанием переместить прародину индоевропейцев из Европы в Переднюю Азию и локализовать ее в IV тыс. до н.э. в период существования общеиндоевропейского языка перед его распадом на севере Малой Азии, откуда хетто-лувийцы и греки незначительно сместились на запад, протоиндоиранцы — незначительно на восток, в северную часть Иранского плоскогорья, а оттуда позже индоарии проследовали одни — на запад, в Митанни, другие — на восток, в Индию, тохары же и носители

древнеевропейских диалектов (италики, кельты, германцы, балты, славяне, а позже также ранние иранцы) несколькими последовательными волнами в III-II тыс. до н.э. мигрировали через Среднюю Азию в Северный Прикаспий и далее в Поволжье и Северное Причерноморье⁶, откуда позднее, в конце II тыс. до н.э., расселились по всей Европе и вновь попали на древний Восток (миграция "народов моря"); последние тем же путем с территории Ирана через Среднюю Азию прошли восточные иранцы (скифы, сарматы).

Точка зрения В.В.Иванова — Т.В.Гамкрелидзе сейчас находится в центра дискуссий лингвистов, подвергнута тщательному анализу И.М.Дьяконовым (1982, с.3–30). Обсуждается она и археологами и другими специалистами (Мерперт, 1980, с.39–42; Кузьмина, 1980а, с.34–36; Лелеков, 1982, с.31–37).

Итак, как в лингвистике, так и в археологии противостоят две основные взаимоисключающие гипотезы о локализации прародины индоиранцев или в евразийской степи, или в Иране и Передней Азии, причем степи Средней Азии, Казахстана и Северного Прикаспия в обеих гипотезах занимают ключевое положение, являясь территорией миграции или большинства индоевропейцев (В.В.Иванов — Т.В.Гамкрелидзе), или только индоиранцев.

При рассмотрении индоиранской проблемы, которая может решаться лишь как часть общиндоевропейской, определяющее значение принадлежит, естественно, лингвистическим данным. Их анализ находится вне моей компетенции. Однако установление генетической преемственности археологических культур, отражающее сохранение единого этноса, и определение времени и направления миграций, отражающих возможную смену этносов и указывающих на пути этнических передвижений, может решаться в первую очередь на археологическом материале. Поэтому индоиранская проблема должна рассматриваться комплексно.

Представляется, что археологическая проверка двух лингвистических гипотез происхождения индоиранцев сводится к рассмотрению четырех основных аспектов: I — отражение разных типов миграций в археологическом материале; II — основные пути распространения влияний переднеазиатской цивилизации в евразийских степях в эпоху становления производящего хозяйства; III — время и направление миграций в степях на протяжении II тыс. до н.э.; IV — сложение культурного комплекса различных индоиранских народов и выявление генезиса отдельных категорий их материальной и духовной культуры.

⁶ Первоначально предполагалось соотнести культуру праиндоевропейцев с куро-аракской археологической культурой, от чего авторы позднее, видимо, отказались. С культурой древних европейцев на восточной прародине в Северном Причерноморье соотносится ямная археологическая культура.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ МИГРАЦИЙ

Уже отмечалось, что миграции в различных культурно-хозяйственных зонах по-разному отражаются в археологическом материале (Кузьмина, 1981а, с.103-104).

I тип. Миграция в пределах единой культурно-хозяйственной зоны отражается: 1. как расширение территории археологической культуры, вытесняющей аборигенную (колониализация); 2. как расширение территории археологической культуры, подчиняющей аборигенную (ассимиляция); 3. как проникновение элементов одной или нескольких археологических культур на новую территорию и образование там в результате взаимодействия нескольких компонентов новой археологической культуры (интеграция).

II тип. Миграция из более отсталой культурно-хозяйственной зоны в более передовую отражается прежде всего в сфере идеологических представлений, а не в сфере материального производства, поскольку типы хозяйства, орудий труда, жилища обусловлены экологической средой и поскольку ремесленниками, как правило, остаются аборигены. Но при этом иногда появляются инновации в таких этнически определяющих и освященных религиозной традицией элементах культуры, как домашнее гончарство, архитектура жилища, одежда и т.д., иногда также оружие, принесенные с прародины.

III тип. Миграция из более передовой культурно-хозяйственной зоны в более отсталую отражается как колонизация, при которой пришельцы приносят со своей прародины весь основной комплекс материальной культуры.

Этот тип миграции следует отличать от культурного заимствования аборигенами некоторых достижений передовой цивилизации.

II. СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА
В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ

На ранних этапах развития производящего хозяйства необычайно велико было значение географического фактора, экологических особенностей района, определявших направление экономики и темпы роста.

Вопрос о том, какова была экологическая обстановка в степях и пустынях Евразии в эпоху энеолита, остается спорным. Одни исследователи считают, что климат и ландшафт, подобные современным, сложились здесь очень давно (Яншин, 1961; Курков, 1968). Большинство же авторов полагает, что сухая пора пришла на смену периоду влажного и прохладного климата только в эпоху голоцена (Герасимов, 1937; 1956; Кассин, 1947; Федоров, 1957; Шнитников, 1969; Борисов, 1975; Динесман, 1977), что подтверждается

открытием залежей осоково-тростникового торфа на Илеке в Приуралье, присутствием в ископаемой флоре Западной Туркмении пыльца озерного камыша и белой кувшинки, характером почв Кызылкумов (Мильков, 1951, 1967; Самсонов, 1963; Виноградов А.В., Мамедов, 1975). Экологическая обстановка зависела не только от смены ксеротермических и пльвиальных периодов и трансгрессий Каспийского моря⁷, но определялась сменой уровня грунтовых вод, засолением почв и образованием соленых озер и пр. При изменении климата и уровня грунтовых вод наименее устойчива была граница между степями и полупустынями. Время окончания пльвиального периода спорно. По данным И.Е. Бучинского (1957), суббореальный сухой климат установился около 3000 г. до н.э.; другие относят наступление ксеротермического периода в степях Украины и Казахстана ко второй половине III тыс. до н.э.; так же датируют окончание льякканского пльвиала в Кызылкумах; с началом эпохи энеолита связывают образование пустынных ландшафтов в Центральном Казахстане (Ковалев, 1965). В эпоху энеолита и бронзы граница леса и степи примерно соответствовала современной (Нейштадт, 1957; Чигуряева, 1960).

В разных районах евразийской степи почвенно-климатические условия значительно варьировали (Мордкович, 1982, табл. 2, 4), и это предопределило различные пути дальнейшего развития производящей экономики. По данным академика Л.И. Прасолова, черноземы в степях составляют более 2,5 млн. га. Однако в некоторых районах, особенно на востоке, почвы малопродуктивны для занятия земледелием. Так, в Актыбинской области малоплодородные комплексные почвы составляют 40%, в Западноказахстанской — 37%, в Гурьевской — 45% всех площадей; вовсе неплодородные сероземы и бурые почвы в Гурьевской области составляют 23%, в Актыбинской — 10%, а пески занимают в Западноказахстанской области 12,2%, в Гурьевской — 16% площади. В Оренбургской области участки плодородных каштановых почв сменяются солончаками (Успанов, 1949; Мильков, 1951; Ерохина, 1959).

Климат степей суровый континентальный. Количество осадков от северных границ степи к южным уменьшается с 430 мм до 150 мм в год, а коэффициент увлажненности за счет испарения возрастает на юге в 6 раз. Некоторые районы на юге и востоке степи переходят уже в зону полупустынь (Бугаев, 1946, с. 13—23; Мордкович, 1982, с. 26).

Отличия почвенно-климатических условий степи определили специфику ее хозяйственного развития. В Месопотамии при ирригации урожайность полей составляла сам-30 (600 кг с га) (Вайман, 1961, с. 35), иногда поднимаясь до сам-100, а по Геродоту (I, 193) даже сам-200 и сам-300.

7

См. дискуссию в сборнике "Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене". М., 1980.

В зоне цивилизаций второго порядка урожайность была значительно ниже. Для Южной Туркмении вероятен урожай сам-15 (Массон, 1971, с.102), для Триполья — сам 6—8 (Бибииков, 1965, с.53). Соответственно прибавочный продукт в этих зонах был намного ниже, что и обусловило их нарастающее отставание.

В разных зонах степей урожайность полей различна, но повсеместно она была низкой. По данным XIX в., в Актюбинском уезде средний урожай был всего сам-4, а в 1909 г. пшеницы — сам-10, овса — сам-7, проса — сам-4⁸. В эпоху энеолита продуктивность хозяйства была, естественно, еще ниже. Таким образом, в евразийской степи занятие земледелием при неразвитой агротехнике и примитивных орудиях труда в некоторых районах было почти невозможно, а в остальных малоэффективно. Интенсификация хозяйства в этой географической зоне могла идти только за счет увеличения роли скотоводства. Для развития скотоводства евразийская степь представляла оптимальные условия, являясь естественным пастбищем, на большей части просторов покрытым богатейшей ковыльно-разнотравной растительностью, местами сменяющейся полынно-типчаковой. В ковыльно-разнотравной степи можно получать до 15 ц сена с га, в полынно-типчаковой — около 7 ц, а на полупустынных участках — 5 ц (Мильков, 1964, с.167—169). На одном квадратном километре разнотравной степи можно прокормить в год 6-7 голов быков и коней (Мордкович, 1982, с.185).

Евразийская степь не принадлежит к самостоятельным первичным очагам интродукции злаков и domestikации животных. Культурные злаки были впервые выведены в Передней Азии (О возникновении, 1967; Domestication, 1969; Интродукция, 1970; Лисицына, Прищепенко, 1977). Передняя Азия в свете хромосомной теории признана центром domestikации овцы (Цалкин, 1970, с.160, 266; 1972a; Воронцов и др., 1972; Шнирельман, 1980). Приручение крупного рогатого скота в Передней Азии произошло раньше, чем в Европе, так что и он, вероятно, появился в Европе уже в domestikцированном виде (Цалкин, 1970, с.131; Domestication, 1969; Domestikationsforschung, 1973; Clutton Brock, 1981).

Достижения переднеазиатской цивилизации распространялись в евразийских степях через посредство соседних зон цивилизаций второго порядка: Подунавья, Кавказа и Средней Азии, роль которых менялась на протяжении истории.

В IV тыс. до н.э.⁹ в евразийской степи-лесостепи сложились две большие и резко отличные культурные общности:

⁸ Данные по "Справочной книжке и адрес-календарю Тургайской обл. на 1911 г.". Оренбург, 1911.

⁹ Следует учитывать, что использование комбинированных дат по С 14, принятое зарубежными археологами, на 300-500 лет удвевняет наши даты.

кельтеминарская в Средней Азии, части Казахстана и Закаспии к востоку от р. Урал или Эмбы и мариупольская от Днепра до Урала (Формозов, 1977, с. 72; Васильев, 1981, с. 15). Мариупольская общность объединяла культуры днепро-днецкую (Телегин, 1968, с. 63–83), средне-донскую (Синюк, 1971; 1979; 1980), самарскую (Васильев, 1981) и прикаспийскую (Мелентьев, 1972; 1976; Кузьмина, 1980б). Причем определяющее значение, видимо, имели связи с балкано-дунайской древнеземледельческой зоной. Именно отсюда были заимствованы злаки и, судя по палеозоологическим данным, породы домашних животных (безрогий ширококорый дунайский бык), а также металл, изготовленный, судя по данным спектральных анализов, из карпатской руды (Цалкин, 1970, с. 160, 266; Формозов, 1972; Рындина, 1971).

Могильники мариупольской общности первой половины IV тыс. до н.э. вынесены за поселение, они грунтовые, содержат вытянутые погребения с охрой и иногда сопровождаются трезной — захоронениями сосудов и черепов и ног домашних животных. Керамика остро- и плоскодонная лепная, украшенная штампованным гребенчатым геометрическим орнаментом в виде рядов насечек, елки, треугольника, а на Волге и Дону также меандров.

Памятники мариупольской общности лежат в основе развития последующих энеолитических культур южнорусских степей. В настоящее время выявляется цепочка родственных и, по мнению большинства исследователей, генетически связанных культур, отражающих непрерывность развития от неолита до энеолита (Мерперт, 1968, с. 114; Васильев, 1981, с. 34–37)¹⁰. На Украине на смену днепро-днецким памятникам приходят родственные среднестоговские; в Поволжье на основе самарской и прикаспийской культуры вырастает хвалынская культура (Телегин, 1973; Васильев, 1981, с. 22–42), датируемая не позже второй половины IV тыс. до н.э.

Лепная керамика по-прежнему украшается геометрическим штампованным декором, а на Украине на позднесредне-стоговских памятниках впервые появляется гусеничный, а затем шнуровой декор. На смену вытянутым погребениям появляются скорченные, они по-прежнему посыпаны охрой и сопровождаются жертвенниками с костями животных. Существенно подчеркнуть появление в могильниках этого времени богатых и бедных захоронений, свидетельствующих о начавшемся процессе социального расслоения.

Следующий этап этого развития представляют памятники ямной культурной общности, характеризующиеся подкурган-ными захоронениями с охрой. Ямная культура III тыс. до н.э.

¹⁰ Следует отметить, что ссылки некоторых лингвистов на М. Гимбутас некорректны, так как ее работы компилятивны, а порой и тенденциозны и сейчас безнадежно устарели.

распространяется на огромные территории от Урала до Дуная (Мерперт, 1968).

На всех этапах энеолита южнорусских степей сохраняются активные связи с земледельцами Украины и Подунавья, документируемые находками трипольских импортов (Телегин, 1968, с. 124, 190 сл.; Мовша, 1961), меди балканского происхождения (Черных, 1978, с. 55, 58, 59), распространением от Балкан до Урала одинаковых типов жезлов (Мерперт, 1968).

Доказательство активных контактов с Кавказом — второй соседней со степью зоной древнеземледельческих культур — для периода перехода к производящей экономике пока нет. Роль Кавказа в распространении в степях скотоводства не выявлена (Формозов, 1972). Видимо, значение Кавказа очень возросло лишь после упрочения в степях земледелия и скотоводства — с III тыс. до н.э. В ямную эпоху оттуда в степь поступали готовые металлические изделия, высококачественная керамика, повозки (Черных, 1966, с. 85, 86, карты 3, 4; Мерперт, 1968, с. 19, 23–25; Piggott, 1969; Эрдниев, 1975, с. 16–17; Кузьмина, 1974). Кавказское воздействие особенно ощущается в таких комплексах, как Михайловка II, Староселье, Константиновка.

Отмечается и инфильтрация ямных племен на юг: ямные погребения исследованы у станиц Мекенская и Кубанская на Тереке и Кубани, а ямные стелы обнаружены у Главного Кавказского хребта, прослеживается взаимодействие ямной культуры с майкопской (Чеченов, Батыев, 1975, с. 15–16; Крупнов, Мерперт, 1963; Мерперт, 1968, с. 19, 23–25).

Что касается юга Средней Азии — третьей соседствующей с евразийской степью земледельческой зоны цивилизаций второго порядка, то, по-видимому, в IV–III тыс. до н.э. эта область не оказывала существенного воздействия на сложение производящего хозяйства в евразийской степи¹¹.

11

Гипотеза В.Н. Даниленко (1974, с. 85, 116–118) и М. Гимбутас об определяющей роли восточного импульса в становлении в степях производящего хозяйства и распространении скотоводства из Средней Азии через Прикаспий не соответствует установленным фактам: 1. предположение об иссушении Прикаспия и Средней Азии опровергается палеогеографическими данными о льяляканском плювиале и каспийской трансгрессии; 2. предположение о развитии скотоводстве у кельтеминарцев не соответствует палеозоологическим данным об отсутствии у них домашних животных; 3. предположение об очень раннем возникновении овцеводства в Южном Прикаспии основано на весьма спорных данных; 4. предположение о формировании ямной культуры в Средней Азии на основе культур типа верхних слоев Джебела и Заман-баба опровергается, во-первых, типологическим отличием материалов обоих памятников от древнеямного; во-вторых, тем, что оба памятника намного позже не только самарской культуры, но и древнейшего этапа ямной: дата III слоя Джебела и могильника Заман-баба — конец III — начало

Одной из причин этого была специфика экологических условий, сложившихся на севере Средней Азии.

Эпоха неолита — VI—III тыс. до н.э. — была временем наибольшего увлажнения в голоцене Средней Азии, IV—III тыс. до н.э. — так называемый льяляканский плювиал, когда Амударья впадала в Каспийское море, Кызылкумы представляли труднопроходимую болотистую область. Экологическая обстановка позволяла вести только охотничье-рыболовецкое хозяйство. Лишь в конце (или середине) III тыс. до н.э. началось усыхание озер, что привело к смене типа хозяйства (Виноградов А.В., Мамедов, 1975, с.234—255; Виноградов А.В., 1981, с.19—40). Данных о переходе от неолита к энеолиту в V — IV тыс. до н.э. в степной зоне Средней Азии пока нет. Если не учитывать нескольких спорных случаев, производящее хозяйство предпологается лишь в Дам-Дам-Чешме 2 и трех верхних слоях пещеры Джебел по находкам зернотерок, вкладышей серпов и костей домашней овцы и козы (Окладников, 1956, с.201—205; Цалкин, 1956, с.221). III слой датируется III—II тыс. до н.э. по найденной в трех верхних слоях импортной гончарной керамике типа Кызыл-Арвата и Шах-тепе II¹² (Виноградов А.В., 1981, с.136—140, 146, 147). В.И.Цалкин, подчеркивая сложность диагностики, допускал, что часть мелкого рогатого скота из IV слоя тоже, может быть, была одомашнена. Однако на стоянках кельтеминарской культуры (а их обследовано более 800!), в том числе на многослойных (им.Толстова, Дарбазакур и др.), признаков производящего хозяйства нет (Виноградов А.В., 1968, с.148; 1981, с.146—147). Лишь на стоянках конца (середины) III — начала II тыс. до н.э. на Зеравшане (Каптарникум) и в Льялякане обнаружены вкладыши серпов, зернотерки, следы металлообработки и ювелирного производства, но свиdetельств скотоводства нет и там (Гулямов и др., 1966, с.89—90; Виноградов А.В. и др., 1975, с.228). В Казахстане кости коровы и овцы на стоянке Саксаульская II, возможно, связаны с более поздним комплексом; только на позднеэнеолитических стоянках конца (середины) III — начала II тыс. до н.э. найдены корова и лошадь в Терсек-Карагай, лошадь — в Затобольской, корова и овца — в Свет-

II тыс. до н.э. (Кузьмина, 1958, с.33); 5. лингвистические построения и рассуждения о происхождении названий животных не основательны, так как В.Н.Даниленко, к сожалению, не учтены специальные работы о названиях животных (Трубачев, 1960; Цховребов, 1973; Рамстед, 1957; Щербак, 1961; Поливанов, 1969; Новикова, 1969; Benveniste, 1949; Bouda, 1956; Ramstedt, 1947). Критику гипотезы В.Н.Даниленко см.: А.А.Формозов (1972, с.23); В.А.Шнирельман (1980, с.71—77); Е.Е.Кузьмина (1981б, с.23—25).

¹²

Хронология слоев Джебела спорна (см.: Виноградов А.В., 1981, с.121—125).

лом Джаркуле (Формозов, 1950, с.11); лошадь и мелкий рогатый скот в Пеньках II, лошадь, мелкий и крупный рогатый скот в Иман-Бурлук I, II (Чалая, 1973, с.188), лошадь в Зеленой Балке 4 и Караганде 15 (Клапчук, 1970, с.111).

Итак, в IV-III тыс. до н.э. — в пору утверждения в степях производящей экономики — решающее значение имели контакты с земледельцами балкано-дунайской зоны. Несмотря на то, никаких следов не только массовой миграции, но и существенного культурного воздействия со стороны земледельцев Ирана и юга Средней Азии пока не прослеживается. Евразийская степь в эту пору делится на два больших региона. От Днепра до Урала, включая Северный Прикаспий, простирается зона мариупольской общности, где с начала IV тыс. до н.э. происходит освоение производящего хозяйства, замствованного у земледельцев Подунавья. К востоку же от реки Эмбы простирается зона кельтеминарской культурной общности, где следы скотоводства пока фиксируются не ранее середины — конца III тыс. до н.э., и весь комплекс материальной культуры резко отличен от мариупольского, что позволяет видеть в мариупольцах и кельтеминарцах представителей двух различных этнических образований.

Хозяйство мариупольцев было комплексным, с доминантой скотоводства. В их культуре выявлены бесспорные следы domestikации лошади.

Лошадь была приручена в зоне между Дунаем и Уралом в IV (если не в V) тыс. до н.э. В III тыс. до н.э. выделилось две области: к западу от Днепра лошадь известна, но кости коня на древнеземледельческих памятниках составляют небольшой процент; наоборот, к востоку от Днепра коневодство стало одной из важнейших отраслей хозяйства и у некоторых общин III тыс. до н.э. доминировало (Деревика, хутор Репин) (Громова, 1949; Цалкин, 1970, с.183-204, 247, 266; Бибикина, 1967; 1970; Кузьмина, 1977; Матюшин, 1981, с.6-9, табл.3)¹³.

Культовым животным, как правило, становится то, которое имеет наибольшее значение в хозяйстве. Культ коня впервые в Старом Свете сложился в южнорусских степях. Здесь найдены древнейшие в мире изображения домашней лошади: каменные навершия с головой коня (Суворовская, Орск) и костяные фигурки (Съезжая, Липовый овраг, Виловатое), датируемые IV тыс. до н.э. (Мерперт, 1968, с.59, 77; Даниленко, Шаглый, 1972; Попов, Смирнов, 1973; Васильев, 1981, с.69, табл.7, 1; 13, 12, 13; Gimbutas, 1970, с.158, 159, fig.2). Лошадь представлена на петроглифах Каменной могилы, на сосуде из Тудорова и стеле из Усато-

¹³ В Северном Казахстане на поздненеолитическом поселении Батай найдено большое количество костей лошади, но признаки domestikации не выявлены (сообщение Н.М.Ермоловой).

ва усатовской культуры III тыс. до н.э. (Формозов, 1969, с.135–138; Збенович, 1974, с.122–125, рис.33, 13; 41).

Древнейшими в Старом Свете являются захоронения черепов и ног коней в грунтовых могильниках Волго-Уралья (Свезжая и Хвалынский), относящихся к IV тыс. до н.э., и на поселениях среднестоговской культуры Деревка на среднем Днепре (Васильев, 1981, с.67, 69; Телегин, 1973, с.44–47, рис.25). В памятниках ямной культуры ритуальные захоронения коней или только их голов и ног (со шкурой) открыты во многих курганах (Мерперт, 1974, с.41–44; Кузьмина, 1977). В Усатове кости лошади найдены в центральных погребениях курганов 1-3 и 1-9 (Збенович, 1974, с.113). Тот факт, что на поселениях кости коня находят в раздробленном виде, доказывает, что лошадь первоначально разводили как мясное животное.

Большое значение в хозяйстве энеолитического населения южнорусских степей занимало разведение крупного рогатого скота, который стоял на первом или на втором месте в поголовье начиная со времени мариупольской общности (Цалкин, 1970, с.243; Синюк, 1971, с.221; Телегин, 1973, с.131, табл.VII; Васильев, 1981, с.67).

На сложение культа быка указывают костяные фигурки из Свезжей и ритуальные захоронения черепов и ног коров и скелет теленка в Хвалынском могильнике (Васильев, 1981, с.67, 69), захоронения и изображения быков на усатовских памятниках (Збенович, 1974, с.123–124) и многочисленные жертвенники в ямных курганах по всему ареалу. На третьем месте был мелкий рогатый скот, хотя в некоторых культурах он иногда выходил на первое место в поголовье (Збенович, 1974, с.119, 125, табл.I).

На поселениях ямной культуры Украины крупный рогатый скот составлял 45% особей, мелкий — более 30%, лошадь — около 20%; в верхнем слое Михайловки соответственно — 60%, 30% и 10% (Цалкин, 1970, с.247, табл.51; Лагодовська и др., 1962, с.168, 207).

Предполагается, что хозяйство мариупольцев в первой половине IV тыс. до н.э. было комплексным и заметную роль в нем играло земледелие. Бесспорные следы земледелия выявлены пока только на Украине у племен среднестоговской и сменяющей ее ямной культур: земледельческие орудия и долговременные поселения, в том числе многослойные (Михайловка) (Телегин, 1973, с.139; Лагодовська и др., 1962; Мерперт, 1968, с.41). Что касается Поволжья и Прикаспия, то доказательств хлебопашества там пока не найдено, долговременные поселения не известны, так что вероятно преимущественно скотоводческое направление хозяйства ямников в этой зоне (Мерперт, 1974, с.109).

Преобладанию скотоводческого направления экономики в степях способствовали как экология, так и распространение в III тыс. до н.э. колесного транспорта, изобретенного в IV тыс. до н.э. в Передней Азии (Childe, 1951,

с.177–194; он же, 1954, с.1–15). Появление транспорта документируется находками в ямных курганах четырех- и двухколесных повозок, в том числе с крытым кузовом, а также отдельных колес и пар запряжных быков, обнаруженных по всему ареалу от Дуная до Урала¹⁴. Четырехколесные повозки могли появиться в степи через посредство как Подунавья, так и Кавказа, двухколесные же повозки и крытые кибитки распространились с Кавказа (Piggott, 1969; Кузьмина, 1974; Häusler, 1981). Появление повозок, позволявших пастухам перемещаться вслед за стадами, явилось важнейшей предпосылкой интенсификации скотоводства и сложения отгонных и полукочевых способов его ведения.

¹⁴ Гипотеза М.Гимбутас (1970), поддержанная В.Н.Даниленко и Н.Н.Шмаглием (1972), о распространении в древнейшую эпоху воинов-всадников, явившемся поворотным моментом в истории Евразии, должна быть отвергнута. Пастухи ямной эпохи умели ездить верхом, для этого достаточно веревочного или ремennого недоуздка. Но всаднику, который должен стрелять или вести бой копьем, нужна уверенная посадка, для чего необходимы удила и псалии. Удила появились в евразийской степи на рубеже II–I тыс. до н.э., и только с этого времени можно говорить о появлении всадничества. Принимаемые за неолитические псалии костяные и роговые предметы (Телегин, 1973, с.137–139, рис.64), видимо, являются не всадными.

Гипотеза о распространении воинов-всадников в эпоху неолита находится в противоречии и с другими источниками. Судя по данным переднеазиатского изобразительного искусства и письменности, в Передней Азии первоначально употреблялась повозка с бычьей запряжкой, ранее середины II тыс. до н.э. распространились боевые колесницы с конной запряжкой, появление там всадничества относится к концу II – началу I тыс. до н.э. (Jadin, 1963, с.284–286). Против гипотезы об неолитических воинах-всадниках говорят и данные индоевропеистики. Названия упряжки, колеса, коня и многих конских ритуалов являются древними общеиндоевропейскими терминами, что доказывает, что знакомство с лошадью и повозкой относится ко времени контактов носителей различных индоевропейских диалектов. В эпической традиции ведических ариев, пришедших в Индию, по мнению большинства современных исследователей, около середины II тыс. до н.э., многочисленны упоминания богов и героев, сражающихся на конных колесницах, причем терминология, связанная с конем и колесницей, необычайно развита и в значительной мере является общеиндоиранской. Количество же упоминаний верховой езды в Ригведе и Махабхарате ничтожно (Кальянов, 1967; Coomaraswamy, 1942; Kane, 1946, с.200–205). В Авесте боги и герои также, как правило, предстают сражающимися на конных колесницах, а упоминания верховой езды в древних частях Авесты почти отсутствуют, причем иранский термин для всадника не имеет индоевропейских соответствий (Герценберг, 1972, с.23). Следовательно, распространение всадничества – явление позднее и следующее за временем употребления коней для запряжки в боевые колесницы. Тот же процесс отмечается в Греции.

Разнообразие почвенно-климатических условий в степи предопределило различие направлений развития скотоводческого хозяйства в разных районах уже в эпоху энеолита. Для выяснения специфики скотоводства восточных областей ввиду отсутствия остеологических материалов с поселений решающее значение имеет топография памятников. Исследованные В. П. Шиловым могильники Балкин Хутор, Кузин Хутор расположены в открытой степи вдали от рек; стоянки Досанг, Исиkey и др. в Прикаспии находятся в полупустынной зоне, где оседлое скотоводство невозможно, — следовательно, уже в эпоху энеолита в некоторых районах степи сложились подвижные формы скотоводства (Лагодовська и др., 1962, с. 173—178; Мерперт, 1974, с. 111—113; Шилов, 1975), что предопределило возможность расселения пастушеских племен в дальнейшем на обширнейших территориях и явилось предпосылкой формирования огромных общностей пастушеских культур в степях, не имеющих аналогий в других зонах Старого Света.

К культуре ранних пастушеских племен энеолитической эпохи, вероятно, восходят и некоторые особенности социального устройства, получившие оформление в последующие эпохи.

Начатки социальной дифференциации отмечаются в материалах Хвалынского могильника, где наряду с безынвентарными выделяется группа погребений с большим количеством украшений и найден один скипетр (Васильев, 1981, с. 25).

Погребения энеолитической эпохи характеризуются бедностью инвентаря. Однако выделяются некоторые могилы, содержащие каменный скипетр с зооморфным изображением, повозку с бычьей запряжкой (или ее частями), а также череп и ноги коня. В условиях древнего общества со строгой регламентацией ритуала такое отклонение от нормы не может быть случайным.

Скипетр был известен всем индоевропейским народам как инсигния власти. В Ригведе Индра сражается скипетром-булавой, украшенной головой быка; в Авесте скипетром-булавой, увенчанной головой быка, родоначальник и первый царь иранцев Йима (Джемшид) побеждает Дахака, поэтому быкоглавая палица стала инсигнией каянидских царей и Ахеменидов. Скипетры-жезлы с головой животного или птицы были у скифов; у Сасанидов существовали родовые штандарты, имевшие зооморфную форму (Littleton, 1970, с. 389; Widengren, 1959, с. 252; Ильинская, 1965; Тревер, 1940).

Обычай захоронения повозок в могилы знати был известен индоевропейским народам. Судя по хеттским религиозным текстам II тыс. до н.э., после смерти царя или царицы сооружали специальную повозку, в нее помещали статую умершего, запрягали коней, и повозка отправлялась в обезд города. Коней, участвовавших в церемонии, убивали, и их головы хоронили вместе с царским прахом (Otten, 1958, с. 129). Обряд захоронения повозки и коней вместе

с царским прахом практиковался фракийцами; греки и римляне возили умерших на катафалке; стоящий на повозке актер в маске и одежде умершего представлял эпизоды из жизни героя (из этого родилась греческая драма); затем упряжных коней убивали и сжигали вместе с покойным (Миков, 1925; Фрейденберг, 1936, с.213). Скифы возили тело умершего царя на катафалке (Геродот, IV, 71). Находки повозок и упряжных коней известны в царских курганах Причерноморья и Алтая. В свете этих данных есть основания предполагать, что погребенные с повозками в ямных курганах — представители привилегированной группы общества (Кузьмина, 1974; с.85; 19816, с.32, 33).

Что касается ритуальных захоронении коней (или, чаще, только головы и ног со шкурой), то древнейшими в Старом Свете являются захоронения в энеолитических могильниках Волго-Уралья (Съезжая и Хвалынский) и в ямных курганах (Нерушай, Старое Горожино, Новоалексеевка, Красный Перекop IV, Близнацы, Герасимовка и др.). Культ коня был отличительной особенностью индоевропейцев, и сложение у них ритуальных и мифологических представлений, связанных с конем, относится к древнейшей эпохе, что подтверждается общностью терминологии, связанной с жертвенным закланием коня, и сходством деталей ритуала, в котором особое значение придавалось отделяемой голове коня: в Индии это обряд ашвамедха, в Риме — Equus October, у кельтов и галлов — *ipromiidvos* (Иванов, 1974; Кузьмина, 1977).

У всех индоевропейцев конь являлся священным атрибутом царя и играл большую роль на коронации. У индоиранцев конь считался одним из семи священных царских сокровищ. По словам Геродота (IV, 71-72), у скифов был обычай приносить коней в жертву на царских поминках, засвидетельствованный археологически в царских курганах от Причерноморья до Алтая (Пазырык) и Тувы (Аржан) (Кузьмина, 1977).

Наличие в южнорусских степях уже в эпоху энеолита погребений, выделяющихся по обряду и содержащих скипетр, повозку или голову коня, указывает на социальное расслоение в среде древнейших скотоводов. У ямников дифференциация социальная и идеологическая еще не всегда сопровождалась имущественной, хотя тенденция к этому уже намечалась, и курганы, совершенные по особому обряду, обыч-

но имеют грандиозные насыпи, а иногда и богатый инвентарь (Нерушай). Лица, занимавшие привилегированное положение в обществе, имели военные функции, что документируется присутствием оружия. Наличие среди могил с повозками и конями наряду с погребениями мужчин также захоронений женщин и детей позволяет ставить вопрос о том, что военная знать составляла особое сословие, принадлежность к которому передавалась по наследству.

* * *

Итак, в IV-III тыс. до н.э. в южнорусских степях прослеживается непрерывное развитие культурных общностей на основе местного неолита, сопровождающееся отдельными передвижениями племен в пределах этой зоны, но не осложненное никакими массовыми инвазиями извне. Никаких следов миграции переднеазиатского населения через Среднюю Азию и Северный Прикаспий в это время не отмечается. Напротив, достижения переднеазиатской цивилизации распространяются в степях в IV тыс. до н.э. через посредство земледельческого населения Подунавья, а в III тыс. до н.э. усиливаются связи с Кавказом. Взаимоотношения степных племен с земледельцами Подунавья и Кавказа носят характер культурных влияний и заимствований; в степях между Днепром и Уралом существенной инфильтрации древнеземледельческого населения ни со стороны трипольской, ни со стороны триалетской культуры не отмечается.

Напротив, как указывалось, ямные памятники фиксируются в Предкавказье. В III тыс. до н.э. отмечается постепенное проникновение ямных племен из степной зоны в область древнеземледельческих культур: это так называемые погребения с охрой, выявленные на территории Молдавии, Румынии и Венгрии (Мерперт, 1968, с.76-80; Зирра, 1960, с.100-101; Збенович, 1974, с.150; Comşa, 1976, с.33-43). Однако, как установлено Н.Я.Мерпертом и Э.Комшей, вопреки мнению М.Гимбутас и В.Н.Даниленко, появление погребений с охрой в Подунавье не было вызвано спонтанным массовым нашествием ямных всадников, огнем и стрелами сокрушавших земледельческие поселки, а было результатом постепенной инфильтрации отдельных небольших групп ямных, а затем и срубных племен.

Продвижение ямных племен в восточном направлении пока археологически не зафиксировано. Но, по гипотезе С.В.Киселева, поддержанной Э.Б.Вадецкой, волна позднего-раннекатакомбного населения прошла из Приуралья далеко на восток и явилась основой формирования в начале II тысячелетия до н.э. афанасьевской культуры в Южной Сибири на Енисее.

Мною (1958) отмечались следы типологического сходства с ямно-катакомбными комплексами материалов могильника Заман-баба в Бухарском оазисе Средней Азии.

III. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ В СТЕПЯХ ВО II тыс. до н.э.

С ямной культурной общностью большинство исследователей связывает генезис ряда культур южнорусских степей эпохи бронзы, прежде всего — полтавkinской.

Полтавkinская культура, выделенная Н.К.Качаловой (1962, с.31-49), бытовала в первой половине II тыс. до

н.э. в Среднем и Нижнем Поволжье. Многочисленные полтавкинские стоянки открыты в Северном Прикаспии (сборы В.Д.Белецкого, А.Н.Мелентьева, И.Б.Васильева). По мнению Н.К.Качаловой и Э.А.Федоровой-Давыдовой (1968, с.7), полтавкинские погребения выявляются в Южном Приуралье, а по Е.Е.Кузьминой (1976, с.25, 26), керамика, типологически сопоставимая с полтавкинской, — в сборах в Западном Казачестве и на Мангышлаке, что, возможно, указывает на раннее продвижение полтавкинцев на восток.

Участие ямного субстрата предполагается и в сложении абашевской культуры, занимавшей степные и лесостепные территории от Северского Донца и Дона до Средней Волги и Южного Урала, включая район Магнитогорска и Оренбуржья (Пряхин, 1976; 1977; Горбунов, 1976). Частично пересекаясь с абашевской культурой и далее на запад, включая Поднепровье, ранее середины II тыс. до н.э. простирался ареал культуры многоваликовой керамики, выделенной С.С.Березанской (1960). По мнению украинских археологов, она сложилась при участии катакомбной культуры, сменившейся на Украине ямной.

Долгие годы господствовавшая в археологии гипотеза автохтонного происхождения культур бронзового века степей в настоящее время опровергается бесспорными фактами существенных изменений ареалов культур, отражающими древние миграции, и следами взаимодействия различных культурных комплексов. Сейчас процесс культурообразования представляется прежде всего как ассимиляция и интеграция, в которых участвуют различные элементы, удачно названные В.С.Бочкаревым "блоками культур". В результате взаимодействия субстратных и суперстратных элементов из тех же блоков образуются различные культурные общности, обилие локальных вариантов в которых обусловлено разной ролью слагающих компонентов. Этот "калейдоскопический эффект" прослеживается в процессе культурообразования на большей части евразийской степи.

Археологические материалы указывают на то, что начало II тыс. до н.э., особенно рубеж первой и второй четверти, было периодом крайне нестабильной обстановки в степях: на Дону отмечается передвижение катакомбных племен и смена различных культурных комплексов (Кияшко, 1974, с.18; Братченко, 1976, с.117-118); в Поволжье появляется катакомбная, а затем многоваликовая керамика, движущаяся на восток абашевцы.

В результате этих смещений ареалов культур, новых контактов и усилившихся ассимиляционных процессов во второй четверти II тыс. до н.э. формируются новые культурные образования. В истории евразийских степей условно может быть выделено два периода: I — XVII—XVI вв. до н.э. — период распада старых культур и формирования в результате ассимиляции и интеграции двух больших новых культурных общностей: срубной в европейской степи; и лесостепи

и андроновской — в азиатской; II — XV—XIII вв. до н.э. — время стабилизации сформировавшихся срубной и андроновской общностей и расширения их территорий путем освоения новых земель и вытеснения и подчинения аборигенного населения (колонизация).

По мнению специалистов, срубная культурная общность формируется на полтавкинской основе при воздействии катакомбного, многоваликового и абашевского населения (Агапов и др., 1983).

Во второй половине II тыс. до н.э. ее ареал расширяется: срубники продвигаются по долинам рек на север глубоко в лесную зону, на запад, осваивая значительную часть территории Украины (Березанская, 1982) и Крым, а также на юго-восток.

В Средней Азии около середины II тыс. до н.э. происходят крупные перемещения различных групп населения. В Междуречье распространяются племена — носители тазабагыябской культуры, сформировавшейся в результате взаимодействия срубных, западноандроновских и субстратных элементов (Толстов, 1962; Итина, 1961; 1977). Они сменяют в Бухарском оазисе носителей заманбабинской культуры (Гулямов и др., 1966; Кузьмина, 1958), которые, вероятно, уходят на юг (следы заманбабинских влияний прослеживаются в бишкентской культуре Южного Таджикистана).

В Приуралье и Казахстане в XVII—XVI вв. до н.э. формируется андроновская культурная общность. Классификация и интерпретация андроновских памятников дискуссионны.

Гипотеза И. В.Н.Чернецов (1953) и вслед за ним М.Ф.Косарев¹⁵, В.С.Стоколос и Т.М.Потемкина (1983) постулировали расчленение андроновских памятников на две разноотличные культуры¹⁶: федоровскую угорскую в лесостепной зоне, генетически связанную с угорскими культурами железного века лесного Зауралья и Сибири, и алакульскую иранскую в степной зоне, родственную срубной и генетически связанную в кочевниками саками. Аргументы В.Н.Чернецова теперь не могут быть приняты, так как: 1) федоровские памятники открыты в Казахстане и Средней Азии; 2) элементы федоровской орнаментики есть в искусстве не только угров, но и древних ираноязычных народов Средней Азии, современных таджиков и индийцев; 3) генетической преемственности угорского и федоровского погребального обряда и других этнических признаков культуры не прослеживается;

¹⁵

М.Ф.Косарев не настаивает сейчас на угорской принадлежности федоровцев, а говорит об активном влиянии федоровского степного пастушеского населения на протоугорские лесные охотничьи племена Сибири, с чем есть все основания согласиться.

¹⁶ Гипотезы двух культур придерживается Э.А.Федорова-Давыдова (1968), предполагающая, однако, родство соседних федоровских и алакульских племен, составлявших единую андроновскую общность.

4) на федоровской территории Сибири Н.Д.Членовой (1983) выявлены иранские и индоиранские гидронимы, а в Средней Азии угорских топонимов нет.

Попытка Т.М.Потемкиной (1983) выделить признаки алакульской культуры, предпринятая на основании анализа всего шести могильников периферийного района Притоболья, не увенчалась успехом, так как: 1) автором не были изучены основные андроновские материалы Казахстана, Сибири и Средней Азии; 2) была использована старая классификационная зауральская схема К.В.Сальникова, признаки которой вне Зауралья недостаточны. В результате Т.М.Потемкиной не были выявлены существующие типы андроновских памятников, а признаки алакульской культуры названы неверно или неполно: при характеристике погребального обряда ошибочно указана неустойчивая ориентировка вместо западной, не отмечены грунтовые могильники, большие курганы, курганы с кольцом и кольца, каменные ящики, перекрытия плитами, не установлено, что курганы и срубы не являются диагностическими признаками, так как характерны для памятников также федоровского и других типов; в описании керамики допущены ошибки: алакульский орнамент выполнен не резьбой, а гладким штампом; зона шейки не орнаментирована только в западных вариантах; не точны характеристики алакульских поселений, жилищ, хозяйства, металла и т.д. Недоразумением являются утверждения о преобладании в Центральном Казахстане федоровских могильников, тогда как там второе больше алакульских; о тяготении федоровских памятников к таежной зоне Зауралья и Сибири, тогда как они открыты вплоть до юга Средней Азии; о сходстве тазабагъябейской и кайракумской культур, тогда как последняя тяготеет к андроновским памятникам семиреченского типа, и т.д.

Таким образом, работа Т.М.Потемкиной не решила задачи выделения алакульской культуры и обоснования ее этнического отличия от федоровской. Употребление Т.М.Потемкиной термина "андоновская культурная общность" неисторично, так как угры и иранцы принадлежат к разным языковым общностям и даже семьям языков. Не закономерно также использование без ссылки применяемого Е.Е.Кузьминой термина "алакульская линия развития", поскольку Т.М.Потемкиной не выявлены типы андроновских памятников, соответственно не установлена степень их сходства, на основании которой они могут быть отнесены к алакульской или федоровской линии.

Гипотеза II. Большинство андроноведов вслед за М.П.Грязновым признает культурное единство андроновцев и разделяет точку зрения об их иранской или индоиранской принадлежности. Но классификация и хронология памятников дискуссионны. В 1947 г. К.В.Сальников (1951; 1967) создал уточненную в 1967 г. схему классификации андроновских памятников Зауралья на типы, признанные последовательно-

ми этапами: федоровский (XVIII-XVI вв. до н.э.) и алакульский (XV-XII вв. до н.э.). Другими исследователями эта схема перенесена на иные регионы андроновского ареала и до сих пор используется с некоторыми уточнениями К.А.Акишевым, А.Х.Маргуланом, М.К.Кадырбаевым, А.М.Оразбаевым, А.Г.Максимовой, Г.А.Максименковым и прочими.

Однако анализ материалов некоторых регионов показал недостаточность классификационных признаков этой схемы, и были выделены в Западном Казахстане кожумбердинский тип О.А.Кривцовой-Граковой и продолжившей ее исследования Е.Е.Кузьминой, впервые осуществившей изучение микро-района андроновских памятников и применившей статистический анализ массового материала; в Семиречье — семиреченский тип—Е.Е.Кузьминой (1970), в Северном Казахстане — предалакульский петровский, амангельдинский и бишкульский типы Г.Б.Здановичем (1973), впервые проводим раскопки андроновских поселений большими площадями и надежно установившим их стратиграфию, подтвержденную статистическим анализом керамики, что внесло существенный вклад в развитие андроноведения.

В результате дальнейших работ исследователями была установлена поздняя дата некоторых федоровских могильников, и Н.А.Аванесовой в 1979 г. на основании анализа металлических изделий всего ареала предложена новая схема периодизации андроновской культуры, к которой отнесена также тазабাগъябская культура: петровский этап (XVII-XVI вв. до н.э.), алакульский (XV-XIV вв. до н.э.), смешанный кожумбердинский, включающий амангельдинский, этап, рассматриваемый как переходный (XIV в. до н.э.), федоровский (конец XIV-XIII в. до н.э.).

В 1983 г. Г.Б.Здановичем (1984) дана новая интерпретация андроновской проблемы. Источниковедческой базой этой работы являются обширные материалы Северного Казахстана и Приуралья, основой построения служит анализ стратиграфии поселений, в значительной мере исследованных его экспедицией. Г.Б.Зданович выделяет в развитии единой андроновской общности автохтонно развивающиеся культуры, генетически связанные друг с другом переходными этапами: петровскую (XVIII-XVII вв. до н.э.), через кулевчинский этап переходящую в алакульскую культуру (XV-XIV вв. до н.э.), через смешанный кожумбердинский и амангельдинский этап переходящую в федоровско-бишкульскую культуру (XIV-XIII вв. до н.э.), связанную через явленский этап с культурой финальной бронзы, являющейся основой генезиса культуры саков.

Таким образом, понятие "культура" у Г.Б.Здановича и его учеников принципиально отличается от трактовки культуры у сторонников гипотезы двух разнотипных культур.

Гипотеза III. В 1981 г. нами предложена новая концепция. Источниковедческой базой работы явились материалы 230 могильников и 140 поселений всего ареала, из которых

50 памятников разных регионов Урала и Казахстана обследовалось и 30 раскапывалось нами, а также 70 памятников Средней Азии, из которых ряд обследован при нашем участии. В основу анализа положены закрытые комплексы погребений (Кузьмина, 1982; 1983; Кузьмина и др., 1982). Введена сумма (банк) признаков, достаточная для адекватного описания материалов всего ареала. Систематизация строится по корреляции погребального обряда (с учетом деталей конструкции надмогильного сооружения, могилы, типа и ориентировки погребения, инвентаря, тризны и т.д.) и керамики, классифицированной по сочетанию технологии производства и обусловленной ею формы сосуда, принципа построения орнамента, элементов декора и их размещения на сосуде, способов орнаментации. По устойчивому сочетанию признаков выделены типы памятников, и для каждого из них погребальная керамика сопоставлена с поселенческой. Далее типы картографированы и установлена их относительная хронология на основании стратиграфии, построения сквозных типологических рядов, взаимовстречаемости типов друг с другом и с инокультурными.

Наконец, определен абсолютный возраст каждого типа на основании импортов, псалиев, металлических изделий, датированных по системе длинной хронологии, согласованной с европейской схемой Г.Мюллера-Карпе, и иранско-среднеазиатской В.М.Массона. В результате проделанного анализа выделены чистые типы: петровский (XVII-XVI вв. до н.э.), алакульский (XV-XIII вв. до н.э.) и федоровский (XV-XIII вв. до н.э.) и ряд смешанных региональных: кожумбердинский (конец XV-XIII в. до н.э.) в Западном, амангельдинский (XIV-XIII вв. до н.э.) в Северном, атаусуский (XIV-XIII вв. до н.э.) в Центральном, таутаринский (XII в. до н.э.) в Южном Казахстане, семиреченский (с XII в. до н.э.) и междуреченский (с XIII в. до н.э.) в Средней Азии.

Анализ гончарства выявил две независимые керамические традиции: алакульскую, восходящую к петровской, и федоровскую. Специфическими особенностями погребального обряда федоровцев являются курган с оградой или ограда цистовой кладки, циста в могиле, кремация, помещение ребер коня. В синкретических типах памятников алакульские и федоровские признаки гончарства и обряда выступают в разных сочетаниях.

Чтобы объективно оценить степень близости памятников разных типов, на основании диагностически значимых признаков по методике Я.А.Шера нами и А.С.Кузьминым построен граф (рис.2), отражающий силу связей разных типов. Наибольшая близость прослеживается между ранними западнофедоровскими (ф з) и поздними восточнофедоровскими (ф в) памятниками (87), а также между ранними петровскими (п) и сменяющими их алакульскими (ал) (76), что дает основания рассматривать эти пары как генетически

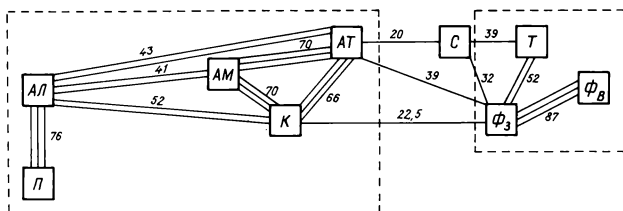

Рис. 2. Граф силы связей типов андроновских памятников

связанные; большой близостью характеризуется группа смешанных памятников кожумбердинского (к), амангельдинского (ам) и атасусского (ат) типов (сила внутренних связей 66, 70 и 70), причем все они гораздо ближе к алакульскому типу (41, 43 и 52), чем к федоровскому (20, 22,5 и 39), что позволяет отнести их к алакульской линии развития; наоборот, таутаринский (т) тип по силе связей (52) относится к федоровской линии развития; особняком стоит поздний семиреченский (с) тип.

Как интерпретировать полученные результаты? К.В.Сальников, Н.А.Аванесова и Г.Б.Зданович трактуют смешанный кожумбердинский тип как переходный от федоровского этапа к алакульскому или наоборот. Но установленные различия федоровского и алакульского гончарства, учитывая, что домашнее керамическое производство является важнейшим устойчивым этнографическим признаком, отражающим племенную специфику, не дают оснований рассматривать алакульский и федоровский типы как последовательные этапы одной культуры и позволяют вернуться к вопросу о выделении двух культур, а в памятниках смешанных типов видеть результат их взаимодействия.

Для ответа на вопрос, каково соотношение предполагаемых культур друг с другом и соседними синхронными степными культурами, нами с А.С.Кузьминым был построен другой граф (рис. 3) на основе диагностически значимых признаков и установлено, что сила связей между типами андроновских памятников (от 53 до 78) вдвое выше, чем между алакульским типом и культурами срубной (ср) (29) и тазабагъябской (таз) (29), между ними и смешанными типами алакульской линии развития (см) (30 и 30) и между срубной и тазабагъябской культурами (44). Из этого следует, что типы андроновских памятников в пределах евразийской степи составляют отличную от самостоятельных тазабагъябской и срубной культур общность, объединяемую на основании этнически значимых признаков: многих типов погребальных сооружений, западной ориентировки могил, трехчастной конструкции горшков, трехзонного декора, общих орнаментальных элементов, что указывает на этническое родство разных групп андроновского населения.

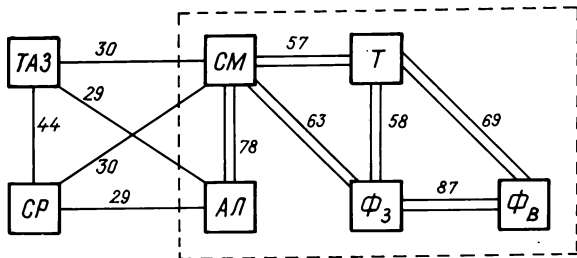

Рис. 3. Граф силы связей тазабагъябской и срубной культур и андроновской культурной общности

Таким образом, совокупность типов андроновских памятников может рассматриваться вслед за А.А.Формозовым (1950) как этнокультурная общность, объединяющая культуры отдельных родственных племен, образующих языковой континуум, причем, учитывая выделение двух различных керамических традиций — федоровской и алакульской, видимо, можно говорить о сосуществовании и взаимодействии двух близкородственных этнических групп одной языковой общности, уже распавшейся ранее XVII в. до н.э.

Каково происхождение федоровского и алакульского типов (или культур)? Генезис федоровского типа наиболее вероятно связать с Центральным Казахстаном, где на энеолитических поселениях (Клапчук, 1970) выявляются истоки федоровской керамической традиции, обряд же трупосожжения зафиксирован на энеолитических памятниках от Урала до Южной Сибири.

В XVII-XVI вв. до н.э. на западе азиатской степи и лесостепи формируются памятники петровского типа новокумакского хронологического горизонта. Они выявлены на Южном Урале, в Зауралье и Северном Казахстане (Зданович Г.Б., 1973; он же, Зданович С.Я., 1980; Генинг, 1975; 1977; Смирнов, Кузьмина, 1977; Виноградов Н.Б., 1983). Погребальный обряд — скорченные захоронения в могилах с деревянными срубам, перекрытыми земляными курганами. При умерших положены сосуды, бронзовые ножи, тесла, струги и многочисленное оружие: топоры, копья, бронзовые и каменные стрелы, булавы, а также браслеты, перстни, бусы, височные подвески, головные уборы, наконники и нагрудники. В могиле или на перекрытии помещены черепа и ноги быков, овец или коней, известны захоронения нескольких коней. В могильниках Синташта, Улюбай и Берлик открыты двухколесные колесницы с колесами со спицами, а в Синташте — также захоронения взнузданных запряжных коней с псалиями. Разнотипные архаичные костяные щитковые псалии найдены также в могильниках Синташта II и Аксайман и на поселениях Новоникольское и Кулевчи II. По типу диско-

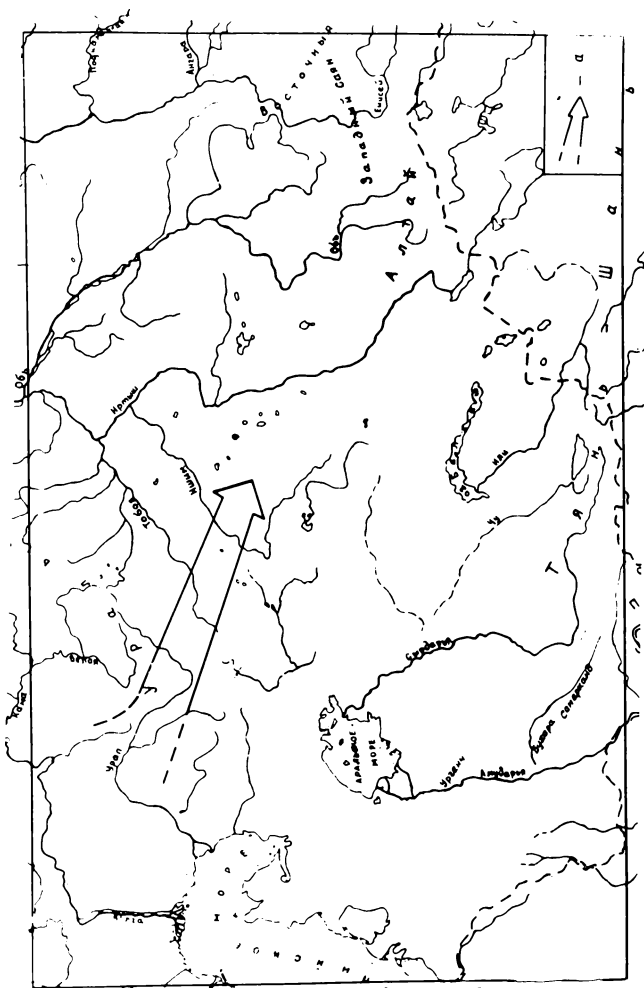

Рис. 4. Этнические движения в XVII—XVI вв. до н.э.
(а — продвижение носителей культур многоваликовой керамики и абашевской)

видные псалии аналогичны псалиям культур абашевской и многоваликовой керамики и экземплярам из IV шахтной гробницы Микен, относящейся к 1570–1550 гг. до н.э. (Лесков, 1964; Смирнов, Кузьмина, 1977, с.42–50; Кузьмина, 1980в), что определяет дату петровских памятников не позднее XVI в. до н.э.

Г.Б.Зданович (1973, с.40, 41) показал генетическую связь петровского типа с алакульским¹⁷ и первоначально предполагал формирование петровского типа на местной энеолитической основе, хотя отмечал и некоторое влияние западной абашевской культуры.

К.Ф.Смирновым и мной (1977, с.26–33) была сделана попытка показать западные элементы, участвовавшие наряду с местным субстратом в формировании новокумакского (петровского) комплекса (рис.4).

К их числу принадлежат такие важнейшие этнически определяющие признаки, не выявленные в местном энеолите, развитие которых к западу от Урала прослеживается с IV–III тыс. до н.э., как подкурванный обряд захоронения, устройство в могиле сложного деревянного сооружения, обычай совершать ритуальные захоронения животных, культ коня и повозки. Весьма показательно обусловленное методом формовки сходство петровских и полтавкинских баночных и горшководных сосудов с уступом на плечике.

Другим важнейшим компонентом петровского комплекса является абашевский, на что указывают находки сосудов своеобразной абашевской формы, типы украшений, некоторые черты погребального обряда (глиняная площадка над могилой).

Наконец выявляется и сходство с культурой многоваликовой керамики, документируемое распространением в петровских комплексах горшков, подражающих многоваликовым

¹⁷

Против генетической связи алакульского типа с петровским, относящимся к новокумакскому хронологическому горизонту, выступили В.С.Стоколос (1983) и Т.М.Потемкина (1983). Отнесение В.С.Стоколосом новокумакских комплексов к срубной культуре убедительно опровергнуто С.А.Агаповым, И.Б.Васильевым и др. (1983). Т.М.Потемкиной те же комплексы отнесены к абашевской культуре и высказано предположение об их синхронности с алакульскими, что оспорено Н.Б.Виноградовым (1983) и Г.Б.Здановичем (1984). Т.М.Потемкина ошибочно отнесла к алакульскому типу детские петровские погребения могильника Алабуга. Хронологическая последовательность и генетическая преемственность петровского и алакульского типов бесспорно устанавливается на основании: 1) стратиграфии погребений и поселений; 2) эволюции погребального обряда; 3) эволюции технологии и типологии керамики; 4) сквозных типологических рядов псалиев и металлических ножей, тесел, украшений и пр. Вывод Т.М.Потемкиной, что абашевцы составляли военную знать, подчинившую рядовых алакульцев, не подтвержден фактами и исторически крайне сомнителен.

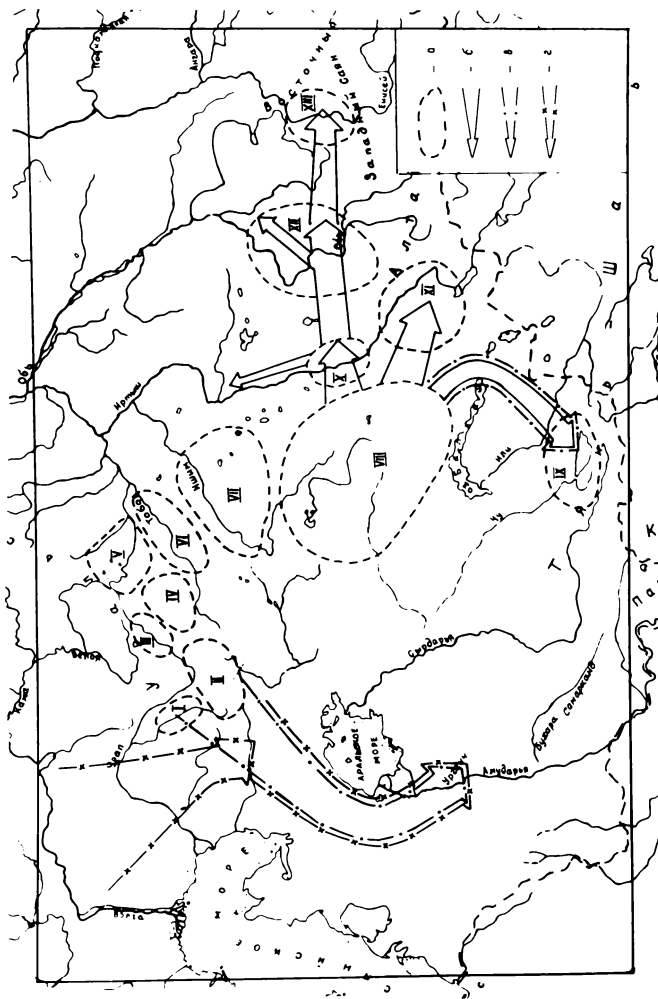

Рис. 5. Этнические движения в XV—XIII вв. до н.э.

(а — границы локальных вариантов; б — федоровский тип; в — смешанные типы; г — срубная культура)

как по форме, так и по орнаментации налепными валиками, шишечками-налепами, елкой, разделенной вертикальными линиями, и пр. (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 29–32, рис. 9).

Очень существенно, что все ведущие типы металлических изделий петровцев имеют генезис на западе, а основные типы петровских палиев сходны с абашевскими и многоваликовыми. Кремневый и костяной инвентарь также находит аналогии в культурах европейской степи. Таким образом, есть основание предполагать, что памятники алакульского типа формируются на западе андроновского ареала в результате взаимодействия местного энеолитического населения с пришедшими с запада носителями культур полтавкинской, абашевской и многоваликовой керамики.

Продвижение петровцев и их потомков алакульцев на восток по территории Казахстана, видимо, вызывает в XV–XIII вв. до н.э. миграцию части родственного федоровского населения, которое постепенно отесняется далее на восток — в Южную Сибирь, сменяя там местные культуры: кротовскую, самусьскую и окуневскую (рис. 5). Другая часть федоровцев остается на месте, вступая в контакт с алакульцами, что приводит к образованию на территории Казахстана синкретических типов памятников.

В XV–XIII вв. до н.э. огромные территории оказываются освоенными андроновцами: от лесной зоны на севере до среднеазиатских оазисов на юге.

Анализ керамического материала в некоторых случаях позволяет проследить продвижение населения одного локального варианта на новую территорию. Так, по сходству технологии гончарства можно предполагать, что федоровское население Южной Сибири пришло на восток с Иртыша; из Центрального Казахстана, видимо, продвинулись на Тянь-Шань создатели семиреченского варианта, оттуда расселившиеся на Памир, а население, оставившее в Хорезме временные стоянки рядом с тазабагъябскими поселками, пришло из Приуралья.

Причину передвижений степных племен, видимо, следует искать в специфике экстенсивной скотоводческой экономики. Быстрому расселению способствовали подвижной характер быта скотоводов и использование колесниц.

Андроновцами впервые в истории Старого Света были выведены специализированные породы лошадей: тяжеловозы, достигавшие 160 и больше см высоты в холке, для транспортировки больших телег и кибиток, и предназначенные для запряжки в легкие колесницы высокопородные тонконого лошади — предки знаменитых коней несейской породы (Цалкин, 1972б).

На широкое распространение колесниц у носителей андроновской и срубной культур указывают открытие остатков колесниц в могильниках петровских и раннеалакульском в Центральном Казахстане — Сатан (АО 1980, с. 434), захоронения в срубных и андроновских могилах запряжных коней

или их голов и ног, многочисленные находки костяных псалий. На смену петровским дисковидным псалиям с шипами в середине второго тысячелетия приходят дисковидные псалии без шипов, находящие аналогии в культурах Подунавья, и прямоугольные, ранний вариант которых, представленный в Мирном IV в Приуралье, может рассматриваться как прототип II класса металлических псалий Передней Азии (Смирнов, 1961; Кузьмина, 1980в; Hüttel, 1981).

О культе колеса и колесницы у носителей срубной и особенно андроновской культур свидетельствуют находки глиняных моделей колес и бронзовых блях, имитирующих колесо со спицами, а также сосудов с изображениями колесниц с конной запряжкой или колес со спицами в алакульском могильнике Спасское и срубных Сухая Саратовка II, Политотделское, Львово, Полянский и из Ждановского музея (Кузьмина, 1974; Häusler, 1981).

Стиль изображений колесниц на сосудах сходен с изображениями на петроглифах Казахстана — Тамгалы, Каратау, Смагул, Тянь-Шаня — Саймалы-Таш и Памира — Текке-Таш, Акджилга (Кадырбаев и др., 1977; Шер, 1980; Кузьмина, 1980а), что дает надежные основания, во-первых, отнести петроглифы ко второй половине II тыс. до н.э., во-вторых, говорить о широком распространении культа колесницы у носителей андроновской общности.

В религии андроновских и срубных племен первостепенное значение имели жертвоприношения: заклинание коней, быков и овец совершалось на общенародных торжествах, при основании поселения, при закладке дома, а также при погребении.

Другим важным фактором в идеологии срубных и особенно андроновских племен был культ огня. Археологическое отражение его — специальные зольники на поселениях и круглые или прямоугольные культовые очаги в жилищах, находки в могилах обгорелого дерева, угля и золы, а также практика трупосожжения.

Важнейшей чертой идеологических представлений был культ предков. Захоронения совершались в могильных ямах, перекрытых курганными насыпями, иногда окруженными деревянной или каменной оградой. У некоторых групп андроновского населения сооружение прямоугольной или чаще круглой каменной ограды было обязательно. Как у срубников, так и у андроновцев наряду с обрядом труположения практиковался обряд трупосожжения. У некоторых групп федоровского населения трупосожжение было обязательным (Сорокин, 1966; Маргулан и др., 1966; Сальников, 1967; Максименков, 1978). Отмечены случаи парных разнополюх захоронений, вероятно, связанные с выделением парной семьи, и обособленные детские погребения, иногда вынесенные на особые кладбища. Захоронения сопровождалась тризной — в могилы ставились сосуды с едой и клались принесенные в жертву животные — овца, бык и конь (или только их головы и ноги).

В андроновских могильниках XV–XIV вв. до н.э. среди десятков рядовых сооружений — курганов и оград диаметром 6–15 м, высотой 0,15–0,4 м, содержащих захоронения со стандартным набором инвентаря, выделяется по несколько курганов (часто с монументальными оградами) диаметром до 40 м, высотой до 1,5 и даже 2,5 м с большой погребальной камерой. Алакульские могилы, прямо продолжая петровскую традицию, имеют набор вооружения: нож-кинжал, иногда копье, каменный или бронзовый топор, булаву, колчан со стрелами — и сопровождаются парой коней колесничной запряжки. Такие захоронения воинов характерны и для памятников покровского типа II этапа срубной культуры.

Эти данные позволяют сделать вывод о стратификации пастушеских племен и выделении особого сословия воинов-колесничих, занимавших привилегированное положение в обществе (Кузьмина, 1977; Смирнов и др., 1977), и сословия рядовых общинников-пастухов. Класс ремесленников не выделился, ремесленное производство не было специализированным и оставалось не товарным, а домашним, рассчитанным на удовлетворение потребностей общины.

У срубников и андроновцев были развиты ручное гончарство, камне- и деревообработка и косторезание, прядение, ткачество, бортничество и особенно металлообработка. В бронзолитейном деле и рудодобыче андроновцами были достигнуты большие успехи, металл шел на экспорт: олово из Центрального и Восточного Казахстана и металлические изделия, изготовленные из руды еленовско-ушкатинских месторождений Приуралья, обнаружены на многих срубных памятниках широкого ареала (Черных, 1970; Членова, 1983). Следовательно, у андроновцев наметилось обособление кузнецов, остававшихся еще внутри общины, и существовал обмен.

Основным типом жилища в евразийских степях была большая полуземлянка, рассчитанная на обитание большесемейной общины (иногда с несколькими мальми очагами, возможно, предназначенными для малых парных семей). Дома группировались в поселки, которые можно рассматривать как место жительства патронимии, имевшей общее кладбище; поселки располагались по малым рекам, составляя отдельные микрорайоны, в которых можно видеть территории родовых групп. Микрорайоны концентрировались в локальные варианты, которые есть основания соотносить с отдельными племенами, поскольку их территория отделена от соседнего варианта необжитой зоной и, главное, поскольку в пределах локального варианта выявляются некоторые особенности гончарного производства, являющегося важнейшим этнографическим признаком, отражающим племенную специфику.

Первоначально хозяйство степняков было оседлым комплексным, сочетавшим занятия земледелием с придомным скотоводством, что доказывается, во-первых, монументальностью долговременных андроновских домов, во-вторых, на-

личием в них ям для хранения зерна, в-третьих, находками зерен злаков, земледельческих орудий, серпов, пестов, зернотерок.

По остеологическим данным андроновских поселений, на первом месте по количеству особей в стаде в лесостепи стоит корова, в степи — овца, на третьем — лошадь. Учитывая большую плодovitость овцы и ее малый вес, устанавливается, что в мясном рационе андроновцев в степи говядина составляла 60-70%, конина — 20-30%, баранина — только 10% (Цалкин, 19726, с.80). Таким образом, в экономике андроновцев в XVII-XIV вв. до н.э. главная роль принадлежала крупному рогатому скоту. При придомном скотоводстве скот зимой содержат в загонах, а летом пасут на близлежащих пастбищах и вечером пригоняют в поселок для дойки, что гарантирует определенный пищевой рацион.

Однако придомное скотоводство не дает возможности прироста поголовья скота, численность которого строго лимитирована ограниченной территорией ближайших угодий; к тому же от постоянного перевыпаса за 20-25 лет пастбища истощаются и приходится переносить поселок на новое место. Интенсификация животноводства в степях могла быть достигнута только путем перехода от придомного к полукочевому типу скотоводства. При полукочевом (яйлажном) скотоводстве основное население живет в стационарном поселке, а пастухи весной угоняют стада на дальние пастбища в пустыню или на высокогорные альпийские луга, зимой же скот возвращается, часть стада содержится у поселка, но не в загонах, а в степи, в стаде возрастает процент лошадей и овец, способных совершать длительные перекочевки и добывать корм из-под снега (тебеневать).

Эта более прогрессивная форма хозяйства зародилась в степях еще в энеолите и развитии бронзовом веке (Шилов, 1975), но особенное значение приобрела в последней четверти II тыс. до н.э. в южных степных андроновских областях, что доказывается различиями в остеологических материалах зон: в лесостепи на долю овец приходилось около 40% особей, в степи — около 60 и даже 80% (Цалкин, 19726, с.80, табл.15); резко возросла роль лошади, поголовье которой увеличивается в лесостепи с 7-10 до 15-18%, в степи с 14 до 30-36%.

Утверждению в азиатских степях полукочевой формы хозяйства способствовал ряд факторов, медленно вызревавших в недрах пастушеского общества в предшествующие эпохи.

1. Среди всех культур бронзового века Евразии именно андроновская обладала стадом, наиболее пригодным для перекочевки, в котором полностью отсутствовала свинья, а главная роль перешла к лошади и овце (Цалкин, 19726, с.66-81). Именно андроновцами впервые в степях стал использоваться и сделаться культовым животным двугорбый верблюд, необходимый при перекочевках. Роль этого животного документируется находками костей верблюдов на посе-

лениях, ритуальными захоронениями, изображениями в пластике и на петроглифах (Кузьмина, 1963б; 1980а). Андроновцы научились перерабатывать и хранить молочные продукты: найдены сосуды с отверстиями, предназначенные для приготовления сыра (Сальников, 1951, с.124).

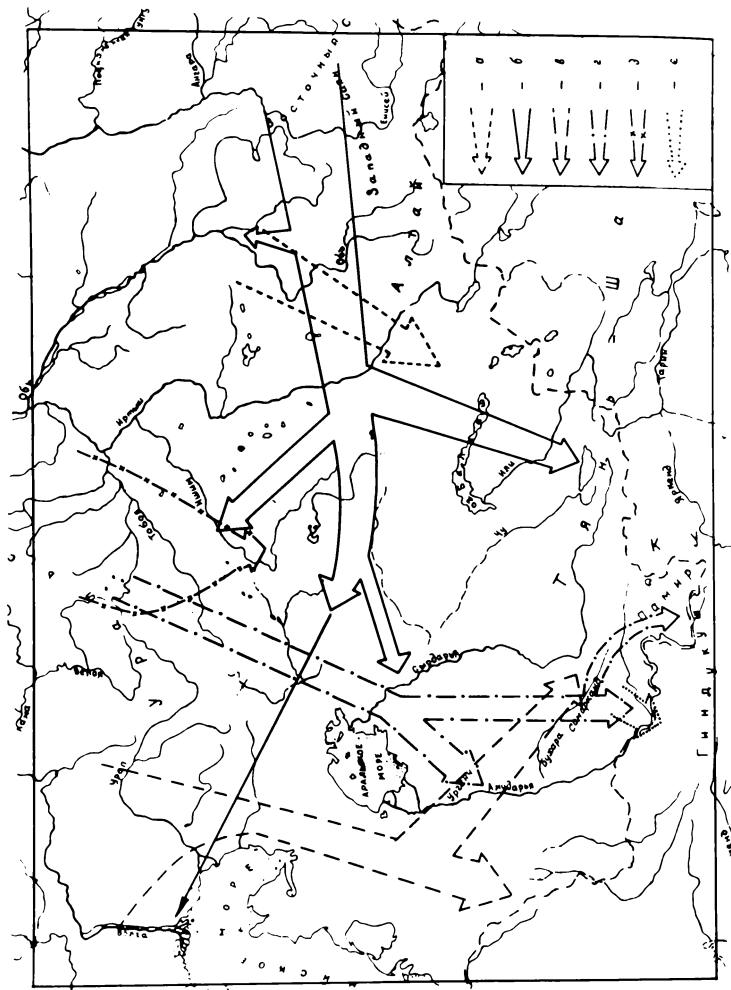
2. Важнейшей инновацией явилось изобретение легкого каркасного жилища — протоюрты, без которого невозможны дальние передвижения. Многогранные или круглые жилища с легким каркасом из жердей открыты на поселениях Чаглинка, Атасу, Бугулы, Новоникольское I, Петровка II, на стоянке Джанбас 34 в Хорезме (Маргулан и др., 1966, с.208, 248; Оразбаев, 1970, с.136—139; Зданович С.Я., 1979, с.9; Итина, 1977, с.105, 106).

3. Большое значение имело также совершенное андроновцами изобретение колодцев. Они выявлены на поселениях Тасты-Бутак, Чаглинка и других (Сорокин, 1962; Оразбаев, 1970). Картографирование стоянок пастухов второй половины II тыс. до н.э. в пустынях Средней Азии показывает, что они тянутся с севера на юг цепочками и приурочены к колодцам, которые использовались вплоть до XX в., отмечая маршруты сезонных перекочевок, впервые проложенные пастухами бронзового века (Виноградов А.В. и др., 1973, с.102—103; Кузьмина, Ляпин, 1983).

4. Немаловажно было также умение пастухов хорошо ориентироваться в степи, привычка периодически менять место жительства. Комплекс этих факторов способствовал переходу андроновцев сначала к полукочевому, а затем и к кочевому хозяйству, причина же этого перехода крылась в самом характере экстенсивного скотоводства, требующего для увеличения поголовья скота расширения пастбищ.

Поскольку на севере территория степи ограничена зоной тайги, непригодной для скотоводов, то новые угодья можно было искать только на юге, что и определило направление миграций.

Возможно, что продвижению на юг способствовала и смена экологических факторов. Известно, что в степи периодически складываются благоприятные для скотоводства условия, за короткое время возрастает поголовье скота и возникает давление избыточного населения, что требует передела пастбищ и вынуждает часть населения мигрировать. В другие периоды возникают неблагоприятные условия, эпизоотии, что также становится причиной миграции, побуждая покинуть район, ставший непригодным для традиционного хозяйства. По некоторым данным, в XIII—X вв. до н.э. климат в степях стал более суровым и неблагоприятным. В это время возникла и политическая причина миграции андроновского населения на юг: из Центральной Азии и Южной Сибири в Казахстан стали продвигаться племена карасукской культуры, а с севера двинулись в Казахстан лесные народы. Комплексом этих причин можно объяснить активизировавшийся-

ся в XIII—XII вв. до н.э. процесс медленного, но неуклонного продвижения пастушеских племен на юг (рис.6).

Классификация срубных и андроновских материалов (Агапов и др., 1983; Зданович Г.Б., 1973; 1984; Кузьмина, 1982) позволяет в настоящее время установить их культурную принадлежность, а также исходную территорию и время миграций.

Одна волна срубников из Поволжья и Приуралья достигла Ташкентского оазиса, где ими оставлены погребения в Янги-Юле, Ореховском, у Сараагачских минвод (Оболдуева, 1955). По обряду (ориентировка на восток и север, охра) могилы типичны для срубной культуры Поволжья, по неорнаментированному горшкам они датируются III и IV этапами.

Основной поток срубников шел от левобережья р.Урал вдоль северного и восточного берега Каспийского моря, где тянется на юг цепочка стоянок у колодцев, и далее вдоль южной кромки песков Каракум и вдоль р.Мургаб у границы с поселениями древних земледельцев культуры Анау. На стоянках восточного Прикаспия и Туркменистана обнаружена грубая лепная керамика без орнамента или с бедным геометрическим декором и с налепными валиками (Кузьмина, 1963в), а также каменные стрелы, бронзовый дротик (БалаИшем) и копье (Ашхабад), по форме и составу металла (оловянистая бронза) типичные для культур евразийских степей (Кузьмина, 1966, с.91, табл.19, 20). Рядом с стоянками открыты могильники Патма-сай и Каралемата-сай в Больших Балханах и Гызылгыкум и Парау I, II у Кызыл-Арвата. Курганы с каменной насыпью или кольцом содержат грунтовую яму или каменный ящик. Погребенные лежат скорченно головой на восток или северо-восток и сопровождаются сосудами с бедным геометрическим орнаментом или без декора (Мандельштам, 1966). Обряд и керамика типичны для позднесрубной культуры Поволжья; каменные конструкции указывают на андроновское влияние.

Пришлый характер пастушеского населения подтверждается данными антропологии: черепа из могильников Туркмении принадлежат к протоевропеоидному типу евразийских степей (Гинзбург и др., 1972, с.69-70).

В керамике стоянок Туркмении черты, характерные для раннесрубной посуды I и II этапов, отсутствуют, она находит аналогию среди позднесрубной посуды Поволжья IV и V этапов. Следовательно, миграция на юг из Поволжья и Приуралья происходила на позднем этапе развития срубной

← Рис.6. Этнические движения в XII—IX вв. до н.э.

(а — лесные культуры Сибири; б — дандыбаевская культура;

в — срубная культура IV и V этапов; г — федоровский тип;

д — черкаскульская культура; е — бишкентская (вахшская) культура)

культуры. Пришлое пастушеское население вошло во взаимодействие с аборигенами-земледельцами культуры Анау. Керамика степного типа многочисленна в культурном слое периода Намазга VI анауских поселений в подгорной полосе Копет-Дага — Анау, Елькен-тепе, Намазга, Серманча, Теккем и на Мургабе — Аучин, Тахирбай 3, 13, 15, Гонур 1, Таип и др. (Массон, 1959, с.27, 116, табл. XI; Кузьмина, 1963в; Сарияниди, 1975; Масимов, 1979, с.121, рис.6, 30—36). В Теккем-тепе выявлена драматическая картина пожара и гибели земледельческого поселка, на пепелище которого пришельцы-пастухи устроили свое становище (Ганялин, 1956, с.36). На поселениях Намазга, Елькен, Таип степная керамика с налпным валиком также перекрывает культурный слой Намазга VI. Эти данные позволяют утверждать, что вторжение с севера степных скотоводческих племен способствовало гибели культуры земледельцев, видимо, переживавшей внутренний кризис.

Другая волна пастушеских племен двигалась на юг из западноандроновских областей по Эмбе на Мангышлак, где андроновская волна сливалась со срубной.

Третий поток из Приуралья и Западного Казахстана шел в Северное Приаралье (стоянки у Аральска и Саксаульской) и далее в Кызылкумы и на территорию тазабагыябской культуры в Хорезм. Андроновская посуда федоровского и особенно кожумбердинского типов найдена в Бешбулаке, на стоянках Джанбас 34 и Кокча 19, на Акчадарье в заполнении тазабагыябского арыка, на поселении Кокча 15, где тазабагыябское жилище №7 перекрыто слоем андроновской керамики, из чего следует, что андроновские пастухи освоили для сезонного выпаса стад одно из русел Акчадарьи после пересыхания ирригационных каналов, вынудившего земледельцев-тазабагыябцев покинуть этот участок (Ити-на, 1977, с.79—82, 104—109, 119—121, 136, рис.3, 22, 24, 39, 40, 57, 59, 61).

Другой район распространения андроновцев составляют горы, окружающие оазисы Ташкента и Самарканда. В Аурахмате, Искандере, Муминабаде, Чакка открыты погребения, по обряду трупоположения с литыми браслетами и рожками или серьгами с раструбом родственные позднеандроновским погребениям Центрального Казахстана предбегазинского времени, т.е. XII—XI вв. до р.э. (Кузьмина, 1966, с.71, 72; Аскар, 1969).

В горах Тянь-Шаня исследован могильник Арпа, по обряду трупосожжения и сосудам с ковровым орнаментом аналогичный памятникам федоровского типа Центрального Казахстана XIV—XIII вв. до н.э. (Бернштам, 1952, с.19—20). Позднефедоровская посуда найдена на Иссык-Куле и в Пригородном.

В горах Семиречья изучены могильники Таш-түбе II, Таш-Башат, Бешташ, Джазы-Кечу (Каракмат), Тегирменсай и др. с оградами, содержащими захоронения с погребенными, ле-

жащими скорченно головой на запад, или с трупосожениями, сопровождающимися украшениями, ножом и бедно орнаментированной керамикой (Кузьмина, 1970; Галочкина, 1977), аналогичной посуде поселений Джал-Арык, Фрунзе и Каинда, где она сосуществует с посудой с наклепным валиком, что определяет дату могильников Семиречья XII—X вв. до н.э. Семиреченские могильники близки памятникам позднеатасуского и предбегазинского типов Центрального Казахстана. Это позволяет связать появление семиреченских памятников с освоением группами андроновских племен богатых пастбищ Тянь-Шаня.

Далее на юг андроновские могильники открыты на Памире в Кокуйбель-су, Кзыл-рабате, Южбоке II (Литвинский, 1962, с.246—248; Бабаев, 1980). Как и на Тянь-Шане, сочетаются обряд трупосожения и скорченного трупоположения и грубые сосуды, обычные для других позднеандоновских памятников. На Памире открыты также петроглифы с изображением колесниц, аналогичные наскальным изображениям Казахстана и Киргизии.

Андроновская керамика позднефедоровского типа есть в Северной Бактрии на стоянке у совхоза Кирова, у Джилі-кульской переправы, у Кара Буры, на Вахше, Саксанохуре (Литвинский и др., 1972; он же и др., 1969, с.161), на поселениях Кангурт-туд и Тегузак и в могильнике Тандыр-йул (Пьянкова, 1981; Виноградова, 1980; Kouzmina, Vinogradova, 1983) позднего моллалитепинского этапа бактрийского варианта земледельческой культуры Анау фазы Намазга VI. На поселениях найдены металлические изделия, по форме и составу (высокооловянистая бронза) типичные для восточноандоновской металлургической провинции: хвостатые ножи, в Кангурт-туде — литейная форма кинжала с кольцевым упором, характерного для памятников алексеевского типа XII—X вв. до н.э., на поселении Карим-Берды в комплексе с керамикой типа Яз I — позднеандоновский кельт со сквозной втулкой X—VIII вв. до н.э.; в случайных находках в Согде и Бактрии известны другие типы позднеандоновских кельтов и разнотипные стрелы (Кузьмина, 1966, с.23, 34).

На поселениях Кангурт-туд и Тегузак выявлены большие жилища с глинобитными стенами на каменном фундаменте с глиняным раствором. Эта строительная техника находит аналогии в позднеандоновском домостроительстве Центрального Казахстана (Маргулан, 1979, с.299). Интересно, что аналогичные конструкции зафиксированы в Свате в Алиграме и Бир-Кот-Гхундай (Stacul, 1978, с.137f). Основное занятие населения поселков — отгонное скотоводство, на что указывают топография, остеологические материалы и головка лошадки из Кангурт-туд. В керамическом комплексе сочетаются сделанная на гончарном круге посуда, типичная для позднего моллалитепинского этапа бактрийского (сапаллинского) варианта земледельческой культуры перио-

да Намазга VI, и лепная посуда, среди которой выделяется керамика позднеандроновского типа. В шурфе на Тегузаке последняя составляет до 43%.

Федоровские черты проявляются в погребении 25 могильника Тандыр-йул: в каменной ограде, в ориентированной на юго-запад могиле захоронена женщина с типично федоровской серьгой с раструбом и сосудом с каннелюрами позднефедоровского типа. Еще один андроновский горшок найден в могиле №2 в комплексе с круговыми сосудами. В других могильниках Северной Бактрии единичные позднефедоровские сосуды сочетаются и с гончарными горшками земледельцев, и с посудой скотоводческой бишкентской культуры.

Сложная и дискуссионная проблема формирования и связей бишкентской культуры здесь не будет рассматриваться, но следует отметить, что, по мнению А.М.Мандельштама (1968) и Е.Е.Кузьминой (1972а, б), в ее сложении участвовал андроновский комплекс, а могильники этой культуры сопоставимы с некрополями Свата и Гомала, с которыми они сближаются по ряду черт погребального обряда (сочетание кремации и ингумации, каменные ограды), по типам сосудов и украшений, распространению культа коня и ритуальных захоронений животных, не имеющих истоков в предшествующих культурах Индостана и восходящих к кругу евразийских степных культур.

Проникновение и воздействие северных пастушеских племен прослеживается также в Южной Бактрии: на левобережье Амударьи найдена степная керамика (Сарианиди, 1977, рис.66), а на поселении Шортугай степная керамика стратиграфически залегает выше слоя хараппской культуры и перекрывающих хараппский город погребений бишкентской культуры Бактрии (Francfort H.-P., 1979).

Таким образом, южные форпосты проникновения пастушеских евразийских племен прослежены вплоть до Афганистана и северо-запада Индостана. С этим движением, несомненно, связано и появление на поселении Мергар в Пакистане фигурок лошадей и двугорбых верблюдов, и распространение на севере Индостана изображений колесниц на петроглифах, стилистически сходных не с переднеазиатскими профильными, а с андроновскими плановыми (Кузьмина, 1982).

Воздействием последней волны пастушеских племен позднебронзового века, вероятно, обусловлена мода орнаментировать сосуды налепными валиками. Лепная керамика с налепными валиками с косыми насечками, щипцами и спускающимися усами типична для памятников самого конца эпохи бронзы (XI—IX вв. до н.э.) в Туркмении (Яз I), Узбекистане (Кучук), Афганистане (Тилля-тепе) (Массон, 1959; Аскарлов, Альбаум, 1979; Сарианиди, 1972). Возникшая в технике ручного налета, орнаментация налепными валиками не имеет истоков в гончарной посуде земледельческих культур переднеазиатского круга. Она появилась в южно-

русских степях и Подунавье в XIII в. до н.э. и характерна для позднебронзовых культур широкой зоны евразийских степей XIII–IX вв. до н.э.: Ноа в Подунавье, позднесрубной сабастиновского и белозерского этапов на Украине, хвалынского и нурского этапов Поволжья, позднеандроновской алексеевского типа в Казахстане.

Посуда с налепными валиками с усам известна в Иране в тепе Гияне в верхнем слое (Contentau, Ghirshman, 1942, р.1.8, 13), где найдены также типично степные двукольчатые удила, псалии и литые бляшки с петелькой, указывающие на присутствие северного населения, которое Р.Гиршман первоначально считал иранцами, мигрировавшими из степей.

Наконец, керамика с валиками с усам присутствует в Трое, в слое VII В, который датирован К.Блегеном (Blegen, 1958, с.2) 1200–800 гг. до н.э. и связан с миграцией группы индоевропейского населения из Подунавья в Малую Азию.

Появление валиковой орнаментации на посуде, а также сопутствующее ему распространение двукольчатых удил, псалиев и литых бляшек с петелькой, известных по находкам в Иране (Гиян), Афганистане (Тилля-тепе, Нади Али), Свате, отражает продвижение на юг северных пастушеских племен.

Приведенные данные указывают на основное направление этнических передвижений в Евразии во II тыс. до н.э., шедших с севера на юг, что соответствует традиционной точке зрения о локализации прародины индоиранцев в евразийских степях и их последующем продвижении через территорию Средней Азии в Индию и Иран.

Что касается земледельцев Ирана и юга Средней Азии, то в силу специфики оседлого ирригационного земледельческого хозяйства они были привязаны к оазисам и, не имея ни многовекового опыта перекочевок в пустынях и высокогорьях, ни необходимых для этого стада, транспорта, жилища, инвентаря, не были способны совершить массовое переселение в Причерноморье из Ирана через Среднюю Азию и Прикаспий. Никаких следов такой миграции в археологических материалах нет.

Эти данные позволяют видеть в носителях одной или нескольких археологических культур евразийской степи — и прежде всего в андроновской — древних индоиранцев.

IV. ГЕНЕЗИС КАТЕГОРИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИНДОИРАНСКИХ И ИРАНСКИХ НАРОДОВ

Серьезным подтверждением этой гипотезы служит сохранение в этнографии современных народов Таджикистана, части Афганистана и Северо-Западного Пакистана, говорящих на реликтовых иранских и индоарийских языках, тради-

ций материальной и духовной культуры, восходящих к андроновской эпохе, и установление непрерывной генетической преемственности этих традиций от эпохи бронзы. Особенно важны такие этнически определяющие категории, как гончарство, домостроительство, костюм, круг религиозных представлений.

Гончарство. В эпоху энеолита в Старом Свете сложились две большие резко отличные зоны керамического производства.

I. В зоне древних земледельцев Передней Азии выделилось специализированное гончарное ремесло, мастера-ремесленники работали на рынок, посуда изготовлялась на гончарном круге, обжигалась в специальных горнах и покрывалась росписью. В Месопотамии круг был изобретен в середине IV тыс. до н.э., в Индии употреблялся с предхарапской эпохи, в Иране — с периода Сиалк III, 4, Гиссар I, B, в Туркмении — с III тыс. до н.э. с периода Намазга IV (Francfort H., 1927; Массон, 1956, с.295—309; Масимов, 1976). С III тыс. в Иране (Шах-тепе, Гиссар) и части Туркмении (Ак-тепе) изготовлялась гончарная серо-черная керамика.

II. В зоне пастухов евразийской степи (а также в Центральной Европе) керамическое производство оставалось домашним, женщины лепили посуду вручную, спиральным или кольцевым налепом, обжигали ее в костре и орнаментировали штампованным декором (Воеводский, 1936). Андроновцы применяли формовку на матерчатом шаблоне и технику кольцевого налепа из трех лент с донным началом и орнаментировали сосуды штампованным узором и налепными валиками (Кузьмина, 1983). Та же технология гончарства сохранилась у сменивших андроновцев в раннем железном веке ираноязычных савроматов и саков (Смирнов, 1964, с.112—127; Акишев К.А. и др., 1963, с.265, 266). В неизменном виде женское ручное гончарство дожило до наших дней на Памире; мастерицы применяют андроновские методы формовки на шаблоне, кольцевой налеп и костровой обжиг (Пешерева, 1959). Совершенно аналогичная техника используется реликтовыми индоарийскими группами в Северо-Западном Пакистане в Читрале, Гомале и Свате (Rue, Evans, 1976).

Анализ ведических текстов, изданных В.Рау (Rau, 1972) — Шатапатха-брахманы и четырех самхит Черной Яджурведы, — содержащих подробное предписание способа изготовления ритуальных сосудов, показывает, что ведические арии применяли ту же технологию, что и современные дарды, кафиры, памирцы и древние андроновцы. Керамика лепилась вручную методом кольцевого налепа из трех лент с донным началом, обжигалась в костровой яме и орнаментировалась налепными валиками и изредка — штампом. Особенно существенно сходство техники кольцевого налепа в три ленты и наличие квадратных сосудов, специфичных именно для андроновского гончарства, которые не могли возникнуть конвергентно.

В ведических источниках подчеркивается отличие ритуальной посуды, изготовленной самими ариями традиционным методом, "как делали ангирасы — отцы", обученные гончарству богиней-матерью Адити, от бытовой посуды, сформированной на гончарном круге аборигенным ремесленником-шудрой, не принадлежащим к арийской общине. Из этого следует, что традиции ручного гончарства были принесены ариями с прародины, которая может локализоваться только в евразийской степи, поскольку в Передней Азии, Иране и Индии эта технология не применялась (Грантовский, 1981; Кузьмина, 1983). Эта гипотеза надежно подтверждается и лингвистическими данными: название ведийского ритуального сосуда "укха", согласно словарю М. Майрхофера, имеет индоевропейские соответствия в латыни и готском, ведийское "капала" — в латыни. Название сосуда "кумбха" безупречно соответствует авестийскому "хумб", таджикскому "хум", памирскому (ягнобскому) "хумб" — сосуд и площадка для обжига; название "куллала", которое в позднем санскрите стало обозначать горшечника, соответствует ягнобскому "калла" — "глина", "сосуд", согдийскому "калла" — "глина", "кувшин", а нижняя часть заготовки сосуда "бунук" в таджикском восходит к авестийскому "буна" — "низ" и ведическому "бундхья" — "дно", "нижний мир".

Следовательно, гончарство ведических ариев было родственно керамическому производству ираноязычных народов, и истоки сложения этой единой традиции прослеживаются не в земледельческих культурах Ирана и Передней Азии, а в пастушеских культурах евразийской степи, прежде всего — андроновской.

Домостроительство. В эпоху энеолита в Старом Свете выделились две большие резко отличные зоны домостроительства.

I. В зоне древних земледельцев Передней Азии сложилось жилище так называемого индоевропейского типа. Это наземный многокамерный дом из пахсы или кирпича, обычно с внутренним двором, с плоской кровлей, с закрытой печью-тануром или камином. Социальная функция жилища — место обитания нескольких малых семей. Основной тип поселения — кварталы сплошной застройки (ТТСЖ, 1981; Массон, 1976, с. 119-120).

II. В зоне пастухов евразийских степей (а также отчасти в Центральной Европе) сложился тип полуземляночного большого однокамерного дома каркасно-столбовой конструкции из дерева, иногда с глиняной обмазкой, с двускатной коньковой крышей, открытым очагом или костром. Социальная функция жилища — место обитания большой патриархальной семьи. Основной тип поселения — свободная застройка.

В безлесных районах наряду с домами с двускатной кровлей сооружались жилища с пирамидально-ступенчатым сводом из уменьшающихся сверху деревянных рам со световым от-

верстием вверх (Грязнов, 1953, с.144, рис.63; Маргулан, 1979, с.305, рис.220).

В разных зонах при зарождении архитектуры жилища строительная техника была обусловлена экологическими причинами, а планировочное решение — социально-экономическими потребностями общества. Однако, будучи выработаны в эпоху неолита, домостроительные навыки в дальнейшем стали традиционными чертами культуры у конкретных народов, длительно сохранялись у потомков и переносились при миграции в иную географическую зону, став этническим индикатором. Непосредственное продолжение срубно-андроновские домостроительные традиции нашли в архитектуре ираноязычных племен раннежелезного века саков, савроматов и скифов (Граков, 1971, с.61, 62, 152, 153; Акишев К.А. и др., 1963, с.31–40; Смирнов, 1964, с.89, 90). При переселении потомков скифов осетин на Кавказ у них сохранился тип большого дома, близкий скифскому и срубно-андроновскому и существенно отличающийся от сакли соседних аборигенных народов Кавказа (Калоев, 1971, с.145–163). Жилище осетин напоминает дом нартов, а некоторые осетинские архитектурные термины восходят к древнеиранским (Абаев, 1965, с.130). Андроновские домостроительные традиции сохранились и на противоположном конце пояса евразийских степей — у ираноязычных народов горного Таджикистана и Афганистана. Здесь строят большие однокамерные дома-полужемлянки с пирамидально-ступенчатой кровлей (чор-хона), в которых проживает по 40–80 членов большой патриархальной семьи (Андреев, 1958, с.267–273, 420–480; Воронина, 1951, с.256–271). Дома аналогичной конструкции сохраняются в Пакистане, в Читрале (Stein, 1912, fig.20).

Близкий тип дома представлен на зимниках ираноязычных скотоводов — курдов, кочующих в Передней Азии (ТТСЖ, 1981, с.78–79). В Гиляне, Мазендеране, Нуристане, у джемшидов Афганистана сооружаются деревянные дома с каркасно-столбовой конструкцией и двускатной кровлей (ТТСЖ, 1981, с.106, 107, 134–136; Гафферберг, 1948, с.131).

Таким образом, в окраинных районах Ирана и Афганистана и у пастушеских ираноязычных народов Ирана и Передней Азии сохраняются жилища, отличные от домов индопереднеазиатского типа, не имеющие истоков в ближневосточном домостроительстве эпохи бронзы, но находящие аналогии и прототипы в степях Евразии, что, видимо, указывает на северный генезис их создателей.

Не исключено, что таково же происхождение дома центрально-североиндийского типа, имеющего деревянный каркас и двускатную коньковую крышу (ТТСЖ, 1981). Эти дома принадлежат только представителям высоких каст и этнокастовых групп, сохраняющим институт большой патриархальной семьи и ведущим свой род от ведических ариев. Поскольку эти жилища соседствуют с домами индопереднеазиатского типа, принадлежащими лицам низших каст, и строятся в

различных географических зонах, можно полагать, что их специфика обусловлена не экологическими условиями, а домостроительными традициями, чуждыми создателям древнеиндийской цивилизации и принесенными ариями из зоны евразийских степей, где прослеживается генезис этих традиций.

Л.Рену (1939) проанализированы ведические тексты, содержащие описания постройки и разборки жилища, на основании которых дом ведических ариев реконструируется как большая прямоугольная полуземлянка площадью около 100 кв.м (12—16×10—12 шагов) каркасно-столбовой конструкции с вкопанными в пол многочисленными столбами по периметру и центральными поддерживающими кровлю опорными столбами, главный из которых называется "царским". Тип кровли, сооруженной из уложенной поверх балок соломы или циновки, не вполне ясен; не исключено, что в одних случаях описана коньковая двускатная крыша, в других — пирамидально-ступенчатый свод, как в памирском доме. Вход-пандус закрыт дверью, в центре находятся очаги: круглые хозяйственные и прямоугольный культовый. Очень близко данное в Авесте в Ардвисур Яште (V, 101) описание жилища Анахиты: "дом... с сотней световых отверстий... с тысячей опорных столбов". Из всех археологически засвидетельствованных домов Евразии II тыс. до н.э. эти описания наиболее соответствуют большому андроновскому каркасно-столбовому жилищу с рядами опорных столбов и пирамидально-ступенчатой кровлей со светодымовыми отверстиями.

Эта гипотеза подтверждается лингвистическими данными. Название дома в индоиранских языках — общеиндоевропейское (Renou, 1939, с.497-498; Барроу, 1976, с.98), и у всех индоевропейских народов оно обычно прилагается к деревянному жилищу с двускатной кровлей, а не к переднеазиатскому. Названия опорного столба, двери также общеиндоевропейские. Общеиранское название жилища восходит к глаголу "кан" ("копать"), т.е. отражает жилище типа землянки. Общеиранский термин *vi-dá* "строить жилище" засвидетельствован в Авесте (Benveniste, 1955, с.301) и сохранился в шугнанском *wibun* "потолок" для обозначения пирамидально-ступенчатого свода "чор-хона". К авестийскому слову "стуна" — "столб", имеющему соответствие в санскрите, восходит персидское и таджикское "сутун" и шугнанское "сетан" — опорный столб памирского дома (Лившиц, 1963, с.141, 505).

Следовательно, древние иранцы и ведические арии имели общие домостроительные традиции, восходящие не к архитектуре дома индоевропейского типа, а к большому каркасно-столбовому жилищу пастушеских культур евразийских степей, прежде всего — андроновской.

Костюм. Во II тыс. до н.э. в Евразии известно два различных типа костюма, детали которых были обусловлены

экологическими и хозяйственными особенностями зон. Костюм земледельческих народов Передней Азии и Ирана хорошо известен по многочисленным изображениям в искусстве. Мужчины носили длинную широкую одежду свободного покроя, а иногда только юбку и ходили босиком или в сандалиях, головные уборы отсутствовали. Варианты этих костюмов сохранились у аборигенных переднеазиатских народов в первой половине I тыс. до н.э. и представлены, например, на рельефах Персеполя (Dutz, 1971).

Костюм пастушеских народов евразийской степи реконструируется по археологическим данным. В могильнике Орак найден кожаный островерхий колпак, в Андронове, Ораке и Пристани — остатки шерстяных вязаных или плетеных шапок с высоким коническим верхом и спускающимися наушниками. Остроконечные колпаки реконструируются также по расположению украшений в Алакуле, Алыпкаше и Улюбае (Сосновский, 1934, с.95, 96; Максименков, 1978, с.14, 72; Сальников, 1951, с.139) и в срубном погребении Золотая Нива II в Поволжье (АО 1976, с.150).

Аналогичные колпаки были отличительной особенностью и этническим атрибутом костюма ираноязычных кочевников степи I тыс. до н.э., о чем свидетельствуют письменные источники (Геродот, VII, 64), изображения в искусстве и находки в скифских и сакских курганах (Степанов, 1916, табл.V, VI; Кузьмина, 1958, с.124, 125; Мирошина, 1977, с.79 и сл.; Акишевы А.К. и К.А., 1980, с.14–31). Следует подчеркнуть, что, судя по рельефам Персеполя и произведений коропластики и глиптики, в I тыс. до н.э. колпак был принадлежностью костюма не только кочевников степи, но и ираноязычных земледельцев Хорезма, Согда, Бактрии, Ирана и Мидии (Dutz, 1971, taf.13, 15, 17; Dalton, 1964, pl. IV, X, XIV, XV, XLI).

Название колпака — *kurpāsa* — древний общий индоиранский термин (Bailey, 1955), из чего следует, что индоиранцы носили его еще на прародине. В Передней Азии и доахеменидском Иране эта принадлежность костюма была неизвестна¹⁸, генезис ее прослеживается в степях.

Обувью андроновцам служили кожаные высокие сапоги, перевязанные у щиколотки ремнем с бусами. Сапоги найдены в погребениях Орак и Пристань (Максименков, 1978, с.14), а завязки — во многих андроновских могилах. Такую же обувь носили кочевники евразийских степей в I тыс. до н.э., судя по находкам в курганах и изображениям в искусстве (Степанов, 1916, табл.V, VI; Руденко, 1953, с.111).

На рельефах Персеполя в сапогах представлены не только саки и скифы, но и земледельческие ираноязычные наро-

¹⁸ Индоевропейцы хетты носили колпаки другого фасона, а фракийцы и фригийцы — фасонов, близких к иранским.

ды — хорезмийцы, бактрийцы, мидийцы, персы (Dutz, 1971, Taf.1, 3, 4, 7, 13, 15, 17; Dalton, 1964, pl.XIV, XV). В степях сапоги известны с ямного времени (АО 1983, М., 1985, с.360). Поскольку андроновцы носили сапоги, им, вероятно, были известны брюки — идеальная одежда степных наездников. Судя по персидским рельефам и изображениям Амударьинского клада, брюки были принадлежностью костюма и земледельческих ираноязычных народов (Dutz, 1971, Taf.1, 3, 4, 7, 11, 13, 15—17; Dalton, 1964, pl.XV). Х.Бейли (Bailey, 1955) установлено, что слово "штаны" — древний общеиндоиранский термин, следовательно, брюки степняков возникли на прародине.

Андроновские женщины носили две косы, что устанавливается по находкам нитей бус с наконечниками в погребениях в Алексеевке, Алакуле, Таты-Бутаке, Байту, Сатане, Улюбае и др. В ахеменидскую эпоху, судя по материалам глиптики, во всем переднеазиатском регионе такую прическу носили только ираноязычные персиянки и бактрийки (Кузьмина, 1979, рис.1, 2).

Итак, важнейшие этнографические индикаторы: женская прическа, головной убор, костюм и обувь — резко выделяют ираноязычные народы Ирана, Афганистана и Средней Азии от других народов Передней Азии, которым этот костюм совершенно чужд, но находят соответствие в одежде и прическе ираноязычных кочевников I тыс. до н.э., а пережитки этого комплекса сохраняются у народов Памира (Андреев, 1958, с.243—252, рис.49, 50, 89). Учитывая этнографическую значимость костюма и то, что, по лингвистическим данным, некоторые его части имеют древние индоиранские названия, следует полагать, что он сложился на прародине. Поскольку в переднеазиатском регионе этот костюм не имеет истоков, а его генезис прослеживается в андроновской культуре, эти данные не подтверждают гипотезы о миграции индоиранцев из Передней Азии и служат серьезным аргументом в пользу индоиранской принадлежности андроновцев.

* * *

Вопрос об индоиранской принадлежности андроновцев уже подробно рассматривался (Смирнов, Кузьмина, 1977; она же, 1981а; Генинг, 1977; Членова, 1983). Отмечалось, что реконструируемая по археологическим данным картина хозяйства пастушеских племен евразийской степи в эпоху энеолита и бронзы хорошо согласуется с картиной экономики и быта древнейших индоиранцев, реконструируемой на основании Ригведы и древнейших частей Авесты ("широкий арийский простор" (Арианам Ваэджо), могучие реки, в том числе Рангха (Волга), Рипейские горы (Урал), сочные луга, табуны коней и стада коров, ритуальные жертвоприношения коней и быков, колесницы воинов).

Подчеркивалось, что важнейшими этническими индикаторами, указывающими не вообще на индоевропейскую, а именно на индоиранскую принадлежность андроновской культуры, являются отсутствие в андроновском стаде свиньи, необычайно широкое развитие коневодства и конных колесниц и культ коня и колесницы и распространение верблюдоводства и культа двугорбого верблюда, соответствующие специфике культуры древних индоиранцев, реконструируемой по лингвистическим данным.

Наоборот, данные о хозяйстве и земледельческих, и пастушеских племен Передней Азии не согласуются с картиной быта индоиранцев. Судя по документам из Мари, небольшие общины, основу хозяйства которых составляло подвижное скотоводство, выделились в Передней Азии во II тыс. до н.э. и ютились на окраине плодородных земель в зоне от 100 до 250 мм осадков в год, где земледелие невозможно (Кленгель, 1967; Klengel, 1962, с.585—596; Kupper, 1957). В истории скотоводства на Ближнем Востоке намечаются две стадии: I — овцы и осла, II — верблюда и коня (Walz, 1959). В эпоху бронзы основным было овцеводство. В ассирийскую и ахеменидскую эпохи овцеводство оставалось главной отраслью хозяйства (Геродот, III, 113). Кочевая форма скотоводства, характерная для современных бедуинов, не сложилась вплоть до распространения верблюдоводства и коневодства в I тыс. н.э.

Двугорбые верблюды-бактрианы появились в Передней Азии с востока в ассирийскую эпоху, но не получили широкого распространения. Одногорбые верблюды-дромадеры были domestцированы на Ближнем Востоке и применялись там уже в III-II тыс. до н.э. (Кузьмина, 1963б; 1980а; Buillet, 1975), но верблюдоводство стало главной отраслью хозяйства кочевников только в развитии железном веке. Страбон (XVI, III, 1; IV, 2, 17, 18) сообщает, что в Аравии "кочевники на верблюдах сражаются, разъезжают на них, питаются их молоком и мясом".

Что касается коневодства, то, хотя лошадь была известна в Передней Азии уже в III тыс. до н.э., коневодство не получило там развития (Кузьмина, 1977), и основными поставщиками лошадей вплоть до ассирийской и ахеменидской эпох были области Малой Азии и Армянское и Иранское нагорья, заселенные индоевропейскими коневодческими народами (Янковская, 1956). Распространение же коневодства у кочевников на Ближнем Востоке произошло очень поздно, в Аравии, например, только в средние века, после завоевания арабами Средней Азии (Витт, 1937), причем конными всадниками были только знатные кочевники, рядовые же владели лишь одногорбыми верблюдами.

Таким образом, данные о хозяйстве пастушеских племен Передней Азии, специализировавшихся во II тыс. до н.э. на овцеводстве, а в железном веке — на верблюдоводстве,

не согласуются с картиной быта индоиранцев, что служит еще одним важным аргументом против гипотезы о переднеазиатской прародине индоиранцев.

* * *

Итак, проверка на археологическом материале двух основных лингвистических гипотез о локализации прародины индоиранцев и времени и путях их миграции пока, как будто, не подтверждает переднеазиатской гипотезы.

Напротив, в пользу степной гипотезы свидетельствуют данные об очень ранней социальной стратификации пастушеского общества, начиная с IV тыс. до н.э., и о выделении в нем в XVII—XVI вв. до н.э. воинов-колесничих.

Серьезным подтверждением этой гипотезы являются также археологические данные о культе предков, подкурганном обряде захоронения, сооружении ограды и особых детских кладбищ, сочетании кремации и ингумации, культе огня и очага, бестиарии культовых животных, включающем коня, быка, барана и двугорбого верблюда, что хорошо согласуется со свидетельствами письменных источников и языка об идеологических представлениях индоиранцев.

Это предположение подтверждается данными антропологии: ираноязычные таджики, племена раннежелезного века большей части Средней Азии и евразийских степей были потомками андроновцев, а не эмигрантами из Передней Азии, в то же время группы современного населения Ирана и Северной Индии, принадлежащие к антропологическому типу, сформировавшемуся в Передней Азии, отличаются большой смешанностью, что указывает на участие в их формировании пришлого компонента (Алексеев, 1981, с.199—207).

Индоиранская атрибуция пастушеских культур (прежде всего андроновской) проверялась также методом совмещения археологической карты с картой гидронимов и топонимов¹⁹ и подтверждением на археологических материалах установленных лингвистически контактов индоиранцев с древними греками и финно-уграми (Кузьмина, 1981а). Поскольку были получены непротиворечивые результаты, эти данные, по-видимому, должны учитываться при рассмотрении проблемы происхождения индоиранцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, 1965. — *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
Абаев, 1972. — *Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоевропейских народов. — Древний Восток и античный мир. М., 1972.
Абаев, 1981. — *Абаев В.И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов. — ЭПИЦАД. 1981.

¹⁹

Эта работа для Сибири была проделана Н.Л.Членовой (1983).

- Агапов и др., 1983. — *Агапов С.А., Васильев И.Б.* и др. Срубная культура лесостепного Поволжья. — Культура бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Акишев К.А., 1973. — *Акишев К.А.* Саки азиатские и скифы европейские. — Археологические исследования в Казахстане. А.-А., 1973.
- Акишев К.А., Акишев А.К., 1980. — *Акишев К.А., Акишев А.К.* Происхождение и семантика исыкского головного убора. — Археологические исследования древнего средневекового Казахстана. А.-А., 1980.
- Акишев К.А. и др., 1963. — *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р.Или. А.-А., 1963.
- Алексеев, 1981. — *Алексеев В.П.* Антропологические аспекты индоиранской проблемы. — ЭПИЦАД. 1981.
- Алиев, 1960. — *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960.
- Андреев, 1958. — *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф. Вып. II. Душ., 1958.
- Аскарлов, 1969. — *Аскарлов А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде. — ИМКУ. Вып. 8, 1969.
- Аскарлов, 1977. — *Аскарлов А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Таш., 1977.
- Аскарлов, Альбаум, 1979. — *Аскарлов А., Альбаум Л.И.* Поселение Кучуктепа. Таш., 1979.
- Бабаев, 1980. — *Бабаев А.Д.* Могильник Южбок III — памятник эпохи бронзы на западном Памире. — АРТ. Вып. 15, Душ., 1980.
- Барроу, 1976. — *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.
- Березанская, 1960. — *Березанская С.С.* Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. — СА. 1960, № 4.
- Березанская, 1982. — *Березанская С.С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
- Бернштам, 1952. — *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26. М.-Л., 1952.
- Вибигов, 1965. — *Вибигов С.Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого триполья. — СА. 1965, № 1.
- Вибигова, 1967, 1970. — *Вибигова В.И.* К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. — БМОИП. XXII, вып. 3, 1967; XXV, вып. 5, 1970.
- Бонгард-Левин, 1969. — *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Древняя Индия. М., 1969.
- Бонгард-Левин, Грантовский, 1976, 1983. — *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. М., 1976; 2-е изд. 1983.
- Борисов, 1975. — *Борисов А.А.* Климаты СССР в прошлом, настоящем и будущем. Л., 1975.
- Братченко, 1976. — *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Бугаев, 1946. — *Бугаев В.А.* Климат Средней Азии и Казахстана. Таш., 1946.
- Бучинский, 1957. — *Бучинский И.Е.* Древний климат Русской равнины. Л., 1957.
- Вайман, 1961. — *Вайман А.А.* Шумеро-вавилонская математика. М., 1961.
- Васильев, 1981. — *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

- Виноградов А.В., 1968. — *Виноградов А.В.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.
- Виноградов А.В., 1981. — *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы среднеазиатского Междуречья. М., 1981.
- Виноградов А.В. и др., 1973. — *Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е., Смирин В.М.* Новые первобытные памятники в Северном Приаралье. — Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Виноградов А.В. и др., 1975. — *Виноградов А.В., Мамедов Э.* Первобытный Лявлякан. М., 1975.
- Виноградов Н.Б., 1983. — *Виноградов Н.Б.* Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа). Автореф. канд. дис. М., 1983.
- Виноградова, 1980. — *Виноградова Н.М.* О раскопках могильника Тандырыул в 1975 г. — АРТ. Вып.15, 1980.
- Витт, 1937. — *Витт В.О.* Лошадь древнего Востока. — Конские породы Средней Азии. М., 1937.
- Воеводский, 1936. — *Воеводский М.В.* К изучению гончарной техники. — СА. 1936, №1.
- Воронина, 1951. — *Воронина В.Л.* Жилище Ванча и Язгулема. — Архитектура республик Средней Азии. М., 1951.
- Воронцов и др., 1972. — *Воронцов Н.Н., Коробицина К.К.* и др. Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец. — Природа. 1972, №3.
- Галочкина, 1977. — *Галочкина Н.Г.* Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы. — Кетмень-тюбе. Фрунзе, 1977.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1972. — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка. — Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Тезисы. М., 1972.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1980а. — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейские миграции. — НАА. 1980, №1.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1980б. — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. — ВДИ. 1980, №3.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1981. — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии. — ВДИ. 1981, №2.
- Ганялин, 1956. — *Ганялин А.Ф.* Теккем-тепе. — ТИИАЭ АН ТуркмССР. Т. II, Аш., 1956.
- Гафферберг, 1948. — *Гафферберг Э.Г.* Жилище джемшидов Кушкинского р-на. — СЭ. 1948, №4.
- Гафуров, 1972. — *Гафуров Б.Г.* Таджики. М., 1972.
- Генинг, 1975. — *Генинг В.Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н.э. — Новейшие открытия советских археологов. Ч.1. Киев, 1975.
- Генинг, 1977. — *Генинг В.Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. — СА. 1977, №4.
- Георгиев, 1958. — *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Герасимов, 1937. — *Герасимов И.П.* Основные черты развития современной поверхности Турана. — ТИГАН СССР. Вып.25, 1937.

- Герценберг, 1972. — *Герценберг Л.Г.* Морфологическая структура слова в индоиранских языках. Л., 1972.
- Гинзбург и др., 1972. — *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Горбунов, 1976. — *Горбунов В.С.* Классификация абашевских могильников Башкирии. — Древности южного Урала. Уфа, 1976.
- Граков, 1971. — *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971.
- Грантовский, 1970. — *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грантовский, 1981. — *Грантовский Э.А.* "Серая керамика", "расписная керамика" и индоиранцы. — ЭПИЩАД. 1981.
- Громова, 1949. — *Громова В.И.* История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. — Труды палеонтологического института. XVII. М., 1949.
- Грязнов, 1953. — *Грязнов М.П.* Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. — КСИИМК. Вып.50, 1953.
- Гулямов и др., 1966. — *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура в низовьях Зеравшана. Таш., 1966.
- Дандамаев, Луконин, 1980. — *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Даниленко, 1974. — *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974.
- Даниленко и др., 1972. — *Даниленко В.М., Шмаглый М.М.* Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. — Археологія. 1972, № 6.
- Динесман, 1977. — *Динесман Л.Г.* Биогеоценозы степей в голоцене. М., 1977.
- Дьяконов И.М., 1956. — *Дьяконов И.М.* История Мидии. М.-Л., 1956.
- Дьяконов И.М., 1981. — *Дьяконов И.М.* К методике исследований по этнической истории ("Киммерийцы"). — ЭПИЩАД. 1981.
- Дьяконов И.М., 1982. — *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. — ВДИ. 1982, № 3, 4.
- Дьяконов М.М., 1961. — *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Елизаренкова, 1972. — *Елизаренкова Т.Я.* Древнейший памятник индийской культуры. — Ригведа. М., 1972.
- Ерохина, 1959. — *Ерохина А.А.* Почвы Оренбургской области. М., 1959.
- Збенович, 1974. — *Збенович В.Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
- Зданович Г.Б., 1973. — *Зданович Г.Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. — ВАУ. Вып.12, 1973.
- Зданович Г.Б., 1984. — *Зданович Г.Б.* К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве. — КСИА. Вып.177, 1984.
- Зданович Г.Б. и др., 1980. — *Зданович Г.Б., Зданович С.Я.* Могильник эпохи бронзы у с.Петровка. — СА, 1980, № 3.
- Зданович С.Я., 1979. — *Зданович С.Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. канд.дис. М., 1979.
- Зирра, 1960. — *Зирра В.* Культура погребений с охрой в закарпатских областях РНР. — Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960.
- Иванов, 1963. — *Иванов В.В.* Хеттский язык. М., 1963.

- Иванов, 1974. — *Иванов В.В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aṣva* — "конь". — ПИЯКНИ. 1974.
- Иванов, Топоров, 1960. — *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Санскрит. М., 1960.
- Ильинская, 1965. — *Ильинская В.А.* Культурные жезлы скифского и предскифского времени. — Новое в советской археологии. М., 1965.
- Интродукция, 1970. — Интродукция культурных растений. Кишинев, 1970.
- Итина, 1961. — *Итина М.А.* Могильник бронзового века Кокча 3. — МХЭ. Вып.5. М., 1961.
- Итина, 1977. — *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
- Кадырбаев и др., 1977. — *Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. А.-А., 1977.
- Калоев, 1971. — *Калоев Б.А.* Осетины. М., 1971.
- Кальянов, 1967. — *Кальянов В.И.* Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе. — Махабхарата. Кн.4. Л., 1967.
- Кассин, 1947. — *Кассин Н.Г.* Материалы по палеогеографии Казахстана. А.-А., 1947.
- Качалова, 1962. — *Качалова Н.К.* К вопросу о памятниках полтавского типа. — АСГЭ. Вып.5, 1962.
- Качалова, 1976. — *Качалова Н.К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья. — АСГЭ. Вып.17, 1976.
- Качалова, 1978. — *Качалова Н.К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья. — СА. 1978, № 3.
- Киселев, 1949. — *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1949.
- Кияшко, 1974. — *Кияшко В.Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф.канд.дис. М., 1974.
- Клапчук, 1970. — *Клапчук М.Н.* Стоянка Караганда 15. — СА. 1970, № 4.
- Клезу, 1982. — *Клезу С.* Железный век Тюрнг-тепе и его связи со Средней Азией. — Древнейшие культуры Бактрии. Душ., 1982.
- Кленгель, 1967. — *Кленгель Х.* Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии. — ВДИ. 1967, №4.
- Ковалев, 1965. — *Ковалев П.В.* О различиях в проявлении среднеголоценовой ксеротермической фазы. — Природные и трудовые ресурсы левобережной Украины и их использование. Харьков, 1965.
- Крупнов, Мерперт, 1963. — *Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я.* Курганы у станицы Мекенской. — Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Кузьмина, 1958. — *Кузьмина Е.Е.* Могильник Заман-баба. — СЭ. 1958, № 2.
- Кузьмина, 1962. — *Кузьмина Е.Е.* Новый тип андроновского жилища в Оренбургской обл. — ВАУ. Вып.2, 1962.
- Кузьмина, 1963а. — *Кузьмина Е.Е.* Бронзовый шлем из Самарканда. — СА. 1963, № 4.
- Кузьмина, 1963б. — *Кузьмина Е.Е.* Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской обл. и проблема доместики бактрианов. — СА. 1963, № 2.

- Кузьмина, 1963в. — *Кузьмина Е.Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963.
- Кузьмина, 1966. — *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, В 4-9. М., 1966.
- Кузьмина, 1970. — *Кузьмина Е.Е.* Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. — КСИА. Вып.122, 1970.
- Кузьмина, 1972а. — *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии (Бактрийский мираж и археологическая действительность). — ВДИ. 1972, №1.
- Кузьмина, 1972б. — *Кузьмина Е.Е.* Культура Свата и ее связи с северной Бактрией. — КСИА. Вып.132, 1972.
- Кузьмина, 1973. — *Кузьмина Е.Е.* Навершие со всадниками из Дагестана. — СА. 1973, № 2.
- Кузьмина, 1974. — *Кузьмина Е.Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. — ВДИ. 1974, № 4.
- Кузьмина, 1975. — *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культурного комплекса могильника Кхерай. — КСИА. Вып.142, 1975.
- Кузьмина, 1976. — *Кузьмина Е.Е.* Две коллекции из Западного Казахстана. — Сообщения Гос. Эрмитажа. XLI, 1976.
- Кузьмина, 1977. — *Кузьмина Е.Е.* Распространение коневодства и культура коня... у народов Старого Света. — Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Кузьмина, 1979. — *Кузьмина Е.Е.* О двух перстнях Амударьинского клада с изображением царик. — СА. 1979, № 1.
- Кузьмина, 1980а. — *Кузьмина Е.Е.* Этапы развития колесного транспорта Средней Азии. — ВДИ. 1980, № 4.
- Кузьмина, 1980б. — *Кузьмина Е.Е.* Роль Северного Прикаспия в истории энеолитических культур Евразии. — Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980.
- Кузьмина, 1980в. — *Кузьмина Е.Е.* Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей. — КСИА. Вып.161. М., 1980.
- Кузьмина, 1981а. — *Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. — ЭПИЦАД. 1981.
- Кузьмина, 1981б. — *Кузьмина Е.Е.* Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен. — Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981.
- Кузьмина, 1982. — *Кузьмина Е.Е.* Андроновская культурная общность. — Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982.
- Кузьмина, 1983. — *Кузьмина Е.Е.* Происхождение гончарства ведических ариев. — МАЙКЦА. 5, 1983.
- Кузьмина и др., 1982. — *Кузьмина Е.Е., Мерперт Н.Я., Шилов В.П.* Новое в изучении культуры бронзового века евразийских степей. — *Studia praehistorica.* Sofia. 1982, № 5/6.
- Кузьмина и др., 1983. — *Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А.* Новые находки степной керамики эпохи бронзы на Мургабе. — Древние культуры Туркменистана. Аш., 1983.
- Курков, 1968. — *Курков А.А.* Основные этапы развития ландшафтов азиатских пустынь в кайнозойе. — ИАН, СГ. 1968, № 6.

- Лагодовська и др., 1962. — *Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Махаревич М.Л.* Михайлівське поселення. Київ, 1962.
- Лелеков, 1978. — *Лелеков Л.А.* [Рец. на:] *Chirahman R.* L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden, 1977. — НАА. 1978, № 5.
- Лелеков, 1982. — *Лелеков Л.А.* К новейшему решению индоевропейской проблемы. — ВДИ. 1982, № 3.
- Лесков, 1964. — *Лесков А.М.* Древнейшие роговые псалли из Трахтемирова. — СА. 1964, № 1.
- Лившиц, 1963. — *Лившиц В.А.* Общество Авесты. — ИТН. Т.1. М., 1963.
- Лисицина и др., 1977. — *Лисицина Г.Н., Прищепенко Л.В.* Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
- Литвинский, 1962. — *Литвинский Б.А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайракумов. — Древности Кайракумов. Душ., 1962.
- Литвинский, 1963. — *Литвинский Б.А.* Бронзовый век. — ИТН. Т.1. М., 1963.
- Литвинский, 1964. — *Литвинский Б.А.* Таджикистан и Индия. — Индия в древности. М., 1964.
- Литвинский, 1967. — *Литвинский Б.А.* Археология Таджикистана за годы советской власти. — СА. 1967, № 3.
- Литвинский, 1972. — *Литвинский Б.А.* Древние кочевники Крыши мира. М., 1972.
- Литвинский, 1981. — *Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э. — ЭПИЦАД. 1981.
- Литвинский и др., 1969. — *Литвинский Б.А., Мухитдинов Х.* Античное городище Саксанохур. — СА. 1969, № 2.
- Литвинский и др., 1972. — *Литвинский Б.А., Соловьев В.С.* Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. — УСА. Вып.1, 1972.
- Луконич, 1977. — *Луконич В.Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Максименков, 1978. — *Максименков Г.А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Мандельштам, 1964. — *Мандельштам А.М.* [Рец. на:] *Vanden Berghe L.* La necropole de Khurvin. — СЭ. 1964, № 4.
- Мандельштам, 1966. — *Мандельштам А.М.* Памятники степного круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. — Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966.
- Мандельштам, 1968. — *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — МИА, № 145. Л., 1968.
- Маргулан, 1979. — *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. А.-А., 1979.
- Маргулан и др., 1966. — *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Надирбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А., 1966.
- Масимов, 1976. — *Масимов И.С.* Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Аш., 1976.
- Масимов, 1979. — *Масимов И.С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба. — СА. 1979, № 1.
- Массон, 1956. — *Массон В.М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А.Куфтина. — ТЮТАКЭ. VII. Аш., 1956.
- Массон, 1959. — *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, № 73. М.-Л., 1959.

- Массон, 1971. — *Массон В.М.* Поселение Джейтун. Л., 1971.
- Массон, 1976. — *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Матюшин, 1981. — *Матюшин Г.Н.* О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала. — Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981.
- Медведская, 1977. — *Медведская И.Н.* Об "иранской" принадлежности серой керамики раннего железного века Ирана. — ВДИ. 1977, № 2.
- Медведская, 1978. — *Медведская И.Н.* Иран последней четверти II тыс. до н.э. Автореф. канд. дис. Л., 1978.
- Мелентьев, 1972. — *Мелентьев А.Н.* Разведка памятников древности в Западном Казахстане. — Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.
- Мелентьев, 1976. — *Мелентьев А.Н.* Памятники неолита северного Прикаспия. — Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Мерперт, 1966а. — *Мерперт Н.Я.* Этногенез в эпоху энеолита и бронзового века. — История СССР. Т.1. М., 1966.
- Мерперт, 1966б. — *Мерперт Н.Я.* О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. — КСИА. Вып.105. М., 1966.
- Мерперт, 1968. — *Мерперт Н.Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дис. М., 1968.
- Мерперт, 1974. — *Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт, 1980. — *Мерперт Н.Я.* Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века. — Античная балканистика. М., 1980.
- Миков, 1925. — *Миков В.* Происход на надгробните могили в България. — Годишник на народния музей в София. София, 1925.
- Мильков, 1951. — *Мильков Ф.Н.* Очерк физической географии Чкаловской обл. Чкалов, 1951.
- Мильков, 1964. — *Мильков Ф.Н.* Природные зоны СССР. М., 1964.
- Мильков, 1967. — *Мильков Ф.Н.* Основные проблемы физической географии СССР. М., 1967.
- Мирошина, 1977. — *Мирошина Т.В.* Об одном типе скифских головных уборов. — СА. 1977, № 3.
- Мовша, 1961. — *Мовша Т.Г.* О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. — СА. 1961, № 2.
- Мордкович, 1982. — *Мордкович В.Г.* Степные экосистемы. Новосибирск, 1982.
- Нейштадт, 1957. — *Нейштадт М.И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.
- Новикова, 1969. — *Новикова К.А.* Общепалтаские корневые морфемы в тунгусо-манчжурских наименованиях домашних животных. — Проблемы общности алтайских языков. Л., 1969.
- Оболдуева, 1955. — *Оболдуева Т.Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. — КСИИМК. Вып.59, 1955.
- О возникновении и развитии земледелия. М., 1967.
- Окладников, 1956. — *Окладников А.П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. — ТЮТАКЭ. VII. Аш., 1956.

- Оразбаев, 1970. — *Оразбаев А.М.* Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ. — По следам древних культур Казахстана. А.-А., 1970.
- Оразбаев, 1972. — *Оразбаев А.М.* Колодцы на поселении Чаглинка (Шагалалы). — Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.
- Оранский, 1963. — *Оранский И.М.* Иранские языки. М., 1963.
- Оранский, 1979. — *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Пещерева, 1959. — *Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. М., 1959.
- Погрехова, 1977. — *Погрехова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Поливанов, 1969. — *Поливанов Е.Д.* К вопросу о родственных отношениях корейского и алтайских языков. — Статьи по общему языкознанию. М., 1969.
- Попов и др., 1973. — *Попов С.А., Смирнов К.Ф.* Каменный молот-навершие из Оренбуржья. — Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Потемкина, 1983. — *Потемкина Т.М.* Алакульская культура. — СА. 1983, № 2.
- Пряхин, 1976. — *Пряхин А.Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- Пряхин, 1977. — *Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
- Пьянкова, 1981. — *Пьянкова Л.Т.* Юго-западный Таджикистан в эпоху бронзы. — МАИКИА. I. М., 1981.
- Рамстед, 1957. — *Рамстед Г.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Руденко, 1953. — *Руденко С.И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.
- Рындина, 1971. — *Рындина Н.В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971.
- Сальников, 1951. — *Сальников К.В.* Бронзовый век Южного Зауралья. — МИА, № 21, 1951.
- Сальников, 1967. — *Сальников К.В.* Очерк древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Самсонов, 1963. — *Самсонов С.К.* Палеогеография Западной Туркмении в новокаспийское время. М., 1963.
- Сарианиди, 1972. — *Сарианиди В.И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972.
- Сарианиди, 1975. — *Сарианиди В.И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане. — СА. 1975, № 2.
- Сарианиди, 1977. — *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Синюк, 1971. — *Синюк Т.А.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. канд. дис. Воронеж, 1971.
- Синюк, 1979. — *Синюк Т.А.* У истоков древних скотоводческих культур лесостепного Дона. — Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.
- Синюк, 1980. — *Синюк Т.А.* Энеолит лесостепного Дона. — Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

- Смирнов, 1957а. — *Смирнов К.Ф.* О погребениях с коня и и трупосоже-
ниях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. — СА. XXVII, 1957.
- Смирнов, 1957б. — *Смирнов К.Ф.* Проблема происхождения ранних сарма-
тов. — СА. 1957, № 3.
- Смирнов, 1961. — *Смирнов К.Ф.* Археологические данные о древних
всадниках поволжско-уральских степей. — СА. 1961, №1.
- Смирнов, 1964. — *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Смирнов и др., 1977. — *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение
индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.,
1977.
- Сорокин, 1962. — *Сорокин В.С.* Жилища поселения Тасты-Бутак. — КСИА.
Вып. 91, 1972.
- Сорокин, 1966. — *Сорокин В.С.* (ред.). Андроновская культура. Памят-
ники западных областей. — САИ, В 3-2. М.-Л., 1966.
- Сосновский, 1934. — *Сосновский Г.П.* Древнейшие шерстяные ткани Си-
бири. — ПИДО. 1934, № 2.
- Степанов, 1916. — *Степанов П.К.* История русской одежды. I. Пг.,
1916.
- Стоколос, 1983. — *Стоколос В.С.* Существовал ли новокумакский хроно-
логический горизонт? — СА. 1983, № 2.
- Телегин, 1968. — *Телегин Д.Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
- Телегин, 1973. — *Телегин Д.Я.* Середньо-стогівська культура епохи
міди. Київ, 1973.
- Толстов, 1948. — *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов, 1962. — *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта.
М., 1962.
- Тревер, 1940. — *Тревер Н.В.* Серебряное навершие сасанидского штан-
дарты. — ТОВЗ. Т.3, Л., 1940.
- Трубачев, 1960. — *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних
животных в славянских языках. М., 1960.
- Успанов, 1949. — *Успанов У.У.* Земельные ресурсы Западного Казахста-
на. — ВАН КазССР. 1949, №2.
- Федоров, 1957. — *Федоров П.В.* Стратиграфия четвертичных отложений
и история развития Каспийского моря. — ТИГАН. 1957, 10.
- Федорова-Давыдова, 1968. — *Федорова-Давыдова Э.А.* Племена Южного
Приуралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1968.
- Формозов, 1950. — *Формозов А.А.* К вопросу о происхождении андронов-
ской культуры. — КСИИМК. Вып. 39, 1950.
- Формозов, 1959. — *Формозов А.А.* Микролитические памятники азиатской
части СССР. — СА. 1959, № 2.
- Формозов, 1969. — *Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству.
М., 1969.
- Формозов, 1972. — *Формозов А.А.* К истории древнейшего скотоводства
на юге СССР. — ТМОИП. М., 1972, XLVIII.
- Формозов, 1977. — *Формозов А.А.* Проблемы этнокультурной истории ка-
менного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.
- Фрай, 1972. — *Фрай Р.Н.* Наследие Ирана. М., 1972.
- Фрейденберг, 1936. — *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Л.,
1936.
- Харматта, 1981. — *Харматта Я.* Протоиранцы и протоиндийцы в Централь-
ной Азии во II тысячелетии до н.э. (лингвистические данные). —
ЭПИЩАД. 1981.

- Хлопин, 1970а. — *Хлопин И.Н.* Проблемы происхождения культуры степной бронзы. — КСИА. Вып.122, 1970.
- Хлопин, 1970б. — *Хлопин И.Н.* Индоиранцы: земледельцы или скотоводы? — ВИ. 1970, № 10.
- Хлопин, 1970в. — *Хлопин И.Н.* Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. — Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Цалкин, 1956. — *Цалкин В.И.* Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела. — ТЮТАКЭ. VII. Аш., 1956.
- Цалкин, 1970. — *Цалкин В.И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- Цалкин, 1972а. — *Цалкин В.И.* О времени и центрах происхождения домашних животных в свете данных современной археологии. — ИАН. СГ. 1972, № 1.
- Цалкин, 1972б. — *Цалкин В.И.* Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье. — Основные проблемы териологии. М., 1972.
- Цховребов, 1973. — *Цховребов В.К.* Скотоводческая терминология в осетинском языке. Автореф.канд.дис. Тб., 1973.
- Чалая, 1973. — *Чалая Л.А.* Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук. — Археологические исследования в Казахстане. А.-А., 1973.
- Чернецов, 1953. — *Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, № 35, 1953.
- Черников, 1957. — *Черников С.С.* Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. — КСИЭ. Вып.26, 1957.
- Черников, 1960. — *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88, 1960.
- Черных, 1966. — *Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- Черных, 1970. — *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Черных, 1976. — *Черных Е.Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976.
- Черных, 1978. — *Черных Е.Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
- Чеченов и др., 1975. — *Чеченов Н.М., Батиев В.М.* Новые находки древнейших каменных стел в Кабардино-Балкарии. — V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.
- Чигуряева, 1960. — *Чигуряева А.А.* Растительность Заволжья эпохи бронзы. — МИА, № 78, 1960.
- Членова, 1980. — *Членова Н.Л.* О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье. — Античная балканистика. М., 1980.
- Членова, 1983. — *Членова Н.Л.* Предыстория "торгового пути Геродота". — СА. 1983, № 1.
- Шер, 1980. — *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Шилов, 1975. — *Шилов В.П.* Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века. — СА. 1975, № 1.

- Шнирельман, 1980. — Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980.
- Шнитников, 1969. — Шнитников А.В. Внутривековая изменчивость общей увлажненности. Л., 1969.
- Щербак, 1961. — Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
- Энеолит, 1980. — Энеолит Восточной Европы. Куйбьшев, 1980.
- Эрдниева, 1975. — Эрдниева Э.У. Кавказ и Калмыцкая степь в эпоху бронзы. — V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.
- Янковская, 1956. — Янковская Н.Б. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. — ВДИ. 1956, № 1.
- Яншин, 1961. — Яншин А.Л. Вопросы палеогеографии и новейшей тектоники Арало-Тургайской низменности. — Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т.3. М., 1961.
- Bailey, 1955. — Bailey H. Ariana.—Donum Natalicium H.Nyberg Oblatum. Uppsala, 1955.
- Bailey, 1957. — Bailey H. A Problem of the Indo-Iranian Vocabulary. — Rocznik orientalistyczny. XXI. Warszawa, 1957.
- Bailey, 1958. — Bailey H. Languages of the Saka. — Handbuch der Orientalistik. I. Bd.IV. Leiden-Köln, 1958.
- Barrow, 1973. — Barrow T. The Proto-Indoaryans. — JRAS. 1973, № 2.
- Benveniste, 1932. — Benveniste E. Les classes sociales dans la tradition avestique. — JA. 1932, № 21.
- Benveniste, 1949. — Benveniste E. Noms d'animaux en indo-européen. — Bulletin de la Société de Linguistique. P., 1949. T.45. 1.
- Benveniste, 1955. — Benveniste E. Études sur quelques textes sogdiens chrétiens. — JA. 1955, t.243, fasc.3.
- Blegen, 1958. — Blegen C. Troy III. Settlement VII A, VII B, VIII. Vol.IV. Princeton, 1958.
- Bouda, 1956. — Bouda K. Dravidisch und Uralaltaisch. — Lingua. 1956, V, 2.
- Boyce, 1975. — Boyce M. A History of Zoroastrianism.I. Leiden-Köln, 1975.
- Bulliet, 1975. — Bulliet R. The Camel and the Wheel. Cambridge (Mass.), 1975.
- Cattena, Gardin, 1977. — Cattena A., Gardin J.-C. Diffusion comparée de quelques genres de poterie caractéristiques de l'époque achéménide sur le Plateau Iranien et en Asie Centrale. — Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. P., 1977.
- Childe, 1951. — Childe G. The First Wagons and Carts from Tigris to the Severn. — PPS. XVII. L., 1951.
- Childe, 1954. — Childe G. The Diffusion of Wheeled Vehicles. — Ethnographischarchäologische Forschungen. B., 1954.
- Clutton Brock, 1981. — Clutton Brock J. Domesticated Animals from early Times. L., 1981.
- Comşa, 1976. — Comşa E. Considérations portant sur les tombes à ocre de la zone du Bas-Danube. — Istraživanja. V. Bucureşti, 1976.

- Contenau, Ghirshman, 1942. — *Contenau G., Ghirshman R.* Fouilles de Tepé Giyan. P., 1942.
- Coomaraswamy, 1942. — *Coomaraswamy A.* Horse-riding in the Ṛgveda and Atharvaveda. — *JAOS.* 1942, vol.62.
- Dalton, 1964. — *Dalton O.M.* The Treasure of the Oxus. L., 1964.
- Deshayes, 1969. — *Deshayes J.* New Evidence for the Indo-Europeans from the Tureng Tepe, Iran. — *Archaeology.* 1969, 22, №1.
- Domestication, 1969. — Domestication and Exploitation of Plants and Animals. L., 1969.
- Domestikationsforschung, 1973. — Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Budapest, 1973.
- Dutz, 1971. — *Dutz W.* Das Gebet des Königs. Teheran, 1971.
- Francfort H.-P., 1979. — *Francfort H.-P.* The Late Periods of Shortughai and the Problem of the Biskent Culture (Middle and Late Bronze Age in Bactria). — *Southasian Archaeology.* 1979.
- Francfort H., 1927. — *Francfort H.* Studies in Early Pottery of Near East. I. — *Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.* Occasional Papers. L., 1927.
- Ghirshman, 1938. — *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk près de Kachan. P., 1938.
- Ghirshman, 1977. — *Ghirshman R.* L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden, 1977.
- Gimbutas, 1970. — *Gimbutas M.* Proto-Indo-European Culture. — *Indo-European and Indo-Europeans.* Philadelphia, 1970.
- Häusler, 1981. — *Häusler A.* Zur ältesten Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum. — *Ethnographisch-archäologische Zeitschrift.* H.4, 1981.
- Hüttel, 1981. — *Hüttel H.-G.* Bronzezeitliche Trensen in Mittel- und Osteuropa. — *Prähistorische Bronzefunde.* XVI, 2. München, 1981.
- Jadin, 1963. — *Jadin Y.* The Art of Warfare in Biblical Lands. Jerusalem, 1963.
- Jettmar, 1956. — *Jettmar K.* Zur Wanderungsgeschichte der Iranier. — *Die Wiener Schule der Völkerkunde 25-Jährigen Bestand.* Wien, 1956.
- Kane, 1946. — *Kane P.* History of Dharmaśāstra. Poona, 1946.
- Klengel, 1962. — *Klengel H.* Zu einigen Problemen des altvorderasiatischen Nomadentums. — *Archiv Orientalní.* Praha, 1962, t.30,4.
- Kupper, 1957. — *Kupper J.-R.* Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. P., 1957.
- Kuzmina, Winogradova, 1983. — *Kuzmina E.E., Winogradova N.M.* Beziehungen zwischen bronzezeitlichen Steppen- und Oasenkulturen in Mittel Asien. — *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie.* München, 1983.
- Littleton, 1970. — *Littleton S.* Is the Kingship in Heaven Theme Indo-European? — *Indo-European and Indo-Europeans.* Philadelphia, 1970.
- Mayrhofer, 1966. — *Mayrhofer M.* Die Indo-arianer im Alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966.
- Mayrhofer, 1974. — *Mayrhofer M.* Die Arier im Vorderen Orient — ein Mythos? Wien, 1974.

- Morgenstierne, 1973. — *Morgenstierne G.* Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973.
- Otten, 1958. — *Otten H.* Hethitischen Totenrytualen. B., 1958.
- Piggott, 1969. — *Piggott S.* The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. — PPS. 1969, № 84.
- Rau, 1972. — *Rau W.* Topferei und Tongeschirr im vedischen Indien. Wiesbaden, 1972.
- Renou, 1939. — *Renou L.* La maison védique. — JA. 1939, octobre.
- Rye, Evans, 1976. — *Rye O., Evans C.* Traditional Pottery Techniques of Pakistan. — Smithsonian Contributions to Anthropology. № 21. Wash., 1976.
- Stacul, 1978. — *Stacul G.* Excavation at Bir-Kot-ghundai (Swat, Pakistan). — EW. 1978, № 1-2.
- Stein, 1912. — *Stein A.* Ruins of Desert Cathay. L., 1912.
- Walz, 1959. — *Walz R.* Akten des XXIV Internationalen Orientalisten Kongresses. Wiesbaden, 1959.
- Widengren, 1959. — *Widengren G.* The Sacral Kingship of Iran. — *Regalia Sacra.* Leiden, 1959.
- Young, 1965. — *Young T. Cuyler.* The Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500-500 B.C. — Iran. Vol.3. L., 1965.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия. М.
АиС	- Античность и современность. М., 1972.
АРТ	- Археологические работы в Таджикистане. Душ.
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
БМОИП	- Бюллетень Московского общества испытателей природы.
ВАН КазССР	- Вестник Академии наук Казахской ССР. А.-А.
ВАУ	- Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВДИ	- Вестник древней истории. М.
ВИ	- Вопросы истории. М.
ЗХ	- Законы Хаммурапи.
ЗЭ	- Законы Эшнунны.
ИАИ, СГ	- Известия Академии наук СССР. Серия географическая. М.-Л.
ИиПс.	- История и психология. М., 1971.
ИМКУ	- История материальной культуры Узбекистана. Таш.
ИТН	- История таджикского народа. Т.1. М., 1963.
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.-Л.
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.
КСИЭ	- Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
МАИКЦА	- Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. М.
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР.
МХЭ	- Материалы Хорезмской экспедиции. М.
НАА	- Народы Азии и Африки. М.
ПАС	- Переднеазиатский сборник. М.
ПАиК	- Проблемы античной истории и культуры. 1-2. Ер., 1979.
ПИДО	- Проблемы истории докапиталистических обществ.
ПНЯКНИ	- Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.
СА	- Советская археология. М.
САИ	- Свод археологических источников. М.-Л.
СВД	- <i>Рифтин А.П.</i> Старовавилонские документы в собраниях СССР. М.-Л., 1937.
СЭ	- Советская этнография. М.-Л., М.
ТВЛДМ	- Типология и взаимосвязь литератур Древнего мира. М., 1971.

- ТИГАН - Труды Института географии АН СССР.
- ТИИАЭ АН ТуркмССР - Труды Института истории, археологии и этнографии Туркменской ССР. Аш.
- ТМОИП - Труды Московского общества испытателей природы. М.
- ТОВЭ - Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
- ТТСЖ - Типы традиционного сельского жилища народов Юго-западной и Южной Азии. М.
- ТЮТАКЭ - Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Аш.
- УСА - Успехи среднеазиатской археологии. Л.
- ЭПИЩАД - Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.
- AASOR - The Annual of the American Schools of Oriental Researches.
- AfO - Archiv für Orientforschung.
- AHw - *Soden W.von.* Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1958.
- AMI NF - Archäologische Mitteilungen aus Iran, Neue Folge.
- AnOr - *Analecta Orientalia.* Roma. Vol.IX: *Pohl A.* Neubabylonische Rechtsurkunden aus den Berliner Staatlichen Museen. Bd.II, 1934.
- AS - Assyriological Studies of the University of Chicago.
- BASOR - Bulletin of the American Schools of Oriental Research.
- BE - The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform Texts. Philadelphia. Vol.VIII: *Clay A.T.* Babylonian Legal and Commercial Transactions Dated in the Assyrian, Neo-Babylonian and Persian Periods, Chiefly from Nippur. 1908.
- BIN - Babylonian Inscriptions in the Collection of J.B.Nies. New Haven. Vol.I: *Keiser C.E.* Letters and Contracts from Erech, Written in the Neo-Babylonian Period. 1917.
- BiOr - Bibliotheca Orientalis.
- CAD - The Assyrian Dictionary of the University of Chicago. Chicago/Glückstadt, 1956 - ...
- Camb - *Strassmaier J.N.* Inschriften von Cambyses, König von Babylon. Lpz., 1890.
- CBQ - The Catholic Biblical Quarterly.
- CL - Codex Lipit-Eštar.
- CT - Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. Pt XXII, L., 1906.
- Cyr - *Strassmaier J.N.* Inschriften von Cyrus, König von Babylon. Lpz., 1890.
- Dar - *Strassmaier J.N.* Inschriften von Darius, König von Babylon. Lpz., 1892.
- Dd - *Alster B.* Dumuzi's dream. Copenhagen, 1972 (Mesopotamia. Studies in Assyriology. I).

- Dialogue 2 - Disputation between Enkitalu and Enkihegal.
DISO - *Jean Ch.-F., Hoftijzer J.* Dictionnaire des inscriptions sémitiques. Leiden, 1965.
ELA - *Cohen S.* Enmerkar and the lord of Aratta. Dissertation. University of Pennsylvania. Philadelphia, 1973.
Enki und Ninmah - *Génoyillac H.de.* Textes cunéiformes du Louvre. P. XVI, 71.
EOTE - Essays in Old Testament Ethics. N.Y. 1974.
ESKR - *Haase R.* Einleitung in das Studium Keilschriftrechtlicher Rechtsquellen. Wiesbaden, 1965.
EW - East and West. Roma.
EWO - *Bernhardt I., Kramer S.N.* Enki und die Weltordnung. - Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität. Jena.9 (1959/1960), с.231 и сл.
FA - *Falkenstein A.* Fluch über Akkade. - Zeitschrift für Assyriologie. Neue Folge. 1965, 23, с.43 и сл.
GAG - *Soden W.von.* Grundriss der akkadischen Grammatik. Roma, 1952.
GC - Goucher College Cuneiform Inscriptions. New Haven. Vol.I: *Dougherty R.P.* Archives from Erech, Time of Nebuchadrezzar and Nabonidus, 1923.
G.Cyl. A - Gudea, Cylindre A.
HM - Hymn to Martu.
HG - *Kohler J. et al.* Hammurabi's Gesetz. B.1-6. Lpz., 1904-1923.
H - Harvard Semitic Series.
HMMY - *Liver J.* ḫkry mkr' wmgylwt mabr yhwdh. Jerusalem, 1971.
HUCA - Hebrew Union College Annual.
IAAM - The Intellectual Adventure of Ancient Man. Chicago, 1946.
IB - *Jacobsen Th., Kramer S.* Inanna and Bilulu. - Journal of Near Eastern Studies. 1953, XII, с.160-188.
IŠ - *Alster B.* The Instructions to Šuruppak. Copenhagen, 1974 (Mesopotamia, Studies in Assyriology. II).
JA - Journal asiatique. P.
JAOS - Journal of the American Oriental Society.
JBL - Journal of Biblical Literature.
JEN - Joint Expedition with the Iraq Museum at Nuzi.
JESHO - Journal of Economic and Social History of the Orient.
JRAS - Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
Keilschriftrecht - *Korošec V.* Keilschriftrecht. - Handbuch der Orientalistik. 1. Abteilung, Ergänzungsband 3. Leiden, 1964.

- KEWA₁ - *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache.
- KSGVI - *Alt A.* Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel. I-III. München, 1953-1959.
- Lb - *Wülcke C.* Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969.
- MAOG - Mitteilungen der altorientalischen Gesellschaft. Lpz.
- MNS - *Sjöberg Å.* Der Mondgott Nanna-Suen in der sumerischen Überlieferung. Stockholm, 1960.
- Moore - *Moore E.W.* Neo-Babylonian Documents in the University of Michigan Collection. Ann Arbor, 1939.
- Nbn - *Strassmaier J.N.* Inschriften von Nabonidus, König von Babylon. Lpz., 1889.
- OLP - Orientalia Lovaniensia Periodica.
- PEQ - Palestine Exploration Quarterly. L.
- PPS - Proceedings of the Prehistoric Society. L.
- RA - Revue d'assyriologie.
- SBH - *Reisner C.* Sumerisch-babylonische Hymnen nach Thontafeln griechischer Zeit. B., 1898.
- SGL I - *Falkenstein A.* Sumerische Götterlieder. Heidelberg, 1959.
- Šulgi(STVC) - *Chiera E.* Sumerian Texts of Varied Contents. Chicago, 1934 B 9(52, I, 5).
- TCL - Musée du Louvre, Département des Antiquités Orientales, Textes Cunéiformes. P. Vol.IX: *Contenau G.* Contrats et lettres d'Assyrie et de Babylonie. 1926. Vol.XIII: Contrats néo-babyloniens.II. Achéménides et Séleucides. 1929.
- TMHC - Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht Collection. Bd. II/III: *Krückmann O.* Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. Lpz., 1933.
- TPS - Transactions of the Philological Society. L.
- UMBS - Publications of the Babylonian Section. University Museum. University of Philadelphia.
- Urklage I - *Kramer S.N.* Lamentations over the Destruction of Ur. Chicago, 1947.
- Urklage II - The Second Lamentation for Ur (inedit.).
- VS - Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin. Bd.VI, 1908.
- VT - Vetus Testamentum.
- WzB - *Schmidt W.H., Dellling G.* Wörterbuch zur Bibel. B., 1971.
- YOS - Yale Oriental Series. Babylonian Texts. New Haven. Vol.III: *Clay A.T.* Neo-Babylonian Letters from Erech. 1919; VI: *Dougherty R.P.* Records from Erech, Time of Nabonidus. 1920; VII: *Tremayne A.* Records from Erech, Time of Cyrus and Cambyses. 1925.
- ZA NF - Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge.
- ZAW - Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft.
- ZDMG - Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
- ZDPV - Zeitschrift des Deutschen Palästina Vereins. Wiesbaden.
- ZfSl - Zeitschrift für Slavistik.

SUMMARIES

I. M. Diakonoff

ON HETEROGRAPHY AND ITS PLACE IN THE HISTORY OF WRITING

The most ancient case of heterography is the Akkadian cuneiform writing. It is important also for the Iranian scholars, not only because it had certain influence on the Aramaic-Iranian heterography (E. Ebeling), but also, because the development of sumerographic spellings in the Akkadian writing furnishes an important parallel to the development of the spellings in the Iranian writing system.

In the primitive and early ancient societies, when means for logical (deductive) abstraction were but poorly developed, generalizations (necessary for any thinking process) were supplied by tropes, i. e., by metonymic or metaphorical associations. It is well known that this was the origin of myths, but it is not commonly understood that the generalizations needed for practical life were also necessarily achieved through metonymies. This was, *inter alia*, the only way to create the first writing system, as a new semiotic system aimed at transferring information not directly but across time and space. Therefore Sumerian writing emerged originally as a purely mnemonic system, where each figurative sign could either express the word denoting the depicted object, or any other word which denoted a notion connected by a metonymical association with the picture of the object. The field of association of any one sign was limited only by the field of associations of some other sign. The associations may have been by contiguity, by the relation of object with its action, and also by other metonymical ties, among others, by sound association (homophony). I. J. Gelb's "phonetic principle" is not to be regarded as a separate invention, but as one of the types of natural metonymic associations. It was exactly this type of association which made it possible to use the signs in a rebus sense and that in its turn made it possible to introduce into written information such material as auxiliary words, affixes, foreign proper names, etc. So long as Sumerian was a living language, the scribes did not attach great importance to a precise reproduction of the flow of speech, including the system of phonology and morphology; just so such linguistic information was introduced as was necessary for the reader of a more or less standard text to reproduce its sense (but not the exact linguistic form).

No specific reason can be suggested for the fact that Sumerians did invent a writing of their own, while the Akkadians did not. An ideographic writing (implying by this term a system where each sign corresponds not necessarily to one certain word, but usually to a whole field of metonymically associated ideas), is in principle not a reproduction of any individual language; the native language of the scribes is revealed only by the specific use of homophonic associations denoting auxiliary words and homonyms: 1. (WOMAN + SEAT-WIFE) + SKIN is 'his wife' in Akkadian, but 2. (WOMAN + SEAT-WIFE) + VESSEL FOR OIL is 'his wife' in Sumerian (1. 'attat-su, SU being one of the values of the sign 'skin', but 2. dam.a ni, NI being one of the values of the sign 'vessel for oil'. Also the order of signs may correspond to the syntax either of the one or the other language; however, in the early period little importance was attached to the reproduction of syntax.

Writing in Sumerian was more prestigious; Akkadian-speaking scribes had to learn by rote tremendous *farhang*-type lists of terms in their Sumerian form. Akkadian syllabic writing made up of phonetic values of the signs, with few actual sumerograms, had been used along with Sumerian writing in the Old Akkadian period but did not become popular; in the Old Babylonian this method of writing was used in private letters, but in official and legal documents a scribe was required to write the whole text, if possible, in Sumerian, in spite of the fact that it was no longer a spoken language. However, the text was, no doubt, rendered in Akkadian for the benefit of the parties and witnesses in a legal deed, and of higher standing officials in the case of administrative documents. There is some evidence, although rather scant, showing that the scribes, among themselves, continued to pronounce the text in Sumerian. But phrases which the scribe did not remember in Sumerian or that were not included in the curriculum of studying lexicological texts (*farhangs*) were nevertheless written in Akkadian, and even the Sumerian standard formulas were increasingly rendered with flagrant errors. It is probable that such texts were read by the scribes themselves as a mixture of Sumerian and Akkadian words (although translated orally into Akkadian for official use). To mend the situation the *Ana ittišu* manual was composed, including rare legal and administrative expressions, even such as belonged usually to oral transactions. It was, however, too late, and after the destruction of the southern Mesopotamian é-dub-ba's in Samsuiluna's time (second half of the 18th century B.C.), Akkadian writing more and more replaced Sumerian; however, frequent words and formulaic expressions continued to be written

as heterographic insertions in the Akkadian syllabically written texts; one of the reasons, apart from scribal tradition, was that such writings required less space on the tablet.

Heterographic spellings helped to preserve the mnemonic approach to the writing system; it continued to be a semiotic system which, although it was now aimed to reproduce another semiotic system, viz., the language, did not aim to reproduce each linguistic element by one constant and immutable corresponding element of the writing system. Even when using the syllabic signs alone, a word (or part of it) could always be reproduced in writing in several different ways.

What happened in Iran in the middle of the 1st millennium B.C. had many analogies with the above described process. When the Medes and Persians, who had no writing system of their own, had to create an extensive state administration, there was a necessity for written fixation of its transactions. It is obvious that numerous cadres of trained scribes and administrators were needed, who could be found only among speakers of languages foreign to the Iranians. Of course, another outway could be for the Iranians to create a writing of their own and to train their own scribes, but the problem required an urgent solution, and the Aramaic scribes answered the need. However, an attempt to create a writing for the Iranians was actually made.

In another paper I presented a table of all grammatical peculiarities of the so-called "Old Persian" cuneiform script to find typological analogies in other writing systems that could be known to the Medes and Persians, and from where they could borrow for the creation of their own system of writing. It appeared that there are analogies with Akkadian, Aramaic, and – most interestingly – especially with the Urartian system; but no specific 'isogrammatemes' could be found with Elamite, in spite of the fact that Elamite writing is known to have been in official use in Persis as well as in Elam itself. Urartian writing being extinct by the beginning of the 6th century B.C., the only possible conclusion could be that the alleged "Old Persian" writing was created by the Medes, neighbours and contemporaries of the Urartians. Note that the Persians themselves called their writing 'Aryan', i.e. Iranian in a general way, not specifically 'Persian'. There is also good reason to believe that Darius I, apart from being a tyrant, was illiterate in any language, and thus could not be the inventor of the "Old Persian" writing, a notable scholarly achievement. The language of the "Old Persian" inscriptions is not specifically Persian in all particulars, and reminds one of the Assyrian inscrip-

tions of Assurnāširapal and Shalmaneser III, written, like all other Assyrian royal inscriptions, in "Jungbabilonisch" but with very numerous Assyrianisms in phonetics and especially in morphology, and even with whole passages written completely in the Assyrian dialect.

However, an urgent creation of administrative cadres able to write in Iranian was too strenuous a task, and it was never realized. But the Aramaic imperial chancelleries were also, no doubt, a Median creation; the Persian kings long continued to rely on Elamophone scribes and administrators – mostly, no doubt, on Persians trained in Elamite writing. The Aramaic chancellery actually already existed in Assyria and Northern Mesopotamia, which went to Media after the division of the Assyrian heritage between Cyaxares and Nebuchadnezzar II. After conquering Babylonia and Syria, the Persian kings could not introduce there their traditional official Elamite scribal offices, since no one understood Elamite here, but used the Aramaic offices which were already in existence.

During the period of the Achaemenian empire there were enough native Aramaeans to keep up the official scribal tradition; however, cases of introduction of Iranian phrases into the Aramaic text are known (e.g., in the Aršama letters). As to the situation in post-Achaemenian times, it is best compared with the situation in the OB period, when the language of the schools and offices, viz., the Sumerian, was already a dead one, and all scribes were speakers of Akkadian. Thus also in Nisa of the 1st-2nd centuries A.D. all scribes, to judge by their names, were Iranians; and to judge by the texts, they had no active knowledge of Aramaic, apart from the set of standard administrative formulae, which were learned by rote at school. Whenever a scribe knew the Aramaic *Wortlaut* of an administrative formula, he used it, and that was in 99,9 per cent of the practical cases. When he did not, or had forgotten it, he wrote in his own language using the same Aramaic letter-signs. It is quite probable that he still was termed, and called himself, an "Aramaic scribe", just as a Babylonian scribe was a "Sumerian" once he knew how to use the heterographic (Sumerian) spellings.

It is well known since H.H.Schaeder, that the official texts were written in Aramaic but read in Iranian for the benefit of the administrative bosses. It is probable that the scribes read the texts among themselves as the texts stood, i.e. pronouncing the heterogramms without translating it into Iranian (a procedure used by the Parsees even in modern times). I suspect that even the scribes themselves could not answer the question, at what moment their writings ceased to be Aramaic and began to be an Iranian heterographic script.

It is to be supposed, that also in the Elamite chancellery in Persis there existed a custom to render the Elamite written texts, for the benefit of the higher officials, in Persian; however, it seems to me that the situation here differed somewhat from the case of the Aramaic chancelleries. The Sumerians and Akkadians used the *same* system of signs for both languages, and the use of heterography did not involve changing from one writing system to another; the same was the case of Aramaic and Iranian writing. However, the Elamites used not only another *language* that the one their administrators spoke, but also their *writing* was entirely different from any writing ever used for Iranian languages.

The development of Iranian heterographic writing on the base of Aramaic writing went through the following stages: (1) the text was written by bilingual scribes in Aramaic and was interpreted (not precisely translated) for the benefit of the higher officials; (2) for certain standard, stable, recurring Aramaic formulas there had developed certain standard, stable oral translations into Iranian; (3) when the scribes (by this time purely Iranian in most cases) became accustomed to render all that was contained in standard Aramaic formulas by certain standard, commonly known oral Iranian formulas, there emerged a situation when any *standard* text could be read either in an Aramaic or in an Iranian rendering (not necessarily in a literal translation). At this stage the scribe, whenever he did not know or remember the Aramaic equivalent in question, could introduce words and phrases in his own language, using the same Aramaic script; (4) at the last stage the text became Iranian heterographic, which at first meant that all of the text (Aramaic with Iranian inclusions) would be *read* in Iranian; but later, when the scribes had to grapple with nonstandard texts, it meant that the text was also *written* in Iranian, retaining Aramaic spellings for the more current words and phrases. The grid of easy identifiable Aramaic heterograms gave the reader at once a general notion of the contents of the text and helped to identify the contiguous non-vocalized Iranian words. Anyone who knows cuneiform, knows that heterograms, far from hampering easy reading, actually are of a great help to the reader.

Elamite scribes were in a different position. Even being Iranophone in daily life, they could not, in the development of heterographic writing, get further than point (2). It is well known that Elamite transcriptions of Iranisms are based on a very complicated system of reflexes, so that even a trained Iranian scholar has a difficulty to identify the glosses. While the Aramaic scribal tradition could by very gradual steps evolve into the Iranian heterographic tradition, such was not

the case with the Elamite writing. The Elamite offices, even if their texts were interpreted in Iranian for the higher officials, could exist only so long as there were scribes who could write in Elamite. I do not believe that Elamite scribes could at any time be equal to the task of compiling a big non-standard text, making it up from details (like in Meccano) exclusively from loan-translations from Persian: stages (3) and (4) could not develop here.

Some ideas about the meaning of DBh §70 are also formulated in this paper, in the light of the above.

I.T. Kaneva

NOTES ON SUMERIAN GRAMMAR II

The paper is devoted to the analysis of the syntactical functions and values of the Sumerian nouns *ní*, *zi*, *ní-te* when used as pronominal words.

The nouns *ní* and *ní-te* with the ergative morph are used as attributes of the subject, the pronominal suffix agreeing with the subject. The sense is reflexive ("self" - "I myself, you yourself, he himself" etc.).

Pronominalized *zi*, *ní* and *ní-te* can also be used as the direct object: (1) the suffixed pronoun being in agreement with the subject; the words in question express a subject which is at the same time the object of the action. In these constructions the suffixed pronoun may also be absent (implied); (2) the suffixed pronoun being in agreement with the object (or absent): "don't steal anything, you'll be killed yourself", etc.

ní and *ní-te* can also be used as an oblique object (with the morphs of the locative-terminative, the locative, and the instrumental-ablative). With the locative-terminative the sense is 'for oneself' (replacing a dative). With the locative and the instrumental-ablative the expression has an adverbial sense ("of himself", "by himself", "on his own").

ní and *ní-te* with a suffixed pronoun can also function as a postpositive attribute in the genitive.

V.A. Jakobson

NOTES ON THE COURT PROCEDURE AT LARSAM

Cuneiform documents concerning law-suits are rather rare. This results from the very nature of ancient court procedure, the last being competitive and oral. The

transition to a procedure based on an official investigation may in some sense be regarded as a borderline between the Antiquity and the Middle Ages. In the present paper some extant documents concerning law-suits from Larsam are discussed.

The author comes to the conclusion that there always existed in ancient Mesopotamia only one instance of justice, be it city-court, temple-court or king's court. Whenever a necessity of "the god's judgement" arose, the case was transferred to a temple. The court's decision was definitive and not subject to any appeal. This is to be emphasised specially, because the notion of the Mesopotamian king being the supreme judge is now a kind of axiom. But this notion rests only on the *communis opinio doctorum* and is not corroborated by texts. Among the thousands of letters to Mesopotamian kings there are no letters containing any appeal against a court's verdict. And there does not exist even a single letter from any kind cancelling any court's decision.

Nevertheless, the absence of the notion of prescriptive right allowed to resume already resolved cases some time later.

In this paper the translations of the texts TCL X, 34; YOS VIII, 66, 150; TCL X, 139; TCL XI, 243, 245; YOS VIII, 1 are given.

N. B. Jankowska

SCRIBES AND INTERPRETERS AT ARRAPHE

The paper is based on the prosopography of the princes' archive which was found in a suburb of Nuzi (Yorgh-an-tepe, 15 km to the south-west of Kirkuk); material from other archives are also made use of. The time is confined to the three last generations of Arraphe (the third, fourth and fifth). The documents of the princes' archive were compiled by at least 45 scribes, half of whom belonged to the two clans of scribes - that of ApalSin and that of InbAdad, beginning with the grandsons of the founders. Only five of the scribes, however, worked exclusively for that archive, while the others compiled documents also for other clients. Nearly half of the scribes were individual experts in the scribal art not belonging to the clans of scribes. However, the calligraphic unity of the scribal hands and a tendency toward standardization of the formulas shows that the education and work of the scribes was coordinated, probably by the clan of the royal scribe ApalSin.

Among the *dramatis personae* whom we encounter in the archive are IthiTešub, king of Arraphe, and nine princes. Of these the by far most important are HišmiTešub and his son ŠilwiTešub. The latter is usually represented by stewards (*šakin bīti*, *šaknu*, Hurr. *šellintannu*). One of them was an adopted son of a debtor, Hašuar son of Šimigari, another, PaiTešub, was the son of the prince by a slave-girl. The stewards also could act on their own.

The amount of the expenditures of grain in the economy of ŠilwiTešub and the number of his men is comparable to those in the extended family communes (e.g., that of TukkiTilla - cf. H IX 43 and PAS 1, 3). The clan of ApalSīn, judging from the number of his grand- and great-grandsons who were scribes and acted simultaneously, must have included not less than two hundred members.

(A minimum ratio of women and children to the number of working males is presumed). Of the same order of magnitude was the village of Maršaili, the father of ŠehalTešub the scribe and Duldugga the interpreter. But the incomes of these economies differed considerably.

The scribes and interpreters did not belong to the well-to-do citizens of Arraphe. This is shown by the fact that the commune of Maršaili had systematically to recur to collective loans of grain; individual members also borrowed grain for interest and with mutual communal guarantee. Indenture is a unique occurrence. This is the case of the scribe Šilahi son of ŠilwiTešub (a name-sake of the prince). Also unique is the self-pledging of a scribe, as in the case of Attilammu who was a non-resident alien (*hapīru*). Such forms of guarantee for loans, which are evidence of considerable differences in the living standard of scribes, are characteristic of the scribes living outside of the big clans.

Grain rations to scribes in the princes' economy, just as was the case in the palace, were minimal: 1 *qu* (ca. 0,75 l) per day, 30 *qu* per month, 20 *qu* in war-time. Wool for clothing was dealt out once a year. These rations were not calculated for maintaining the scribes' families. The scribes working for the palace belonged to the category of "palace slaves", but such were not numerous. In the country as a whole predominant were the independent town scribes, who also constituted the majority of the scribes working for the princes. It seems that the scribes had to serve by turns in the places where court was held, as e.g. in the city gates, where they appear together with a physician, a shepherd and a carpenter. Four of the scribes - brothers, from the clan of ApalSīn, served their turn as judges (JEN 155). But in contradistinction to the weavers, the potters and the trade agents, who worked for the market, the scribes had no 'tower' (*dīmtu*) of their own; ownership of a tower was a question of prestige.

The term for "interpreter" in Arraphe was different from the usual Akkadian one: instead of *targumannu* we encounter the form *targumazu/zi*. This can be explained from Hurrian: the suffix *-annu* was equivalent to Hurr. *-anni*, a suffix used, *inter alia*, for a profession. Here it is replaced by another Hurrian suffix, **-zzi* (Akkadized *-zu*), expressing an inherent property (cf. *aštuzzi* "feminine"). Actually, the *targumazi* in Arraphe are too numerous to be regarded as professional interpreters; they are rather men who are bilingual and *able* to act as interpreters when needed. In one case we learn that an interpreter belonged to the same family as a scribe. The scribes in Arraphe were bilingual by definition, since they wrote in Akkadian for a Hurrian speaking population. A foreigner (*ubaru*) was assigned as interpreter (HA XXIII 55:5). Two army interpreters are mentioned together with 9 physicians and 3 singers (*nuāru*, here probably incantation priests). They are called *targumazu etennu*, probably not

"individual" interpreters – thus CAD and AHW – but "chief interpreters" (in H XV 52,71). The interpreters are mentioned among the servants of the royal following but not listed by name individually. A total mobilization of people able to serve as interpreters revealed 33 such persons among the household (*nišē bīti*) and 25 among the palace slaves (H XV 64). The interpreters were assigned to officers and charioteers for personal service (H XV 311 et al.).

Except for the texts mentioned above, the *nuāru* constitute a separate group belonging to the harem. Most of the singers are women (*nuārātu*), including Mitanni and Akkadians. In contradistinction to some of the scribes and interpreters they belong to the household (*nišē bīti*), not to the palace slaves.

M. A. Dandamayev

THE NEO-BABYLONIAN *URĀŠU*

Not one of the meanings suggested by Assyriologists for the word *urāšu* fits the Neo-Babylonian texts. It seems that *urāšu* designated shift services for the fulfilment of state and community obligations (the construction and maintenance of irrigation works, roads, and the like). The shift workers enlisted for these services were called *LÚ urāšu*. Usually rich people paid off their state and communal duties in money, hiring other persons.

THE PHOENICIAN CULT OF THE MALE 'ATTAR
IN GRAECO-ROMAN HISTORIOGRAPHY

Analysed are the texts Macrobi., Saturn. 3,8,2-3; Hesych. s.v. Aphroditus; Catull., 68,51; Sud., s.v. Aphrodite; Lyd., De Mens.4,14; Schol.B (L), Hom. 11.,2,820.

The Cyprian Aphrodite (of the 3 originally Phoenician - Amathūs) is thought to have been masculinized, reflecting in her image one of the pre-Greek goddesses who either had an unimportant male spouse, or united in herself the female and male essences. This deity is probably 'Attar.

From Philo of Byblus (as retold by Eusebius, Praep. ev.1,10,31) we know of a Phoenician deity called Zeus Demarūs (an identification with the god Adōd with the help of Gruppe's emendation is unnecessary). The author regards the name Demarūs as Phoenician, etymologized from *dmr* 'to destroy', which can be regarded as semantically parallel to *ʿz* 'destroy, be awful', used as a constant epithet of the god *ʿtr* in Ugarit. Being the son of Uranus and father of Heracles/Melqart by Asteria ("wife of 'Attar" according to Herodian.5,5,4, she was identical with the Carthaginian Urania, i.e. Tinnit); Demarūs is probably identical with the Ugaritic 'Attar.

Some additional arguments are brought in favor of the hypothesis stated above.

Yu. B. Tsirkin

THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF CARTHAGE

The history of Carthage can be subdivided into four stages:

I. From the foundation to the beginning of the 7th century B.C. Carthage was a usual Phoenician colony, economically mainly an intermediary in trade; there was no agriculture, and the handicrafts were poorly developed. It was unique only in that it was not founded by the Tyrus polity as such and was not included in the Tyrian empire. Carthage was founded as a monarchy, but after the death of Elissa it was probably organized on republican lines.

II. From the early 7th century B.C. the ties with the metropolitan Phoenicia were weakened because of the Assyrian conquest, and Carthage overtook the role of Ty-

rus in the contacts with other countries of the Mediterranean. A number of citizens of Tyrus might have migrated to Carthage, where old Canaanite traditions were being revived; the territory was extended, the city received its own *chora*, and agriculture including cultivation of olives and grapes, flourished. Carthaginian handicrafts and arts were being developed. Carthage started founding its own colonies, and at last a Carthaginian empire, embracing all the former Phoenician colonies in the Western Mediterranean and a number of indigenous territories, was created.

To this period belongs the formation of the characteristic socio-political system of Carthage - a "pyramid", at the top of which was the Carthaginian aristocracy, the upper part of the "people of Carthage", with slaves and other dependant groups of the population at the bottom. The slaves were used in different economical fields, also to an important degree in agriculture (cf. Var. de r.r., 1, 17, 3-7), but also in mining and in building projects. Between the two extremes were placed the *metoeci*, the "Sidonian men" and other groups of diminished rights, including the inhabitants of the conquered territories. The citizens of Carthage themselves were subdivided into "the mighty" and "the little ones", or "the plebs". However both groups were in an antagonistic relation to the rest of the dependant population.

Community property constituted the material base of the body political. This property appears in two forms: collective ownership (e.g., arsenals, docks etc.), and private ownership (land, handicraft shops, merchant shops).

The constitution, which received its final form after the fall of the Magonids, was republican. The supreme power and sovereignty was, as a matter of principle, vested in the popular assembly. The magistrates were elected, although only from aristocratic families. The army was mainly hired, but the citizens were not quite free from the obligation of military service. In fact, the Carthaginian community was what it is usual to term a *polis*.

III. The formation of the *polis* system in Carthage coincided in time with the formation of the Carthaginian empire. Thus, the second stage of the Carthaginian history corresponds to the period from the first half of the 7th to the middle of the 5th century B.C.

Greek influence starts with the 4th century B.C. Three directions of cultural development can now be traced in Carthage: the Graeco-Punic, the Greek (with only formal retention of Punic forms), and the traditional. The Greek cult of Demeter and Cora were introduced, and the cult of Dionysus influenced strongly the Phoenician cult of Shadrappa, resulting at last in their syncretism.

Greek influence is also felt in art, in philosophy, in the creation of historiography, theoretical agronomy etc. The reason for the popularity of Greek cultural forms lies in the fact that they were well suited to the *polis* socio-political structure. However, the scope of this influence should not be overrated. For the third stage of Carthaginian history a coexistence of two cultures is typical, the first (traditional) oriented towards the aristocracy, the second more towards the plebs.

After the I Punic war Carthage was going through a serious socio-political crisis which led to a certain democratization inside the traditional political institutions. The defeat of Carthage in the II Punic war, in spite of Hannibal's strategic genius, was partly due to military reasons (too long communications), but chiefly to the contradictory social development, encompassing also the ruling aristocracy.

IV. The last period began after the defeat of Carthage in the II Punic war. Carthage lost its empire. The possibilities of exploitation of the non-Carthaginian population fell to a minimum. Big groups of dependant and half-dependant population escaped the control of the Carthaginian aristocracy. The Carthaginian community became a rank-and-file polis after having been the centre of an empire. This was bound to lead to a still more critical socio-political situation, the first signal being Hannibal's reforms of 195 B.C.; the political struggle of the 2nd century B.C. and the seizing of power by Hasdrubal can be viewed as an analogy to the "younger tyranny" in Greece. Having become a *polis*, Carthage had to go through the crisis of the *polis*. In Greece, this crisis was partly alleviated by the inclusion of the Hellenic city-states into the Hellenistic system. In Carthage it led to the fall of the republic and to the rise of the Roman empire.

Carthage is a society Oriental in its genesis but analogous to the Graeco-Roman in its development. Therein lies the especial interest of Carthaginian history.

J.P. Weinberg

MAN IN THE WORLD PICTURE OF THE CHRONIST. HIS MENTALITY

The mentality of contemporary man is a difficult enough field for study, but the mentality of man in former times is a still more difficult field. However, the task is not hopeless, and the mentality of ancient man can

be studied through the products of his activity, first and foremost through the language.

The present paper is devoted to a lexico-statistical analysis of words in the OT, relating to the sphere of human mentality (cf. table in the text), with special reference to the Books of Chronicles.

The degree of the reflection of mental phenomena in the texts depends greatly upon the genre of the text in question (the terminology in question is more detailed and is used more frequently in the emotionally coloured texts, such as the prophetic books, wisdom, etc., in the more matter-of-fact historical books the terminology in question is represented more scarcely and by a smaller number of terms, with a tendency to lower the amount of terms still further in the latter works).

Д. Н. МакКензи

НЕКОТОРЫЕ ИМЕНА ИЗ НИСЫ

В статье разбираются некоторые имена собственные из архива парфянской канцелярии Нисы, издаваемого В.А.Лившицем; предложены новые этимологии и исправлены некоторые старые.

Н. Симс-Уильямс

СОГДИЙСКОЕ *kw* И СЛАВЯНСКОЕ *къ*

Еще Э.Бенвенист указал на семантическую и синтаксическую связь согдийского предлога *kw* и славянского предлога *къ*; в то же время он отметил, что соответствие согдийского *kw* и индоиранского *kat*, фонетически оправданное, в семантическом и синтаксическом отношении менее надежно.

В 1969 г. Ф.Копечни предложил не связывать согд. *kw* и слав. *къ* с индоир. *kat*, а возводить оба слова независимо к общему источнику — и.е. **k^wu* "где".

В славянских языках такое наречие не встречается, поэтому его развитие в предлог должно относиться еще к дославянскому периоду; славянский материал, таким образом, не может ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу Копечного. Однако в согдийском наряду с предлогом *kw* существует и наречие *kw* "(там) где" (написание в обоих случаях *'k'w*, *'kw*, *k'w*, *kw*, *kw(w)*, *qw*), написание с начальным але-

фом скорее предполагает прототип **kuwa* (др.-инд. *kvā*, поздн. авест. *kva*).

Механизм перехода от значения "где" к значению "к" показан на примере употребления хотанского наречия *ku* "где, когда, если, поскольку, так что": "прийди где мой дом" > "прийди к моему дому".

V. N. Toporov

INDO-IRANICA: TOWARDS A CONNECTION
OF THE GRAMMATICAL AND THE MYTHO-RITUALISTIC

The article consists of two essays: (1) On the connection of Ind. *ṛtā-* 'cosmic order' and the conjunction Sogd. *rtū, rtū* 'and'; it is shown that the word denoting 'order' in the sense of 'conjunction and disjunction' (in ritual) can also denote conjunction (and disjunction) in grammar; (2) On the reconstruction of the Indo-Iranian **ka-* and **dhā-* texts. The author points out the possibility of reconstructing common Indo-Iranian poetic formulas, at least for short texts, or actually "joins" which are used to fit together larger textual compositions. The **ka-* & *dhā-* texts are determined (a) by an institutionalized syntactical scheme of the type "who & set (created) & object", and (b), by their appertaining to creation myths, i.e. to the nucleus of cosmogonical and anthropological myths, used and actualized mainly in the rituals of the yearly cycle. The author analyses one Indian text (Atharvaveda X,2) and one Iranian text (Yasna 44); it is stipulated that the reconstructed Indo-Iranian text need not be *genetically connected* with the two written texts in question. The author notes that not only the elements *ka-* and *dhā-* themselves, but also the objects of *dhā-* are common.

The heuristic importance of such reconstructions lies in their anti-empirical character. The base for the reconstruction appears to be not so much a concrete text, but a "cross-textual" text, derived from a number of concrete texts; it is a typical text, which is reflected in more than one concrete text, and hence is more reliable and controllable. A text of this kind appears as multilaterally motivated, viz. by the structure of the morphologo-syntactical scheme, as well as by the semantic grid of the whole, with a clear-cut lexical filling of the individual links, by genre characteristics, and, last but not least, by its ties with the sphere of mytho-ritualistic realia.

T. Ja. Elizarenkova

ON THE ART OF THE VEDIC ṚṢI

The article is devoted to certain poetical devices of the ṛṣi's who created the hymns of the four Vedic *samhitās*. Along with archaisms, the author points out a manifold poetic experimentation, especially such as withdraws the mythological action from any temporal limitations. Here belongs a wide use of injunctives with their "memorative" function, lying outside of the temporal system, lists of mythological happenings in no way temporally correlated, epithets where it is often difficult to keep apart the attributive and the predicative functions, etc. Here lies also the nucleus of the future differentiation of the "verbal" and the "nominal" style, the latter having later experienced a profuse growth in Indian philosophical literature.

*G. M. Bongard-Levin
and M. I. Vorobyeva-Desyatovskaya*

A NEW TEXT OF THE FRAGMENT OF THE SANSKRIT
"SUMUKHĀ-DHĀRANĪ"

A new variant of a fragment of the Sanskrit *Sumukhā-Dhāranī* from Central Asia is published, the first variant of the same having earlier been published by the authors and E. N. Tyomkin in IIJ, X, 2-3 (1967). The new variant allows to get a better understanding of the text, which is published along with its Saka translation.

I. M. Steblin-Kamenskij

AFANASIJ NIKITIN IN INDIA

The author interprets certain Oriental glosses in Afanasij Nikitin's 'Wandering Beyond Three Seas', viz. *kozi* 'Cocos nucifera'; *tatna* 'Caryota urens L.', or 'Borassus flabelliformis' (cf. Engl. *toddy*), *tava* 'dhow'. The 'Wandering' is concluded by a prayer: it has thought that the text is 'a mixture of Persian, Arabic and Turkish, or 'a macaronic Oriental'. Actually it is the enumera-

tion of Allah's names (*al-asmā' al-ḥusnā*). Of the 99 names Afanasij Nikitin lists all the names after *bismi'llāh ar-raḥmān ar-raḥīm* and down to the thirty-fourth name, without serious mistakes in Arabic.

E. E. Kuzmina

ON SOME ARCHAEOLOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM
OF INDO-IRANIAN ORIGINS

The author has collected comprehensive data on domestication of the horse and cattle and on funeral and other rituals from many dozens of sites belonging to the different cultures of the Eurasian steppes dating from the 4th – late 2nd millennium B.C. The author's conclusions are:

I. That the different cultures in question are genetically connected; there are symptoms of cultural influences from the West and partly over the Caucasus but none from the Ancient Near East or Iran;

II. The horse was domesticated in the Eastern European steppes not later than the 4th millennium B.C.; four-wheeled and two-wheeled heavy chariots appear early, but no warrior-riders are in evidence until the late 2nd millennium. The camel (Bactrianus) was domesticated in Central Asia at a date considerably earlier than the dromedary in the Near East;

III. The rituals and the peculiarities of horse breeding and horse- and camel-drawn vehicles correspond to the common Indo-Iranian terminology, especially in the Andronovo culture of Central Asia (2nd – earliest 1st millennium B.C.). There is evidence of intrusions of the Andronovo culture into Eastern Iran and Afghanistan, but no evidence of intrusions in the opposite direction; this is also shown by data of physical anthropology.

Thus the population of the Eastern European steppes was Indo-European beginning with the 4th millennium B.C.; it moved eastward creating the Asiatic steppe Andronovo culture, which, in the author's opinion, belonged certainly to the Indo-Iranians.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>И.М.Дьяконов.</i> О гетерогрaфии и ее месте в истории развития письма (Месопотамия и Иран)	4
<i>И.Т.Качева.</i> Заметки по шумерской грамматике. II	19
<i>В.А.Якобсон.</i> Заметки о судебном процессе в Ларсе Старовавилонского периода	24
<i>Н.Б.Янковская.</i> Писцы, переводчики, певчие хурритской Аррапки (XV—XIV вв. до н.э.)	37
<i>М.А.Дандамаев.</i> Нововавилонский термин <i>uṛāšu</i>	65
<i>И.Ш.Шифман.</i> Отражение финикийского культа <i>С_Астара</i> в античной историографии	80
<i>Ю.Б.Циркин.</i> Исторический путь Карфагена	82
<i>И.П.Вейнберг.</i> Человек в хронистской картине мира: его психика	91
<i>D.N.MacKenzie.</i> Some Names from Nisa	105
<i>N.Sims-Williams.</i> Sogdian <i>kw</i> and Slavonic <i>ky</i>	110
<i>В.Н.Топоров.</i> Indo-Iranica: к связи грамматического и мифоритуального	121
<i>Т.Я.Елизаренкова.</i> Об искусстве ведийских риши	141
<i>Г.М.Бонгард-Левин, М.И.Воробьева-Десятовская.</i> Новый текст фрагмента санскритской "Сумукха-дхарани"	156
<i>И.М.Стеблин-Каменский.</i> Афанасий Никитин в Индии	160
<i>Е.Е.Кузьмина.</i> О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев	169
Список сокращений	229
Summaries	233

CONTENTS

<i>I.M.Diakonoff</i> . On Heterography and its Place in the History of Writing	4
<i>I.T.Kaneva</i> . Notes on Sumerian Grammar II	19
<i>V.A.Jakobson</i> . Notes on Court Procedure in Larsa of the OB Period	24
<i>N.B.Jankowska</i> . Scribes and Interpreters at Arraphe	37
<i>M.A.Dandamayev</i> . The Neo-Babylonian <u>urāšu</u>	65
<i>I.Sh.Shiffman</i> . The Phoenician Cult of the Male 'Attar in Graeco-Roman Historiography	80
<i>Yu.B.Tsirkin</i> . The Historical Development of Carthage	83
<i>J.P.Weinberg</i> . Man in the World Picture of the Chronist. His Mentality	91
<i>D.N.Mackenzie</i> . Some Names from Nisa	105
<i>N.Sims-Williams</i> . Sogdian <u>kw</u> and Slavonic <u>kŭ</u>	116
<i>V.N.Toporov</i> . Indo-Iranica: Towards a Connection of the Grammatical and the Mytho-Ritualistic	122
<i>T.Ja.Elizarenkova</i> . On the Art of the Vedic ṛṣi	147
<i>G.M.Bongard-Levin</i> and <i>M.I.Vorobyeva-Desyatovskaya</i> . A New Text of the Fragment of the Sanscrit "Samukha-Dharani"	156
<i>I.M.Steblyn-Kamenskij</i> . Afanasij Nikitin in India	160
<i>E.E.Kuzmina</i> . On Some Archaeological Aspects of the Problem of Indo-Iranian Origins	169
List of abbreviations	229
Summaries	233

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

IV

Древняя и средневековая история и филология
стран Переднего и Среднего Востока

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *В.В.Валгина*
Младший редактор *Н.О.Хотинская*
Художник *И.Д.Бритвенко*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технические редакторы *Э.С.Теплякова, Е.Б.Дружкова*
Корректор *Б.Г.Выгасина*

ИБ №15428

Сдано в набор 31.01.86
Подписано к печати 12.11.86
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Усл. п.л. 15,75. Усл.кр.-отт. 15,75
Уч.-изд.л. 18,85. Тираж 1850 экз. Изд. № 6009
Зак. № 410. Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии №3
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ:

Древний Восток: Этнокультурные связи: Сборник статей. 25 л.

Статьи известных советских историков, лингвистов, археологов посвящены важной проблеме этнокультурных связей народов древнего Востока и окружающего мира. На основе анализа огромного фактического материала авторы рассматривают вопросы о прародине индоевропейцев, о времени существования и характере протодравидской общности, об этнокультурных связях сино-тибетских народов и т.д.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и "Академкниги", а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин №3 ("Книга-почтой") "Академкниги".

